

МИСТИКА

АНТОЛОГИЯ

Ким Ньюман, Нил Гейман, Клайв Баркер,
Мэнли Уэйд Веллман
и многие другие

ЛУЧШЕЕ

МИСТИКА

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
Издательская Группа «Азбука-классика»
2010

УДК 82/89
ББК 84.7 США
М 65

Dark Detectives
Adventures of the Supernatural Sleuths
Edited by Stephen Jones
This collection copyright © 1999 by Stephen Jones
All rights reserved

Публикуется с разрешения редактора через Dorian Literary
Agency (Великобритания) и Агентство Александра
Корженевского (Россия)

Перевод с английского
Ольги Александровой, Елены Ластовцевой, Веры
Полищук, Ольги Полухиной, Илоны Русаковой

Оформление Александра Золотухина

М 65 Мистика: Антология / Пер. с англ. О. Александровой, Е. Ластовцевой, В. Полищук и др. — СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 512 с. ISBN 978-5-9985-0770-0

Новая антология — это истинно потрясающая коллекция произведений детективного жанра, главными героями которых стали одни из величайших литературных сыщиков, когда-либо сталкивавшихся со сверхъестественным в своем практическом опыте. Томас Карнаки Уильяма Хоуна Ходжсона, Джон Танстоун Мэнли Уэйда Веллмана, Солар Понс Бэзила Коптера — все они противостоят силам Тьмы; все они вторгаются в запретные области человеческой психики, исследуют паранормальные явления, пытаются постичь природу Зла, чтобы освободить мир от всего, что наводит ужас.

Настоящим шедевром антологии стала повесть Кима Ньюмана, написанная специально для этого издания и впервые выходящая на русском языке.

УДК 82/89
ББК 84.7 США

© О. Александрова, Е. Ластовцева,
В. Полищук, О. Полухина, И. Русакова,
перевод, 2010
© Издательская Группа «Азбука-классика»,
2010

ISBN 978-5-9985-0770-0

Пролог

СЕРИЙНЫЕ СЫЩИКИ

Паранормальные детективы. Борцы с призраками. Укротители привидений. Называйте их, как вам угодно; ибо уже больше ста пятидесяти лет эти вымышленные сыщики исследуют странное, причудливое и ужасное, защищая мир от сил Тьмы и Зла.

Общепринято, что современный детектив начался с «Убийства на улице Морг» Эдгара Аллана По (1841), где автор вывел детектива Огюста Дюпена, раскрывающего странное убийство благодаря логической дедукции. Именно эта его особенность оказала наибольшее влияние на Артура Конан Дойла, когда тот создавал свой «Эюд в багровых тонах», впервые опубликованный в рождественском ежегоднике «Beeton's Christmas Annual» за 1887 год. На протяжении четырех лет рассказы про Шерлока Холмса обрели невероятную популярность в результате того, что их частями печатали в журнале «The Strand», и эксцентричный сыщик-консультант и его верный друг и коллега доктор Джон Ватсон не только соприкоснулись со сверхъестественным в классической повести «Собака Баскервилей» (The Hound of the Baskervilles, 1901–1902) и таких более поздних рассказах, как «Человек на четвереньках» (The Adventure of the Creeping Man, 1923) и «Вампир в Суссексе» (The Adventure of the Sussex Vampire, 1924), но их автор стал также творцом прославленной формулы, под влиянием которой впоследствии будет создаваться большая часть героев-детективов и их помощников.

Один из первых рассказов о паранормальном сыщике увидел свет в рождественском номере «London Journal» за 1866 год: «Сыщик по делам призраков» (The Ghost Detective), автор Марк Лемон, учредитель и первый редактор сатирического журнала «Панч» (Punch). Писатель Дж. Шеридан де Фану создал немецкого «целителя разума» доктора Мартина Хесселиуса, специалиста по душев-

ным и телесным недугам, напечатав рассказы о нем в «В зеркале отуманенном» (*In a Glass Darkly*, 1872), в то время как русский детектив принц Залески из одноименной повести М. П. Шила использовал логику, чтобы раскрывать преступления, не покидая своего готического замка.

Рассказы о подвигах охотника за призраками мистера Джона Белла, «лучшего специалиста по тайпам», впервые появились в «*Cassell's Family Magazine*» в 1897 году, а в следующем году Л. Т. Мид и Роберт Юстас издали сборник «Специалист по тайпам» (*A Master of Mysteries*). Хотя соавторы, мать и сын Кейт и Хескет Причард, начали сочинять рассказы о Флакسمане Лоу в 1896 году, в «*Pearsons Magazine*» они увидели свет лишь двумя годами позже, подписанные «Е. и Х. Герон». Предполагалось, что Флаксман Лоу — вымышленное имя ведущего психолога того времени, расследующего всякие сверхъестественные случаи. За 1898—1899 годы в «*Pearsons*» было опубликовано двенадцать рассказов, включая «Историю поместья Бэлброу» (*The Story of Baelbrow*), где исследователь темных сил сражается с ожившей мумией. Напечатанные в виде сборника с незамысловатым названием «Призраки» (*Ghosts*) в 1899 году, эти двенадцать рассказов были переизданы в 1993 году в сборнике «Истории призраков» (*The Ghost Story Press*) под заголовком «Флаксман Лоу, паранормальный детектив» (*Flaxman Low, Psychic Detective*).

Между 1830 и 1837 годами в «*Edinburgh Magazine*» Блэквуда печаталась серия, названная «Отрывки из дневника покойного врача» (*Passages from the Diary of a Late Physician*), в которой безымянный доктор сталкивается с физическими и психическими заболеваниями, граничащими с чем-то сверхъестественным. Когда издатель был вынужден обратиться в суд, чтобы защитить свои авторские права, выяснилось, что автором этой успешной серии был Сэмюэль Уоррен.

Дайсон, персонаж Артура Мейчена, впервые столкнулся со сверхъестественным в «Сокровенном свете» (*The Innermost Light*, 1894), прежде чем этот же герой вновь обнаружился в цикле рассказов 1895 года «Три самозванца» (*The Three Impostors*) и вновь — в «Сияющей пирамиде» (*The Shining Pyramid*, 1925). Писатель Роберт У. Чамберс, хотя и известен больше как автор «Короля в желтом» (*The King in Yellow*, 1895), породил на свет также Уэстрела Кина, использующего научные методы для розыска пропавших людей в серии рассказов, появившихся в «*The*

Idler» в 1906 году. В том же году эти рассказы были собраны под одной обложкой, объединенные общим названием «Агент по розыску пропавших людей» (The Tracer of Lost Persons).

В 1908 году был опубликован сборник Алджернона Блэквуда и, благодаря проведенной издателем мощной рекламной кампании, быстро стал бестселлером. Блэквуд основывал истории о докторе Сайленсе, необыкновенном целителе, на собственном опыте путешественника по Европе в начале XX века. Обычно истории были представлены в форме записей, сделанных партнером доктора Сайленса, мистером Хаббардом. Среди самых известных из них — «Древние чары» (Ancient Sorceries), «Психическая атака» (A Psychological Invasion) и рассказ про оборотня «Собачье логово» (The Camp of the Dog). Несмотря на феноменальный успех книги, Блэквуд опубликовал всего лишь еще один рассказ про Джона Сайленса — «Жертва высоты» (A Victim of Higher Space), вышедший в декабре 1914 года в «The Occult Review»; он был написан ранее и не попал в книгу потому, что автор считал его не слишком удачным.

Во «Вратах для монстра» (The Gateway of the Monster, «Idler», январь 1910) Уильям Хоуп Ходжсон представляет читателям Томаса Карнаки, который использует сочетание науки и магии, чтобы победить сверхъестественное. В том же направлении, что Джон Сайленс, действует еще один паранормальный психолог, доктор Ксавье Уичерли, Исцелитель умов, австралиец Макса Риттенберга. Всего было опубликовано восемнадцать рассказов, начиная с «Человека, который жил снова» (The Man Who Lived Again, «London Magazine», февраль 1911), и лучшие из них позднее вошли в сборник «Читающий мысли» (The Mind-Reader, 1913).

Явно созданный по образу и подобию Шерлока Холмса, детектив Эйлер Вэнс обладает даром ясновидения, у него есть кабинет на Пиккадилли в Лондоне и верный помощник не только в литературном деле, по имени Декстер. Восемь рассказов, написанных Элис и Клодом Эскью, появились в «The Weekly Tale-Teller» в 1914 году и были позднее объединены в сборник «Эйлер Вэнс: видящий духов» (Aylmer Vance: Ghost-Seer, 1913) издательства «Ash-Tree Press». Пожалуй, более занимательным героем стал антиквар Морис Кло, Спящий Сыщик, созданный Саксом Ромером¹. Кло раскрывает дела, с которыми к нему об-

¹ Сакс Ромер — псевдоним Артура Саркфилла Уорда.

рашаются, засыная на месте преступления и впитывая в себя нематериальные вибрации. Первый рассказ вышел в 1913 году, но в виде книги — «Спящий детектив» (The Dream Detective) — они появились лишь семью годами позже. Похожим талантом наделен и Голфри Ашер, персонаж Германа Ландона, который консультирует полицию и настраивается на вибрации на месте преступления в серии рассказов, появившихся в «Detective Story Magazine» в 1918 году.

В этот период паранормальные детективы во множестве заполняют дешевую еженедельную и ежемесячную периодику. Среди них гипнотизер Милапп (из книг Бертрама Аткея); Космо Тоу, персонаж, созданный Мори Дальтон; Нортон Вайз, медиум из рассказов Роуз Чемпион де Креспитчи; доктор Дин Дугласа Ньютона, рассказы о котором публиковались в «Cassell's Magazine»; и его же Пол Тофт в «Pearson's Magazine»; и Барнабас Хилдрст, придуманный Винсентом Корпером, который, возможно, был бессмертным древнеегипетским жрецом.

Вероятно, первой жешпилой — паранормальной сыщицей стала Шейла Крерар, сражавшаяся с призраками и оборотнями в серии рассказов в «The Blue Magazine» в 1920 году, создавшая Эллой Скраймсор. Профессор Арнольд Раймер Эля (Сэмюэля) Кея — «специалист по привидениям», противостоит попыткам Германии использовать потусторонние силы против Британии в Первой мировой войне. Пять рассказов были собраны в книгу «Сломанный клык» (The Broken Fang, 1920). Охотник за привидениями Эллиот О'Доннелл вспоминает реальные истории из собственного опыта в серии рассказов про Дэймона Вэнса, появившихся в «The Novel Magazine» в 1922 году.

Как и Алджернон Блэквуд, Дион Форчун¹ тоже была членом Герметического Ордена «Золотая Заря», одного из многих мистических течений, возникших в конце Викторианской эпохи, а позднее она основала собственную Общину Внутреннего Света. Используя свой опыт медиума и знание оккультизма, Форчун создала образ доктора Тэвернера, психолога, который содержит частную клинику и расследует сверхъестественные случаи с помощью своего помощника и биографа доктора Родса. Форчун всячески намекала, что у ее героя есть реальный прототип, и это, скорее всего, МакГрегор Мазерс, один из основателей Ордена

¹ Дион Форчун — псевдоним Вайолет Мэри Фёрт.

«Золотая Заря». Некоторые из этих рассказов впервые появились в «Royal Magazine», а позднее были собраны в книгу «Секреты доктора Тэвернера» (The Secrets of Dr. Taverner), опубликованную в 1926 году.

В 1925 году Сибири Куин создал героя по имени Жюль де Гранден, французского детектива, живущего в Нью-Джерси, который распутывает фантастические дела с помощью врача графства, Сэмюэля Тробрайда. Куин, издатель журпала для владельцев похоронных бюро, боролся за новые идеи в литературе, и Фарнсуорт Райт, редактор «Weird Tales», предложил ему сделать щеголеватого детектива главным героем серии рассказов. Первый, «Ужас на поле для гольфа» (The Horror on the Links), был напечатан в октябрьском выпуске «Weird Tales» за 1925 год, и на протяжении последующих двадцати шести лет Куин написал девяносто три рассказа про Грандена и Тробрайда, многим из которых читатели дешевого журнальчика голосованием присуждали первые места. Впоследствии автор отобрал и переработал десять наиболее популярных приключений для изданного «Muscroft & Moran» в 1966 году сборника «Сражающийся с призраками» (The Phantom-Fighter).

Виктор Руссо придумал своего доктора Мартинуса для конструирующего бульварного журнала «Ghost Stories», представив читателям исследователя сверхъестественного — Мартинуса, датчанина, живущего в Нью-Йорке, и его помощника Юджина Бранскомба в рассказе «Кто — дитя или демон?» (Child or Demon — Which?), включенном в октябрьский выпуск 1926 года. Одновременно с этой серией Руссо также живописует подвиги доктора Бродски, Хирурга Душ, в «Weird Tales». В «Strange Tales» сочинитель приключенческих рассказов Гордон МакКрег опубликовал две истории про доктора Мунсига — Изгоняющего бесов, где описал его противостояние с отвратительным демоном. Несколько пожилее был созданный Генри А. Херингом мистер Псишс из конторы «Псишс и К^о. — Поставщик духов и призраков, Архипелаг-стрит, Сохо», который появился в 1927 году в первом рассказе серии в журнале «Windsor».

Десять историй про паранормальных детективов, где действуют оккультный сыщик Фрэнсис Чард со своим помощником Торрансом, написанные А. М. Барриджем, появлялись на страницах каждого выпуска «Blue Magazine» за 1927 год. Эти истории были собраны издателем Джеком Адрианом в книге «Оккульт-

ные дела Фрэнсиса Чарда: Несколько историй о призраках» в 1996 году. В это же издание вошли и два ранних рассказа Барриджа, где фигурирует герой по имени Дерек Скарп, «человек, чьим хобби были дома с привидениями», впервые опубликованные в июньском и июльском выпусках «*Novel Magazine*» за 1920 год.

После того как в 1927 году Конан Дойл опубликовал последние рассказы о Шерлоке Холмсе, молодой писатель из Висконсина Огюст Дерлет написал автору, прося разрешения продолжить серию. Когда его просьба была отклонена, Дерлет все равно не сдался и создал Солара Понса, чьим Ватсоном стал доктор Линдон Паркер. Персонажи впервые появились в «Приключении Черного Нарцисса» (*The Adventure of the Black Narcissus*), напечатанном в «*Dragnet*» (февраль 1929), и до своей смерти в 1971 году Дерлет успел завершить шестьдесят восемь рассказов про Понса. Впоследствии серию продолжил Бэзил Кошнер, а издательство «*Mystic & Morgan*» в 1998 году вновь начало печатать «Последние приключения Солара Понса» (*The Final Adventures of Solar Pons*), представляющие собой подборку из романа и шести ранних рассказов, написанных самим Дерлетом.

Грегори Джордж Гордон, бывший полицейский, ставший частным детективом по прозвищу Джиз, появился в серии небольших рассказов, написанных английским автором Джеком Манном¹. После дебюта в не имевшем никакого отношения к сверхъестественному рассказе «Первое дело Джиза» (*Gees' First Case*, 1936) герой сталкивался с оборотнями, древними магами и даже египетской богиней с головой кошки, прежде чем оказывается втянутым в историю с ведьмой в последнем рассказе «Смерть — ее ремесло» (*Her Ways Are Death*, 1940).

На протяжении 1930-х годов многие персонажи дешевых журналов — такие как Тень Максвелла Гранта, Паук Гранта Стокбриджа, доктор Ярослав Кепнета Робсона, доктор Смерть Зорро² и доктор Дьявол Пола Эрнста — сочетали в себе черты паранормальных детективов с признаками супергероев или злодеев из комиксов. Разошедшиеся по всему свету истории Гордона Хиллмана про Краншо были более традиционны и на протяжении десяти лет появлялись в «*Ghost Stories*». Однако публика начинала

¹ *Джек Манн* — псевдоним Е. Чарльза Вивьена.

² *Зорро* — псевдоним Гарольда Варда.

терять интерес к историям о сверхъестественном, потрясенная реальными ужасами Второй мировой войны, и многие дешёвые журналы перестали существовать.

Одним из последних редутов литературы подобного рода оставался журнал «Weird Tales», где в январе 1938 года начали печатать новую вещь, вышедшую в трех частях, представив читателям оккультного сыщика судью Кейта Хилари Персиванта. Рассказ «И косматые будут скакать там» (The Hairy Ones Shall Dance) был написан Мэнли Уэйдом Веллманом под псевдонимом Ганс Т. Филд. Автор живописал приключения Персиванта еще в трех рассказах, включая рассказ «Наполовину одержимые» (Half-Haunted, «Weird Tales», сентябрь 1941), в котором герой забавно совещается с Жюлем де Грандепом и доктором Тробринджем Си-бери Куина.

Другой псевдоним, Хэмптон Уэллс, Веллман использовал для «Бессонницы» (Vigil), рассказа, вышедшего в декабрьском выпуске «Strange Tales» (1939). Это единственный рассказ Веллмана, где повествуется об ученом, исследующем сверхъестественное, профессоре Натане Эндерби и его слуге — китайце Куонге. Гораздо дольше продержался другой герой Веллмана, Джон Танстоун, пью-йоркский плеейбой, изучающий оккультные науки и сражающийся со Злом при помощи своей трости с вкладной серебряной шпагой. Он дебютировал в рассказе «Третий плач Легбы» (The Third Cry of Legba, «Weird Tales», ноябрь 1943) и до 1951 года появился еще в четырнадцати рассказах, также напечатанных в этом журнале. Веллман вновь вернулся к этому персонажу в 1980-х, написав еще одну повесть и несколько новелл.

Опять же в Британии Деннис Уитли создал Нейлза Орсона, «величайшего в мире паранормального сыщика», героя четырех рассказов, которые были опубликованы в сборнике «Бандиты, храбрые и привидения» (Gunmen, Gallants and Ghosts, 1943). Этот персонаж был списан с реального оккультиста Генри Дьюхерста, который, как говорили, в точности предсказал успех Уитли-писателя еще даже до того, как тот начал писать. Тем временем название рассказа «Квир-стрит, 7» (Number Seven Queer Street, 1945) Марджери Лоуренс означало адрес медиума доктора Майлза Пенноуэра, о чьих делах рассказывал его юный друг, обладающий оккультными способностями, адвокат Джером Латимер.

1950-е годы были не слишком добры к паранормальным сыщикам. Норман Парселл был вынужден сам издавать свой сборник

«Костелло, паранормальный сыщик» (Costello, Psychic Investigator, 1954) под псевдонимом Джон Николсон. Мэнли Уэйд Веллман продолжал поддерживать существование жанра своими историями про Джона — Певца Баллад, который странствует по горам Каролины и сражается с силами Зла при помощи гитары с серебряными струнами. Изначально опубликованные в «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», приключения Джона были в конце концов собраны в книге издательства «Arkham House» «Кому страшен дьявол?» (Who Fears the Devil?, 1963).

Эдвард Д. Хох представил своего, предположительно бессмертного, детектива Саймона Арка в рассказе «Деревня мертвецов» (Village of the Dead, «Famous Detective Stories», декабрь 1955). После этого Хох опубликовал около пятидесяти рассказов, в которых фигурировал Арк, многие из них вошли в сборники «Судьи Гадеса» (The Judges of Hades, 1971), «Латунный город» (City of Brass, 1971) и «Расследования Саймона Арка» (The Quest of Simon Ark, 1985).

Герой Джона Рэххема египтолог доктор К. Н. Вильсон впервые появился в декабрьском выпуске английского журнала «Science Fantasy» за 1960 год. На протяжении следующих двух лет за первым рассказом последовало еще три. Рон Гуларт представил читателям растяпу-детектива из викторианских времен — доктора Шампроуза из одноименного рассказа «Шампроуз» (Plumrose), напечатанного в июне 1963 года в «Fantastic Stories». В том же году появилось еще два рассказа, прежде чем автор переключился на комического ученого — сыщика Макса Кирни.

Долгожданное возрождение жанра пришло с выходом на сцену Люциуса Леффинга, героя Джозефа Пейна Бреннана. Леффинг — современный детектив, который живет в своем доме в Нью-Хейвене, в штате Коннектикут, в окружении викторианских вещей. Сам Бреннан — партнер и летописец Леффинга, и они впервые объединяются, чтобы разрешить загадку «Одержимой домохозяйки» (The Haunted Housewife) в зимнем выпуске принадлежащего автору небольшого журнала «Macabre» за 1962 год. На протяжении следующих пятнадцати лет рассказы про Леффинга появлялись в «Mike Shayne's Mystery Magazine» и «Alfred Hitchcock's Mystery Magazine» и были собраны в книги «Записные книжки Люциуса Леффинга» (The Casebook of Lucius Leffing, 1972) и «Отчеты Люциуса Леффинга» (The Chronicles of Lucius Leffing, 1977). Издатель Дональд М. Грайт в сотрудничестве с Бреннаном написал небольшой

рассказ «Дело Провидения» (Act of Providence, 1979) про Леффинга для участия во Всемирном конвенте фэнтези (World Fantasy Convention), а также сборник новых рассказов «Приключения Люциуса Леффинга» (The Adventures of Lucius Leffing), вышедший в 1990 году, в год смерти Бреннана.

Лорд Дарси Рэндала Гаррета обычно занимается самыми загадочными магическими тайнами. Дарси, живущий в альтернативном мире в Англии, является главным сыщиком при дворе доброго короля Джона, и ему помогает судейский маг Шон О'Лохлайнн. Серия про лорда Дарси состоит из романа «Слишком много волшебников» (Too Many Magicians, 1967) и двух сборников — «Убийство и Магия» (Murder and Magic, 1979) и «Лорд Дарси расследует» (Lord Darcy Investigates, 1981). После смерти Гаррета в 1987 году Майкл Курланд, ранее опубликовавший пару очень неплохих стилизаций под рассказы про Шерлока Холмса, продолжил серию еще двумя приключенческими историями — «Десять маленьких волшебников» (Ten Little Wizards, 1988) и «Школа волшебства» (A Study in Sorcery, 1989).

Развивая собственную версию прославленного мифа о Ктулху Г. Ф. Лавкрафта, Брайан Ламли познакомил читателей с оккультным детективом Титусом Кроу из «Подтверждающего доказательства» (An Item of Supporting Evidence) в летнем 1970 года выпуске «The Arkham Collector». Этот рассказ вместе с несколькими другими, героем которых был Кроу, вошли в первый сборник автора — «Вызывающий черноту» (The Caller of the Black, 1971), после чего этот персонаж объявился во многих других рассказах и сериях успешных новелл.

Рассказ Фрэнка Лауриа, без затей названный «Доктор Ориент» (Doctor Orient, 1970), представил читателям доктора Оуэна Ориента, врача и знатока паранормальных явлений, в своем развитии далеко опередившего остальных людей. Этот мастер телепатии, посвященный в темные тайны, вновь вернулся в рассказах «Рага Сикс» (Raga Six, 1972), «Леди Сатива» (Lady Sativa, 1973) и «Барон Оргаз» (Baron Orgaz, 1974). Запоздалым окончанием серии стали «Бумаги Сетха» (The Seth Papers, 1979), где за Ориентом охотятся разные государства и агенты неонацистского культа, желающие использовать его оккультный дар.

Френсис Сент-Клэр, называющий себя «единственным в мире практикующим паранормальным сыщиком», является детищем Р. Четвицда-Хейса. Этот консультирующий детектив и его секса-

пильная помощница Фредерика Мастерс впервые появились в рассказе «Кто-то мертвый» (Someone is Dead, «The Elemental», 1974) и после этого стали действующими лицами в более чем полудюжине рассказов и романе 1993 года «Паранормальный сыщик» (The Psychic Detective).

Стилизация кинодраматурга и режиссера Николаса Мејтера про Шерлока Холмса «Семипроцентный раствор» (The Seven Per-Sent Solution, 1974) стала бестселтером, и он продолжил «посмертные записки» великого сыщика в «Ужасе Уэст-Энда» (The West-End Horror, 1976) и «Учителе для канарейки» (The Canary Trainer, 1993), причем в последнем принимает участие знаменитый Призрак Парижской Оперы Гастона Леру. В следующем году эти два персонажа столкнулись снова, на этот раз в «Ангеле оперы» (The Angel of the Opera) Сэма Сицилиано. В «Псевдоре» (Nevermore) Уильяма Хьортсберга, также выпедшем в 1994 году, сэр Артур Конан Дойл и фокусник Гарри Гудини объединяются, чтобы разгадать серию странных убийств, совершенных по мотивам коротких рассказов Эдгара Аллана По.

В 1970-х Мэнли Уэйд Веллман вернулся к жанру паранормального детектива, написав немало историй про горца Ли Коббета, друга судьи Персиванта. Они выходили в журналах «Witchcraft & Sorcery» (№ 9, 1973), «Whispers» (июнь 1975) и сувенирном издании «Всемирного конвента фэнтези» за 1983 год, оба персонажа обнаружили в рассказе «Честель» (Chastel), включенном в сборник «Лучшие серийные рассказы ужасов за год» (The Year's Best Horror Stories Series, VII, 1979). Хол Страйкер, молодой бродяга, интересующийся оккультизмом, был еще одним из горцев — героев Веллмана. Он появлялся в трех рассказах, опубликованных в «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» (март 1978), «Whispers» (октябрь 1978) и «New Terrors-1» (1980).

Более современной вариацией на эту тему является Наладчик Джек Ф. Пола Уилсона, дебютировавший в повести «Могила» (The Tomb, 1981). У Джекса, добровольного изгоя, благодаря несовершенству законов современного общества нет ни удостоверения личности, ни номера социального страхования; он не платит налогов. Он подражается за плату «уладить» ситуации, которые не могут быть разрешены законными методами. Последующие повести и рассказы выходили в антологиях «Сталкеры» (Stalkers, 1989), «Всемирный конвент фэнтези» за 1990 год, «Холодная кровь» (Cold

Blood, 1991), «Тьма в сердце» (Dark At Heart, 1992) и «Ночные крики» (Night Screams, 1996), а также этот персонаж фигурирует еще в двух романах Уилсона — «Ночной мир» (Nightworld, 1992) и «Наследство» (Legacies, 1998).

Марк Сабат Гая Н. Смита — бывший священник, прошедший подготовку в парашютно-десантных частях особого назначения, киллер и экзорцист, чьей миссией является выследить и уничтожить своего смертельного врага, собственного брата, избравшего Неправильный Путь Зла. Герой был представлен читателям в романе «Сабат 1: Кладбищенские падальщики» (Sabat 1: The Graveyard Vultures, 1982), и автор продолжал эксплуатировать его в огуесе «2: Торговцы кровью» (2: The Blood Merchants, 1982), «3: Культ каннибалов» (3: Cannibal Cult, 1982) и «4: Друидская связь» (4: The Druid Connection, 1983). Первый рассказ про Сабата, «Деревня вампиров» (Vampire Village), появился в «Fantasy Tales-1» (1988), а однотомник «Омнибус Сабата» (The Sabat Omnibus) был опубликован в 1996 году.

Июльский выпуск итальянского журнала мистического фэнтези «Kadath» за 1982 год был полностью посвящен оккультным детективам. В нем были напечатаны не только новая повесть Мэпли Уэйда Веллмана про Джона Танстоуна и новый рассказ Брайана Ламли про Титуса Кроу, но состоялся также дебют двух новых серий о паранормальных сыщиках: «Происшествие в Дармэмни-Холле» (The Affair at Durmamnay Hall) Брайана Муни впервые явило миру Рубена Каллова и его помощника, католического священника Родерика Ши, в то время как Майк Чинн в рассказе «Мандат на право умереть» (The Death-Wish Mandate) представил читателям практически бессмертного авиатора Дэмиана Паладина и его делового партнера Ли Освила. Еще две повести про Паладина вышли в «Winter Chills-2» (1987) и «Fantasy Tales-11» (1987), после чего все три были переработаны и вместе с новыми историями включены в сборник «Поручения Паладина» (The Paladin Mandates, 1998).

Когда семью Дэна Брейди похищают сверхъестественные силы, он становится мстителем, врагом оккультизма. Роман «Ночной охотник 1: Выслеживание» (Nighthunter 1: The Stalking, 1983) был написан Робертом Холдстоком под псевдонимом Роберт Фолкон. Брейди продолжал свои странствия в поисках жены и детей и сражениях с темными силами, забывшими их, в «2: Талисман» (2: The Talisman, 1983), «3: Пляска призраков» (3: The Ghost

Dance, 1983), «4: Склеп» (4: The Shrine, 1984), «5: Колдовство» (5: The Hexing, 1984) и «6: Лабиринт» (6: The Labyrinth, 1987).

Придуманый австралийцем Риком Кеннетом мотоциклист Эр-ни Пайн расследует происшествие в облюбованной призраками деревне в «Дорогах Доннингтона» (The Roads of Donnington, в «The 20th Fontana Book of Great Ghost Stories», 1984), его дальнейшие встречи со сверхъестественным описаны в небольшом сборничке «Охотник на призраков поневоле» (The Reluctant Ghost-Hunter, 1991). Кеннет также обнаружил, что они с А. Ф. Киддом независимо друг от друга пишут новые истории про Карнаки, героя Уильяма Хоупа Ходжсона. Эти рассказы плюс еще один, написанный совместно, были со временем собраны в альманахе «Чейни-Уок, № 472» (№ 472 Cheyne Walk, 1992).

Ральф Тайлер Марка Валентайна исследует оккультные явления ради удовольствия. Впервые он сотрудничает с автором в «Могиле Эни» (The Grave of Ani, «Dark Dreams-1», 1984), а последующие рассказы вышли в небольшом сборнике в 1987 году под заголовком «Беллчамбер Тауэр, 14» (14 Bellchamber Tower). Валентайн создал также персонажа по имени Знаток, коллекционера всего странного и необычного, который дебютировал в выпуске «Dark Dreams» за 1990 год.

Гарри Д'Амур — детище автора фантастических бестселлеров Клайва Баркера. Бывалый сыщик в лучших традициях Раймонда Чандлера, Д'Амур впервые появляется в шестом томе «Книг крови» Клайва Баркера (Books of Blood, 1985) и рождественском выпуске «Time out» за 1986 год, и впоследствии мы встречаемся с ним в романах «Явление тайны» (The Great and Secret Show, 1989) и «Эвервилль» (Everville, 1994), прежде чем он станет героем фильма Баркера «Повелитель иллюзий» (Lord of Illusions, 1995).

Джеймс Герберт — еще один автор бестселлеров, решивший в своем романе 1988 года «У призраков в плену» (Haunted) попробовать себя в жанре паранормального детектива. Чем отличается его герой Дэвид Эш, так это своим знаменитым отрицанием всего сверхъестественного до тех пор, пока три ужасные ночи в доме, по общему мнению населенном привидениями, не заставляют его пересмотреть свои взгляды. «У призраков в плену» был экранизирован в 1995 году режиссером Люисом Гилбертом с Эйданом Куинном в роли Эша, и персонаж этот вновь появился в романе Герберта «Возвращение призраков» (The

Ghosts of Sleath, 1994), расследуя тайное прошлое одноименной деревеньки.

Пепелопет Петтивелер, норвежская охотница за призраками, — еще одна из редких женщин — паранормальных детективов, введенная Джессикой Амандой Салмонсон в сборнике «Безобидные привидения» (Harmless Ghosts, 1990). Впоследствии писательница вновь вернулась к этой сыщице — любительнице сочинять письма — в одной из частей книги «Таинственный рок и другие истории о призраках Тихоокеанского Северо-Запада» (The Mysterious Doom and Other Ghostly Tales of the Pacific Northwest, 1992). В 1991 году вышел в свет сборник «Отсутствующие: призраки Чарли Гуди» (Absences: Charlie Goode's Ghosts), включающий в себя пять рассказов Стива Распики Тема, где действует некий собиратель древностей и археолог-любитель, испытывающий тягу к оккультизму. После этого герой-археолог появился в рассказах, напечатанных в «All Hallows-2» (1990) и «Fantasy Macabre-14» (1992).

Ким Ньюман впервые представил читателям паранормального детектива Чарльза Боргарда, искателя приключений, состоящего на службе у клуба «Диоген», в своей повелле про альтернативный мир «Багровая власть» (Red Reign), сюжет которой он развил в романе «Анно Дракула» (Anno Dracula, 1992). С тех пор влияние секретного агента Боргарда и загадочного Тайного Совета, на который он работает, распространились на сиквелы «Кровавый Красный Барон» (The Bloody Red Baron, 1995) и «Слезный суд: Анно Дракула 1959» (Judgement of Tears: Anno Dracula 1959, 1998), послужив объединяющим звеном для многих рассказов и более поздних романов.

Парапсихолога Раерсона Биргартена описал Т. М. Райт в романе 1992 года «Призраки Гудлоу» (Goodlow's Ghosts). Повесть «Сонный покой» (Sleepeasy, 1994) была продолжением, в котором умерший в предыдущей книге герой воскрес; Биргартен вернулся еще раз, на этот раз идя по следу серийного убийцы, в рассказе «Восхождение» (The Ascending, 1994).

В «Списке Семи» (The List of 7, 1993) Марка Фроста молодой Артур Конан Дойл сотрудничает с таинственным специальным агентом Джеком Спарксом (возможно, прототипом Шерлока Холмса), и они вместе противостоят неким сверхъестественным планам Тайного Совета. Два героя снова встретились в рассказе «Шесть Мессий» (The 6 Messiahs, 1995).

Вымышленный персонаж, актер Марти Бернс был некогда знаменит. Потом он стал одной из закатившихся звезд Голливуда, работая низкооплачиваемым частным детективом, пока поиски пропавшего пьянчужки в «Небесных псах» (Celestial Dogs, 1996) Джея Рассела не втянули его в имеющий многовековую историю конфликт с японскими демонами. После этого Рассел продолжал использовать Марти в ряде рассказов и в своем втором романе, «Светлогорящий» (Burning Bright, 1997).

Разумеется, выходили и антологии историй о паранормальных детективах. Хотя и удивительно, что Огюст Дерлет так и не составил ничего подобного для своего издательства «Mycroft & Moran», в сборнике Мишеля Пари «Сверхъестественное решение» (The Supernatural Solution, 1976) были переизданы девять историй про сыщиков и призраков — Дж. Шеридана Лс Фану, Е. и Х. Герон, Уильяма Хоупа Ходжсона, Л. Т. Мида и Роберта Юстаса, Дион Форчун, Артура Машена, Сибири Куина, Мэнли Уэйда Веллмана и Денниса Уитли. Пари также собрал шесть переизданий (половину из которых — из своей предыдущей книги) Ходжсона, Юстаса, Е. и Х. Геронов и сэра Артура Конан Дойла для небольшого сборника 1985 года «Укротители призраков» (Ghostbreakers).

Куда интереснее оказалась подборка «Сыщики и сверхъестественное» (Supernatural Sleuths, 1986) от маститого редактора Петера Хайнинга, в которой было опубликовано двенадцать рассказов Марка Лемона, Алджернона Блэквуда, Сакса Ромера, Генри А. Херинга, Гордона МакКрега, Гордона Хиллмана, Марджери Лоуренс, Джозефа Шейна Бреннана и все тех же безотказных Конан Дойла, Е. и Х. Герон и Уитли.

Несмотря на такое же название, что и у книги Хайнинга, сборник «Сыщики и сверхъестественное» (Supernatural Sleuths, 1996), составленный Чарльзом Г. Вогом и Мартином Ш. Гринбергом, отличался большим охватом, и в числе авторов четырнадцати произведений, отобранных для этого издания, оказались Уильям Ф. Нолан, Рон Гуларг, Огюст Дерлет и Марк Рейнолдс, Роберт Вейнберг и Лари Нивен, наряду с уже знакомыми именами Веллмана, Ходжсона и Куина.

Во многих отношениях данный сборник можно рассматривать как продолжение моих предыдущих антологий, «Тени над Иннsmouth» (Shadows Over Innsmouth, 1994) и «Антология Дракулы» (The Mammoth Book of Dracula, 1997). Как и в обеих предшествующих

книгах, в ней сочетаются новые произведения и переиздания, выстроенные в соответствии с достаточно свободной хронологией: от Древнего Египта до XXI века. Поэтому я бы советовал для получения максимума удовольствия читать эту книгу от начала до конца, а не проглядывать, выискивая отдельные истории. Это особенно относится к состоящему из нескольких частей небольшому роману Кима Ньюмана, написанному специально для этого сборника.

Итак, настала пора встретиться с некоторыми из величайших литературных сыщиков (и их верными секретарями), когда-либо сталкивавшимися со странным и загадочным. Уже повсюду властвует Тьма и собираются таинственные силы. В вечной борьбе между Добром и Злом эти сыщики, расследующие неведомое, призваны разрешать древние загадки и разоблачать современных призраков при помощи своих уникальных способностей к дедукции и — порой — серебряных пуль.

И вновь для паранормальных сыщиков игра продолжается...

*Стивен Джонс,
Лондон, Англия*

КИМ НЬЮМАН

Семь Звезд

ПРОЛОГ В ЗЕМЛЕ ЕГИПЕТСКОЙ

После романа «Дракула» (*Dracula*, 1897) книга «Камень Семи Звезд» (*The Jewel of Seven Stars*, 1903) стала лучшим и наиболее известным произведением Брэма Стокера. В ней повествуется о том, как героиней по имени Маргарет Трелони постепенно овладевает Тера, древнеегипетская богиня Зла, чью мумию привез в их лондонский дом археолог Трелони, отец Маргарет.

Хотя «Камень Семи Звезд» никогда не достиг популярности «Дракулы», в 1970 году по нему был снят телевизионный цикл «Загадки и домыслы» (*Mystery and Imagination*) под названием «Проклятие мумии» (*Curse of the Mummy*). Впоследствии книгу экранизировали еще несколько раз — в 1971 году выходит фильм «Кровь из гробницы мумии» (*Blood from the Mummy's Tomb*), в 1980 году — «Воскрешение» (*The Awakening*) с Чарльтоном Хестоном в главной роли, и наиболее поздняя версия появилась в 1997 году — «Брэм Стокер: Легенда о Мумии» (*Bram Stoker's Legend of the Mummy*) с Луисом Госсеттом-младшим.

Для своего цикла рассказов в этой книге Ким Ньюман позаимствовал кое-что у Стокера — в особенности само сокровище и героя-археолога Абея Трелони. Подобным образом, заметим, Ньюман использовал вампира по имени Граф, созданного тем же автором, для своего цикла «Анно Дракула» (*Anno Dracula*).

Пай-нет'ем (*Pai-net'em*) — это реальная историческая фигура, писец и советник фараона, его мумия была обнаружена в 1881 году. Большинство исследователей Библии, а вслед за ними создатели фильма «Десять заповедей» с

Юлом Бриннером¹ (*The Ten Commandments*, 1956) предполагают, что фараоном Исхода² был Рамзес II. Ньюман, однако, произвольно выбрал Менептаха III на том основании, что он был еще более неприятным типом, нежели Рамзес, и, следовательно, самой подходящей персоной для того, чтобы притеснять сынов израильских и удостоиться проклятия.

Историки Египта не потрудились упомянуть о казнях египетских воинов, да и про израильтян распространялись не слишком.

Все Фивы, весь Египет был пропитан вонью. Пай-нст'см обмотал голову холщовой тканью, упрятав под нее нос и рот, словно готовил самого себя к погребению. Вонь проникала внутрь, забивая ноздри и глотку, заставляя язык скручиваться в трубку.

Глаза его почти совсем заплыли от мокующих нарывов. Вокруг его кровавых слез роились насекомые, возвращавшиеся сразу после того, как он смахивал их. Из яиц, отложенных в липкие истечения вокруг глаз, беспрестанно вылуплялась все новая мошкара. Новорожденные мухи кусались крошечными зубками.

Путь через город оказался небыстрым. Дороги были завалены трупами — животных и людей. Тьму рассеивали одни лишь расползающиеся пожары. Большинство людей были слишком поглощены своими несчастьями, чтобы бороться с огнем.

Воистину это было время бедствий.

Жрец, ученый, ближайший советник фараона, он пал ниже больного проказой. Его разум не в силах был постичь то, что произошло за последний месяц. Глядя на краснотелые шишки и раны на теле, он не мог бы сказать, где следы от укусов насекомых, а где — шрамы, оставшиеся после града.

¹ В фильме «Десять заповедей» Юл Бриннер сыграл роль Рамзеса II.

² Имеется в виду исход евреев из Египта (биб.).

Должно быть, боги возненавидели Египет, раз позволили свершиться подобному.

Пай-нет'ем не мог счесть, сколько из его домочадцев мертвы. Он растратил всю свою скорбь во время менее значительных бедствий — на болсующий скот и бунтующих рабов. Теперь, когда его брат и сын сражены болезнью, жена умерла, наложив на себя руки, а трупы слуг валяются по всему поместью, будто камни, у него нет больше ни горя, ни каких-либо иных чувств.

Мимо дворца фараона текла кровавая река. Крохотные лягушки прыгали в покрасневшей воде. Живой ковер — полчища саранчи, мух и мошек — покрывал улицы, медленно превращая мертвецов в скелеты. Насекомые набрасывались на ноги тех, кто, подобно Пай-нет'ему, упрямо брел мимо, будто звезды, сосредоточенно следующие своим путем.

Мертвые стражники лежали на своих постах, на их лицах колыхались маски из мух. Пай-нет'ем прошел в открытые двери. Даже здесь, в доме фараона, кишели и жалили насекомые. Хлеб и скот были заражены, а значит, даже после того, как тьма рассеется, многие еще умрут от голода.

По городу били молнии.

Пай-нет'ем нашел фараона в комнате для утренних приемов, скорчившегося на кушетке, с лицом распухшим и перекошенным, как у последнего из рабов. Великим пощады тоже не было; в действительности фараон, похоже, страдал больше, чем его подданные, поскольку ему было что терять. Если все живущие под его властью погибнут, имя его изгладится из памяти грядущих поколений.

Прежний фараон многое сделал, чтобы сохранить свое имя: он построил храмы, а писцы неустанно запечатлевали его деяния в летописях. Нынешний фараон, молодой и столь приверженный к роскоши, что пренебрегал государственными трудами, теперь был вынужден вписывать свое имя в таблички с надписями поверх имен его царственных предшественников. Это был жест отчаяния, воля против возможности забвения.

— Пай-нет'ем, — сказал фараон (исрекошенный рот, распухший язык). — Что навлекло эти бедствия на Египет?

Пай-нет'ем понял, что у него нет сил подняться с коленей.

— Израильтяне утверждают, что это кара, повелитель.

— Израильтяне? Тот покоренный народ?

— Да. Они говорят, что их Бог обрушил на Египет свой гнев.

Глаза фараона расширились:

— Почему?

— Эти люди владеют магией. Но их слова глупы. У них всего один Бог, младенец по сравнению с нашими богами.

— Это сделали не боги.

Пай-нет'ем был согласен с фараоном.

— Мы оба знаем, в чем истинная причина всего этого, — продолжал фараон.

— Он здесь, повелитель? — спросил Пай-нет'ем.

Фараон поднялся с кушетки, и с его одеяния посыпались мухи. По ногам фараона текла кровь. Кожа на его впалой груди распухла от болезни, а местами была расчесана до мяса.

Пай-нет'ем встал, откашливая мокроту в холстину, которой был замотан его рот.

Фараон открыл деревянную коробку. Сумрак комнаты, предназначенной для утренних приемов, осветил красный огонь. Пай-нет'ем помнил, как впервые увидел это сияние. Тогда фараон был строен, и быстр, и силен. И уверен в своем здоровье, в своей власти.

Фараон храбро достал предмет из коробки. Казалось, будто он погрузил руку в огонь и вытащил изрядную пригоршню пламени.

Пай-нет'ем подошел ближе и взглянул на сокровище. Рубин величиной с мужской кулак. Внутри него сверкало семь красных огненных точек, будто семь звезд в почном небе. Он упал в Нил с самих звезд и обратил речную воду в кровь. Это был не драгоценный камень, посланный фараону в дар. Это было проклятие, посланное на Египет с небес. Причина всех несчастий, наскомовых и молний, тьмы и смерти.

— Какая великолепная вещь, — задумчиво произнес фараон, — и такое проклятие.

Пай-нет'ем видел красоту пылающего камня, и все же тот был ужасен, исполнен невидимой мстности.

Он покачал головой, с горькой усмешкой вспоминая про слова израильтян. То, что происходит, неподвластно богам какого бы то ни было народа. Это смерть, заключенная в предмете. Его нельзя уничтожить — сделать это уже пытались при помощи инструментов и огня, — можно лишь передать кому-либо несведущему.

— Возьми его, — сказал фараон, бросая рубин Пай-нет'ему.

Тот поймал камень, ощутив его жуткую пульсацию.

— Унеси его подальше отсюда.

Пай-нет'ем склонил голову.

Выполняя это поручение, он умрет. Но иной цели у него и не было. За эту жертву имя его будут помнить. Пока существует Египет, будет существовать и Пай-нет'ем.

Оказавшись за стенами дворца, он прижал сокровище к груди, прикрыв его ладонью. Он казался себе центром урагана, где царит спокойствие. Вокруг в кровавой тьме кружились насекомые и смерть. Камень источал зло, но Пай-нет'ем был защищен от него. Как если бы он находился внутри рубина, а не рубин у него в кулаке.

Все вокруг окрасилось красным, словно он смотрел сквозь камень. Ноги его отяжелели, и пришло ощущение, будто он в западне.

Он пустился бежать прочь от дворца.

Начало печь грудь, там, куда он прижал камень, как будто туда угодила капля расплавленного металла и принялась прожигать себе дорогу к его сердцу.

Он уронил руку, но камень прилип к его телу, погрузился в него. Его грудную клетку затопила боль, и он, вопя, сорвал с лица холщовые пелены.

Но он все еще бежал, с трудом пробиваясь сквозь полчища лягушек и саранчи. Слабость в ногах исчезла. Он больше не чувствовал ничего.

Он знал, что умирает, но знал и то, что камень не даст его телу исчезнуть. Он внутренне ссыхался, погружаясь в рубин, растворяясь среди «Семи Звезд». Это была не та смерть, какую он знал, — тихий переход к достойной загробной жизни, где ждали его родные и слуги, но страшное изменение бытия. Он останется в этом мире, но будет существовать отдельно от него. Как он служил фараону, так теперь станет служить «Семи Звездам».

Из самого сердца красной ночи он смотрел на разорение того, что было Землей Египетской.

И не мог заплакать.

ПИТЕР ТРИМЕЙН

Наша Леги Смерть

Сестра Фидельма

Сестре Фидельме около двадцати семи лет. Рожденная в Кэшеле¹ в XVII веке, она была младшей дочерью короля Фейлби Флэнда, который умер через год после ее рождения.

Фидельма принадлежит кельтской Церкви. И она не просто монахиня, она — *dalaigh* — защитник брегонского суда² древней Ирландии. Изучая право под руководством брегона Моранна из долины реки Тары, Фидельма получила звание *an t-úr*³, являющееся предпоследней ступенью наивысшей квалификации в церковных или светских школах и университетах Ирландии. Фидельма действует и принимает решения в соответствии с древним ирландским правом. Ее осязаемая территория — королевство Манстер, которым правит ее брат Колгу, король Кэшела.

Первое появление Фидельмы в рассказе «Хемлок на вечерней молитве» (*Hemlock at Vespers*) в сборнике «Тайны зимнего солнцестояния 3» (*Midwinter Mysteries 3*) — ирландский ответ брату Кэдфелу. Последующие истории о Фидельме появились в таких антологиях, как «Большая книга исторических криминальных романов» (*The Mammoth Book of Historical Whodunnits*, 1993), «Величайшие детективные истории Ирландии» (*Great Irish Detective Stories*, 1993), «Констебль: Новые преступления 2» (*Constable New Crimes 2*, 1993), «Тайны зимнего солнцестояния 4» (*Midwinter Mysteries 4*, 1994),

¹ Кэшел — старинный город Ирландии, древняя столица Манстера.

² Брегонский суд, или Закон брегонов (*Brehon law*, ирл.) — свод древнеирландских законов, действовавших на территории всей Ирландии вплоть до завоевания ее англичанами (XVI–XVII вв.).

³ Благородный источник.

«Большая книга исторических детективов» (*The Mammoth Book of Historical Detectives*, 1995), «Тайны зимнего солнцестояния 5» (*Midwinter Mysteries 5*, 1995), «Убийство на гонках» (*Murder at the Races*, 1995), «Классические детективы» (*Classical Whodunits*, 1996), «Самое ирландское убийство» (*Murder Most Irish*, 1996) и в ряде выпусков журнала «Эллери Квин представляет: „Мистические истории“» (*Ellery Queen Mystery Magazine*).

Первый роман Питера Тримейна о сестре Фидельме «Оправдание убийства» (*Absolution by Murder*) вышел в свет в 1994 году. За ним последовало еще шесть произведений: «Саван для архиепископа» (*Shroud for the Archbishop*, 1995), «Страдания малышей» (*Suffer Little Children*, 1995), «Неуловимая змея» (*The Subtle Serpent*, 1996), «Тенета паука» (*The Spider's Web*, 1997), «Долина тени» (*Valley of the Shadow*, 1998) и «Исчезнувший монах» (*The Monk Who Vanished*, 1999).

Жуткое завывание ветра сливалось с леденящим душу волчьим воем. Они были поблизости, эти свирепые ночные хищники. Сестра Фидельма знала об этом, но не могла их увидеть из-за холодного снега, летящего ей в лицо тучами крохотных клубящихся колючек. Все вокруг исчезало за снежным покрывалом, Фидельма едва различала дорогу на расстоянии вытянутой руки.

Если бы не крайняя необходимость добраться до Кэшела, резиденции королей Мамха, она никогда бы не отправилась на север через эти величественные и неприступные вершины Слиаб-он-Камерага. Фидельма пригнулась к шее лошади. Только ранг *dalaigh* судов пяти королевств Ирландии позволял ей путешествовать верхом. Простая монахиня не могла рассчитывать на подобный способ передвижения. Но Фидельма была не просто монахиней. Дочь последнего короля Кэшела, защитник права *Fenechus*¹, она обладала степенью *anruth*, которая лишь на одну ступень уступала высшему судейскому рангу в Ирландии.

¹ Свод древнеирландских законов.

Ветер непрестанно бил в лицо. Слипшиеся от снега непокорные рыжие пряди волос выбивались из-под *куфала*¹, шерстяного головного убора, и прилипали к бледному лбу. Фидельма мечтала о том, чтобы ветер хоть на несколько мгновений сменил направление, — если бы он дул в спину, продвигаться было бы намного легче. Однако ветер упрямо набрасывался на нее с севера вновь и вновь.

Угрожающий вой волков звучал все громче. Мерещилось ей это или волки постепенно подбирались все ближе, по мере того как она углублялась в безлюдные горы? Фидельма поежилась и в очередной раз пожалела о том, что не остановилась на ночлег в последнем бруйдене², чтобы переждать непогоду. Но снежная буря началась и грозила продлиться еще несколько дней. Раньше или позже ей пришлось бы двинуться в путь. В послании ее брата Колгу говорилось о том, что присутствие Фидельмы в королевском доме крайне необходимо, так как их мать лежит при смерти. Только это заставило Фидельму отправиться на север по опасным тропам через заснеженные горные вершины в такую лютую непогоду.

От встречного ветра и снега у нее замерзло лицо и ооченели руки. Тяжелый шерстяной плащ не спасал от стужи, от холода у Фидельмы зуб на зуб не попадал. Вдруг всего в нескольких ярдах перед собой она увидела темный расплывчатый силуэт. У Фидельмы сердце едва не выпрыгнуло из груди, когда ее лошадь с испугу шарахнулась в сторону. Силуэт оказался царственным оленем, он нервно дернул головой в сторону всадницы и отскочил прочь, за укрывавший все вокруг снежный полог. Фидельма совладала с собой, выдохнула и успокоила занервничавшую лошадь.

Наконец Фидельма, как ей показалось, достигла гребня горы. Ветер там был настолько сильным, что грозил выбить ее из седла. Даже лошадь склонила голову к земле и, спо-

¹ *Куфал* — головной убор в форме капюшона.

² *Бруйден* (*bruidhen*, ирл.) — гостевой дом. Своего рода гостиница, которая содержалась с соблюдением целого ряда затейливых правил. Социальный статус бруг-фера (хозяина гостиницы) был в средневековой Ирландии чрезвычайно высок. За его убийство, например, платили такой же штраф, как за убийство короля.

тыкаясь, продвигалась вперед, пытаясь противостоять ледяной стуже. Буря срывала с места массы снега и с диким завыванием разбрасывала их во все стороны.

Фидельма прищурилась, пытаясь разглядеть в снежной мгле лежащие перед ней горные склоны.

В какое-то мгновение она была уверена, что видит впереди свет. Но может быть, это ей только показалось? Фидельма поморгала и прищипорила лошадь, понуждая ее идти вперед и стараясь при этом сосредоточить все свое внимание на той точке, где, как она думала, она видела свет. Фидельма непроизвольно подняла повыше ворот плаща.

Да! Она видела это. Так и есть — свет!

Фидельма остановила лошадь, соскользнула вниз на землю и покрепче обмотала вокруг руки удила. Снег доходил до колен, идти было практически невозможно, но Фидельма не могла пустить лошадь по заснеженному горному склону, не убевдвшись в том, что это безопасно. Через минуту-другую она добралась до деревянного шеста. Посмотрела вверх. У нее над головой раскачивался едва различимый в снежной мгле штормовой фонарь.

Фидельма удивленно огляделась по сторонам. За пеленой кружасьегося снега ничего не было видно. Но Фидельма была уверена — фонарь на шесте указывает на бруден, находящийся поблизости. Закон предписывал зажигать перед всеми гостиницами фонари, дабы указывать путь к ним ночью или в непогоду.

Фидельма еще раз взглянула на фонарь и, выбрав направление, с трудом двинулась вперед по глубокому, рыхлому снегу. Вдруг ветер на мгновение стих, и она увидела темные очертания большого дома. Затем ветер ударил с новой силой, и Фидельма, склонив голову, пошла ему навстречу. Большей частью благодаря везению, а не по какой-то другой причине, она вышла к привязи для лошадей и оставила там свою кобылу, а затем на ощупь добралась вдоль холодной каменной стены до входной двери.

К ней была прибита табличка, но разобрать надпись на ней Фидельма не смогла из-за залепившего все вокруг снега. Она обратила внимание на венок из сухой травы, что

висел на двери и практически целиком был укрыт белым покровом.

Она нащупала медную дверную ручку, подергала за нее, потом толкнула. Дверь не поддавалась. Фидельма недовольно нахмурилась. Закон предписывал бруг-феру, хозяину гостиницы, и днем и ночью в любую погоду держать двери в свою гостиницу открытыми. Фидельма еще раз попробовала войти в дом.

Ветер начал терять силу, его дикий вой стихал вдали и перешел в приглушенные стоны.

Фидельма в нетерпении заколотила кулаком в дверь.

Послышалось ей, будто кто-то тревожно вскрикнул или это просто завывание ветра?

Больше ни звука.

Фидельма постучала еще, на этот раз сильнее.

А потом она действительно услышала какой-то шум. Звук шагов и хриплый мужской голос.

-- Господь и все святые, оградите нас от этого зла! Убийрайся прочь, мерзкий дух!

Фидельма окаменела от неожиданности. Потом вскинула голову:

— Открывай, хозяин! Открывай *dalaigh* судов, сестре аббатства Килдар! Будь милосерден, дай путнику укрыться от бури!

На несколько мгновений вопарилась тишина. Затем Фидельме показалось, что она слышит голоса, которые спорят друг с другом. Она снова постучала.

Послышался звук отодвигаемых засовов, и дверь отворилась вовнутрь. Фидельму окутал поток теплого воздуха, и она поспешила в дом, стряхивая на ходу снег с шерстяного плаща.

— Что это за гостиница, где не соблюдаются брегонские законы? — возмущенно спросила Фидельма, поворачиваясь к человеку, который закрывал за ней деревянную дверь.

Это был высокий, худой мужчина средних лет с изможденным лицом и седыми висками. Одет он был бедно, сутулость делала его ниже, чем он был на самом деле. Но не внешность мужчины заставила Фидельму насторожиться. Это был страх, не мимолетный испуг, а глубоко засевший,

психизм ужас, который отражался на его мертвенно-бледном лице. Какое-то горе закралось в его душу.

Мужчина не отвечал, а просто стоял и смотрел на Фидельму. Тогда она резко сказала:

— Моя лошадь на привязи у дома. Несчастное животное околеет от холода, если о нем не позаботиться.

— Кто ты? — дрожащим голосом спросила женщина за спиной у Фидельмы.

Фидельма обернулась. Женщина, которую она увидела, когда-то, судя по всему, была хороша собой, но со временем на ее лице появились морщины, кожа на щеках обвисла. Она, не мигая, смотрела на Фидельму черными, словно лишенными зрачков, глазами. Создавалось впечатление, что однажды в какой-то жуткий момент кровь замерзла в жилах своей хозяйки и так и не начала пульсировать вновь. Но еще больше Фидельму поразило то, что женщина эта держала перед собой большое распятие. Она держала его так, словно хотела защититься им от чего-то ужасного.

Женщина и мужчина были похожи друг на друга.

— Говори! Кто ты такая?

Фидельма презрительно фыркнула:

— Если вы хозяйка этой гостиницы, все что вам следует знать, так это то, что мой путь лежит через эти горы, я устала и нуждаюсь в убежище, чтобы переждать снежную бурю.

На женщину не подействовал высокомерный тон Фидельмы.

— Это не все, что нам надо знать, — не менее сурово возразила она. — Скажи, желашь ты нам зла или нет?

Фидельма удивилась:

— Я пришла сюда, чтобы укрыться от стужи, и это все! Я — Фидельма из Килдара, — раздраженно сказала монахиня. — Более того, я — *dalaigh* судов, обладаю степенью *anruth* и я — сестра Колгу, таниста¹ законного престолонаследника этого королевства.

¹ Танист (ирл.) — букв.: «второй». Прижизненно назначенный королем Ирландии преемник. В современной Ирландии — чин премьер-министра страны.

Высокопарность ответа Фидельмы указывала на раздражение, которое она испытывала в тот момент, так как обычно она предпочитала говорить о себе не больше, чем это было необходимо. Никогда прежде она не ощущала потребности упоминать о том, что ее брат Колгу законный наследник престола Кэшела. Как бы то ни было, она почувствовала, что должна вывести этих людей из их странного состояния.

С этими словами Фидельма, давая разглядеть себя, сбросила с плеч шерстяной плащ и заметила, что женщина персвела взгляд на распятие тонкой работы, которое висело у нее на груди. Исчез ли страх из этих холодных, безжизненных глаз? Мелькнуло ли там облегчение?

Женщина опустила распятие и склонила голову:

— Простите нас, сестра. Я Монха, жена Белаха, хозяйина этой гостиницы.

Белах у дверей растерянно переминался с ноги на ногу.

— Я присмотрю за лошадью? — нерешительно спросил он.

— Если только ты не хочешь, чтобы она умерла от холода! — огрызнулась Фидельма и прошла к большому открытому очагу, где, наполняя теплом комнату, распевали песни горящие пласты торфа.

Боковым зрением она увидела, что Белах еще немного потоптался у двери, а потом, накинув на плечи плащ, взял стоявший у двери меч и вышел из дома в снежную бурю.

Фидельма изумилась. Никогда раньше ей не приходилось видеть хозяина бруйдена, которому требовался бы меч для того, чтобы поставить лошадь в стойло.

Монха подвесила котел на перекладину над пылающим торфом.

Фидельма выбрала себе стул, чтобы расположиться у очага.

— Что это за место? — спросила она.

Комната с низким потолком выглядела уютно, но была лишена какого-либо убранства, не считая высокой статуэтки Мадонны с Младенцем, выполненной из гипса. Эта безвкусная, раскрашенная алебастровая фигура стояла во главе большого стола, за которым, по всей видимости, ужидали постояльцы.

— Это Бруг-на-Белах. Вы только что спустились по склону горы, известной как Трон Фионна. Река Туа всего в миле отсюда. Зимой в наших краях мало путешественников. Куда вы направляетесь?

— На север, в Кэшл, — ответила Фидельма.

Монха зачерпнула чашку дымящейся жидкости из котла над очагом и подала ее Фидельме. Хотя чашка и должна была нагреться, Фидельма этого не почувствовала. Она обхватила ее замерзшими ладонями и втянула носом пар. Пахло вкусно. Фидельма сделала маленький глоток, ее вкусовые ощущения подтвердили то, о чем говорило обоняние.

Она подняла голову и посмотрела на женщину:

— Скажи, Монха, почему дверь вашей гостиницы была закрыта на засов? Почему я должна была просить, чтобы меня впустили? Вам с Белахом известен закон, установленный для хозяев гостиниц?

Монха поджала губы.

— Вы доложите о нас нашему *bo-aire*?

Так называли местного мирового судью.

— Мне больше хочется услышать ваши объяснения, — отвсчала Фидельма. — Какой-нибудь путник мог умереть от холода, ожидая, когда ты и твой муж откроете дверь.

Женщина заволновалась и прикусила губу, словно хотела высосать из нее кровь.

Дверь резко открылась, с порывом ледяного ветра в комнате спиралью закружился снег. Женщин обдало холодом.

Покачиваясь, Белах секунду постоял на пороге, лицо его было искажено от ужаса, а потом, издав звук, похожий на сдавленный стон, он шагнул в комнату и закрыл за собой дверь. Он по-прежнему был вооружен мечом.

Фидельма с интересом наблюдала за тем, как Белах задвигает засовы.

Монха замерла, прижав ладони к щекам.

Белах повернулся к ним лицом, губы его дрожали.

— Я слышал это! — пробормотал он, взгляд его метнулся от жены к Фидельме, словно он не хотел, чтобы она его услышала, — Я слышал это!

— О Мария, Матерь Божья, спаси нас! — воскликнула женщина и покачнулась, казалось, она вот-вот упадет в обморок.

— Что все это значит? — как можно строже спросила Фидельма.

Белах умоляюще посмотрел на нее.

— Я был в сарае, сестра, стлал подстилку для вашей лошади. И я услышал это.

— Но что? — повысила голос Фидельма, стараясь держать себя в руках.

— Дух Магрэна, — вдруг взвыла Монха и разрыдалась. — Спаси нас, сестра. Ради Христа! Спаси нас!

Фидельма встала, подошла к женщине, мягко, но уверенно взяла ее за руку и подвела к очагу. Она поняла, что Белах слишком разнервничался, чтобы позаботиться о своей жене, поэтому сама подняла кувшин, оценила его содержимое как *corta*, самогон из ячменя, и налила немного в маленькую чашку. Потом подала чашку Монхе и приказала выпить.

— А теперь говорите, в чем дело? Я не смогу помочь вам, пока вы мне все не расскажете.

Монха посмотрела на Белаха, будто спрашивала разрешения, он медленно кивнул в ответ.

— Открой ей все, с самого начала, — пробормотал он.

Фидельма ободряюще улыбнулась женщине и попыталась попутить:

— Отличное начало.

Но жена хозяина гостиницы никак не отреагировала на мягкий юмор монахини.

Фидельма села напротив Монхи и выжидающе на нее посмотрела.

Жена хозяина гостиницы немного помолчала и начала говорить, сначала запинаясь, а потом все быстрее, словно рассказ вселял в нее уверенность.

— Я была совсем молоденькой, когда приехала в эти места. Я приехала как невеста бруг-фера, хозяина гостевого дома. Тогда им был Магрэн. Понимаете, — торопливо добавила она, — Белах — мой второй муж.

Монха умолкла, но Фидельма никак не среагировала, и она продолжила:

— Магрэн был хорошим человеком. Но им часто овладевали дикие фантазии. Он чувствовал музыку, прекрасно играл на волынке. Он часто играл вот здесь, в этой комнате, и люди приходили со всей округи, чтобы послушать его. Но у него была беспокойная душа. Не сиделось на месте. Я поняла, что делаю всю работу, пока он гоняется за своими мечтами. Кано, младший брат Магрэна, помогал мне, но старший брат очень на него влиял.

Шесть лет назад вождь нашего клана зажег огненный крест в Таре¹ и послал гонца от деревни к деревне. Он призывал кланы собрать войско на битву с Гвайре, королем Коннахта², состоявшим на службе у Кталку, верховной королевы Кэшела. Как-то утром Магрэн объявил, что он и молодой Кано уходят, чтобы присоединиться к этому войску. А когда я стала протестовать, он сказал, что мне не стоит за себя беспокоиться. Сказал, что оставил в гостинице наследство, которое спасет меня от пужды. Мол, если с ним что-нибудь случится, я ни в чем не буду пугдаться. А потом они с Кано просто встали и ушли. — Даже сейчас в голосе Монхи звучали нотки негодования. — Время шло. Лето сменила зима. Потом, когда сошел снег, явился гонец и сказал мне, что на берегах Лох-Дерга была великая битва и мой муж погиб в этой битве. Как знак его смерти мне передали его поломанную волынку и окровавленный китель. Кано вроде бы тоже погиб вместе с мужем, и в доказательство мне передали его испачканный в крови плащ.

Монха замолчала и усмехнулась:

— Нет пужды говорить, что я горевала о нем. Не по мужчине, которого звали Магрэн. Мы редко бывали вместе, он ведь постоянно где-то рыскал в поисках чего-то нового, искал, чем бы занять свое воображение. Мне было проще приучить нашу кошку приходить и уходить по моему желанию, чем привязать к себе его сердце. И все же гостиница была моей, моей по праву, так же как и наследство.

¹ *Огненный крест* (crois-tara, ирл.) — священный огонь, зажигаемый в столице древней Ирландии — Таре. Служил сигналом к сбору вождей кланов.

² *Коннахт* — одно из пяти королевств, составляющих средневековую Ирландию.

Разве не я работала, чтобы содержать ее, пока муж гонялся за своими фантазиями? После этих новостей, *bo-aire* подтвердил, что, раз уж мой муж погиб на берегу далекого озера, а я продолжала содержать гостиницу, она принадлежит мне. Жизнь была тяжелой, я яростно сражалась, чтобы выжить. Путники — редкость в этих безлюдных горах, и постояльцы заглядывают не часто.

— Но как же наследство, которое Магрэн оставил в гостинице, чтобы уберечь тебя от нужды? — спросила заинтригованная рассказом Фидельма.

У Монхи вырвался смешок, похожий на сиплый лай:

— Я искала-искала и ничего не нашла. Это была просто очередная мечта Магрэна. Одна из его бесчисленных фантазий. Он, наверное, сказал это, чтобы я не жаловалась, когда он уходил.

— И что потом? — настойчиво спросила Фидельма, когда Монха замолкла.

— Прошел год, и я встретила Белаха. — Женщина кивнула в сторону мужа. — Мы сразу полюбили друг друга. Не как пес любит овцу, понимаете, а как лосось любит ручей. Мы поженились и с тех пор работаем вместе. И я настояла, чтобы мы переименовали эту гостиницу в «Бругна-Белах». Жизнь была тяжелой, но мы работали, и все наладилось.

Белах шагнул вперед и взял Монху за руку. Этот жест убедил Фидельму в том, что они после всех прожитых вместе лет все еще любят друг друга.

— У нас было пять лет счастья, — сказал Белах Фидельме. — И если теперь злые духи пришли за нами, им не украсть у нас эти пять лет.

— Злые духи? — нахмурилась Фидельма.

— Это началось семь дней назад, — мрачно сказала Монха. — Я была во дворе, кормила свиней, и тогда мне показалось, что где-то высоко в горах звучит музыка. Я прислушалась. И правда где-то высоко в горах играла волынка. У меня вдруг похолодело внутри, потому что я узнала мелодию, которую любил наигрывать Магрэн.

Я вернулась в гостиницу и позвала Белаха. Но он не услышал музыки. Мы стояли возле гостиницы, но не могли

уловить ничего, кроме завывания ветра, который предсказывал надвигающуюся бурю.

На следующий день, это было в полдень, я услышала какой-то стук по входной двери. Я подумала, что это путник не может поднять щеколду. Я открыла дверь. Там никого не было... По крайней мере, мне так казалось, пока я не посмотрела под поги. На пороге... — Монха торопливо преклонила колена, — на пороге лежал мертвый ворон. Не было никаких следов того, как он умер. Казалось, он палетел па дверь и убил сам себя.

Фидельма откинулась на спинку стула и поджала губы.

Она понимала, куда ведет история Монхи. Звуки музыки, мертвый ворон. Для простого люда пяти королевств это были знамения смерти. Фидельма вдруг обнаружила, что, несмотря на то что она никогда не была сусверпа, у нее мурашки пробежали по спине.

— После этого мы еще несколько раз слышали музыку, — впервые вмешался в разговор Белах. — Я ее слышал.

— И откуда исходила эта музыка?

Белах повел рукой, словно указывал на окружавшие гостиницу горы.

— Она звучала повсюду, высоко, высоко в воздухе.

— Это погребальная песнь, — простонала Монха. — На нас лежит проклятие.

Фидельма ухмыльнулась:

— Проклятия нет, пока нет на то Божьей воли.

— Помоги пам, сестра, — прошептала Монха. — Я боюсь, — это Магрэн пришел забрать наши души в наказание за то, что моя любовь принадлежит Белаху, а не ему.

Фидельма с легким изумлением посмотрела на женщину:

— С чего ты это взяла?

— Потому что я слышала его плач. Я слышала его голос, он взывал ко мне из загробного мира. «Мне одиноко, Монха! Мне одиноко! Приди ко мне, Монха!» — звал он. О, как часто я слышала зов этого призрака!

Фидельма видела, что женщина говорит серьезно.

— Ты слышала это? Когда и где?

— Это было три дня назад в сарас. Мы держим там коз, я как раз их доила, когда услышала голос Магрэна. Он

нашептывал эти слова. Я клянусь — это был его голос. Он шел со всех сторон.

— Вы обыскали сарай? — спросила Фидельма.

— Искать духа? — Монха была искренне поражена. — Я побежала в гостиницу и схватила распятие.

— Я обыскал, — вмешался более трезвомыслящий Белах. — Я обыскал сарай, потому что, как и вы, сестра, прежде чем обращаться к загробному миру, я ищу ответы в мире этом. Но ни в сарае, ни в гостинице не было ничего, что могло бы издавать такие звуки. Я закрыл гостиницу, взял с собой жену и спустился в долину к вождю клана, который был рядом с Магрэном в битве на берегу Лох-Дерга. Он поклялся, что Магрэн мертв уже шесть лет и что он своими глазами видел его тело. Что мне было делать дальше?

Фидельма медленно кивнула:

— Значит, только ты, Монха, слышала голос Магрэна?

— Нет! — снова вмешался Белах, чем удивил Фидельму. — Клянусь апостолами святого Патрика, я тоже слышал этот голос.

— И что он говорил?

— Он говорил... «Берегись, Белах. Ты занимаешь место человека без благословения его духа». Вот что он сказал.

— И где ты это слышал?

— Как и Монха, я слышал голос в сарае.

— Очень хорошо. Вы видели мертвого ворона, слышали далекую музыку и голос, который, как вы думаете, принадлежит Магрэну. И все же должно быть какое-то логическое объяснение подобным явлениям.

— Объяснение? — резко переспросила Монха. — Тогда объясните мне, сестра, вот этот случай. Прошлой ночью я снова слышала музыку. Она меня разбудила. Буря к тому времени стихла, небо было чистым, свет луны отражался от снега, и кругом было светло, как днем. Я снова услышала музыку.

Я набралась мужества и подошла к окну. Открыла ставни. Там был небольшой сугроб, не дальше чем в ста ярдах от дома, маленький снежный холмик. И на нем стояла фигура человека. В руках человек держал вольнику и наигрывал

погребальную песнь. Потом он перестал играть и посмотрел прямо на меня. «Мне одиноко, Монха! — звал он. — Скоро я приду за вами. За тобой и за Белахом». Потом он повернулся и...

Она вдруг разрыдалась и рухнула в объятия Белаха.

Фидельма задумчиво смотрела на Монху.

— Эта фигура была телесной? Она была из плоти и крови?

Монха подняла на Фидельму испуганные глаза.

— В том-то и дело. Она мерцала.

— Мерцала?

— Вокруг нее было какое-то страшное свечение, словно ее освещал призрачный огонь. Я уверена — это был демон из загробного мира.

Фидельма повернулась к Белаху.

— А ты видел это? — Она была почти уверена, что тот подтвердит рассказ жспы.

— Нет. Я слышал, как Монха закричала от страха. Ее крик меня и разбудил. Когда она рассказала мне, что произошло, я вышел из дому и пошел к этому сугробу. Я надеялся пайти там следы. Следы человека, который там стоял. Но никаких следов не было.

— Никаких признаков того, что снег потревожили? — настойчиво переспросила Фидельма.

— Говорю вам, там не было следов человека, — раздраженно сказал Белах. — Снег был ровным. Только вот...

— Рассказывай.

— Снег, казалось, свистился жутким свечением, как-то странно светился.

— Но ты не видел никаких следов живого существа?

— Нет.

Монха начала плакать.

— Это правда, правда, сестра, — всхлипывая, говорила она. — Призрак Магрэна скоро придет за нами. Немного нам осталось жить на этой земле.

Фидельма откинулась на стуле, прикрыла глаза и глубоко задумалась.

— Только Господь всемогущий решает, сколько нам отпущено, — с отсутствующим видом произнесла она.

Монха и Белах стояли и растерянно смотрели на сидящую у огня Фидельму.

— Ладно, — наконец сказала она, — пока я здесь, мне нужны еда и постель.

Белах склонил голову и сказал:

— Вы можете на это рассчитывать, сестра, и на наше гостеприимство. Но если бы вы помолились Богородице... Пусть зло оставит нас. Ей не нужна смерть Монхи и моя смерть, чтобы доказать, что Она благословенная мать Христа.

Фидельма раздраженно фыркнула.

— Я бы не стала перекладывать вину за мирские недуги на Святое семейство, — жестко сказала она, но, увидев перед собой испуганные лица Монхи и Белаха, умерила свой богословский пыл. — Я помолось Богородице. А теперь принесите мне поесть.

Что-то разбудило Фидельму. Тело ее напряглось, сердце колотилось в груди. Казалось, этот звук — часть ее сна. Звук падения тяжелого предмета. Теперь она лежала и пыталась определить его происхождение. Снежная буря, очевидно, утихла, пока Фидельма спала в маленькой комнате, куда ее проводил после ужина Белах. За закрытыми ставнями стояла тишина. Сверхъестественная тишина. Фидельма не шевелилась и напряженно вслушивалась.

До ее ушей донесся какой-то скрип. Давным-давно построенная гостиница была полна скрипов и стонов деревянных досок. Может быть, она слышала такой звук во сне? Фидельма хотела было перевернуться на другой бок и тут снова услышала какой-то шум. Она нахмурилась, недовольная тем, что ей не удастся определить, что это. Вот снова этот звук. Глухой удар.

Фидельма выскользнула из теплой постели и поежилась от холода. Было уже глубоко за полночь. Она закуталась в тяжелую мантию и, крадучись, подошла к двери, тихонько ее открыла и замерла, прислушиваясь.

Звук доносился снизу.

Она знала, что в гостинице, кроме нее и хозяев, никого. А Монха и Белах отправились спать вместе с ней, и ком-

ната их была на самом верху. Она посмотрела в сторону их комнаты — дверь плотно закрыта.

Фидельма беззвучно, по-кошачьи, подкралась к перилам и посмотрела вниз, в темноту.

От этого звука она на секунду застыла на месте. Это был странный звук, словно что-то мягкое, но тяжелое тащили по деревянным доскам.

Фидельма, не двигаясь, смотрела в пролет. Главную комнату гостиницы жутковатым красным светом освещали тлеющие в очаге угли. Тени преследовали друг друга во мраке. Фидельма закусила губу и поежилась. Она пожалела, что не взяла свечу, чтобы осветить себе путь. Медленно, ступенька за ступенькой, она начала бесшумно спускаться вниз.

Она преодолела уже половину лестницы, когда наступила босой ногой на расшатанную доску. Скрип доски прозвучал как гром среди ясного неба.

Фидельма замерла.

В следующую секунду она услышала в окутанной мраком комнате внизу какую-то возню и оставшиеся ступеньки преодолела бегом.

— Если здесь есть кто-то, назовись во имя Христа! — крикнула Фидельма, стараясь придать голосу уверенность и не обращать на внимания на то, как бешено колотится ее сердце.

Послышался отдаленный глухой удар, и наступила тишина.

Фидельма быстро огляделась в пустой комнате. Красные тени плясали на стенах. Она ничего не смогла разглядеть.

А потом... раздался шум у нее за спиной.

Фидельма мгновенно обернулась.

На лестнице стоял белый, как покойник, Белах. Монха испуганно выглядывала из-за плеча мужа.

— Вы тоже это слышали? — нервно спросил Белах.

— Слышала, — подтвердила Фидельма.

— Не оставь нас, Господи, — выдохнул он.

Фидельма нервно махнула рукой:

— Зажги свечу, Белах, обыщем это место.

Хозяин гостиницы пожал плечами:

— Это бесполезно. Мы слышали эти звуки раньше и обыскивали комнаты. Ничего так и не нашли.

— В самом деле, — вторила ему жена, — зачем искать мирские следы призрака?

Белах неохотно зажег лампу. Фидельма начала тщательно обыскивать комнату, а хозяин гостиницы с женой остались стоять возле лестницы. Она только начала поиски, когда Монха вдруг пронзительно вскрикнула и рухнула на пол.

Фидельма метнулась к ней. Белах похлопывал жену по рукам, слабо пытаясь привести ее в чувства.

— У нее обморок, — зачем-то пробормотал Белах.

— Принеси воды, — приказала Фидельма.

Когда вода смочила лоб Монхи, а несколько капель проникло между ее губ, веки ее дрогнули, и она открыла глаза.

— Что случилось? — настойчиво спросила Фидельма. — Из-за чего ты упала в обморок?

Несколько секунд Монха непонимающе смотрела на Фидельму, лицо ее побледнело, зубы стучали.

— Это в-волынка! — запинаясь, сказала она. — В-волынка!

— Я не слышала никакой волынки, — сказала Фидельма.

— Нет. На столе... волынка Магрэна!

Фидельма оставила Монху на попечение Белаха и обернулась, подняв свечу высоко над головой. На столе она действительно увидела волынку. Обычная волынка, ничего особенного. Фидельма видела и получше, и покрасивее.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Фидельма, когда Белах подвел к ней свою дрожащую от страха жену.

— Это волынка Магрэна. Это ее он взял с собой на войну. Значит, все правда. Его дух вернулся. О святые, защитите нас!

Монха в отчаянии вцепилась в мужа.

Фидельма шагнула к столу и осмотрела волынку. Такие волынки назывались *cetharchoire*, у них имелось четыре тона: вдувная трубка, два коротких бурдона и один длинный. Обыкновенная волынка, которую можно найти практически в любом ирландском доме. Фидельма поджала губы,

припомнив, что, когда она и хозяева гостиницы отправились спать, на столе не было никакой волюнки.

— Почему ты уверена, что это волюнка Магрэна? — спросила она.

— Я узнала ее! — с чувством воскликнула Монха. — Как ты узнаешь — какое платье твое или какой ожог? Ты узнаешь их по узору, плетению, по пятнам, отметинам...

Женщина начала истерически рыдать.

Фидельма приказала Белаху отвести жену в постель.

— Будь осторожна, сестра, — пробормотал он, уводя Монху наверх. — Мы точно имеем дело с нечистой силой.

Фидельма едва заметно улыбнулась:

— Я представляю большую силу, Белах. На все Его воля.

После того как хозяева гостиницы поднялись к себе, Фидельма еще некоторое время постояла, неотрывно глядя на волюнку, потом вздохнула и перестала ломать голову над этой загадкой. Она оставила волюнку на столе и поднялась в свою комнату. Кровать еще не остыла, чему Фидельма очень обрадовалась, потому что только в этот момент почувствовала, как застыли у нее руки и ноги. Ночь была по-настоящему холодной.

Какое-то время Фидельма лежала и раздумывала: и о той ситуации, в которой оказалась в этих безлюдных горах, и о том, можно ли ее разрешить каким-нибудь сверхъестественным способом. Она сознавала, что существуют силы Тьмы. В самом деле, только дурак верит в Бога и отказывается верить в дьявола. Если есть добро, вне всяких сомнений, есть и зло. Но жизненный опыт подсказывал Фидельме, что зло склонно выступать в образе человека.

Она уснула. Но ненадолго. Когда она проснулась, все еще было темно.

Через одну-две секунды она поняла, что разбудило ее во второй раз за эту ночь.

Где-то играла волюнка. Это была приятная, певчая мелодия. Звуки сна — *suan-traige*, прекрасная, грустная колыбельная.

«*Codail re suanan saine...*»

Фидельме была хорошо знакома эта колыбельная, не раз в детстве она засыпала под эту мелодию.

Она села и быстро выскочила из-под одеяла. Музыка была реальной. Она звучала за окнами гостиницы. Фидельма подошла к окну и осторожно приоткрыла ставни.

Снег белым хрустящим ковром укрывал горные склоны. Небо все еще было затянуто тяжелыми бледно-серыми тучами. Но несмотря на то что луна была окружена лишь слабым светящимся нимбом ледяных кристаллов, ночь стояла ясная. Можно было видеть на мили вокруг. Воздух был ледяным и неподвижным. Дыхание Фидельмы вырывалось перед ней недолго живущими облачками пара.

В этот момент сердце ее заколотилось, как барабан, призывающий восстать мертвых.

Фидельма окаменела от ужаса.

В ста ярдах от гостиницы она увидела небольшой сугроб. На сугробе стоял одинокий волынщик и наигрывал колыбельную, которая и разбудила Фидельму. От неожиданности этого зрелища у нее голова пошла кругом. Но не музыка была тому причиной. Фигура человека мерцала, словно от нее исходил странный свет, который искрился на фоне яркого снега.

Фидельма не двигалась. Мелодия стихла. Человек повернулся в сторону гостиницы и издал дикий, жалобный крик.

— Мне одиноко! Мне одиноко, Монха! Почему ты покинула меня! Я совсем один! Скоро я приду за тобой!

Возможно, именно этот крик и заставил Фидельму действовать.

Она отвернулась от окна, схватила кожаные туфли и плащ и побежала вниз по лестнице в темную главную комнату гостиницы.

— Не выходите, сестра! Это дьявол! Это тень Магрэна! — кричал у нее за спиной Белых.

Фидельма и не подумала остановиться. Она откинула засовы на входной двери и выскочила в морозную тихую ночь. Она бежала по глубокому снегу к сугробу, и холод цеплялся за ее голые ноги. Но задолго до того, как она достигла цели, Фидельма поняла, что человек исчез.

Она добралась до сугроба и остановилась. Вокруг не было ни души. Ночной волынщик исчез. Фидельма плот-

нее запахнула плащ и содрогнулась. Но скорее холод, чем мысль о странном свете, заставил ее дрожать.

Фидельма восстановила дыхание и огляделась по сторонам. Никаких следов человека она не увидела. Но снег вокруг сугроба при ближайшем рассмотрении не был таким уж нстронутым. Его поверхность была неровной, словно покрылась рябью от порывов ветра. А потом Фидельма заметила в нескольких местах свечение. Она наклонилась, набрала горсть снега и рассмотрела его. Снег мерцал и отражал свет.

Фидельма глубоко вздохнула и пошла обратно в гостиницу.

Встревоженный Белах стоял на пороге. Фидельма обратила внимание на то, что он вооружился мечом, и недобро улыбнулась.

— Если там и в самом деле был дух, меч не поможет, — сухо заметила она.

Белах ничего не сказал, но закрыл дверь за Фидельмой на засов. Он молча поставил меч на место, а Фидельма прошла к очагу, чтобы согреться после вылазки в ледяную ночь.

Монха стояла возле лестницы, она скрестила руки на груди и тихо постанывала.

Фидельма отыскала кувшин с ячменным самогоном и налила немного в деревянную кружку. Отпила глоток сама и передала кружку Монхе.

— Вы видели это? Вы слышали? — завывала жена хозяина гостиницы.

Фидельма кивнула.

Белах закусил губу.

— Это дух Магрэна. На нас лежит проклятие.

— Ерунда! — отрезала Фидельма.

— Тогда объясните это! — сказал Белах и указал на стол.

На столе ничего не было. И тут Фидельма поняла, чего там не хватает. Уходя спать, она оставила на столе вольнку.

— До рассвета остался час или два, — медленно сказала она. — Я хочу, чтобы вы оба вернулись в постель. Мне тут надо кое с чем разобраться. Что бы ни случилось, я не

желаю, чтобы кто-нибудь из вас покидал комнату, пока я сама вас не позову.

Белый, как смерть, Белах не сводил глаз с Фидельмы.

— Вы хотите сказать, что собираетесь сразиться с дьяволом?

Фидельма слабо улыбнулась.

— Именно это я и хочу сказать, — с выражением ответила она.

Белах неохотно помог Монхе подняться наверх, и Фидельма осталась одна в темной комнате. Некоторое время она стояла в задумчивости. Инстинкт подсказывал ей — что бы ни происходило в этой забытой богом гостинице, события близились к развязке. В этом не было никакой логики, но Фидельма давно убедилась в том, что собственным инстинктам следует доверять.

Она отвернулась от стола и прошла в темную нишу в дальнем конце комнаты, в глубине которой стояла деревянная скамья. Фидельма закуталась в плащ, уселась на скамью и приготовилась ждать. Чего ждать, она не знала, но была уверена, что ждать, когда это нечто проявит себя, осталось недолго.

Вскоре она снова слышала звуки волынки.

Но это не была милая колыбельная. Теперь волынка дико выла. Это была погребальная песнь, от которой волосы вставали дыбом, исполненная боли, тоски и печали *gol-traige*¹.

Фидельма склонила голову набок.

Музыка звучала уже не снаружи старой гостиницы, а разнеслась эхом внутри, просачивалась через пол, сквозь стены, слетала с балок.

Фидельма дрожала, но не пыталась обнаружить источник звука. Все это время она не переставала молиться о том, чтобы Монха и Белах следовали ее указаниям и оставались в своей комнате.

Фидельма выждала, пока не смолкла музыка.

В старом доме воцарилась тишина.

А потом она услышала звук, точно такой же ее разбудил в первый раз. Тихий, будто что-то тащили по полу.

¹ *Гол-трэйге* — звуки печали, песнь печали.

Фидельма напряглась и подалась вперед. Прицурившись, она вглядывалась в темноту.

В противоположном конце комнаты появилась фигура человека, казалось, она медленно поднималась из-под пола.

Фидельма затаила дыхание.

Наконец фигура выпрямилась в полный рост. Человек держал волынку и, как-то странно прихрамывая, двинулся к столу.

Фидельма заметила, что временами, когда отсветы от тлеющих в очаге углей падали на планд человека, он вспыхивал мириадами огненных искр.

Фидельма встала.

— Игра окончена! — резко крикнула она.

Человек уронил волынку и повернулся, пытаясь определить, кто кричал. Потом замер.

— Это ты, Монха? — с издевкой прошепел он.

А затем, не успела Фидельма приготовиться, фигура, казалось, перелетела к ней через комнату. Фидельма увидела, как блеснул поднятый над нею клинок. Она инстинктивно схватила руку нападавшего обеими руками и повернулась, принимая на себя вес противника.

Мужчина зло замычал, когда его внезапная атака провалилась.

После столкновения Фидельму отбросило обратно на скамью в пину. Она застонала от боли. Человек избавился от хватки Фидельмы и снова занес над нею нож.

— Надо было бежать, Монха, пока у тебя была возможность! — прорычал мужчина. — У меня не было никакого желания причинить вред тебе или твоему старику. Я только хотел, чтобы вы убрались из гостиницы. А теперь вы должны будете умереть!

Фидельма метнулась в сторону, отчаянно пытаясь нащупать в темноте какое-нибудь оружие, хоть какой-нибудь предмет, которым она смогла бы стукнуть противника.

Наконец ее рука на что-то наткнулась. Фидельма смутно припомнила гипсовую фигуру Мадонны с Младенцем. Она непроизвольно зажала фигуру в руке и замахнулась, как палкой. Она ударила мужчину в то место, где, как она предполагала, у него был висок.

Отдача от удара поразила Фидельму. Гипс разлетелся на куски, как она и ожидала, но удар был жестким и тяжелым, у нее даже рука задрожала. Раздался звук, как от удара тупым предметом по живой плоти.

Человек издал странный звук, будто разом выдохнул весь воздух, и повалился на пол. Фидельма услышала, как о доски звякнул металл, — мужчина вырвал нож.

Фидельма постояла несколько секунд, она тяжело дышала, стараясь восстановить дыхание и успокоить нервы.

Потом медленно подошла к столу и позвала уверенным голосом:

— Теперь можете спускаться. Я угомонила вашего призрака!

Фидельма, спотыкаясь, сделала несколько шагов, отыскала свечу, зажгла ее и вернулась к тому месту, где находился поверженный ею противник. Мужчина лежал на боку, вытянув перед собой руки. Это был молодой человек. Увидев страшную рану у него на виске, Фидельма тихо вздохнула. Она наклонилась над телом, взяла его за руку — пульса не было.

Фидельма с интересом осмотрелась. Удар гипсовой статуэткой не мог оказаться смертельным.

Осколки и пыль разлетелись по полу. Но здесь, рядом с мужчиной, лежал похожий на дубинку цилиндрический предмет, завернутый в мешковину. Он был не больше фута длиной и около дюйма диаметром. Фидельма подняла цилиндр. Тяжелый. Она вздохнула и положила его обратно.

Монха и Белак к этому времени, крадучись, спустились по лестнице.

— Белак, у вас есть лампа? — спросила Фидельма.

— Да. А что?

— Будь любезен, зажги ее. Я думаю, загадка появления вашего призрака разгадана.

С этими словами Фидельма подошла к тому месту, где призрак как будто вырос из пола. Там она обнаружила люк и несколько ступенек, которые вводили в туннель.

Белак зажег лампу.

— Что произошло? — спросил он.

— Ваш призрак был обычным человеком, — объяснила Фидельма.

Монха застояла.

— Вы хотите сказать — это Магрэн? Его не убили на берегу Лох-Дерга?

Фидельма присела на край стола и покачала головой. Она протянула руку и взяла со стола вольпку.

— Нет, это был человек, который немного походит на того Магрэна, которого ты помнишь. Взгляни на его лицо, Монха. Я думаю, ты узнаешь младшего брата Магрэна, Кано.

Вздых изумления подтвердил предположения Фидельмы.

— Да, но почему, что...

— Грустная, но простая история. Кано не был убит у Лох-Дерга, как тебе сказали. Вероятно, он был ранен и вернулся в родные места хромым. Я полагаю, он не хромал, когда уходил из дому?

— Нет, не хромал, — согласилась Монха.

— Магрэн погиб. Кано взял вольнку Магрэна. Почему он так долго не возвращался, мы никогда не узнаем. Быть может, до настоящего момента он не нуждался в деньгах. А может, ему это просто в голову не приходило...

— Я не понимаю, — сказала Монха и тяжело опустилась на стул возле стола.

— Кано помнил, что у Магрэна были кое-какие сбережения. Он скопил достаточно денег. Магрэн говорил тебе, что в случае его гибели для тебя оставлены в гостинице деньги и ты никогда ни в чем не будешь нуждаться. Все верно?

Монха закивала.

— Но я же вам говорила, это были лишь очередные фантазии Магрэна. Мы обыскали всю гостиницу и не нашли никаких денег. Все равно мы с мужем довольны тем, что у нас есть.

Фидельма улыбнулась:

— Возможно, именно в тот момент, когда Кано узнал, что вы не нашли припрятанное братом богатство, он и решил найти его сам.

— Но богатства здесь нет, — запротестовал Белак, поддерживая жену.

— Оно находится здесь, — настаивала на своем Фидельма. — Кано знал об этом. Но он не знал — где. Ему нужно было время, чтобы найти. А как он мог выпудить вас покинуть гостиницу на достаточно долгое для поисков время? Тогда-то ему и пришел в голову хитроумный план — избавиться от вас, притворившись призраком старшего брата. У Кано была волюшка брата, и он умел играть те же мелодии, что и брат. Внешность и голос позволяли ему сойти за человека, которого ты когда-то знала, Монха. Но, конечно, на расстоянии и приглушая голос. И он начал выживать вас отсюда.

— А это свечение? — спросил Белах. — Как это у него получилось?

— Мне приходилось видеть похожее на глину вещество, которое способно так странно светиться, — успокоила его Фидельма. — Его можно соскрести со стен пещер к западу от этих мест. Его называют *tearnail*, или фосфор. Это вещество светится в темноте. Если ты осмотришь плащ Кано, то заметишь, что он вымазан этой желтой глиной.

— Но он не оставлял следов, — возразил Белах. — Не оставлял никаких следов на снегу.

— И все же он оставил один предательский след, — заметила Фидельма. — Понимаешь, он отламывал от кустов ветки и, уходя от сугроба, заметал свои следы. Ветки, конечно, замстали человеческие следы, но заметно нарушали ровную поверхность снега. Это старый трюк, так воины заматают свои следы, уходя от врагов.

— Но как он мог выжить на холоде все эти ночи? — спросила Монха.

Это обстоятельство она не могла объяснить с помощью своей женской логики.

— Кано и не жил на холоде. Он спал в гостинице или на крайний случай в конюшне. Пару раз он пытался обыскать гостиницу, пока вы спали. Отсюда все эти звуки, которые вас будили. Однако он понимал, что по-настоящему обыскать гостиницу сможет, только если выживет вас отсюда.

— Кано жил в гостинице, здесь, вместе с нами? — с ужасом спросил Белах.

Фидельма кивнула в сторону открытого люка:

— Похоже, он знал больше секретных ходов в этой гостинице, чем вы оба, вместе взятые. В конце концов, Кано вырос в этом доме.

Наступила тишина.

Монха тихо вздохнула.

— Кто бы ни искал — богатства здесь нет. Бедный Кано. Он ведь не был злодеем. Вы могли не убивать его, сестра?

Фидельма на секунду поджала губы.

— Все в руках Божьих, — со смирением сказала она. — Когда мы боролись, я схватила статуэтку Мадонны и ударила ею Кано. Попала в висок, и она разлетелась на куски.

— Но это же был просто гипс. Статуэтка ведь не могла убить Кано?

— Его убило то, что было внутри нее. Как раз то, что он искал. Это лежит здесь, на полу.

— Что же это? — прошептала Монха, а Беллах наклонился и поднял с пола завернутый в мешковину цилиндр.

— Это столбик монет. Богатство Магрэна. Он, как железная дубинка, ударил Кано и убил его. Мадонна охраняла сбережения Магрэна все эти годы и в конечном счете подвела черту под жизнью того, кто не имел права наследовать это богатство.

Тут Фидельма заметила свет, который просачивался в гостиницу сквозь ставни.

— Ну, вот и день начинается. Мне пора сниматься с якоря и отправляться в Кэпел. Я оставлю письмо вашему *bo-aire* и все в нем объясню. У меня несложное дело в Кэпеле. Если я ему понадобится, я вернусь.

Монха задумчиво разглядывала гипсовые осколки.

— Надо будет купить новую статуэтку Мадонны, — тихо сказала она.

— Теперь вы можете себе это позволить, — со значени-
ем отозвалась Фидельма.

КИМ НЬЮМАН

Семь Звезд

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ СЕРДЦЕ МУМИИ

Чарльз Борегард

Клуб «Диоген» расположен за неприметной дверью на лондонской улице Пэлл-Мэлл, на задворках Уайтхолла. Через его вполне обыкновенное фойе проходят самые неподимые и необыкновенные люди города. Список его членов представляет собой величайшую (если не считать Палаты лордов) коллекцию оригиналов, мизантропов, гротескных личностей и разгуливающих на воле лунатиков.

Созданное якобы для удобства той разновидности людей, которые стремятся жить в оплаченной изоляции от себе подобных, это скромное заведение на самом деле представляет собой нечто куда большее. Звуконепропускаемые комнаты на верхнем этаже зарезервированы для Тайного Совета клуба, состоящего из пяти человек, каждый из которых имеет непосредственное отношение, преимущественно благодаря не слишком значительным должностям, к правительству Ее Величества.

Чарльз Борегард находится в распоряжении клуба «Диоген», и когда к нему обращаются, это неизменно влечет за собой путешествие в какой-нибудь отдаленный уголок земли и затрагивает конфиденциальные вопросы, касающиеся интересов Великобритании. Хотя Борегард считает себя чем-то средним между дипломатом и курьером, порой ему приходится быть и детективом, и взломщиком, и самозванцем, и чиновником. Тайная деятельность правительства предоставляет ему возможность заниматься разнообразной и захватывающей деятельностью.

Кое-какие из дел клуба «Диоген» известны за его пределами как «Большая Игра».

Чарльз Борегад впервые появился в заслужившей шумное одобрение повелле Кима Ньюмана «Багровая власть» (*Red Reign*) в «Антологии вампиров» (*The Mammoth Book of Vampires*, 1992), которую автор позднее расширил до снискавшего награды романа «Анно Дракула» (*Anno Dracula*, 1992). С того времени Борегад, вместе с ирландской журналисткой Кэтрин Рид, оказавшейся вампиром, появлялся в романах «Кровавый Красный Барон» (*The Bloody Red Baron*, 1995) и «Слезный суд» (*Judgment of Tears*, 1998), хотя в этих романах действует иная временная шкала, нежели в «Семь Звездах». Кейт Рид, являющуюся также главной героиней рассказа Кима Ньюмана «Дракула Коппола» (*Coppola's Dracula*) в «Антологии Дракулы» (*The Mammoth Book of Dracula*, 1997), придумал Брэм Стокер, но этот образ так и остался незаконченным. Генри Уилкокс позаимствовал у Э.М. Форстера, Томас Карнаки — у Уильяма Хоупа Ходжсона, а инспектор Лестрейнд, разумеется, у сэра Артура Конан Дойла.

Клуб «Диоген» тоже был придуман Конан Дойлом — его членом был брат Шерлока Холмса Майкрофт — в рассказе «Переводчик с греческого» (*The Greek Interpreter*, 1893), но лишь один из соавторов сценария и режиссер фильма «Частная жизнь Шерлока Холмса» (*The Private Life of Sherlock Holmes*, 1970) Билли Уайлдер утвердил этот клуб в статусе конспиративного звена разведывательной службы.

Он был размером с человеческое сердце. Чарльз Борегад заслопил его ладонью с расставленными пальцами и зажмурил один глаз, но камень все равно был виден. — Обычно рубины бывают меньше, не так ли? — спросил он.

Профессор Трелони пожал плечами.

— Наверно. Я египтолог, а не геолог. Строго говоря, рубин — это совершенно прозрачный красный корунд, хотя в широком смысле этот термин применяют просто для красных драгоценных камней вроде некоторых разновидностей шпинели и граната. Среди специалистов по драгоценным камням

идет спор, истинный ли это рубин. Корунды, как вам известно, — сафир и прочие, — уступают по твердости алмазу. «Семь Звезд» по мспышей мере так же тверд, как и алмаз.

Трелони постучал по «Семи Звездам» костяшками пальцев, касаясь его перстнем с бриллиантом. Он не попытался поцарапать им бесценный камень. Вероятно, из страха повредить кольцо.

— Так это красный бриллиант? — предположил Борегард. Трелони приподнял пышные брови.

— Вполне возможно, если таковые существуют. Или, может, неизвестный современной науке драгоценный камень. Разновидность, возможно, некогда известная правителям-фараонам, казующая в безвестность и теперь вновь открытая во славу нашей дражайшей королевы.

С того самого момента, как развернули материю, обнажив камень, Борегарду хотелось потрогать его. Но он держал руки подальше. Как ни глухо, у него было ощущение, что камень горяч, как огонь, словно его только что выплюнуло из жерла вулкана.

— Почему он называется «Семь Звезд»?

Трелони улыбнулся, сморщив обветренное лицо.

-- Не будете ли вы любезны прибавить света в газовой лампе?

Борегард подчинился. Пламя взметнулось со змеиным шипением, давая больше света. Цокольный этаж Британского музея был разделен на множество запасников, кабинетов и лабораторий. Берлога Трелони, в которой на удивление царил порядок, предназначалась в данный момент для изучения загадочного камня.

Трелони натянул белые хлопчатобумажные перчатки и поднял предполагаемый алмаз. Ему пришлось широко раздвинуть большой палец и мизинец, чтобы надежно обхватить его.

— Взгляните *сквозь* камень, на пламя.

Борегард обошел вокруг стола. Трелони держал драгоценный камень на манер линзы. В красной глубине горело семь звезд. Борегард переместился, и огни исчезли. Он передвинулся обратно, и они вспыхнули снова. Семь огненных точек, знакомый узор.

— Большая Медведица, — прокомментировал он.

Трелони положил камень обратно.

— Большая Медведица, Повозка Шарлеманя, старый добрый Плуг¹. Известная также, насколько я знаю, под названиями Семизвездие, Семь Палуниц Быков и — у индусов — Семь Старцев, или Семь Праведных Древних Мудрецов. Или, как сказали бы наши американские сородичи, Большой Черпак. Кстати, ради Аида, как вы думаете, что такое черпак?

— Ковшик. Вы интересуетесь астрономией, профессор?

Трелони рассмеялся и указал на камень:

— Я интересуюсь вот этим. Все остальное я узнал из энциклопедии.

— Это природный эффект?

— Если нет, то древнеегипетские ювелиры владели забытыми нынче секретами. Что, между прочим, является не такой уж невероятной гипотезой. Мы до сих пор толком не знаем, как они ухитрились построить пирамиды. Я склонен, однако, считать эти звезды естественным, или сверхъестественным, явлением.

— Сверхъестественным?

Брови Трелони снова изогнулись.

— Видите ли, существует проклятие.

— Ну разумеется.

Теперь, без света позади, камень казался мертвой глыбой, огромным сгустком крови. Наверняка его история связана с кровью, и немалой.

— Я не могу принимать проклятия слишком всерьез, — объявил Трелони. — Любое древнее место по меньшей мере трижды проклято. Если учитывать всю коллекцию вредных для живущих людей предметов из разных нечестивых могил, пришлось бы считать Британский музей самым проклятым местом во всей империи. Но сотни посетителей каждый день бредут по его лестницам без всяких дурных последствий для себя. Разумеется, если только до этого они не побывали в пижамной на Грейт-Рассел-стрит.

Борегарду подумалось, что профессор, возможно, пытается скрыть страх.

¹ Названия созвездия «Большая Медведица».

— И все же, — задумчиво добавил тот, — у этой маленькой вещицы есть свои секреты.

— Уверяю вас, профессор, меня не было бы здесь, если бы эти секреты не воспринимали вполне всерьез высокопоставленные люди.

— Я понимаю.

Трелони был открытым человеком, вовсе не похожим на занудного профессора. Он провел в пустынях и на раскопках гораздо больше лет, чем в аудиториях и запасниках. Борегарду он понравился с первого взгляда. Однако профессор был осторожен с ним.

Должно быть, Борегард казался ему загадкой: не полисмен, не дипломат, и все же ему поручили это щекотливое дело. Предполагалось, что, если Борегарду придется объяснять, кто он такой, тот назовет себя слугой королевы и не станет упоминать о клубе «Диоген», этом придатке государственной власти, с которым он был связан.

— С того момента, как «Семь Звезд» был найден...

— В Долине Мага, два года назад, — уточнил Трелони.

— Умерло девять человек. В связи с этим камнем.

Трелони пожал плечами. Борегард знал, что большинство умерших были коллегами профессора.

— В этом нет ничего таинственного, Борегард. Этот камень представляет огромный академический интерес, но и стоимость его тоже огромна. Традиционные расхитители гробниц считают, что египтологи, так сказать, браконьерствуют в их угодьях. Для нас эти останки — удивительные отсветы утраченной истории, но для поколений *феллахов*¹ захоронения давно умерших все равно что поля с картошкой, которую надо выкопать и продать.

Взгляд Борегарда все время возвращался к камню. Это был один из тех предметов, что наделены притягательной силой. Даже без света позади в нем был огонь.

— Насколько я понял, он был найден *внутри* мумии?

Трелони кивнул:

— Вещь необычная, но уже известная. Это была мумия Пай-нет'ема, одного из слуг Менептаха III. Судя по обры-

¹ *Феллахи* — египетские крестьяне.

вочным записям, фараон, похоже, полагался на него, как паша добрая королева — на лорда Солсбери¹. Влиятельный советник. А Мснептах — бездельник, переложивший скучнейшую управленческую рутину на людей вроде старины Пай-нет'ема.

— Он и есть тот самый маг, в честь которого назвали долину?

— Почти наверняка нет. Тело Пай-нет'ема было втиснуто между множества других гробниц. Место погребения очень скромное, особенно учитывая его влияние. По справедливости, он должен был бы быть похоронен в фиванском подобии Вестминстерского аббатства. Сначала мы думали, что это мумия одного из слуг Пай-нет'ема, но факты — «Семь Звезд» не в последнюю очередь — показали, что это его собственное тело.

— А камень?

— Мы перевезли мумию сюда для исследования. Когда мы с сэром Джозефом Уэйлом наблюдали за тем, как ее разбинтовывали, нам показалось, что в груди у нее вспыхнул огонь. Игра свста, но потрясающе. Это уникальная находка. Каирский музей древностей принялся бекать и мекать и просить свою мумию назад и камень, разумеется, тоже! Однако лорду Кромеру удалось убедить хедива², что самым достойным образом действий будет преподнести «Семь Звезд» в дар королеве в честь ее юбилея.

— Впоследствии сэр Джозеф был убит?

Трелони кивнул:

— Какой-то злодей персрезал ему горло. В его же кабинете. Четырьмя дверьми дальше по коридору. Тупым пожом. Вид был такой, будто ему рвали шею голыми руками.

— Но камень уцелел?

— Вообще-то, он был в сейфе. Для особо ценных вещей у нас есть специальные стальные камеры.

Борегард видел полицейские отчеты. Была осторожно допрошена половина лондонских ученых-египтологов, по-

¹ *Маркиз Роберт Артур Солсбери* (1830—1903) — премьер-министр Великобритании в период правления королевы Виктории.

² *Хедив* — титул правителей Египта в XIX в.

дозреваемых в приверженности некоему изуверскому культу. Никаких арестов не последовало.

Смерть сэра Джозефа привлекла к «Семи Звездам» внимание клуба «Диоген». Майкрофт Холмс, член Тайного Совета, вырезал заметку из «Таймс» и предсказал, что это дело переадресуют по их ведомству.

— Мумию вернули в Каир?

Борегард полагался на свою излюбленную тактику, задавая вопрос, ответ на который знал. Майкрофт учил, что факты сами по себе часто менее важны, чем то, как человек их преподносит.

— В том-то и дело, — ответил Трелони, хмуря брови. — Тот, кто убил сэра Джозефа, похитил мумию. Эти останки были довольно легкими. И все же не так-то просто было бы миновать нашего крепкого ночного сторожа. И в денежном плане не слишком выгодно. Мумий у нас полно. Погребальные украшения большинства из них были разграблены тысячелетия назад. Не пахотись драгоценный камень *внутри* Пай-нет'ема, грабители забрали бы его вместе с прочим могильным имуществом.

— Древние мертвецы нужны тем, кто занимается некой оккультной практикой, — заметил Борегард.

— Боже правый, для чего?

— Амулеты, зелья, тотемы и тому подобное. Составная часть магических ритуалов.

Трелони ничего не ответил. В Оксфорде он был членом оккультного сообщества, Ордена Овна.

— Глаз мумии, собачий коготь и всякое такое, — не отступал Борегард.

Наконец Трелони фыркнул.

— Некоторые болваны в самом деле интересуются всей этой чухней, — признал он. — В студенческую пору я и сам ввязался в такую компанию. Сыновья тех дурней, с которыми я был знаком, возможно, все еще платят бешеные деньги за толченый конский навоз, выдаваемый за прах магов Атлантиды. Может быть, бедные кости Пай-нет'ема что-то и стоят на этом странном рынке. Надеюсь, полиция расследует эту сторону дела.

— Я тоже.

Борегард снова взглянул на «Семь Звезд».

— Я не слишком стану убиваться, если камень отправится в Тауэр, — сказал Трелони. — Не побоюсь сказать вам, что смерть сэра Джозефа напугала меня. Ученый во мне говорит, что я не должен выпускать камень из рук, пока все его тайны не будут разгаданы. Но осторожность подсказывает, что пусть лучше о нем позаботится кто-нибудь другой.

— И этот другой — я?

Трелони печально улыбнулся. Он накрыл «Семь Звезд» покрывалом.

— От Менептаха к Пай-нет'ему, — сказал профессор, — а теперь от Абеля Трелони к королеве Виктории. От фараона к правительнице империи всего за каких-то три тысячи лет. Может быть, этим все и окончится. Что касается моей роли, то я очень на это надеюсь.

Борегард спустился по лестнице. К концу дня людские толпы поредели. Он коснулся полей пиляны, приветствуя Джэнкса, человека из «Диогена», который был одет в униформу служителя и работал здесь, присматривая за происходящим, особенно с момента убийства сэра Джозефа.

Древнеегипетский зал, всегда такой популярный, сейчас был почти пуст. В помещении господствовала над всем огромная безносая голова с жуткими бесстрастными глазами. Борегарду захотелось взглянуть на мумии, чтобы получить представление о пропаже.

Под стеклом лежало обмотанное бинтами тело молодой девушки.

Борегард подумал о своей покойной жене, Памеле. Она похоронена в горах Индии, бесконечно далеко отсюда. Окажется ли она тысячелетия спустя выставленной на всеобщее обозрение, типичный экземпляр из XIX века нашей эры?

На мгновение он ощутил связь. С этой девушкой.

Табличка гласила, что имя ее неизвестно, но она дочь богатого человека. В ее захоронении были обнаружены глиняные фигурки — *ушебти*¹, которые должны были стать ее

¹ *Ушебти* — изображающие слуг погребальные статуэтки из гробниц.

слугами в загробной жизни. Бинты покрывали лицо и тело замысловатым узором — «слочкой». Под древней материей все еще выделялся нос.

У Борегарда возникло ощущение, что он — лишь миг, краткая пауза в истории, которая началась задолго до него и будет еще долго продолжаться после его смерти. Люди приходили и уходили, но некоторые вещи оставались, будучи вечными.

Он подумал о «Семи Звездах», чей покой никто не тревожил три тысячи лет. И кто знает, каким древним был этот камень, когда его погребли внутри Пай-пет'ема?

По хребту Борегарда пробежал холодок. Он чувствовал спиной чей-то взгляд, по единственному, что отражалось в стеклянной витрине, была слепая каменная голова.

Он обернулся и увидел женщину, бледнолицую, в дымчатых очках. Почти девушку, прекрасную и хрупкую. На миг ему подумалось, что она, должно быть, тоже слепая, но она наблюдала за ним.

Он уже был готов заговорить с ней, но она стремительно исчезла.

В другой жизни...

Он снова взглянул на мумию, не понимая, почему это он так разволновался.

Он пожелал Дженксу всего наилучшего и покинул музей.

Улица Пэлл-Мэлл была разукрашена донельзя. Лондон постепенно исчезал под жизнерадостными полотнищами патриотических украшений в цветах национального флага в честь семидесятилетия юбилея королевы. За шестьдесят лет ее пребывания на троне в Британии и Британской империи произошли невообразимые персмены. Королева пережила конституционные кризисы, являя собой пример правителя, недостижимый для многих из ее подданных, включая ее собственных детей.

От Британского музея он взял открытый кеб, наслаждаясь ранним июньским вечером. Юбилей, хотя еще и не полностью обрушился на город, все же заставлял готовиться к этому событию. Люди надели праздничные шарфы и ленты во славу королевы, которая правила при помощи

любви, а не страха, которым Менептах и ему подобные орудовали будто плетью.

За годы службы Борсгард видел взлеты и падения империи. Он ненавидел мелочность и жестокость, которые существовали в этом городе так же, как и в самых отдаленных уголках земли, но искренне восхищался стремлением к порядочности и благородству, живущим в возвышенной душе Виктории. Для него Юнион Джек¹ был не торговой маркой некоего гигантского финансового концерна или знаком, которым олицетворившийся британский бульдог метил свою территорию, но знаменем, означавшим, что невинные и беспомощные находятся под его защитой.

Он вошел в фойе клуба «Диоген», и его предупредительно проводили в помещение Тайного Совета. Майкрофт Холмс, игравший роль огромного паука в центре национальной разведывательной сети, восседал в своем изготовленном на заказ кресле, сложив пирамидкой пухлые пальцы и задумчиво хмурия брови. Целую минуту он не реагировал на Борсгарда, заканчивая какие-то мысленные расчеты.

— Борсгард, — произнес он наконец. — Это тонкое дело. Борсгард согласился.

— Вы видели безделушку?

— Это отнюдь не безделушка. Рубин величиной с мой кулак.

— Это не рубин.

— Я не в силах понять, при чем тут геология.

— Этот камень следует рассматривать со всех точек зрения, чтобы лучше разобраться в его многогранности. Это драгоценный камень, не имеющий себе подобных.

— Совершенно с вами согласен.

— Вероятно, он не привлечет к себе такого внимания, как «Кохинор», или «Лунный Камень», или «Глаз Маленького Желтого Бога». Но он куда более поразителен.

— Он омыт кровью.

— Как и все великие камни.

¹ Юнион Джек — государственный флаг Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

— У этого и вид соответствующий.

— Скажите, Борегард, а что насчет огоньков?

— Семь Звезд. Расположенных точно как в Большой Медведице. Просто невероятно. Как будто камень — это звездная карта.

— Стент, королевский астроном¹, предположил, что «Семь Звезд» — упавший на землю метеор. Возможно, это послание с тех звезд.

Борегарда снова передернуло. Ему не хотелось думать о красной вспышке, которая мчалась к Земле тысячелетия назад.

— Это страшная штука, — признал он.

— А что насчет убийства сэра Джозефа Уэмпла и похищения мумии?

Борегард вновь мысленно перебрал то небольшое, что услышал.

— Трелони всячески старался не относиться всерьез к предположению, что мумию могли украсть для того, чтобы использовать в магических ритуалах. И все же он, правда в юности, сам участвовал в подобных ритуалах. На мой взгляд, он именно это и подозревает, но не осмеливается предложить такую версию, чтобы не стали слишком пристально приглядываться к его прошлому.

Пухлое лицо Майкрофта скривилось в легком раздражении.

— Нам многое известно об Абеле Трелони и Ордене Овна. Вы слышали про Деклана Маунтмейна?

— Из фсниеи?²

— Не совсем. Мы вплотную подобрались к нему, чтобы посадить в тюрьму в связи с той историей, когда на «Лордз»³ был заложен динамит, но он ускользнул из сети, нашел мелких сошек, принявших на себя удар.

Борегард помнил это отвратительное злодеяние. Чудом никто не погиб.

¹ *Королевский астроном* — звание директора Гринвичской астрономической обсерватории до 1972 г.

² *Фениеи* — член тайного общества, борозшегося за освобождение Ирландии от английского владычества.

³ «*Лордз*» — известный крикетный стадион в Лондоне.

— Маунтмейн — псих, — провозгласил Майкрофт, — но опасный. Большинство сторонников ирландского гомруля¹ дистанцируются от него. Братство фениев считает его наихудшим из пустозвонов. Он сочинил памфлет, который был запрещен как непристойный, где утверждалось, что известные члены кабинета министров и церковные деятели создали культ, исповедующий языческое поклонение богине, воплотившейся в нашей королеве. Предположительно мы похищаем девиц легкого поведения с улочек Ист-Энда и ритуально потрошим их в храме под Букингемским дворцом.

Борегад считал, что подобное предположение просто омерзительно.

— Сам Маунтмейн во все это не верит. Он просто пытается перенести свои собственные методы и повадки на тех, кого считает своими врагами. Он знаток оккультных наук и остается Великим Пуу-Ба² Ордена Овна. Его верования — смесь язычества и сатанизма, с небольшой примесью индуизма и древнеегипетского вздора. Он мелет чушь об Атлантиде, и Р'лех на плато Ленг³, и Старших Богах со Звезд. Без сомнения, все это очень таинственно и жутко.

— Вы полагаете, что за покушением на «Семь Звезд» стоит этот Маунтмейн?

— Я не полагаю ничего, что не может быть доказано. У Маунтмейна давние связи с Трелони. Он коллекционер всяких загадочных диковин. В его распоряжении целое состояние, пополненное деньгами, выманенными у тех, кто поддерживает его сомнительные политические игры. Он никоим образом не единственный мерзавец такого рода — вы слышали, как я говорил, что горец Алистер Кроули⁴ явля-

¹ *Гомруль* — движение последней трети XIX — начала XX в. за ограниченное самоуправление Ирландии при сохранении верховной власти английской короны.

² *Пуу-Ба* (Pooi-Bah) — занимающий несколько должностей (по имени персонажа в комической опере «Микадо»); человек, имеющий много обязанностей; уважающийся человек.

³ *Р'лех на плато Ленг* — вымышленный город, впервые упомянутый Г. Лавкрафтом в рассказе «Зов Ктулху».

⁴ *Алистер Кроули* (1875—1947) — один из самых известных оккультистов и сатанистов своей эпохи. На севере Шотландии в горах находилась его «магическая» резиденция — Черный и Белый храмы.

ется молодым человеком, за которым стоит понаблюдать, — но в настоящее время он наихудший из всего этого ничтожного сброда.

— Должен ли я осторожно навести справки о Деклане Маунтмейне?

— Если полагаете, что это имеет смысл.

Как всегда с Майкрофтом, Борегард чувствовал, что его провели по лабиринту мыслей к заранее известному умозаключению. Такова была манера Великого Человска — вытягивать свои собственные идеи из других.

— Отлично. Думаю, я знаю, с чего начать.

Всего в сотне ярдов от клуба «Диоген» находились помещения «Пэлл-Мэлл Газетт». Борегард неспешно прогуливался, обдумывая две стороны стоящей перед ним в данный момент задачи.

Когда Майкрофт упомянул Деклана Маунтмейна, он понял, что ему следовало бы ввести в игру Кэтрин Рид. Среди сотрудников «Газетт» она была единственной женщиной-репортером с постоянной занятостью, во всяком случае, когда не оказывалась за решеткой за суфражистскую¹ агитацию. Кейт знала про ирландский гомруль не меньше любого мужчины, потому что сама участвовала в нем, хотя, глядя на ее очки, вы бы этого никогда не подумали. Она была также мастерица разузнавать о важных персонах информацию, не делавшую им чести. Борегард был уверен, что Кейт наверняка что-нибудь да известно про Маунтмейна.

Другой стороной медали являлось то, что Кейт обладала непасытным любопытством и цепкостью клеща. Всякий раз, когда ей задавали вопрос, она отвечала на него вопросом. И требовала ответа за ответ. С этими своими обезоруживающими манерами и хватким, как канкан, умом, она могла смекнуть, что к чему, и проследовать за ним по пятам к тому, что, на ее взгляд, могло сгодиться для печати. Клуб «Диоген» гордился тем, что является наименее известным из подразделений Британского правительства.

¹ *Суфражистки* — участницы женского движения, возникшего в Англии в конце XIX в.; боролись за равноправие женщин.

Майкрофт решительно питал отвращение к появлению названия их организации в газетах, не говоря уж о своем собственном имени. Подобные вещи он оставлял для своего более знаменитого, хоть и менее прощительного брата.

Кейт была подругой Памелы. Как и его покойной жене, ей удавалось видеть Чарльза Борегарда насквозь, словно он был сделан из оконного стекла. А теперь он собирается завербовать ее для конфиденциального поручения.

Ему подумалось, уже не в первый раз, что он, должно быть, спятил. Он знал, где находится укромное местечко Кейт в недрах издательства, но легко смог бы отыскать его в любом случае. По крику.

Крупный, хорошо одетый мужчина, с налившейся кровью от ярости шеей неистовствовал.

— Только вылезй из-под стола, и я тебя отхлещу!

Борегард узнал Генри Уилкокса, финансового магната.

Он сразу догадался, что «Газетт», должно быть, напечатала некую историю за подписью Кейт, разоблачившую какие-нибудь неблагоприятные делишки Уилкокса.

— Вылезай, трусливая душонка! — ревел магнат.

Уилкокс стоял возле прочного стола. Он бил по нему хлыстом для верховой езды.

Стол вздрагивал.

Кейт, сделал вывод Борегард, спряталась под ним.

Он подумал, не стоит ли ему вмешаться, но отказался от этого намерения. Кейт Рид не любила, когда другие сражались вместо нее, хотя сама имела привычку ввязываться в любую случившуюся драку.

Уилкокс свирепо хлестнул пишущую машинку.

Стол подпрыгнул, и маленькая женщина вылетела из своего убежища.

— Как вы смеете! — завопила она. — Генри Уилкокс, вам должно быть воистину стыдно!

Магнат, столь же внушительный телесно, как и финансово, онешил. Кейт, рыжеволосая и веспушчатая, часто нерешительная в приличной компании, была в ярости. Поднявшись на цыпочки, она приблизила свое лицо вплотную к лицу Уилкокса и поправила очки с толстыми стеклами.

— Эта заметка, в которой упоминается мое имя, — начал он.

— Вы отрицаете факты? — перехватила инициативу Кейт.

— Дело не в этом! — прорычал он.

— А я думаю, что в этом. Может, нам следует опубликовать дополнительную статью? Вы хотите, чтобы была изложена ваша позиция. Что же, мистер Уилкоккс, это ваш шанс.

Кейт подняла свой стул и заправила в пишущую машинку лист бумаги.

— Прежде всего вопрос насчет возраста девочки. Как вам показалось на первый взгляд?

— Я пришел сюда не для того, чтобы меня оскорбляли.

— Правда? А куда вы ходите, чтобы вас оскорбляли? Я догадываюсь, что то заведение, в котором работает ваша юная подруга, предлагает немало разнообразных удовольствий.

— Подобное поведение не пристало вашему полу.

У Кейт Рид был такой вид, будто она вот-вот начнет выдыхать огонь.

— Я полагаю, что стремление познать детей в библейском смысле этого слова — благородное и достойное занятие для могущественного мужского пола.

— Это клевета!

— Нет, это злословие. Клеветой оно будет, только если мы напечатаем это. И если будет доказано, что это ложь.

— Она ни за что не даст вам доказательств.

— Ваша оскверненная голубка? На сколько вы готовы держать пари?

Все лицо Уилкоккса налилось кровью. Борегард гадал, не хватит ли его вот-вот удар. Судя по тому, что он смог понять, мужчина был совершеннейшей свиньей.

Кейт быстро печатала, вонзая в клавиши пальцы, будто маленькие ножи.

Не угодно ли вам взять адреса адвокатов «Газетт»? Ваш юрист сможет связаться с ними, когда эта статья будет напечатана.

Уилкоккс пробормотал слово, которое Борегард никогда не предполагал услышать в присутствии дамы. Кейт, не краснея, продолжала печатать.

Финансовый магнат нахлобучил шляпу и удалился, раздраженно протиснувшись мимо Борегарда.

— Глупая маленькая потаскушка, — сказал он.

— Девочка или я? — крикнула ему вслед Кейт.

Борегард заменил Уилкокса на линии огня, встав у стола Кейт. Она подняла глаза, чуть улыбнулась и продолжала печатать.

— Чарльз, привет тебе! В какую неприятность я угодила на этот раз?

— Ты, похоже, вполне способна сама отыскать их сколько угодно.

— Этот человек покушает детей для ужасных целей. И все-таки для него это, похоже, окончится получением титула. Пожалованием в рыцари!

— Сомневаюсь.

— Другие до него получали. — Она разом перестала печатать и взглянула на него. — О, я понимаю. Словечко, замолвленное кому надо. Зачеркнутое имя в списках. Сомкнутые ряды. Ничего в открытую, знаете ли, если это может взбудоражить толпу. Только подомолвки. Кое-что еще не доделано, видите ли. У него все в порядке с деньгами, и с домом, и с видами на будущее. Но он *не джентльмен*. Ты, наверно, можешь это сделать. Я не недооцениваю вашего призрачного влияния. Но увидеть, как этому чудовищному типу набросают черных шаров, — вовсе не предел моих мечтаний. Я бы охотнее посмотрела, как его лишат шаров *вовсе*¹.

Борегард был шокирован. Кейт всегда была резкой, но он никогда не слышал, чтобы ее голос звучал с таким чувством.

Она успокоилась и оперлась локтями о стол. Прическа ее растрепалась.

— Прошу прощения. Я не должна была налетать на тебя. Ты здесь ни при чем.

Борегард вытащил лист из машинки. Кейт печатала детские стишки.

¹ Игра слов: blackball (*англ.*) — черный шар (при баллотировке), забаллотировать; de-ball (*англ.*) — кастрировать.

— Мистер Свед больше не напечатает ничего про Уилкокса, — призналась она, имея в виду редактора. — Он готов провозгласить целый крестовый поход, с жаром разоблачая «роль падших девиц в современном Вавилоне», но, честно говоря, нашим юристам далеко до тех, которых может себе позволить Уилкокс. Свед хочет остаться в бизнесе.

Кейт взяла бумажный лист, скомкала его в шарик, кинула и промахнулась мимо мусорной корзины.

Борегард прикидывал, как лучше подступить к делу.

— Какис у тебя планы насчет юбилея? — спросил он.

— Никак ты желаешь сопроводить меня па эту небольшую церемонию в Тауэр, и при этом предполагается, что я не буду знать, что ты затеваешь? Будь это так, я бы заподозрила, что ты просто заманиваешь меня туда, чтобы меня смогли заковать в кандалы и заточить в самую глубокую из подземных тюрем.

— Я подумал, что тебе как репортеру это могло бы быть интересно.

— Она довольно славная старушка, папа королева. Но я не считаю, что она должна править на моей земле. Или еще в нескольких красных пятнах на карте. Я предполагала, что отираздную юбилей, уютно приковавшись к какой-нибудь славной ограде, одетая в цвета ирландского флага и одлсвываемая патриотическими толнами.

Борегард не мог не заметить слабую трещинку в расчитанном возмущении Кейт.

— Могу я повлиять па твой выбор?

Она посмотрела на него с комической жалостью.

— Конечно не могу, — продолжил он, улыбаясь. — Однако нужда заставляет. Что тебе известно о Дсклане Маунтсйне?

Комическое выражение разом стерлось с лица Кейт.

— Чарльз, *нет!*

— Не понял.

— Во что бы ни ввязался Маунтмейн, не суйся в это. Бывают дураки, и мерзавцы, и мошенники, и изверги. Он — все это разом. По сравнению с грехами Маунтмейна делшки Генри Уилкокса — просто небольшие шалости.

— Всплыло его имя.

— Я не желаю иметь с ним ничего общего. Что бы это ни было.

— Значит, ты не хочешь быть моей гостьей в Тауэре. Увидеть Камень Семи Звезд.

— Это совсем другое дело. Это предложение я принимаю. Благодарю вас, любезный господин.

Она поднялась и перегнулась через стол, чтобы поцеловать его в щеку.

— Что мне надеть? Что-нибудь зеленое?¹

Он рассмеялся:

— Нсужто осмелишься?

Она хихикнула.

Глубина ее антипатии к Маунтмейну омрачала их веселье. Борегард с тревогой подозревал, что Майкрофт направил его на верный путь и что ему крайше не понравится, куда этот путь его приведет.

Во внутреннем дворе Британского музея рассказывали полисмены. В нескольких высоких окнах горел свет. Борегард понял, что освещенное помещение — это зал Древнего Египта.

Его вызвали из дома в Челси шифрованной запиской. Перед тем как его разбудил слуга, Бэрстоу, ему снился египетский сон, и он плыл вниз по Нилу на барке, преследуемый оравой людей Махди — что действительно было с ним в этой жизни — и фараона времен Исхода, — чего, конечно, не было.

В зале констебли в касках стояли над укрытым простыней телом. Маленький человечек с бакенбардами и в котелке был раздражен.

— Доброе утро, Лестрейд.

— Доброе? — переспросил инспектор. В окнах розовел рассвет. — На мой взгляд, это больше похоже на начало очередного проклятого долгого дня.

Вокруг все было вверх дном. Витрина мумии, которую он недавно разглядывал, была разбита, осыпав египетскую девушку стеклянными осколками. Другие экспонаты сброшены со своих мест и раскиданы вокруг.

¹ Зеленый цвет — символический цвет Ирландии.

Не нужно говорить вам, как все это неприятно, — заметил Лестрейд, кивая констеблю, который поднял простыню.

Это был Дженкс. С разорванным горлом.

— Мы думали, он был просто зрителем, — сказал Лестрейд. — Потом нашли его документы, и похоже, что он из вашей компании.

— Да-да, — произнес Борегард, не вдаваясь в комментарии.

— Без сомнения, крутился здесь в связи с последним делом. Убийством Уэмила. За спиной у работающей не покладая рук полиции.

— Дженкс лишь приглядывал за некоторыми предметами. Вы же знаете, что здесь в подвале хранится драгоценность короны.

— Хранилась.

Слово прозвучало, как удар молота.

— Хранилище было взломано. Никакой хитрости или ума. На мой взгляд, похоже на динамит. Взрыв перебудил сторожей во всем здании. Тех, что проспали все это.

— Камень Семи Звезд исчез?

— Еще бы.

Борегард глянул на рану Дженкса.

— Это похоже на то, что было у Уэмпла?

Лестрейд кивнул:

— Разорвано от уха до уха, чем-то зазубренным и не слишком острым.

Борегард видел отметины на убитых тиграх в Индии, следы нападения крокодилов в Египте, работу львов в Трансваале, жертв волков в Сибири и на севере Канады.

— Может, это животное, — сказал он.

— Мы думали об этом. В случае с Уэмилом все было на месте, если вы понимаете, о чем я. Изорвано так и сяк, но не изжевано, не порвано на куски, не съедено. Звери так не делают. Они всегда хотя бы попробуют съесть то, что убили.

По какой-то причине он подумал про женщину в дымчатых очках, которая была здесь, когда он в последний раз видел Дженкса. В его воспоминании зубы у нее были острые, как у гурмана-каннибала.

— Это странно.

Я не люблю странностей, сэр. Они всегда означают, что бедных полицейских типа меня отпихнут в сторону и запустят на мою территорию умников вроде вас или того парня с Бейкер-стрит. Что мне по душе, так это убийца, который напивается, лупит дубиной жепу, потом сидит и рыдает, пока не явится полиция. Вот правильное убийство. А это — просто злодейство.

— Ваш убийца совершил сегодня ночью две грубые ошибки, Лестрейд. Забрав «Семь Звезд», он ограбил королеву. А убив Дженкса, возбудил гнев клуба «Диоген». Я не хотел бы оказаться на его месте.

Лондонским адресом Деклана Маунтмейна был георгианский особняк на Уимпоул-стрит. Подходящее логово для змеи, норвежцей свить гнездо на самой груди империи.

Борегард посчитал, что лучше будет действовать напрямую. Интересно было, учитывая события прошедшей ночи в музее, оценить состояние Маунтмейна этим утром. Не звенит ли у него в ушах, как если бы он оказался вблизи от места взрыва в замкнутом пространстве?

Он постучал в прочную дверь парадного входа особняка Маунтмейна и дожидался на ступенях, пока дворецкий не открыл ему.

— Мистер Маунтмейн не принимает посетителей, сэр, — сказал слуга с заостренным лицом. — Он захворал.

— Меня он примет, — уверенно заявил Борегард.

Дворецкий колебался:

— Вы доктор, сэр? *Доверенный* доктор?

Борегард посмотрел вверх и вниз по улице, словно подозревая, что за ним следят. Как и следовало ожидать, в дверном проеме за дюжину домов от них виднелся какой-то мешок, очертаниями подозрительно похожий на человека. А это был совсем не тот район, в котором джентльменам дозволялось свободно спать посреди дороги под звездами.

— Вы полагаете, следует говорить о таких вещах на улице, где всякий может услышать вас?

Дворецкий был укрощен и — если только Борегард не ошибся самым жестоким образом — перепуган.

Дверь широко распахнулась, и Борегарду позволили войти. Он попытался поддерживать впечатление, что он — скомпрометированный себя врач, явившийся с тайной миссией милосердия. Выдавать себя подобным образом за другого было на удивление легко, особенно если не пытаться на самом деле быть тем, кем стараешься казаться, а просто позволить остальным строить предположения и не противоречить им.

В передней у Маунтмейна было темно. Окна все еще занавешены. Полоска дрожащего света под дверью свидетельствовала, что одна из комнат занята, и можно было расслышать тихие голоса. Дворецкий повел Борегарда не к этой двери, а к другой, и открыл ее.

Горела одна-единственная лампа — тусклый фонарь на столе. На диване лежал человек, накрытый простыней. Он стоял, и на добрую четверть простыни расплзлось черпокрасное пятно.

Дворецкий добавил света в лампе, и Борегард взглянул на лежащего мужчину. Тот был смертельно бледен под глубоко вьевшейся грязью, зубы стиснуты, на лбу крупные капли пота.

Борегард приподнял простыню.

В человеке словно долотом выдолбили дыру, разорвав на нем рубаху и обнажив ребра.

Раненый мужчина схватил Борегарда за руку.

— Священник, — вымолвил он. — Позовите священника.

— Ну хватит, Бэкон, — раздался басистый голос. — Неужто ты так легко отступил от своих принципов и вернулся к жалкой вере твоих ничтожных предков?

Борегард обернулся.

В дверном проеме стоял человек, который, как он понял, и был Декланом Маунтмейном. Невысокий и плотный, с высоким лбом, кажущимся еще выше оттого, что в его черных волосах появились залысины, Маунтмейн в любом случае выглядел впечатляюще. Он был в широкой куртке с поясом и сапогах для верховой езды, испачканных, без всяких сомнений, кровью. Не самая подходящая одежда, чтобы

слоняться по дому в ожидании завтрака, но идеальная для полуночных приключений с кражей и убийством.

Рана Бэкона неоспоримо напоминала смертельные ранения, полученные Дженксом и Уэмплом.

— Кто вы такой, сэр? — осведомился Маунтмейн. — И что вам за дело до открытой раны молодого Бэкона? Вы не чертов врач, это ясно.

Борегард подал ему свою визитную карточку.

— Я хотел проконсультироваться с вами как с экспертом по оккультным вопросам.

Маунтмейн взглянул на визитку, насмешливо приподнял бровь, затем отнес дворцовому пощечину, отбросившую того к стене.

— Ты никчемный болван, — бросил он своему слуге.

— Этот человек нуждается в заботах врача, — сказал Борегард. — И, как он сам сказал, священника.

Маунтмейн шагнул к нему.

Борегард почувствовал, как Бэкон сильнее сжал его руку при приближении Маунтмейна. Потом хватка внезапно ослабла.

— Нет, он нуждается в заботах гробовщика, — возразил Маунтмейн.

Мертвая рука Бэкона упала. На рукаве Борегарда была кровь.

— Очень печально, — заметил Маунтмейн, стараясь говорить неспешно, невзирая на раздражение, душившее его. — Несчастный случай. Его сбил кеб.

Если верить Майкрофту, люди, которые добровольно пускаются в объяснения, которых от них никто не просил, паверняка лгут. Борегард понял, что Маунтмейн настолько презирает всех остальных, что даже не потрудился сочинить более правдоподобную историю.

Куртка Маунтмейна запыхалась и воняла. Он узнал запах Дня Гая Фокса¹, остающийся после взрыва динамита.

— Теперь в результате моего мягкосердечного решения предоставить приют этому незнакомцу меня ждет множе-

¹ День Гая Фокса — 5 ноября, когда, по традиции, отмечают раскрытие «Порохового заговора» сожжением пугала и фейерверком (по имени главы «Порохового заговора» Гая Фокса).

ство утомительных хлопот. Я был бы вам признателен, если бы вы покинули этот дом, чтобы я мог заняться надлежащими, причем прискорбно дорогостоящими, приготовлениями.

Борегард взглянул на лицо мертвого мужчины. На нем все еще лежала печать страха.

— Если я могу вам чем-то помочь, — рискнул он, — я готов сообщить о случившемся в полицию. Я до некоторой степени формально связан с ней.

Маунтмейн смотрел на Борегарда, размышляя.

— В этом нет необходимости.

— Как, вы сказали, звали этого молодого человека, Бэ-коп?

— Так он сказал, когда его принесли в дом.

Маунтмейн развел руками и оглядел свою испачканную кровью и грязью одежду. Он не сказал этого прямо, но подразумевалось, что он в таком виде, поскольку тащил с улицы раненого прохожего. Теперь, когда ярость его поостыла, он отчасти демонстрировал хитрость, которой Борегард ожидал от столь опасного человека.

— Дело, по которому я обратился...

— Нельзя ожидать, чтобы я мог думать об этом теперь, — заявил Маунтмейн. — Здесь труп, нарушающий нормальную обстановку. Изложите ваши вопросы в письменном виде и отошлите моему секретарю. А теперь, если вы будете так любезны удалиться...

Дверь Маунтмейна захлопнулась за Борегардом. Он стоял перед домом, мысли так и роились у него в мозгу.

Он посмотрел туда, где в дверном проеме раньше ваялся бродяга, но там было пусто. Он почти готов был думать, что тем самым кулем, возможно, была Кейт, заинтересовавшаяся этим делом. Она, конечно же, не погнушалась бы замаскироваться под уличного мальчишку.

При нем умер человек.

Как бы часто такое ни случалось, это шокировало. Смерть глубоко потрясала его, затрагивая ту частицу его сердца, которая, как он думал, была погребена вместе с Памелой. Всякая смерть возвращала его в тот горный край, к его жене,

залитой кровью, и их мертворожденному сыну. Тогда он рыдал и бессиловался, и пришлось держать его, чтобы он не зарубил пьяного врача. Теперь его долг был не выказывать никаких чувств, делая вид, что он испытывает их так же мало, как, по-видимому, сам Маунтмейн. Как будто бы смерть была, самое худшее, нарушением привычного комфорта.

Он сосредоточился. Руки его не дрожали. Ровной походкой он направился прочь от дома. Наблюдающему за ним не пришло бы в голову, что он занят важным делом.

Маунтмейн и Бэкон и бог знает сколько еще их сообщников были в музее прошлой ночью и, несомненно, установили заряды, которые разнесли сейф. У этого человека привычка иметь дело с динамитом. Должно быть, он хотел заполучить «Семь Звезд», хотя пока неясно, интересовал ли камень Маунтмейна из-за своей стоимости, политической значимости или же, неведомой на данный момент, оккультной силы.

Он как бы ненароком остановился и достал портсигар. Потом шагнул под кровь дверного проема, чтобы раскурить сигару, развернувшись и немного пригнувшись, чтобы заслонить огонек спички от ветра. Он помедлил, дожидаясь, когда спичка загорится на всю длину и осветит дверной проем. За железную скобу для очистки подошв обуви зацепился обрывок материи, какая-то серая тряпица, заско-рузлая от грязи.

Он выдохнул дым своей превосходной сигары и подобрал лоскуток, как будто выронил его, когда доставал из кармана спички. Тот едва не рассыпался у него в руках, и он осторожно убрал его в свой серебряный портсигар.

Мимо катил двухколесный кеб, выискивавший клиентов. Борегард остановил его.

Утрата «Семи Звезд» потрясла Трелони. В его кабинете все было вверх дном, коридор рядом почерпел от взрыва. У Борсгарда сложилось впечатление, что Маунтмейн переборщил с динамитом. Вокруг все еще бесцельно слонялись люди Лестрейда.

— И вот так с самой Долины Мага, — сказал Трелони. — Кровь, выстрелы, смерть. В Египте подобных вещей ожидаешь, но не здесь, в Лондоне, в Британском музее.

— Вы знаете человека по имени Маунтмейн?

— Деклан Маунтмейн? Наихудший тип из всех, кто су-
ет пос в оккультные дела. Поверхностные теории и отвратительные личностные качества.

— Разве вы не были близки с ним в Оксфорде? В Ордене Овна?

Трелони был изумлен, что об этом стало известно.

— Я бы не сказал «близки». Я лишь ненадолго заинтересовался этими вещами. Невозможно преуспеть в египтологии, не попытавшись понять оккультную практику. Мы с Маунтмейном без конца спорили, и я давным-давно порвал с ним. Для него это все — ради *власти*, а не ради знания.

— Я полагаю, что прошлой ночью Маунтмейн похитил «Семь Звезд».

Пораженный Трелони сел.

— Он общается со многими мерзавцами. Он мог знать ювелиров и скупщиков краденого, которые согласятся иметь дело с такой добычей, — продолжал Борегард.

Трелони покачал головой:

— Если это был Маунтсмейн, то он похитил камень не ради денег. Кажется, я упоминал, что «Семь Звезд» тверд, как алмаз. На самом деле он намного тверже. Сомневаюсь, чтобы его можно было разрезать на более мелкие камни для продажи. Будь это возможно, это было бы просто счастье, хотя, быть может, в результате бедствия просто рассеялись бы по всему свету.

— Если не деньги, то?..

— Магия, Борегард. Маунтмейн верит в эти вещи. И что касается его, похоже, это действует. В Оксфорде у него вышла ужасная ссора с одним из преподавателей, и он наложил на того парня заклятие. Это было что-то страшное.

— Он заболел и умер?

— В конечном итоге. Сначала он лишился своего места, положения в обществе, репутации. Его признали виновным в ужасных вещах, а он утверждал, что его заставили голоса.

— И «Семь Звезд»?

— Был бы неизмеримо важен для Маунтмейна. Есть упоминания в неких книгах, из тех, что мы держим под замком и не указываем в каталогах. Там есть упоминания о Кампе Семи Звезд, хотя и потерянном со времен Менеп-тах. У него зловещая репутация.

— Маунтмейн мог знать об этом?

— Разумеется.

— Мог он захотеть использовать камень в чем-то вроде ритуала?

— Несомненно.

— С какой целью?

Трелони покачал головой:

— Что-нибудь циклопического масштаба, Борегард. Если верить «Аль Азифу»¹ безумного араба Аль-Хазреда, в последний раз камень был средоточием оккультных сил в разгар казней египетских.

Борегард достал свой портсигар.

— Что вы скажете об этом?

Трелони осмотрел обрывок материи.

— Это что, с места взрыва?

Борегард не ответил.

— Я слышал, что одна из мумий наверху повреждена. Это похоже на погребальные пелены. Ткань, безусловно, древняя. Знаете, вам не стоило бы забирать это в качестве сувенира.

Борегард взял лоскуток у него из рук и снова сложил его.

— Думаю, я еще немного подержу его у себя.

Кейт не выманила у него всю историю, но несколько наименее секретных фактов он ей все-таки подкинул.

Они были на Ковент-Гардене, в кафе. Тент был задрапирован флагами. На самом видном месте горделиво красовался портрет королевы.

— Ты считаешь, что камень у Маунтмейна? В его городском доме? И что там же находится еще и труп?

¹ «Аль Азиф» — арабское название древнего магического манускрипта «Некрономикон», предположительно выдуманного Г. Ф. Лавкрафтом. Его создание приписывается некоему Абдулу Аль-Хазреду, жившему, по утверждению Лавкрафта, в VIII в.

Борсгард отпил маленький глоток чаю и кивнул.

— Если тут замешаны Ирландия и динамит, подобные мелочи, как надлежащие правовые процедуры и ордера на обыск, обычно идут коту под хвост. Так почему на сцене не появился Лестрейд с дюжиной полисменов и не перерыл этот дом снизу доверху?

— Это не так-то просто.

— Именно так просто, Чарльз. И ты это знаешь.

— Должен тебе сказать, что твой соотечественник меня не слишком интересовал.

Кейт едва не рассмеялась:

— «Мой соотечественник»! Я думаю, ты не стал бы возражать, если бы я начала регулярно называть Черную Бороду, Чарли Писа, Джонатана Вайлда¹ и Бэрка и Хэара «твоими соотечественниками».

— Извини. А Бэрк и Хэар² были ирландцами.

— Я верю в гомруль для народа Ирландии, и Египта, и Индии, коли на то пошло. Интерес Маунтмейна к своей родной стране состоит в замене бестолкового и несправедливого правления Англии чудовищной и тиранической властью Деклана Маунтмейна. Ты читал его памфлеты? Он возводит свой род к ирландским магам-королям, кем бы они ни были. Если он когда-нибудь доживет до семидесятипятилетия, то отпразднует его, вырывая еще бьющиеся сердца у девственников Уиклоу³. Как бы противен мне ни был Юнион Джек, Вики хотя бы не настаивает, чтобы ее министры резали людям глотки в Букингемском дворце. Во всяком случае, со времен Палмерстона.

— Тебе не случилось сегодня утром проходить мимо городского дома Маунтмейна в костюме, позаимствованном у бродяги?

Глаза Кейт округлились:

¹ *Джонатан Вайлд* (1683—1725) — признан «самым знаменитым убийцей Англии»; *Чарльз Пис* (1832—1879) — убийца и взломщик из Шеффилда; *Эдвард Тич* (1680—1718) — знаменитый пират, известный под именем Черная Борода.

² Бэрк и Хэар раскапывали могилы, чтобы продать трупы для анатомирования. Осуждены в 1828 г.

³ *Уиклоу* — графство и город в Ирландии.

- С чего ты это взял?
- Просто заметил кое-что уголком глаза.
- Что ты собираешься делать с этим своим проклятым камнем?

Борегард задумался.

- Я тут подумал, что мог бы попытаться тоже украсть его.

Кейт улыбнулась, прищурив глаза под очками. Она куда привлекательнее, чем принято считать, подумалось ему. Лицо, которое делает красивым характер (и ум), куда лучше того, чья красота — заслуга природы (и косметики).

- Вот это отличная идея! Чарльз, меня всегда восхищали твои редкие попытки заняться воровством. Даже не думай ввязаться в такую авантюру без меня.

— Кейт, ты же знаешь, что это совершенно невозможно.

- Тогда почему ты упомянул об этом? Ты слишком хорошо меня знаешь, чтобы думать, что я просто помашу тебе платочком на прощание и предоставлю храбро заняться своим делом, а сама всю ночь напролет буду дрожать за твою жизнь. Будь уверен, Чарльз, тот юнец, которого ты видел, — не первый труп, который отыщется в непосредственной близости от Деклана Маунтмейна.

Он мог сдаться сейчас или мог поспорить целый день и сдаться к вечернему чаепитию. А мог уступить теперь и сказать Кейт, что ограбление намечено на завтрашнюю ночь, а потом попытаться проделать это сегодня же.

- Кстати говоря, — заметила она, — если ты раздумываешь, не сказать ли мне, что ты не собираешься лезть в тот дом сегодня ночью, так я тебе не поверю.

— Хорошо, Кейт. Ты можешь пойти со мной. Но в дом ты не полезешь. Ты будешь ждать снаружи, чтобы предупредить меня о любой опасности. Свистом.

- Мы обсудим детали, когда до них дойдет дело.

— Нет, теперь. Кейт, общай мне.

Она сморщила нос и смотрела куда угодно, только не на него.

- Обещаю, — сказала Кейт. — Я буду на стреме.

Он поднял чашку, и она чокнулась с ним своей.

— За кражу, — сказала она, — и за гибель мерзавцев всех национальностей!

Условившись с Кейт встретиться позже, Борегард взял кеб до Челси. Он хотел панести визит одному из своих ближайших соседей по Чейни-Уок¹. Он был не слишком сведущ в оккультизме и хотел узнать о нем побольше, прежде чем соваться в логово Маунтмейна.

Сэр Томас Карнаки, прославленный «охотник за привидениями», пригласил Борегарда в свою уютную гостиную.

— Прошу прощения, что помешал вам.

У Карнаки в гостях был похожий на актера мужчина. Хозяин отмахнулся от его извинений.

— Мы с Машеном просто болтали. Вы, несомненно, знакомы с его последним трудом.

Борегард не знал такого автора.

— Рад познакомиться с вами, мистер Борегард, — сказал Машен, протягивая костлявую руку. В его речи слышался валлийский акцент, смягченный жизнью в Лондоне.

— Я пришел порасспросить вас о предмете, имеющем отношение к вашей сфере деятельности.

— Возможно, Машен тоже сумеет помочь, — заметил Карнаки.

Щеголеватый маленький человек предложил Борегарду бренди, от которого тот отказался. Он хотел сохранить голову ясной для ночного дела.

— Вы слышали про Камень Семи Звезд?

Карнаки и Машен ничего не ответили, но переглянулись, демонстрируя характерное поведение людей, которых вынуждают ступить на зыбкую почву.

— Вижу, что слышали. Думаю, вам известно о том, что его недавно обнаружили внутри мумии?

— Я сомневался в его подлинности, — сказал Машен. — Это подделка.

¹ Чейни-Уок — небольшая фешенебельная улица в Лондоне, в районе Челси.

— Профессор Трелони убежден, что камень подлинный, — сообщил Борегард Машену. — Он, безусловно, столь же древний, как и мумия. Три тысячи лет.

— Что просто означает, что это древняя подделка. Имитация предмета, который, вероятно, никогда не существовал.

— Конечно, существует проклятие, — вставил Карнаки.

— Разумеется, — согласился Борегард.

— Можно даже сказать, проклятие проклятий.

— Трелони упоминал про казни египетские.

— Лягушки, саранча, чирьи, кровь, мошкара и так далее, — нараспев перечислил Машен.

— Кровь уже была здесь.

— Я думаю, едва ли нам нужно бояться казней египетских. Фараон, в конце концов, держал израильтян в рабстве. В нашей империи все свободны.

Карнаки, сияя, прихлебывал свой бренди. Для него этот разговор был чем-то вроде настольной игры. Он гордился тем, что никогда не волнуется.

— Это ошибка — слепо принимать Исход¹ за истицу, — отметил Машен. — В египетских документах мало что говорится о племенах израильтян. А записи о казнях почти вовсе удалены оттуда. Конечно, египтяне верили, что если забыть вещь или человека, то они перестанут существовать. Стереть казни из истории означало как бы предотвратить их в ретроспективе.

Борегарду подумалось, не мог ли Маунтмейн счесть себя таким ирландским Моисеем. Он решил назвать имя.

— Вы знаете Деклана Маунтмейна?

Какой бы бурной ни была реакция на это имя Кейт, Карнаки и Машен превзошли ее. Охотник за привидениями поперхнулся, выплюнув бренди обратно в стакан, а тонкие губы Машена сжались в питку от злости и отвращения.

— Это ведь один из ваших собратьев по оккультизму, не так ли? — не без хитрости подсказал Борегард.

— Маунтмейн хочет вернуть вещи, — сказал Машен. — Старые вещи. Вещи, которые лучше было бы оставить погустороннему миру.

¹ Исход — 2-я книга Ветхого Завета.

— Это он охотится за «Семью Звездами»? — спросил Карнаки. Борегард позабыл, что у этого маленького человека — природное чутье детектива. — Камень и Маунтмейн вместе — это было бы ужасным сочетанием.

Во время поездки в кебе он отвлекся на размышления о казнях египетских. Во-первых, воды Нила превратились в кровь. Во-вторых, полчища лягушек. В-третьих, пыль обернулась тучами мошкеры. В-четвертых, пагубное влияние мух. В-пятых, мор скота. В-шестых, эпидемия фурункулеза. В-седьмых, молнии и град побили урожай зерна и домашнюю живность. В-восьмых, саранча. В-девятых, тьма, накрывшая землю на три дня. И в-десятых, смерть всех первенцев в стране.

В Исходе эта история объясняется как-то странно. Все это из-за Бога и фараона. Создается такое впечатление, что Господь насыляет на Египет казни, но при этом поощряет фараона игнорировать их, «ожесточив его сердце» против того, чтобы дать свободу израильским племенам. Борегард знал в Индии чиновников, которые вели себя так же, одновременно вводя ужасающие наказания и поощряя преступников не обращать на это внимания, в качестве оправдания тому, что наказания продолжаются.

В целом это было не то поведение, которого можно ожидать от приличного Бога. От кого-нибудь из жутких и таинственных древних Маунтмейнов — возможно.

Карнаки, кажется, предполагал, что израильтяне на самом деле тут ни при чем. Все дело в казнях.

Результатом всех десяти должно было стать величайшее опустошение. После случившегося, когда не осталось ни зерна, ни скота, а большинство людей сошли с ума от болезни или утрат, хаос продолжался бы на протяжении жизни нескольких поколений.

Будь Борегард фараоном, он испытывал бы законное возмущение несообразностью наложенного наказания.

Он вышел из кеба на Кавендиш-сквер.

Кейт прикатила на велосипеде. На ней были бриджи и твидовая кепка. Он предпочел не спрашивать ее, не замаскировалась ли она под мальчишку.

Они пошли по Уимпоул-стрит.

— Как ты думаешь, где Маунтмейн держит камень? — спросила она.

— Я не надеюсь найти его. Просто хочу прощупать почву. Потом Лестрейд со своими крепкими молодцами смогут обшарить особняк и вернуть украденное.

— Плохой из тебя взломщик.

— Хотелось бы верить, Кейт.

— Это здесь? Выглядит не так уж зловеще.

Дом Маунтмейна стоял темный. Борегард не заблуждался насчет того, что, следовательно, дом либо пуст, либо в нем все спят. У него сложилось впечатление, что Ирландский Маг многие свои дела творил подалеке от окон. В компате, где умер Бэкон, окон не было вовсе.

— Ты предпочитаешь для своего незаконного вторжения окна первого или второго этажа, Чарльз?

— Ни то ни другое. Я надеюсь попасть внутрь через подвал.

Перед домом была установлена металлическая ограда с заостренными сверху прутьями. Ступени к парадной двери поднимались над рядом окон, расположенных на уровне земли. Он предполагал, что они ведут в кухню или в винный погреб.

— А ты заметил изображение над аркой двери?

Борегард поднял глаза. В камень было вделано нечто, напоминающее блестящие шляпки гвоздей.

— Большая Медведица.

Блестящие точки выстроились в виде созвездия. Он взглянул в ясное небо. Несмотря на теплый свет газовых ламп, в небесах сверкали звезды.

— Все это ведет к Большой Медведице, — сказала Кейт. — К звездам.

— Я пошел. Запомни, если что, свисти. Если я не вернусь, сообщи Лестрейду.

— И клубу «Диоген»?

Ему было неловко слышать это название из ее уст.

— И ему тоже.

— И еще одно, — настойчиво сказала она.

Он посмотрел на нее. Она поцеловала его, поднявшись на цыпочки, чтобы чмокнуть его в губы.

— На счастье, — пояснила она.

Он ощутил горячую нежность к Кейт Рид. Добрая душа. Он сжал ее плечо, быстро пересек улицу и ловко перескочил через решетку.

Первое окно, которое он попробовал, было заперто. Он вытащил перочинный нож и выковырял им древнюю замазку. Оконное стекло вынулось целиком, и он отставил его в сторону. Черная штора внутри заколыхалась под порывами ночного ветра.

Он проскользнул за штору, коснувшись резиновыми подошвами вымощенного плитой пола примерно в шести футах ниже окна. Под ногами у него хрустнуло стекло.

В комнате было темно. Он стоял недвижно, как статуя, прислушиваясь к хрусту, оглушительному, будто оружейный залп. Его дыхание было ровным, сердце билось размеренно. Он привык к ночным похождениям такого рода, но это не повод для самонадеянности.

Кто-то что-то разбил здесь?

Он рискнул зажечь спичку и увидел, что находится в кладовой. Тут было холодно, как в гробу, но банки и бутылки на полках, рядами выстроившихся вдоль стен, не имели отношения к домашнему хозяйству. Плавающие в них мертвые глаза таранились на него.

Если бы он проверил следующее окно, то увидел бы, что оно разбито. Каким-то незадачливым или же менее опытным взломщиком.

За осколок стекла, все еще торчащий в раме, зацепился крохотный лоскуток. Это был обрывок материи, похожий на тот, что все еще лежал в его портсигаре. Он подумал о воровстве тряпок в виде человеческой фигуры и вздрогнул. Спичка обожгла ему пальцы. Он взмахнул рукой и вырвал ее.

В глазах у него плясали отсветы язычков пламени. Он сосредоточился на двери и взялся за ручку. На случай, если бы та оказалась запертой, у него была при себе отмычка. Он потянул, и дверь отворилась легче чем он ожидал. Он ощупал косяк и понял, что дверь была заперта, но ее взломали. Сам замок вырвали из дерева, но металлический язычок был по-прежнему выдвинут и неподвижен.

Он вышел в коридор. Глаза его постепенно привыкали к темноте. Он двинулся по проходу, пробуя двери. Все они были взломаны, с вырванными замками. Кто-то уже пропик в этот дом до него.

Он достал револьвер.

Все помещения были, как и то, в котором он побывал, хранилищами магических предметов. Он узнавал некоторые оккультные принадлежности. Одна комната, закуток без окон, была отдана под древние книги, и в ней все было перевернуто вверх дном. Бесценные фолианты валялись на полу, страницы торчали из них, будто мясо из ран.

В дверь наверху оглушительно застучали.

Это не могла быть Кейт. Она бы свистнула.

Вниз просочился свет. В передней зажгли газовую лампу. Послышались шаги и раздраженные возгласы.

Маунтмейн сам шел отворять собственную дверь. Наверно, он выпал дворцового.

Борегард не мог сдержать улыбки.

Свет осветил в конце коридора двойные двери из какого-то металла. Они были помяты, замок вырван.

— Какого дьявола вам надо? — прорычал Маунтмейн.

— «Семь Звезд», — громыхнул знакомый голос.

— Что это такое? И кто вы такой?

— Вы знаете это не хуже моего, Деклан. Я не настолько изменился со времен Оксфорда.

Это был Трелони.

— Убирайтесь из дома, или я вызову полицию!

— И прекрасно, — отозвался Трелони на угрозу Маунтмейна.

— «Семь Звезд», вы сказали?

— И мумию! Где Пай-пет'ем?

Маленькая ручка дернула Борегарда за рукав.

Сердце его сжалось, он развернулся, скидывая револьвер и целясь прямо в перепуганное лицо.

Кейт свистнула, почти беззвучно.

Он не стал тратить слова на протесты. Она нарушила данное ему обещание и вошла в дом. Должно быть, она видела, как сюда вломился Трелони.

Маунтмейн и Трелони продолжали переругиваться. Похоже, скоро начнется потасовка. Едва ли Маунтмейн услышит, как они ходят у него под ногами.

Он кивнул Кейт и двинулся к двойным дверям.

Сделав глубокий вдох, он толчком отворил их.

Комната была большая, ее тускло освещали масляные светильники. Кейт открыла рот при виде непристойных барельефов, покрывавших стены и алтарь. Похожие на рыб химеры и перепуганные нимфы совокуплялись с угрюмым неистовством.

Борегард изумился, увидев Камень Семи Звезд, открыто лежащий на алтаре. Он впитывал в себя свет ламп, и его звезды пылали.

Едва увидев камень, Кейт задохнулась.

На полу лежал еще один украденный предмет, лицом вниз перед алтарем. Плосны на его лодыжках и руках были размотаны, и он лежал, будто огородное пугало, но не свернувшееся клубком, чтобы отдохнуть, а скорее скорчившееся в муках.

Мумия Пай-нет'сма.

Кейт перепахнула через мумию, глядя на «Семь Звезд». Ее протянутые к камню пальцы дрожали, кончики их покраснели от его сияния.

— Какая красота, — выдохнула она.

Борсгард не рассчитывал, что все будет так легко.

— Может, просто взять его и уйти? — спросила Кейт.

Борегард колебался.

— Пошли же, оставим Маунтмейна в дураках!

Она схватила камень и вскрикнула.

Тонкая длинная рука метнулась вперед, и сильные пальцы ухватили ее за ногу, бросив наземь.

Не может быть, чтобы это была мумия. Должно быть, кто-то, завернутый в спившие бишты, гротескный страж камня.

Услышав крик, Маунтмейн и Трелони прекратили спор.

Человек-мумия поднялся — руки и ноги разбинтованы — и отшвырнул Кейт прочь. Кешка ее свалилась на пол, и волосы рассыпались. Драгоценный камень отбрасывал кровавые отсветы на впалую грудь мумии.

С мертвой маски смотрели живые глаза.

Борегард поймал Кейт и крепко обнял ее. Он держал человека-мумию под прицелом своего револьвера.

Маунтмейн влетел в комнату и обомлел.

— Что, во имя Глааки!..

Безгубый рот улыбнулся под древним полотном.

За плечом Маунтмейна возник Трелони. Он протиснулся мимо ирландца и навис над мумией.

— Держитесь подальше, профессор, — предостерег Борегард.

Трелони потянулся к «Семь Звездам». Мумия выбросила руку с костлявыми пальцами к горлу профессора и вырвала ему глотку. Кровь дождем хлынула на камень, и тот, казалось, вобрал ее в себя.

Трелони упал на колени, еще пытаясь вдохнуть воздух разорванным горлом. Потом он повалился вперед, уже мертвый. Мумия склонила голову, словно отдавая ему дань.

Борегард трижды выстрелил в грудь монстра, туда, где должно было находиться сердце. Он увидел, как из замочного в тряпье тела брызнули фонтанчики пыли. Мумия пошатнулась, но не упала.

Маунтмейн пятился от алтаря.

— Назойливый идиот! — рывкнул он на Борегарда. — Теперь вы довольны?

— Что это? — указал Борегард на мумию.

— А вы как думаете? Это Пай-пет'ем, который хочет получить обратно свой камень. Единственное, чего он всегда хотел.

Мумия встала перед алтарем.

Борегард видел, что ошибся. Это не мог быть перелетный человек. Ноги были слишком тонкие, будто забинтованные кости. Это было древнее, иссохшее существо, каким-то образом ожившее, в котором еще теплилась душа.

— Он -- спасение вашего прогнившего мира, — сказал Маунтмейн. — Но он разорвет вас в клочья. Пусть мой план не завершен, но вам от этого радости будет мало. Мистер Борегард, и вы, юный господин, кто бы вы ни были, желаю вам всего наилучшего.

Ирландский Маг выскользнул за дверь и, захлопнув, запер ее за собой.

Они оказались в ловушке лицом к лицу с Пай-нет'емом.

— «Юный господин!» — усмехнулась Кейт. — Каков наглец.

Эта мумия убила Уэмпла, Дженкса, Бэкона и Трслони. И других. Всех, кто стоял между нею и Камнем Семи Звезд. Тенерь Маунтмейн полагал, что она убьет Борегарда и Кейт.

Мумия легонько подергивалась, словно мягкая кукла. Ошметки плоти еще свисали с ее когтистой руки. Она застыла перед алтарем, где покоился камень.

Борегард готов был броситься на Пай-нет'ема, защитить Кейт. Он не думал, что сумеет победить в рукопашной схватке. Так же ясно было, что его револьвер бесполезен против этого живого мертвеца из древней могилы. Неужели все три тысячи лет, что он лежал там, семь искр в камне согревали его?

Сквозь тонкие челены Борегард видел, что Пай-нет'ем в замешательстве.

— Возьми его, — сказал Борегард, указывая на камень. — Он был украден у тебя. От имени моей королевы я с почтением возвращаю его тебе.

Услышал ли его Пай-нет'ем? Смог ли он понять?

Мумия схватила камень и прижала его к груди. «Семь Звезд» погрузился в нее, и отверстие затянулось. Казалось, в груди Пай-нет'ема пульсирует красное пламя. Он бесильно осел на пол.

Кейт выдохнула и уцепилась за Борегарда.

Он поцеловал ее волосы.

На рассвете Деклан Маунтмейн был в тюрьме, его задержали на вокзале Виктория, когда он пытался сесть на поезд, согласованный с отплытием парохода. Учитывая два трупа (три, считая мумию) в его доме, некоторос время ему придется провести под стражей. «Семь Звезд», решил Борегард, должен остаться там, где он есть. Камень уже не казался ему подходящим дополнением к коллекции Ее Величества, и он взял на себя смелость уступить его нации

фараонов и пирамид. У него была идея, которую Виктория одобрила бы.

Кейт, которой пришлось держаться в сторонке, пока в доме крутился Лестрейд, сидела на ступенях крыльца, ожидая его.

— Дом битком набит ворованным добром, — сказал он ей. — Манускрипты из университетских библиотек, вещи из музеев. Нашлись даже части тел, слишком отвратительные, чтобы говорить о них, похоже, не слишком древнего происхождения.

— Я же тебе говорила, что Деклан Маунтмейн — скверный тип.

— Больше он нас не побеспокоит.

Кейт странно взглянула на него.

— Я бы не была в этом так уверена, Чарльз. Мы ведь не можем просто заявиться в суд и честно рассказать все, как было, правда?

Кейт почесала ногу, там, где мумия схватила ее.

— Как бы мне хотелось написать об этом, просто чтобы увидеть лицо Стэда, когда он забракует эту статью.

Она встала, взяла его под руку и повела прочь от дома Маунтмейна. Был день юбилея. Флаги развевались, и улицы заполнял народ. Лондон начинал свой великий праздник.

— Я не попаду в Тауэр, — сказала Кейт. — А я ведь уже выбрала платье.

— Вполне возможно, что ты все-таки окончишь Тауэром.

Она шлепнула его по руке.

— Да ну тебя, Чарльз!

— Боюсь, лучше, что я могу предложить, — это прогуляться в Британский музей, взглянуть на Пай-нетема, вернувшегося в свой саркофаг. Сомневаюсь, что он будет выставлен в экспозиции. Я рекомендовал, чтобы его убрали из каталогов и затеряли где-нибудь в недрах коллекции.

Кейт была задумчива.

— Ничего не разрешилось, Чарльз. «Семь Звезд» осталась загадкой. Мы не закрыли эту книгу, а просто перелистнули страницу, оставив ее тем, кто еще не родился. Так ведь всегда и бывает, верно?

УИЛЬЯМ ХОУП ХОДЖСОН

Призрак лошади

Карнаки

В своих битвах со сверхъестественным Томас Карнаки использует достижения современной науки в сочетании с премудростями оккультизма. Он оперирует не только новейшим оборудованием вроде фотоаппарата со вспышкой, но и знаниями, почерпнутыми из датированного XIV веком манускрипта «Сигсанд»¹. А еще он применяет ритуал Саамаа, чтобы защитить себя и окружающих от дьявольских сил. Все его расследования представлены в жанре послеобеденных историй, рассказанных автору записок о Карнаки и еще нескольким приятелям, которые приглашены в дом детектива на Чейн-Уок в Челси. В конце каждого повествования Карнаки внезапно прогоняет гостей и, выставив их на почные улицы, заставляет задуматься над тем, что они только что услышали.

Первый рассказ про Карнаки «Врата для монстра» (*The Gateway of the Monster*), который Уильям Хоуп Ходжсон написал, вдохновленный, по-видимому, невероятным успехом цикла рассказов Лэджернона Блэжвуда «Джон Сайленс» (*John Silence*, 1908), появился в 1910 году в январском номере журнала «*The Idler*». Позже журнал напечатал еще четыре рассказа, и один рассказ вышел в «*The New Magazine*», а затем все шесть историй были объединены в цикл «Карнаки, охотник за призраками» (*Carpacki The Ghost-Finder*, 1913). Когда в 1947 году издательство Августа Дерлета «*Microcraft & Moran*» выпустило книгу, в ней оказалось уже девять

¹ «Сигсанд» — выдуманный фантастами магический манускрипт. Популярный артефакт в ряде компьютерных игр.

рассказов. К вышеупомянутым прибавились «Привидение корабля „Джарви“» (*The Haunted „Jarree“*), опубликованное в марте 1929 года журналом «*The Premier Magazine*», а также «Находка» (*The Find*) и «Кабан» (*The Hog*), хотя в течение многих лет ходили упорные слухи, что последние два рассказа на самом деле написаны самим Дерлетом.

Рассказ «Призрак лошади» был с успехом экранизирован в 1975 году: по нему сняли одну серию телесериала «Соперники Шерлока Холмса», где роль Карнаки сыграл Дональд Плезенс.

В тот день я получил приглашение от Карнаки. Когда я вошел в комнату, он сидел в одиночестве. Увидев меня, детектив с заметным усилием поднялся и протянул левую руку. Его лицо покрывали синяки и царапины, как мне показалось довольно глубокие, а правая рука была забинтована. После рукопожатия хозяин предложил мне свою газету, но я отказался. Тогда он протянул мне пачку фотографий и снова занялся чтением.

Такой уж он, Карнаки. Ни слова объяснения с его стороны, ни одного вопроса с моей. Он все нам расскажет потом. Около полудня я разглядывал фотографии, которые в большинстве оказались снимками (часть из них была сделана со вспышкой) чрезвычайно симпатичной девушки. Хотя некоторые карточки вызвали удивление, привлекательность девушки совершенно не оставляла сомнений. Даже несмотря на нанический ужас, застывший у нее на лице, глядя на который поневоле возникала мысль, будто ее фотографировали перед лицом надвигающейся смертельной опасности.

Стопка фотографий запечатлела интерьеры разнообразных комнат и коридоров, и везде присутствовала девушка: либо ее снимали в удалении в полный рост, либо изображение было приближено, и в кадр попадали, например, только ее ладонь, или плечо, или всего лишь кусочек платья, или часть головы. Фотограф, совершенно ясно, преследовал определенную цель, и главным объектом интереса для него

являлась не девушка, а, очевидно, то, что ее окружало. Можете себе представить, какое любопытство вызвали во мне эти снимки.

Однако, дойдя почти до конца пачки, я наткнулся на печто действительно экстраординарное. На этой фотографии изображение стоявшей девушки получилось резким и четким благодаря ослепительному сверканию вспышки, судя по качеству снимка. Лицо девушки было слегка приподнято вверх, словно ее внезапно напугал какой-то шум. Прямо над ней виднелось нечто, напоминающее наполовину размытое и выплывающее из тени очертание огромного копыта.

Я долго изучал фотографию, но понял только одно: все это, вероятно, было связано с каким-нибудь странным случаем, заинтересовавшим Карнаки.

Когда приплыл Джессоп, Аркрайт и Тейлор, Карнаки молча протянул руку за фотографиями, я так же молча их вернул, и все сели обедать. Час за столом прошел в тишине, а затем мы поставили стулья в круг, устроились поудобнее, и Карнаки начал рассказ.

— Я ездил на север, — медленно, с трудом произнес он, попыхивая своей трубкой. — В Восточный Ланкашир к Хисгинсу. Случай был весьма необычный. Да, приятели, думаю, вы согласитесь с этим, когда я закончу. Еще до поездки я слышал кое-что о так называемой «истории с лопадью», но никогда не предполагал столкнуться с ней напрямую тем или иным образом. Хотя сейчас мне понятно: я никогда не относился серьезно к этой истории вопреки своему правилу всегда сохранять объективность. Странные мы, люди, существа.

Итак, я получил телеграмму с просьбой о встрече и, конечно же, понял, что случилась какая-то неприятность. Я назначил дату, и старый капитан Хисгинс появился у меня собственной персоной. Он сообщил мне массу новых подробностей, касающихся предания о лошади, хотя, естественно, суть ее я и так знал. И вот в чем она заключается: если в семье первым ребенком оказывается девочка, то, как только у нее появляется жених и она становится невестой, ее начинает преследовать призрак лошади.

История, как вы сами уже понимаете, выходит за привычные рамки, и хотя я всегда о ней знал, тем не менее никогда не сомневался в том, что это просто старинная легенда, и больше ничего. Видите ли, в течение семи поколений у Хисгинсов первыми всегда рождались мальчики, и даже сами Хисгинсы давно стали относиться к преданию практически как к сказке.

И вот в нынешней семье первенцем оказалась девочка. Друзья и родственники постоянно ее дразнили и в шутку напоминали, что впервые за семь поколений старший ребенок — девочка, и теперь ей придется держать своих поклонников на расстоянии или пойти в монастырь, если она надеется избежать встречи с призраком. И подобное отношение, я думаю, служит доказательством того, что семейное предание превратилось в забавную шутку, по поводу которой не стоит вообще и задумываться. Разве вы не согласны?

Два месяца назад мисс Хисгинс обручилась с Бьюмонтом, молодым морским офицером, и вечером того самого дня, когда это произошло, еще даже до официального объявления помолвки, произошла очень странная вещь, из-за которой старик Хисгинс попросил меня о встрече. И в итоге я отправился к ним, чтобы выяснить, в чем дело.

Из просмотренных семейных архивов и документов, предоставленных мне, я пришел к следующему заключению: нет ни малейшего сомнения в том, что в истории Хисгинсов, предшествующей последнему периоду примерно в сто пятьдесят лет, произошел ряд весьма непонятных и неприятных событий, и это мягко говоря. На протяжении двух веков до указанного периода из семи поколений в пяти случаях первенцами оказались девочки. Все они выросли и обручились, и все умерли, не успев выйти замуж. Две из них покончили жизнь самоубийством, одна выпала из окна, еще у одной случилась остановка сердца (предположительная причина — шок от испуга). Пятая девушка однажды вечером была убита в парке возле дома. Точного ответа на вопрос, каким образом она убита, не нашли, однако возникло впечатление, что ее ударила копытом лошадь. Девушку обнаружили уже мертвой.

Конечно, вы понимаете, с одной стороны, все эти смерти, даже самоубийства, могли бы быть объяснены естественными причинами, то есть не сверхъестественными. Согласны? Однако каждую из девушек перед свадьбой, несомненно, преследовали непопятные и пугающие события, поскольку во всех архивных записях упоминается либо ржание невидимой лошади, либо стук ее копыт, а кроме того, описывается еще множество удивительных и необъяснимых явлений. Теперь, я полагаю, вы начинаете понимать, каким странным оказалось дело, с которым меня попросили разобраться.

Как говорилось в одной из летописей, преследования были такими настойчивыми и настолько пугающими, что два жениха просто сбежали от своих возлюбленных. И наверное, именно их бегство, больше чем какие-либо другие факты, заставило меня поверить: все случившееся — не простая череда неблагоприятных совпадений.

Чтобы собрать эту информацию, мне понадобилось несколько часов, а затем я принялся за детальное изучение того, что произошло в день помолвки мисс Хистинс с Бьюмонтом. Как я понял, в тот промежуток времени, когда сумерки уже наступили, а лампы еще не зажгли, влюбленные шли по большому мрачному коридору и внезапно рядом с собой слышали жуткое ржание. И тут же Бьюмонт получил страшный удар, а точнее, удар копытом, и в результате — перелом правого предплечья. Остальные члены семьи и слуги бросились к ним узнать, в чем дело. Зажгли свет и осмотрели коридор, а затем и весь дом, но ничего необычного не обнаружили.

Можете себе представить, какое волнение поднялось в доме и какие толки пошли по поводу старинной легенды, перемешивая скептицизм с суеверным страхом. А потом, посреди ночи, старого капитана разбудил стук копыт снова и снова проносившейся вокруг дома огромной лошади.

После этого происшествия влюбленные несколько раз говорили, что слышат с наступлением темноты, находясь в разных комнатах и коридорах, как поблизости пробегает лошадь.

А три ночи спустя Бьюмонт проснулся от непонятного ржания, раздававшегося в темноте и доносившегося, по всей

вероятности, из спальни невесты. Он бросился к капитану, и вместе они побежали в комнату девушки. Мужчины увидели, что она не спит, полуживая от страха. Ее разбудило ржание, исходившее, как ей показалось, прямо из-за кровати.

В ночь перед моим приездом случилось еще одно событие, поэтому все пребывали в довольно нервическом состоянии, как вы догадываетесь.

Большую часть первого дня я провел, собирая информацию, но после обеда решил отдохнуть и поиграть в бильярд с Бьюмонтом и мисс Хисгинс. Мы закончили около десяти, а затем я сел пить кофе и попросил Бьюмонта дать полный отчет о том, что произошло накануне. И вот, что он рассказал.

Они с мисс Хисгинс тихонько сидели в будуаре ее тетушки. Пожилая дама, под чьим присмотром находились молодые, читала книгу. Начинало темнеть, и девушка стояла на том конце стола, где сидела тетушка. Остальное освещение еще не зажгли, так как стемнело чуть раньше обычного.

Дверь в холл, скорее всего, была открыта, и неожиданно девушка воскликнула: «Тихо! Что это?»

Они замерли, и Бьюмонт услышал стук копыт на улице перед входом в дом.

— Твой отец? — предположил молодой человек, но его невеста напомнила, что капитан не ездит верхом.

Естественно, молодые люди были готовы поддаться страху, но Бьюмонт взял себя в руки и пошел проверить, нет ли кого у дверей. В сумеречном холле он различил стеклянные панели внутренней двери, ясно очерченные в темноте. Бьюмонт подошел и посмотрел сквозь стекло на подъездную дорожку, но никого не увидел.

Он растерялся, занервничал, открыл дверь и вышел на круговой подъезд для экипажей. Практически в тот же момент тяжелая дверь холла с грохотом захлопнулась за его спиной. Как сказал Бьюмонт, у него внезапно возникло ужасное чувство, что каким-то образом он оказался в ловушке, — так он сам выразился. Молодой человек молниеносно развернулся и схватился за ручку двери, однако с другой стороны кто-то — по его словам — держал ее мертвой хваткой. Но

не успел он толком осознать происходящее, как ручка повернулась и дверь открылась.

На мгновение Бьюмонт задержался в дверях, вглядываясь в темноту холла, поскольку сам едва ли до конца понимал, что происходит на самом деле. А потом услышал, как возлюбленная посылает ему воздушный поцелуй из сумерек просторного неосвещенного коридора, и был уверен, что она пошла из будуара вслед за ним. Молодой человек послал ответный поцелуй и шагнул через порог, намереваясь подойти к невесте. Но потом вдруг ослепляющей вспышкой пришло осознание: поцелуй послан ему не возлюбленной. И теперь Бьюмонт понимал, что некая сила пытается заманить его, именно его, в темноту и что его невеста вообще не выходила из будуара. Он отпрыгнул назад и в то же мгновение раздался еще один поцелуй, уже ближе. Бьюмонт заорал во весь голос: «Мэри, оставайся с тетей! Не двигайся с места, пока я не приду к тебе!» Услышав, как Мэри из будуара что-то прокричала в ответ, он достал примерно с десяток свечек, зажег все и, подняв огонь над головой, огляделся. В холле никого не было, но стояло свечкам догореть, как тут же раздался стук копыт скачущей по пустой подъездной дорожке лошади.

Вы видите, и Бьюмонт, и девушка слышали стук копыт. Однако когда я стал глубже вникать в это дело, то выяснил, что тетюшка ничего не слышала, хотя она и правда немного глуховата, да и сидела подальше. Конечно, молодые люди находились в чрезвычайно нервном состоянии и готовы были услышать что угодно. Дверь могла захлопнуться внезапным порывом ветра из-за того, что где-нибудь в доме открыли другую дверь. А ручку, возможно, никто не держал, и всему виной был просто застрявший камешек.

Касательно поцелуев и стука копыт я напомнил, что эти звуки могли бы показаться вполне обыденными, если бы молодые люди не находились в таком напряжении и были способны рассуждать спокойно. Я объяснил Бьюмонту, да он и сам знал, что стук копыт разносится ветром на большие расстояния, поэтому слышали они, вероятно, всего лишь всадника, который скачет где-то вдалеке. Ну а поцелуи — на них в той или иной мере похоже множество приглушенных зву-

ков, например шуршание бумаги или листьев, особенно для человека чрезмерно взволнованного и готового вообразить самое невероятное.

Я закончил свою скромную проповедь, призывавшую следовать здравому смыслу вместо того, чтобы поддаваться истерии, а затем мы выключили свет и покинули бильярдную. Однако ни Бьюмонт, ни мисс Хисгинс не захотели признавать, что всему виной их воображение.

Итак, мы вышли из комнаты и направились вдоль по коридору. Я все еще старался изо всех сил убедить молодых людей в вероятной ординарности и естественности всего случившегося, когда произошло нечто, от чего я, как говорится, потерял дар речи: в бильярдной, где мы были всего пару секунд назад, раздался стук лошадиных копыт.

Я почувствовал, как в то же мгновение мурашки поползли у меня по спине к затылку, а мисс Хисгинс судорожно вскрикнула, словно ребенок с коклюшным кашлем, и побежала по коридору, лихорадочно вскрикивая. Бьюмонт же стремительно развернулся на каблуках и отпрыгнул на пару метров назад. Я тоже сдал назад, как вы можете догадаться.

— Вот оно, — сказал Бьюмонт еле слышно. — Может, вы хоть теперь поверите!

— Да, что-то, безусловно, есть, — зашептал я, не отводя глаз от двери в бильярдную.

— Ш-ш! — остановил меня он. — Опять!

Впечатление было такое, будто по комнате медленно, не спеша расхаживает лошадь. Чудовищный ужас сковал меня до такой степени, что казалось невозможным даже нормально дышать, вы знаете это ощущение. Мы, похоже, какое-то время пятились назад, поскольку внезапно обнаружили, что стоим в конце длинного коридора.

Здесь мы остановились и прислушались. Звук из комнаты шел равномерный, и была в нем какая-то пугающая монотонность, словно животное испытывало что-то вроде злобного удовлетворения, вышагивая взад и вперед по комнате, в которой совсем недавно находились мы. Понимаете, о чем я?

Потом звук прекратился, и наступила абсолютная тишина. Только из глубины огромного холла доносился взволно-

ванный шепот нескольких человек, поднимавшихся к нам по широкой лестнице. Наверное, они собрались возле мисс Хисгипс, желая ее защитить.

По-моему, мы стояли в конце коридора примерно минут пять, прислушиваясь, не происходит ли чего в бильярдной. Потом я понял, до какой степени перепуган и сам, однако сказал Бьюмонту:

- Пойду посмотрю, в чем там дело.
- Я с вами, — ответил молодой человек.

Он как будто даже дрожал, но отваги ему было не занимать. Я попросил его подождать немного и бросился в свою спальню за фотоаппаратом и вспышкой. В правый карман я засунул револьвер, а на левую руку надел кастет, чтобы он был наготове и в то же время не мешал мне оперировать вспышкой.

Я вернулся к Бьюмонту. Он протянул руку, демонстрируя свой пистолет. Я кивнул, но предупредил шепотом, чтобы он не спешил стрелять, поскольку, возможно, все это — просто-напросто чья-то глупая шутка. Поврежденной рукой Бьюмонт прижимал лампу, которую снял с кронштейна в верхнем холле, поэтому света нам хватало. Мы направились по коридору к бильярдной комнате, и, как вы можете себе вообразить, оба изрядно нервничали.

Все это время мы слышали какой-то звук, но внезапно, когда нам оставалось до цели метра два, тяжелый удар копытом обрушился на прочную деревянную дверь бильярдной. В следующее мгновение мне показалось, что все кругом задрожало от стука копыт какого-то огромного существа, несущегося в направлении двери. Сначала мы оба инстинктивно отступили на пару шагов, но затем, как говорится, взяли себя в руки и, сохраняя мужество, остановились и стали ждать. Яростный тонот приблизился к двери и прекратился. Последовало мгновение абсолютной тишины, хотя, что до меня, так я практически был оглушен пульсацией крови в горле и висках.

Могу сказать, ждали мы почти полминуты, а потом снова раздались безудержные удары огромного копыта. И вдруг звуки двинулись прямо на нас, словно кто-то невидимый прошел сквозь закрытую дверь и мы вот-вот попадем под

его тяжелую поступь. Мы отпрыгнули в разные стороны, и помню, что я распластался вдоль коридорной стены. Цок-цок, цок-цок — гигантские копыта, казалось, прямо между нами и, не торопясь, с ужасающей нарочитостью двинулись дальше по коридору. В ушах и висках у меня стучала кровь, поэтому лошадиные шаги я слышал словно сквозь туман; тело совершенно заостенело, и мне категорически не хватало воздуха. Голова моя была повернута так, что я мог видеть весь коридор, и некоторое время я стоял не двигаясь. Я сознавал только одно: нас окружает смертельная опасность. Понимаете?

А затем, неожиданно, ко мне вернулось мужество. Я слышал, что стук копыт идет практически из другого конца коридора. Изогнувшись, я взял фотоаппарат на изготовку и блеснул вспышкой. Следом Бьюмонт выпустил целый град пуль и бросился вперед с криком: «Мэри в опасности. Бежим! Скорее!»

Он ринулся по коридору, а я вслед за ним. Выскочив на главную лестничную площадку, мы услышали, как копыта простучали по ступеням, а потом все стихло. И дальше — ничего.

Внизу, в большом холле, я увидел домочадцев, струсившихся вокруг мисс Хисгинс, которая, по-видимому, была без сознания. Несколько слуг сбились в кучку и замерли чуть поодаль, не отрывая глаз от лестничной площадки. И все молчали. А над нами, примерно ступенях в двадцати, застыл старый капитан Хисгинс с обнаженной саблей в руке — он остановился чуть ниже того места, где раздался последний удар копытом. Наверное, мне не приходилось в жизни видеть картину более трогательную, чем этот старик, вставший между своей дочерью и дьявольской силой.

Думаю, вы догадываетесь, какое непонятное чувство страха я испытал, проходя мимо тех ступеней, на которых прекратился стук копыт. Было ощущение, словно чудовище все еще там, просто мы его не видим. А самое удивительное заключалось в том, что мы больше не слышали ни единого лошадиного шага — ни выше, ни ниже по лестнице.

Мисс Хисгинс отнесли в ее комнату, и я послал записку, сообщая, что приду туда, как только мне позволят. Вскоре

я получил ответ с разрешением входить в любой момент. Я попросил отца девушки помочь мне с инструментами, и, взявшись за ящик с двух сторон, мы принесли его в спальню мисс Хисгинс. Я велел выдвинуть кровать на середину комнаты и соорудил вокруг постели пятиугольное электрическое заграждение.

Затем я приказал, чтобы в комнате поставили лампы, однако ни при каком условии не зажигали света внутри пентаграммы. Кроме того, никто не должен был входить в пятиугольник или выходить из него. Мать девушки я поместил внутрь заграждения, а горничной велел остаться снаружи, так чтобы она смогла передавать любое сообщение и у мисс Хисгинс с ее матушкой наверняка не возникло необходимости пересекать границы пятиугольника. Я также рекомендовал отцу девушки провести ночь в спальне дочери, и лучше с оружием в руках.

Покинув спальню, я обнаружил у дверей несчастного обеспокоенного Бьюмонта. Я сообщил ему о принятых мерах и объяснил, что мисс Хисгинс защищена достаточно надежно и что в помощь отцу, который остался в спальне на ночь, я решил караулить снаружи у дверей. Я добавил еще, что был бы рад, если бы молодой человек составил мне компанию, поскольку ничуть не сомневался: в таком состоянии он не сможет уснуть, а мне совсем не повредит его присутствие. Кроме того, мне не хотелось выпускать Бьюмонта из поля зрения, так как, по всей видимости, в определенном смысле ему угрожала даже бóльшая опасность, чем девушке. По крайней мере, я так думал и думаю до сих пор, и впоследствии вы тоже, вероятно, согласитесь со мной.

Я поинтересовался, не станет ли Бьюмонт возражать, если на ночь я очерчу его пятиугольником, и выпудил его согласиться, хотя и видел, что бедный малый не знает, верить ли в магическую силу пентаграммы или отнестись ко всему этому как к дурацкой пантомиме вроде тех, что представляют на Рождество. Тем не менее он воспринял всерьез мой рассказ, где я изложил некоторые подробности дела о Черной вуали, помните, когда умер молодой Астер. Вы также помните, как он сказал, что это всего лишь глупое суе-

верис, и пожелал остаться за пределами пентаграммы. Бедолага!

Ночь прошла спокойно, но уже почти перед самым рассветом мы оба услышали стук копыт мчавшейся вокруг дома огромной лошади — точно в соответствии с описанием старины Хисгинса. Можете себе представить, какое странное чувство возникло у меня, и тут же раздались какие-то звуки из спальни. Обеспокоенный, я постучал в дверь. Из комнаты вышел капитан, и я поинтересовался, все ли в порядке. Он ответил утвердительно и немедленно спросил, слышал ли я стук копыт, из чего я заключил, что он тоже его слышал. Я высказал предположение, что, возможно, дверь спальни стоит оставить чуть приоткрытой до тех пор, пока не рассветет, поскольку в доме определенно творится неладное. Мы так и сделали, и капитан вернулся в комнату к жене и дочери.

Надо сказать, я сомневался, сработает ли «защита» в случае с мисс Хисгинс, поскольку, как я их называю, «характерные звуки» наблюдаемого в доме явления носили столь реалистичный характер, что я поневоле проводил параллель со случаем Харфорда, когда детская рука постоянно материализовалась внутри пятиугольника и стучала по полу. Вы помните эту отвратительную историю.

Тем не менее больше ничего не произошло, и, как только полностью рассвело, мы все отправились спать.

Бьюмонт разбудил меня около полудня, и, спустившись в столовую, я позавтракал, а вернее, пообедал. Мисс Хисгинс тоже сидела за столом и пребывала, похоже, в прекрасном расположении духа, учитывая обстоятельства. Она сказала, что благодаря мне чувствовала себя почти в безопасности впервые за несколько дней. И добавила, что из Лондона приезжает ее кузен Гарри Парскет, который, без всяких сомнений, окажет любую помощь в борьбе с привидением. А затем они с Бьюмонтом направились в парк, желая побыть немного пастбине.

Я тоже решил прогуляться и обошел вокруг дома, но не заметил каких-либо следов копыт. Остаток дня я потратил на обследование самого дома и опять ничего не обнаружил.

Закончив поиски до наступления темноты, я отправился в свою комнату и переоделся к ужину. Спустившись, я узнал, что кузен уже приехал, и он показался мне одним из самых приятных людей, которых я встречал за долгое время. Парень обладал невероятной отвагой и был именно тем, кого я бы хотел видеть рядом с собой в таком тяжелом деле.

Я заметил, что больше всего его поражала наша уверенность в реальности происходящего, и мне почти захотелось, чтобы привидение как-то себя проявило, дабы молодой человек перестал сомневаться в правдивости наших слов. И оно проявилось. Да еще как!

Перед самыми сумерками Бьюмонт и мисс Хисгинс вышли на прогулку, а капитан пригласил меня в кабинет. Мы собирались кое-что обсудить, пока Парскет отнесет свои пожитки наверх, поскольку приехал он без камердинера.

Мы долго разговаривали со старым капитаном, и я заметил, что, по всей вероятности, нет никакой связи между привидением и домом, зато наблюдается связь между привидением и мисс Хисгинс. Поэтому было бы лучше выдать ее замуж как можно скорее, тем самым предоставив Бьюмонту право постоянно находиться рядом с девушкой. А возможно даже, привидение и совсем исчезнет после заключения брака.

Капитан кивнул в знак согласия, особенно с первой половиной моего замечания, и напомнил, что три из тех девушек, которые, по слухам, страдали от привидения, были отосланы из дому и нашли свою смерть вдали от родного очага. А затем наш разговор оказался прерван весьма пугающим образом: внезапно в комнату влетел старый дворецкий, побелевший от страха:

— Мисс Мэри, сэр! Мисс Мэри, сэр! — выдохнул он. — Она кричит... в парке, сэр! И говорят, там лошадь...

Капитан бросился к оружейному шкафу, схватил старую саблю и ринулся из кабинета, на ходу обнажая клинок. Я выскочил из комнаты, поспешил наверх к себе, схватил фотоаппарат со вспышкой, тяжелый револьвер и, крикнув у двери Парскета: «Лошадь!» — сбежал вниз по лестнице и распахнул входную дверь.

Откуда-то из темноты доносились беспорядочные крики, а меж деревьев мне послышались звуки выстрелов. А потом из непроглядной черноты слева раздалось сотрясающее душу адское ржание. Я тут же обернулся и шелкнул вспышкой. Яркий свет мгновенно озарил трепещущие от почного востерка листья большого дерева, которое стояло поблизости, и больше ничего не было видно. Опустилась крошечная тьма, и я услышал, как из-за моей спины кричит Парскет, пытаясь узнать, удалось ли мне что-нибудь разглядеть.

В следующую секунду он оказался возле меня, и благодаря его присутствию я почувствовал себя уверенней: поблизости происходило нечто невероятное, а я на мгновение ослеп из-за яркого света вспышки. «Что это было? Что это было?» — повторял Парскет взволнованно. А я механически отвечал, уставившись в темноту: «Не знаю. Не знаю».

Где-то впереди опять закричали, а затем раздался выстрел. Мы побежали на звук, во весь голос призывая не стрелять, поскольку в нанике и темноте была велика опасность попасть под пулю. А вскоре показались двое лесничих с фонарями и ружьями, мчавшиеся по подъездной дороге. И тут же мы увидели ряд пляшущих огоньков, направлявшихся к нам со стороны дома: несколько слуг выпли на подмогу.

Когда место действия осветили, я увидел, что мы стоим рядом с Бьюмонтом. Возвышаясь над мисс Хисгинс, он держал в руке револьвер. Я взглянул на его лицо: на лбу зияла огромная рана. Возле молодого человека отец девушки делал выпады саблей то в одну сторону, то в другую, пристально глядя в мрак ночи. Чуть позади стоял старый дворецкий с алебардой, прихваченной с одного из оружейных стендов в холле. А вокруг не было ничего необычного.

Мы отнесли мисс Хисгинс в дом и оставили ее на попечение матери и Бьюмонта. Конюх поскакал за доктором, а все остальные, с присоединившимися четверьмя другими лесничими, вооружились, взяли фонари и отправились прочесывать парк. Но ничего не нашли.

Вернувшись, мы узнали, что приезжал доктор. Он перевязал рану Бьюмонта, которая, к счастью, оказалась неглубокой, и велел мисс Хисгинс лечь в постель. Мы с капита-

ном пошли вверх и обнаружили Бьюмонта на страже у дверей девушки. Я спросил, как он себя чувствует, а потом, когда мисс Хисгинс и ее матушка были готовы нас принять, мы вошли в спальню и снова устроили пентаграмму вокруг кровати. В комнате уже стояли зажженные лампы, и, организовав защиту таким же образом, как и в прошлую ночь, я присоединился к Бьюмонту.

Пока я находился в спальне, вверх поднялся Парскет. Из рассказа Бьюмонта мы получили некоторое представление о том, что случилось в парке. Похоже, влюбленные возвращались после прогулки домой и шли по направлению от охотничьего домика, расположенного в западном конце парка. Стало довольно темно. Внезапно мисс Хисгинс прошептала: «Тихо» — и замерла. Ее жених тоже остановился и прислушался, однако поначалу не мог различить ни звука. А затем уловил: по-видимому, где-то вдалеке по траве скакала лошадь, и двигалась она к ним. Бьюмонт сказал своей спутнице, будто ничего не слышит, и поторопил ее домой, но обмануть мисс Хисгинс, естественно, не удалось. Менее чем через пять минут стук копыт раздался уже совсем рядом, и молодые люди бросились бежать. А потом мисс Хисгинс споткнулась и упала. Она начала кричать, ее крик и услышал дворецкий. Приподняв девушку, Бьюмонт обнаружил, что лошадь несется прямо на него. Он заслонил возлюбленную и выпустил туда, откуда приближался звук, все пять зарядов своего револьвера. Он несколько не сомневался, что в свете вспышки последнего выстрела видел прямо над собой нечто похожее на огромную лошадиную голову. И тут же Бьюмонт получил сокрушительный удар, который сбил его с ног, а потом с криками подбежали капитан и дворецкий. А продолжение мы уже знали и сами.

Около десяти часов дворецкий принес нам поднос с ужином, которому я очень обрадовался, так как прошлой ночью сильно проголодался. Однако я предупредил Бьюмонта, что он не должен пить ничего спиртного, а кроме того, заставил его отдать мне свою трубку и спички. В полночь я начертил вокруг него пентаграмму, а мы с Парскетом сели по обе стороны от молодого человека, но снаружи пятиугольника, поскольку у меня не возникало опасений, что привидение

может причинить вред кому бы то ни было, кроме Бьюмонта и мисс Хисгинс.

Какое-то время мы сидели довольно тихо. В каждом конце коридора стояла большая лампа, поэтому света хватало, к тому же у нас было оружие: мы с Бьюмонтом запаслись револьверами, а Парскет пистолетом. А я еще принес фотоаппарат и вспышку.

Периодически мы переговаривались шепотом, и дважды капитан выходил из спальни перекинуться с нами словечком. Около половины второго мы совершенно затихли, и вдруг, минут через двадцать, я молча поднял руку, так как с улицы вроде бы слышался стук копыт. Я постучал в дверь, капитан открыл и вышел в коридор, и тогда я прошептал, что мы, по-видимому, слышали лошадь. Какое-то время мы прислушивались. Капитану и Парскету показалось, будто они тоже слышат стук копыт, но теперь я не был уверен, да и Бьюмонт тоже. Однако потом я, кажется, снова услышал этот звук.

Я сказал капитану, что ему, по моему мнению, лучше вернуться в спальню и оставить дверь приоткрытой. Он так и сделал. Однако с этого момента мы больше ничего не слышали, а вскоре наступил рассвет, и мы все с облегчением отправились спать.

Когда меня позвали обедать, капитан удивил меня, так как сообщил собравшимся, что на семейном совете было решено внять моим рекомендациям и устроить свадьбу как можно скорее. Бьюмонт отправился в Лондон за специальным разрешением, и брак надеялись заключить уже на следующий день.

Новость меня порадовала, поскольку это казалось самым благоразумным выходом в подобных экстраординарных обстоятельствах, а я тем временем продолжил бы свое расследование. Однако, пока брак не был заключен, моя главная задача состояла в том, чтобы не спускать глаз с мисс Хисгинс.

После обеда я решил сделать несколько экспериментальных снимков девушки и ее окружения. Иногда фотоаппарат видит то, что неподвластно зрению обычного человека.

С этой целью и отчасти чтобы дать повод мисс Хисгинс как можно дольше оставаться в моей компании, я попросил девушку помочь мне с экспериментом. Идея ей, кажется, понравилась, и мы провели вместе несколько часов, блуждая по всему дому, из комнаты в комнату. Всякий раз, ощутив некий импульс, я фотографировал со вспышкой мисс Хисгинс и помещение, в котором мы оказывались в тот момент.

Когда подобным образом мы обошли весь дом, я спросил, чувствует ли она в себе достаточно смелости, чтобы повторить эксперимент в подвале. Она ответила согласием, и тогда я отыскал капитана Хисгинса и Парскета, поскольку не собирался вести девушку в темноту, пусть даже искусственно созданную, без помощи и поддержки надежных товарищей.

Подготовившись, мы спустились в вишний погреб. Капитан взял пистолет, а Парскет специально подготовленный фоновый экран и фонарь. Я поставил девушку в центре погреба и, пока Парскет и капитан держали за ее спиной экран, сделал снимки. Потом мы переместились в следующее помещение и повторили опыт.

В третьем погребе, огромном помещении, где царил тьма крошечная, случилось нечто страшное и непонятное. Мисс Хисгинс стояла в центре, а ее отец и Парскет держали экран, как и раньше. Когда все было готово и я нажал рычажок вспышки, в погребе внезапно раздалось ужасающее, леденящее душу ржание, какое я уже слышал в парке. Создавалось впечатление, будто источник звука находился где-то над головой девушки. В резком сверкании вспышки я увидел, как мисс Хисгинс напряженно смотрит вверх, на нечто невидимое. А затем снова наступила темнота, и я крикнул Парскету и капитану, чтобы они вывели девушку на свет.

Они немедленно выполнили приказ, а я закрыл и запер дверь, произвел Первый и Восьмой пассы ритуала Саамаа возле обоих дверных косяков, а затем соединил их через порог тройной линией.

Тем временем Парскет и капитан отнесли девушку к матери и оставили ее в полубессознательном состоянии, а же остался сторожить дверь в погреб и чувствовал себя при

этом довольно скверно, так как осознавал: внутри находится какая-то отвратительная сила. А еще я мучился от стыда за то, что подверг опасности мисс Хисгинс.

У меня остался пистолет капитана, а когда мои товарищи вернулись в подвал, то у них при себе были ружья и фонари. Невозможно описать, какое облегчение спизошло на мой дух и тело, стоило мне услышать приближение Парскета и капитана. Попробуйте просто представить, что я испытывал, стоя возле двери в погреб. Можете ли вы это вообразить?

Помню, перед тем как отпереть дверь, я обратил внимание на побелевшее, мертвенно-бледное лицо Парскета, посеревшую физиономию капитана и подумал, может, и я выгляжу точно так же. И эта мысль подействовала на мое психическое состояние совершенно особым образом: чудовищность всего происходящего словно обрушилась на меня запово. Я знаю, одна только сила воли заставила меня подойти к двери и повернуть ключ.

Помедлив долю секунды, я распахнул дверь нервным рывком и поднял над головой лампу. Парскет и капитан встали слева и справа от меня и тоже подняли свои лампы, однако погреб был абсолютно пуст. Естественно, беглый осмотр меня не удовлетворил, поэтому с помощью своих товарищей в течение нескольких часов я исследовал каждый квадратный сантиметр пола, потолка и стен.

И все же в конце концов я вынужден был признать, что помещение само по себе ничем особенным не отличается, и мы оттуда ушли. Но я опечатал дверь и выполнил Первый и Последний пассы ритуала Саамаа с наружной стороны возле каждого косяка, соединив их, как прежде, тройной линией. Вы представляете, каково нам было обыскивать этот погреб?

Поднявшись наверх, я, обеспокоенный, поинтересовался здоровьем мисс Хисгинс, но девушка сама вышла ко мне. Когда я попросил у нее прощения, она сказала, что с ней все в порядке и что мне не стоит волноваться или винить себя.

Я немного успокоился и отправился переодеваться к столу, а после ужина мы с Парскетом оборудовали одну из

ванных компат для проявки отснятых мною негативов. Однако ни одна из пластинок ничем нас не удивила, пока мы не дошли до снимка, сделанного в погребке. Парскет занимался проявкой, а я взял несколько закрепленных пластин и вышел на свет, чтобы получить их разглядеть.

Только я дошел до последнего снимка, как услышал крик Парскета. Я кинулся обратно и обнаружил, что он поднес к красной лампе полупроявленный негатив и смотрит на него. Там ясно виднелась мисс Хисгинс с поднятыми вверх глазами — такая, какой я видел ее в погребке. Но что поразило меня — так это очертания огромного копыта прямо над ее головой. Оно словно опускалось на девушку из темноты. И знаете, ведь именно я подверг мисс Хисгинс такому риску. Лишь эта мысль и вертелась у меня в голове.

Закопчив проявку, я закрепил изображение и тщательно изучил пластину при нормальном освещении. Никаких сомнений не оставалось: над головой девушки было изображение огромного, выплывающего из тени копыта. Тем не менее подобное открытие никоим образом не приблизило меня хоть к какому-то пониманию ситуации. Единственное, что я мог сделать, — это попросить Парскета ничего не рассказывать девушке — она только напугалась бы еще больше. Однако я показал фотографию ее отцу, так как, по моему мнению, он должен был знать истинное положение дел.

Этой ночью мы приняли точно такие же меры для обеспечения безопасности мисс Хисгинс, как и в две предыдущие. Парскет опять составил мне компанию, но ничего необычного не произошло, и с рассветом мы пошли спать.

Спустившись к обеду, я узнал, что Бьюмонт прислал телеграмму, где говорил, что приедет вскоре после четырех. Кроме того, уже уведомили письмом приходского священника. Да и все женщины в доме, совершенно очевидно, пребывали в состоянии несомненного переполоха.

Поезд запоздал, поэтому Бьюмонт приехал только в пять, однако священника все еще не было, и дворецкий пришел с сообщением, что кучер вернулся один, поскольку священника куда-то срочно вызвали. Дважды еще посылали за ним экипаж в этот вечер, однако святой отец так и

не вернулся, и нам пришлось отложить свадьбу на следующий день.

Ночью я устроил «защиту» вокруг кровати девушки, и капитан с женой опять приготовились бодрствовать в спальне дочери. Бьюмонт, как я и ожидал, настоял на том, чтобы остаться со мной на посту. Он, похоже, был необычайно напуган, но боялся не за себя, а за мисс Хисгинс. По его словам, у него возникло ужасное предчувствие, что в эту ночь привидение совершит решающее, самое страшное нападение на его возлюбленную.

Естественно, я успокоил его, объяснив подобные страхи расшатанными нервами, и ничем более, однако на самом деле волнение молодого человека вызвало во мне серьезное опасение, так как я слишком много повидал и знал: не всегда виноваты только нервы, если человек заранее убежден в том, что надвигается опасность. А Бьюмонт был искренне и абсолютно уверен: этой ночью произойдет какое-то жуткое событие. Поэтому я попросил Парскета протянуть вдоль коридора, до двери спальни мисс Хисгинс, длинный шнур, который соединялся бы со звонком дворцового.

Дворецкому я велел не раздеваться и дать такое же указание двум лакеям. В случае моего звонка он должен был немедленно явиться вместе со слугами и принести лампы, которые следовало держать зажженными всю ночь. Если же по каким-либо причинам звонок не сработал бы и я бы дунул в свисток, то на этот сигнал надо было реагировать, как на звонок.

Обговорив все эти мелкие детали, я начертил пентаграмму вокруг Бьюмонта и чрезвычайно серьезно наказал ему не выходить за пределы пятиугольника, что бы ни происходило. Приготовления были закончены, и нам оставалось только ждать и молиться о том, чтобы ночь прошла так же спокойно, как и предыдущая.

Мы почти не разговаривали, однако примерно к часу ночи до такой степени взвинтились, что Парскет поднялся и принялся ходить взад-вперед по коридору, чтобы немного успокоиться. Скинув туфли, я тут же присоединился к нему. Мы стали вышагивать вместе, периодически перешен-

тываясь. Так продолжалось чуть больше часа, пока я не зацепился при повороте за шнур и не упал лицом вниз. Однако при этом не поранился и не издал ни единого звука.

Когда я поднялся, Парскет слегка подтолкнул меня локтем.

— Вы обратили внимание на то, что звонок так и не зазвенел? — прошептал он.

— Боже мой, — ответил я, — вы правы!

— Погодите минутку, — сказал Парскет. — Наверняка шнур просто перекрутился в каком-нибудь месте.

Оставив свое ружье, он скользнул вдоль коридора, снял лампу и на цыпочках пошел обследовать дом, держа наготовку в правой руке револьвер Бьюмонта. Храбрый малый, помню, подумал я тогда. Эта же мысль пришла мне в голову еще раз несколько позже.

Как раз в этот момент Бьюмонт жестом призвал меня к полной тишине. Я тут же уловил то, к чему он прислушивался: звук копыт скачущей в ночи лошади. Тут надо сказать, меня прямо-таки затрясло. Звук замер, оставив в нас жуткое, мрачное чувство опустошения. Думаю, вы понимаете меня. Я протянул руку к шнуру с надеждой, что Парскет устранил неполадки, и стал ждать, озираясь по сторонам.

Прошло, наверное, минуты две абсолютной, как мне показалось, неестественной тишины. А потом, неожиданно, в дальнем освещенном конце коридора раздалось буханье огромного копыта, и сокрушительный удар немедленно сбросил лампу на пол, а мы погрузились в темноту. Из всех сил я потянул за шнур и дунул в свисток, а затем поднял фотокамеру и сверкнул вспышкой. Коридор озарился ярким светом, но в нем никого не было, и затем темнота оглушила нас. Я услышал шаги капитана возле двери и велел ему немедленно вынести лампу. Но тут в дверь забарабанили, и из комнаты раздался крик капитана и прощительный вопль женщин. Внезапно я испугался, что монстр проник в спальню, но в тот же момент в противоположном конце коридора вдруг раздалось отвратительное злобное ржание, которое мы уже слышали в парке и в подвале. Я снова засвистел, на ощупь отыскал шнур и крикнул

Бьюмонту, чтобы он ни при каких обстоятельствах не выходил из пятиугольника. Потом я снова попросил капитана вынести лампу, но тут дверь спальни содрогнулась под мощным ударом. Я достал свички, пытаюсь хоть как-то осветить пространство, пока мы не стали жертвой невероятного невидимого чудовища.

Спичка чиркнула по коробку и загорелась тусклым светом, но тут я услышал слабый звук у себя за спиной. Охваченный паническим ужасом, я обернулся и увидел в свете свички нечто ужасное — громадную лошадиную голову, приближавшуюся к Бьюмонту.

— Осторожно, Бьюмонт! — пронзительно закричал я. — Она за тобой!

Неожиданно спичка потухла, и тут же прогремел выстрел из двустволки Парскета (из обоих стволов одновременно), произведенный, очевидно, Бьюмонтом возле моего уха, как мне показалось. Вспышка озарила на мгновение лошадиную голову и гигантское копыто, которое в извергнутом пламени и дыму, похоже, опускалось на голову Бьюмонта. Незамедлительно я выпустил три пули из своего револьвера. Раздался звук тупого удара, а затем это ужасное злобное ржание разразилось возле меня. Я дважды выстрелил в направлении звука, немедленно получил удар, непонятно от кого, и упал на спину. Встав на четвереньки, я во все горло позвал на помощь. Я услышал за закрытой дверью спальни женские крики, и дверь, как мне показалось, вышибли изнутри, а потом я обнаружил, что возле меня Бьюмонт борется с неким отвратительным чудовищем. Сначала я отпрянул, парализованный тупым страхом, а затем безрассудно, практически цепenea от паники, позвал молодого человека и кинулся на помощь. Надо сказать, на меня напел такой ужас, что я чуть сознание не потерял. Из темноты послышался тихий, придавленный вскрик, и туда-то я и прыгнул. Я схватился за огромное лохматое ухо монстра, а затем на меня снова обрушился удар колоссальной силы. Еле живой я вслепую ударил в ответ, а другой рукой вцепился в чудовище. Вдруг в мое затуманенное сознание проник новый звук: за моей спиной раздался неимоверный грохот, и тут же вспыхнул яркий свет. В коридоре появились

еще огни, слышались чьи-то шаги, крики. Мои руки оторвали от того, что они держали. Я трусливо закрыл глаза, слышал над собой громкий крик, потом тяжелый удар, словно мясник отрубил кусок мяса, и затем на меня что-то свалилось.

Капитан и дворецкий помогли мне встать на колени. На полу лежала огромная лошадиная голова, из которой торчало человеческое тело и ноги. На запястьях рук были закреплены копыта. Настоящий монстр. Капитан что-то разрезал саблей, которую держал в руке, нагнулся и поднял маску, поскольку это была именно она. Я увидел лицо человека, ее носившего, — Парскета. У него зияла глубокая рана на лбу, в том месте, где сабля капитана пробила маску. Я изумленно переводил глаза с него на Бьюмонта, который сидел, прислонившись спиной к стене коридора. Затем снова посмотрел на Парскета.

— Господи! — наконец выговорил я и замолчал — мне было ужасно стыдно за этого малого. Вы понимаете меня? А тот стал открывать глаза. А ведь я испытывал к нему такую симпатию.

Потом, когда Парскет начал приходить в себя, разглядывать нас всех и припоминать случившееся, произошла странная и непостижимая вещь. В другом конце коридора неожиданно застучали гигантские копыта. Я посмотрел в ту сторону, а потом сразу же на Парскета и увидел неподдельную панику на его лице и в его глазах. Он с трудом повернулся и в сумасшедшем испуге уставился туда, откуда доносились звуки, а мы все замерли, застыв на месте. Я смутно помню полувсхлипывания-полушепот, доносившийся из спальни мисс Хистинс все то время, пока я испуганно вглядывался в коридор.

Молчание длилось несколько секунд, и затем, внезапно, далеко в конце коридора снова застучали копыта. И потом — цок-цок-цок — стали приближаться к нам.

И даже тогда, понимаете, большинство из нас подумало, что это все еще работает какой-то механизм Парскета, и мы понали под влияние чрезвычайного смещения чувств, испытывая одновременно сомнение и страх. Кажется, все смотрели на Парскета. Неожиданно капитан закричал:

— Немедленно прекратите этот дурацкий розыгрыш. Вам еще недостаточно?

А я не на шутку испугался, поскольку появилось ощущение, будто происходит что-то страшное и нелогичное. И тут Парскет выдохнул:

— Я тут ни при чем. Господи! Это не я! Господи! Это не я!

И тогда, понимаете, до нас мгновенно дошло: по коридору действительно движется какая-то страшная сила. В сумасшедшем порыве все кинулись прочь, и даже капитан отпрянул назад вместе с дворецким и слугами. Бьюмонт упал без чувств, как я узнал позже, поскольку был изрядно покалечен. А я, по-прежнему стоя на коленях, в оцепенении и ошеломлении только прижался к стене и не смог даже побежать. Практически тут же возле меня прогрохотали копыта, и, казалось, прочный пол задрожал под массивными ударами. Внезапно все затихло, и мое воспаленное воображение подсказало: чудовище остановилось перед дверью спальни мисс Хисгинс. А потом я понял, что в дверях комнаты, пошатываясь и раскинув руки, стоит Парскет. Он словно хотел закрыть своим телом проем двери. Мозг мой стал проясняться. Парскет был необычайно бледен, но его лицу из раны на лбу струилась кровь. А потом я заметил его удивленный, пристальный, полный отчаяния и в то же время невероятного самообладания взгляд. Он вроде бы смотрел на что-то, а ведь смотреть было не на что. И вдруг опять: цок-цок-цок. Копыта последовали дальше по коридору. В этот момент Парскет рухнул на пол лицом вниз.

Из коридора послышались мужские крики. Дворецкий и двое слуг кинулись прочь, унося с собой лампы. Однако капитан прижался спиной к стене и поднял свою лампу над головой. Глухие удары лошадиных копыт проследовали мимо него, не причинив никакого вреда, и я услышал, как чудовище удаляется дальше и дальше в тишину дома, и наконец все совсем смолкло.

Капитан направился к нам. Его походка была медленной и неуверенной, а лицо абсолютно серым.

Я пополз к Парскету, капитан припел мне на помощь. Мы перевернули молодого человека на спину, и, знаете, я

тут же понял, что он мертв. Но можете себе представить, каково мне было в этот момент.

Я взглянул на капитана, а тот внезапно сказал:

— Он... он... он...

И я понял. Он пытался сказать, что Парскет встал между его дочерью и силой, которая двигалась по коридору, чем бы она ни была. Поднявшись, я попытался поддержать капитана, хотя сам нетвердо стоял на ногах. Но внезапно его лицо искривилось, и, упав на колени возле Парскета, он заплакал, словно напуганное дитя. Из спальни вышли женщины, я повернулся, оставив капитана на их попечение, и направился к Бьюмонту.

Вот и вся история, в общем-то. Осталось лишь объяснить некоторые непонятные моменты.

Возможно, вы догадались: Парскет любил мисс Хисгинс, и этот факт проливает свет на многие сверхъестественные явления. Он, несомненно, сам организовал все эти мистические происшествия или почти все, как мне думается. Но доказательств у меня нет, поэтому я могу предложить вам, главным образом, только результаты своего дедуктивного анализа.

Во-первых, совершенно очевидно, что главной целью Парскета было напугать и прогнать Бьюмонта. Осознав, что дело не выгорело, Парскет так отчаялся, что действительно вознамерился убить соперника. Неприятно это признавать, однако факты говорят сами за себя.

Я почти уверен, что руку Бьюмонту сломал именно Парскет. Он знал все подробности так называемой легенды о лошади и решил воспользоваться старинной сказкой для собственного блага. Похоже, он нашел способ, как незаметно проникать в дом, возможно, через одну из французских окон, которых в доме так много. Или у него был ключ к одной из двух садовых дверей. Все думали, что Парскет далек, а на самом деле он тихонько пробирался внутрь и прятался где-нибудь поблизости.

Случай с поцелуем в темноте я приписал бы исключительно воображению и нервному состоянию Бьюмонта и мисс Хисгинс, однако, должен признать, стук лошадиных копыт снаружи объяснить несколько труднее. Тем не менее

я по-прежнему придерживаюсь своей первоначальной версии и считаю, в этом не было ничего сверхъестественного.

Лошадиные шаги в бильярдной и коридоре — дело рук Парскета: этажом ниже он стучал по обшивке потолка деревянной балкой, привязанной к одному из оконных крюков. Это подтверждают следы на дереве, которые я обнаружил, осматривая помещения.

Лошадь, скачущая вокруг дома, вероятно, тоже проделка Парскета. Он, по-видимому, привязал где-нибудь поблизости лошадь или сам изображал эти звуки, я только не очень понимаю, как он мог так быстро передвигаться, чтобы создать иллюзию скачущей лошади. В любом случае абсолютной уверенности на этот счет у меня нет. Я не сумел найти никаких следов копыт, как вам известно.

Ужасающее ржание в парке — чревовещательный трюк Парскета, и на Бьюмонта напал там тоже он. Я предполагал, что наш приятель у себя в комнате, а в действительности он, скорее всего, держался где-то неподалеку и присоединился ко мне, когда я выбежал из дому. Парскет оказался всему причиной — такая теория весьма вероятна, так как, если бы существовало нечто более серьезное, малый бросил бы свою дурацкую затею, понимая, что в ней больше нет нужды. Не могу представить, как его не застрелили в парке или потом, во время этого сумасшедшего действия в коридоре, о котором я вам только что рассказал. Чувство страха за свою жизнь, как вы видите, в Парскете напрочь отсутствовало.

А в тот момент, когда Парскет находился с нами и вроде бы слышался стук копыт скачущей вокруг дома лошади, мы, скорее всего, ошиблись. Ни один из нас не был абсолютно уверен, кроме, конечно же, Парскета, который, естественно, подогревал нашу веру в происходящее.

Ржание в погребу, полагаю, впервые вызвало у молодого человека подозрение в том, что, кроме его фальшивого привидения, в доме действует какая-то иная сила. Ржание Парскет производил тем же способом, как и в парке, но, вспоминая его побелевшее лицо, я понимаю, что звук приобрел, по-видимому, некий страшный оттенок, испугавший его самого. Однако впоследствии Парскет убедил себя: это

просто игра воображения. Конечно, я не должен забывать: эффект, произведенный этим ржанием на мисс Хисгинс, наверное, очень его расстроил.

Теперь по поводу священника, которого куда-то срочно вызвали. Позже мы выяснили, что дело было подстроено, то есть вызов оказался фальшивым, и сфабриковал его Парскет, поскольку хотел получить несколько дополнительных часов для осуществления задуманного. Немного воображения — и вы догадаетесь, какой получился результат: Парскет обнаружил, что запугать Бьюмонта не удастся.

Я абсолютно уверен, что именно Парскет запутал пинур, идущий к звонку дворецкого, чтобы потом у него появился убедительный повод ускользнуть. К тому же это дало ему возможность унести одну из коридорных ламп. А затем ему пужно было всего лишь разбить вторую лампу, и коридор погрузился во мрак. И тогда Парскет нацел на Бьюмонта.

Опять же именно Парскет запер дверь спальни и забрал ключ (он лежал у него в кармане). Поэтому капитан не смог вынести лампу и прийти на помощь. Однако капитан Хисгинс выбил дверь тяжелым бордюром каминной решетки, и этот грохот в темноте коридора вызвал такое смещение и страх.

Что мне менее всего понятно — так это гигантское копыто над головой мисс Хисгинс, запечатленное на фотографии, сделанной в погребе. Парскет мог подделать снимок. Меня ведь в комнате не было, а подобная фальсификация не проблема для человека, понимающего толк в деле. Но понимаете, фотография похожа на настоящую. Тем не менее вероятность того, что она подлинная, такая же, как и того, что она поддельная. Изображение слишком расплывчато, поэтому никакой анализ не поможет вынести категорического решения. Так что я не дам вам однозначного ответа. Но фотография, конечно, страшная.

А теперь о последнем ужасающем эпизоде. С тех пор не произошло ничего сверхъестественного, поэтому я в высшей степени неуверен в своих заключениях. Если бы мы не слышали тех последних звуков и если бы Парскет не испугался смертельно, всю историю можно было бы объяс-

литель в том же ключе, в каком я уже истолковал предыдущие проявления. И честно говоря, практически все из случившегося объяснимо, кроме этих последних звуков и паники Парскета.

Его смерть... Нет, она ничего не доказывает. Расследование представило довольно расплывчатую причину его смерти — нечто вроде сердечного спазма. Звучит вполне правдоподобно, однако оставляет нас в неведении. Отчего же он умер? Оттого, что встал между девушкой и какой-то неслыханной чудовищной силой?

Выражение лица Парскета и его возглас при звуках огромных лошадиных копыт, приближающихся из дальнего конца коридора, по-видимому, доказывают, что он внезапно убедился в существовании чего-то, о чем раньше, вероятно, только подозревал. А его страх и предчувствие надвигающейся смертельной опасности были, наверное, неизмеримо сильнее, чем мои. И потом он совершил этот благородный, возвышенный поступок!

— А причина? — спросил я. — Что было причиной?

Карнаки покачал головой.

— Кто знает, — ответил он с особенным неподдельным благоговением в голосе. — Если это было тем, чем казалось, можно предложить объяснение, которое не будет противоречить мотивам, но все равно может оказаться неверным. Хотя и понадобится длинная лекция на тему «Мыслительная индукция», чтобы заставить вас оценить мои доводы, я скажу о своих выводах: тяжелые мысли и отчаяние Парскета произвели на свет «индуцированное привидение», как я мог бы это назвать, нечто вроде индуцированной симуляции его внутренней идеи. В общем, трудно объяснить это в двух словах.

— А как же старая легенда? — удивился я. — Может, в ней все-таки что-то есть?

— Может, и есть, — ответил Карнаки. — Только, думаю, она не имеет ничего общего с нашим делом. Правда, я еще не сформулировал для себя четкое объяснение, но впоследствии, возможно, расскажу вам, почему так считаю.

— А свадьба? А погреб? Там нашли что-нибудь? — поинтересовался Тейлор.

— Брак заключили на следующий день, несмотря на трагедию, — продолжил Карнаки. — И это было самое мудрое решение, учитывая те обстоятельства, которые я не могу объяснить. Да, я все перевернул в погреб, поскольку у меня было чувство, что я смогу там что-то найти. Но безрезультатно. Знаете, дело это необычное и страшное. Я никогда не забуду выражение лица Парскета. И отвратительные звуки гигантских копыт, топочущие в тишине дома.

Карнаки встал.

— А теперь уходите! — дружелюбным тоном произнес он знакомую фразу.

И мы незамедлительно вышли в тишину набережной и отравились по домам.

КИМ НЬЮМАН

Семь Звезд

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

МАГ И ЛЮБИМЕЦ ПУБЛИКИ

Эдвин Уинтроп и Катриона Кей

Бывший офицер разведки усатый Эдвин Уинтроп и Катриона Кей, дочь приходского священника из Западной Англии, занимающаяся исследованиями в области паранормальных явлений, — партнеры. Хотя и не под началом клуба «Диоген», они время от времени помогают наставнику Эдвина Чарльзу Борегарду, который, после долгих лет службы, возглавляет теперь Тайный Совет, высший эшелон разведки.

Эдвин и Катриона впервые появились в 1981 году в пьесе Кима Ньюмана «Мое маленькое убийство никому не принесет вреда» (*My One Little Murder Can't Do Any Harm*), детективной истории, происходящей в двадцатых годах XX века в загородном доме. Кстати сказать, автор списывал Уинтропа с себя, а Катриону — с Катрионы О'Каллаган. Ньюман снова вернулся к ним, как и к остальным персонажам пьесы, в романе «Яго» (*Jago*, 1991), а Эдвин является главным действующим лицом в его романе «Кровавый Красный Барон» (*The Bloody Red Baron*, 1995). Он также упоминается крохотного упоминания в «Демоне загрузки» (*Demon Download*) Джека Йовила¹ и появляется в повести «Большая рыба» (*The Big Fish*, 1993), опубликованной в британском журнале фантастики «Interzone».

Знаменитый артист театра и кино Джон Бэрримор (1882—1942) был братом Этель и Лайонела Бэрримор. Ро-

¹ Джек Йовил — один из псевдонимов Кима Ньюмана.

матический любимец публики, прославленный Великий Профиль, он безрассудно растратил свой талант, и его карьера в конечном счете пошла ко дну из-за алкоголизма, когда он превратился в жалкое подобие самого себя. На пике славы он сыграл прославленного детектива в картине «Шерлок Холмс» (1922), поставленной Альбертом Паркером для «Голдуин пикчерс». Хотя фильм и снимался в Голливуде, большие натурные съемки проводились в Лондоне. Рональд Янг сыграл доктора Ватсона, а австрийский актер Густав фон Зейффертиц — похожего на Калигари¹ профессора Мориарти, чьим именем фильм и назывался в английском прокате.

Февральский холод заставил Катриону Кей пожалеть, что в этом сезоне в моду вошли наряды выше колена. Ее коротко подстриженные волосы, упрятанные под шляпку-«колокол», оставляли тонкую шею открытой, заставляя плотнее кутаться в меховой воротник.

Родившейся вместе с веком и достигшей теперь двадцатидвухлетия, ей порой казалось, что обязанность следовать моде — это проклятие. Ее отец, священник из Уэст-Кантри, всегда ворчал на нее из-за ее скандальной манеры одеваться, не говоря уже о какофонических американских предпочтениях в музыке. Эдвин же никогда не осуждал Катриону за пристрастие к моде, замечая, что она — полезный барометр: когда она на подъеме, то же происходит и с миром; когда у нее спад — жди беды.

В данный момент настроение у Катрионы было как у тех десяти тысяч солдат старины герцога Йоркского. Ни туда и ни сюда². Ветер, дующий вдоль Бейкер-стрит, был зимним, но прозрачный воздух — ни тумана, ни дождя — весенним.

Все вот-вот должно было измениться.

Две почтенные дамы неподалеку заметили звезду экрана. Они откровенно таранились на своего кумира, будто

¹ Герой немого фильма ужасов 1920 г. «Кабинет доктора Калигари».

² Неудачливый полководец, ославленный в народной песне за то, что без толку водил свои «десять тысяч солдат» взад-вперед.

дети в цирке. Катриона подумала, что они прямо-таки наслаждаются всем этим.

Звезда экрана только что вышел из двери, на которой значился номер столь же знаменитый, сколь и несуществующий: 221Б. На звезде были шапка с козырьком и длинное свободное пальто с поясом в викторианском стиле. Он обернулся, окинув окрестности орлиным взором, — четко продемонстрировав характерный резкий профиль, и поднес к глазам лупу.

— Неужели это... — начала одна из матрон.

Предмет их изумления предстал перед ними в компании какого-то мужчины, ниже его ростом, пухлого и отдувающегося, в котелке и с усами. Он держал в руке револьвер.

— Уверена, что так и есть, — согласилась другая женщина. — *Джон Бэрримор!*

Великий Профиль повернулся к восхищенным поклонникам анфас, при этом один глаз его, сильно увеличенный лупой, сверкнул тускло-зеленым огнем, и галантно снял свой шлем¹. Одна дама в экстазе обмякла на руках у другой.

Катриона не сумела сдержать смехок.

Коротышка с мегафоном начал вопить, распекая звезду за «игру на публику».

— Боюсь, я никогда не привыкну к этим киносьемкам, — посетовал Бэрримор.

Катриона поняла, что актер сосредоточен главным образом на своем будущем Гамлете и слишком мало что оставляет на долю этого фильма-спектакля по «Шерлоку Холмсу» мистера Конан Дойла, или, точнее, знаменитой постановке господина Уильяма Жиллетта. Судя по тому, что она увидела на съемках, сыщик Бэрримора таил в себе изрядную толику сумрачного датчанина и больше строил глазки героине, чем трудился на месте преступления вместе со стариной Ватсоном. Микрофн Холмс перевернулся бы — очень медленно и с превеликой важностью — в своем гробу.

¹ *Охотничий шлем* — шерстяная шапка с козырьком спереди и сзади: такую шапку носил Шерлок Холмс.

Эдвин, «ее всё», делал вид, будто заинтересован хитрым устройством кинокамеры, и выпрашивал операторов о мельчайших технических деталях. Ей был знаком этот его трюк — изобразить небывалый энтузиазм, чтобы выудить любую не относящуюся к делу информацию из тех, кого он вежливо и незаметно расспрашивал.

Не в первый раз она почувствовала себя чем-то вроде старины Ватсона. Они с Эдвином были партнерами, но слишком многие люди — хотя и не сам Эдвин — считали ее лишь декоративным приложением к гению Великого Человека.

Конечно, она не ждала лестных публикаций с описанием их с Эдвином Уилтропом совместных подвигов. В большинстве случаев их почитатели определенно не захотели бы увидеть факты из своей частной жизни в массовой прессе. Коли на то пошло, эти чертовы Баскервилли вряд ли были в восторге, когда вся нация оказалась посвящена в их грязные семейные делишки. Существовали, кроме того, и соображения государственной безопасности, связанные в ряде случаев с тайными нанимателями Эдвина во время недавней войны, и их тоже следовало учитывать.

Бэрримор донимал режиссера, человека по имени Паркер, своими колебаниями. Будучи равнодушен к этой своей роли, он был склонен игнорировать известный совет принципа датского — «не суетиться». Она заметила, что Роланд Янг, тот тип, что играл старину Ватсона, с истинно британским тактом пытается не раздражаться — то есть так, что его истинные чувства становятся всем очевидны. Вот где было настоящее представление.

Проболтавшись два дня возле американской киногруппы, ведущей патурные съемки, она привыкла, что ее принимают за актрису или даже за одну из множества подружек Великого Профиля. Помня совет Эдвина, она никогда не старалась ни опровергать, ни подтверждать предположения, выдвинутые окружающими.

Судя по их теперешнему правительственному поручению, едва ли все это имело особое значение. Обычно их работа была связана с живыми, которых беспокоили мертвые; в данном случае они находились здесь для того, чтобы защитить умершего от клеветы. Эдвин оказывал неофици-

альную любезность клубу «Диоген», организации, которая нашла ему легальную работу на время Великой войны и которая все еще время от времени нуждалась в его услугах.

Майкрофт Холмс, брат консультирующего детектива, менее знаменитый, но более проницательный, некогда заседал в Тайном Совете клуба «Диоген», в кресле, которое ныне занимал несколько менее объемный мистер Чарльз Борегард, перед ним и отчитывался Эдвин.

В прошлом году клуб «Диоген» втянул Эдвина и Катриону в схватку с призрачным самураем, который орудовал очень даже материальным мечом в японском посольстве, срубив головы нескольким безропотным сотрудникам. Это кровавое дело в конечном счете пришло к удовлетворительному завершению, человеческая злоба была обнаружена, а всякая паранормальная чушь разоблачена. Теперь, насколько известно Катрионе, она стала единственной женщиной в мире, у которой в ящике комода лежит личное благодарственное послание от японского императора.

Здесь все было куда обыкновеннее. Дело касалось репутации. Великий Детектив пару-тройку раз помогал своему брату (хотя никогда — по заданию клуба «Диоген»), так же как Эдвин и Катриона помогали теперь Борегарду. Причиной чего-то вроде размолвки, вышедшей между мальчуганами Холмс, стало то, что старый добрый Ватсон и мистер Дойл описали эти небольшие приключения и зашли даже так далеко, что упомянули в печати организацию и намекнули на истинную роль Майкрофта Холмса при британском правительстве.

Теперь все это в прошлом. Но Борегард, в основном из уважения к памяти своего прежнего шефа, хотел, чтобы завеса секретности, за которой привычно скрывались клуб «Диоген» и его агенты, вновь опустилась.

— Это будет почти что праздник, — сказал Борегард. — Пообщаетесь с людьми из мира кино. Просто убедитесь, что они держатся подальше от фактов.

Паркер снова ругал Бэрримора, теперь за его знаменитые усы. Они были все еще не сбриты. Возможно, на дальних планах они будут незаметны, но на крупных — станут видны.

Катриона гадала, случайно ли усы Эдвина точно такие же, как у актера. Он делал вид, что выше моды, посмеиваясь над ее кимоно и короткими стрижками, по и сам бывал чуточку франтоват.

«Тебе бы тоже захотелось утопченности, — сказал бы он, — проведи ты четыре года в заскорузлой от грязи форме».

Война многое объясняет.

Паркер ринулся прочь от актеров. Бэрримор, принимая широкие ступени дома 221Б за подмостки, поклонился галерке. Толпа зевак бурно зааплодировала. Директор свирепо сверкал глазами и бормотал насчет кнута, когда компания вернется в Штаты.

— Вы, технический консультант, — обратился Паркер к ней. — Что не так в этой сцене?

— Мне бы не хотелось об этом говорить, — уклончиво ответила она.

— Но это ведь то, для чего вы здесь, верно? Это та треклятая растительность на губе у Джона!

— Может, он так замаскировался. — Она пыталась быть великодушной.

Паркер горько рассмеялся.

— И адрес, — пискнула она. — На парадном входе должен быть номер двести двадцать один. А, и В, и, судя по всему, С должны находиться на дверях, выходящих на лестничные площадки.

Паркер помотал головой и запягал прочь.

— Но я права, — сказала Катриона его спине.

Хотя они жили — вместе! во грехе! скандально! — в Сомерсете, в доме, который Эдвин унаследовал от своего имевшего сомнительную репутацию отца, в последнее время они больше времени проводили в лондонском съёмном жилище, славной маленькой квартирке в Блумзбери, которую Катриона официально называла своим домом, чтобы у ее отца не приключилось сердечного приступа, ибо так он мог верить, что она проживает отдельно от Эдвина. В этот вечер, поставив на граммофон «Шепот» Пола Уайтмена, они обсуждали сегодняшний день за тапцем, время от времени рождая стесняющие их предметы одежды.

— Старине Борегарду не о чем беспокоиться, Котенок, — сказал Эдвин ей на ушко. — На протяжении цепочки Холмс—Ватсон—Дойл—Жиллетт—Бэрримор исчезло все, что можно было считать правдой или намеком на правду.

— В сценарии фильма не фигурируют члены «Диогена»?

Крепко поддерживая ее одной рукой за поясницу, Эдвин запрокинул ее назад. Ей часто казалось, что она вот-вот потеряет равновесие, но Эдвин всегда успевал вовремя поднять ее.

— Нет.

Они поцеловались. Песня закончилась. Они устроились на диване.

Позднее, обложившись турецкими диванными подушками, затягиваясь сигаретой в длинном мундштуке, в наброшенном на плечи кимоно, она снова вспомнила о задании.

— Наверняка после всех этих лет никому больше нет дела до проклятых планов Брюса—Партингтона.

Эдвин лениво рассмеялся. Он уже задремывал, тогда как она все больше просыпалась. Он утверждал, что навёрстывает сон, упущенный за четыре года непрерывной пальбы.

— Таков закон, крошка. Секретность. Если бы все всё знали, началась бы массовая паника.

Она обдумала это.

— Тьма¹ слишком для многих стала привычкой, Эдвин.

— Ты зажжешь свет, Котенок. Ты у нас маяк.

Он погладил ее ногу. Она подумала, не ткнуть ли его горячей сигаретой.

— Негодяй, — фыркнула она.

Эдвин сел, бессознательно провел пальцами по своим (Джона Бэрримора) усам и приготовился слушать.

— Старые секреты, дорогой, — сказала она. — Их слишком много. А поверх них громоздятся новые.

— Нам просто нужно побездельничать еще несколько дней среди киношников, — ответил он, взяв ее за руку. — Потом, обещаю, мы найдем какое-нибудь славное дело с привидениями, жутко стенающую призрачную монахиню

¹ Darkness (англ.) — 1) темнота, тьма; 2) секретность; 3) затемнение.

или замкового призрака в бряцающих цепях. Мы найдем этому объяснение при помощи сияющего света науки и разума. Мало-помалу мы изгоним тьму с этих островов.

Она стукнула его подушкой.

Чаше всего тьма действительно исчезала после их вмешательства. Но порой...

— Что еще нам нужно узнать про этот дурацкий фильм?

— Вообще-то, ничего. Я звонил Борегарду и сообщил ему все, что мы разнюхали. Он очень просил, чтобы мы присутствовали на следующей натурной съемке, представляя интересы нации.

— Интересы *нации*?

— Именно. «Голдуин компани» добыла разрешение снимать фильм в закрытых помещениях хранилища национальных коллекций, в подвалах Британского музея, — некую схватку между Холмсом и тем недоброй памяти профессором математики, — и мы должны быть там, присмотреть, как бы они ничего не сломали. Съемки будут идти всю ночь, после того как все сотрудники разойдутся по домам.

Катриона покачала головой.

— Я важная персона, — объявила она. — Я научный исследователь. Мое поле деятельности, где я публикуюсь и где меня хорошо знают, несмотря на юные годы, — исследование паранормальных событий. Я не возражаю, при определенных обстоятельствах, послужить своей стране в качестве более или менее тайного агента. Однако я категорически отказываюсь работать бесплатным ночным сторожем.

Он обнял ее, и она знала, что в конце концов сдастся.

— Неужели тебе никогда не хотелось узнать, что *на самом деле* хранится во всех этих тайниках? Мы сможем порыться в артефактах и рукописях, запретных для публики.

Это было нечестно. Он знал, что она не устоит перед таким искушением.

Она поцеловала его, вповь горя желанием.

— Ты будешь сиять во тьме, — сказал он.

Подвал был огромен, сводчатый потолок уходил вверх над заполненным ящиками пространством. Хотя кафельные стены были холодными на ощупь, в подвале было на

удивление сухо. В одном из его концов пезапанованная голова с острова Пасхи, задевая макушкой потолок, обозревала окрестности. Статуя была такой же длиннотелой и носатой, как и тот непривлекательный тип, которого изображал теперь классически красивый актер, сцепившийся в решающей схватке с эрзац-Наполеоном преступного мира.

— Похоже на подземную станцию метро, — заметила Катриона.

— Совершенно верно, умный Котенок, — согласился Эдвин. — Здесь и планировали сделать станцию «Британский музей», но строительство так и не было закончено. Компания обанкротилась. Большая часть линий была засыпана, но эту музей забрал себе под самые глубокие хранилища. Некоторые предметы слишком огромны, чтобы держать их в обычном подвале.

— Как глупо, — сказала она. — Ясно же, что подземной железной дорогой должна заниматься одна компания ради блага народа, а не соперничать и интриговать с конкурентами, которые источат всю землю под Лондоном, пока город не провалится.

Он не стал спорить.

Паркер воскликнул «стоп!», его усиленный мегафоном голос гулко раскатился по подвалу.

Бэрримор — губа наконец выбрита, без всякого ущерба для его внешности — остановился, и к нему кинулась девушка, чтобы подновить грим на его щеках. Место его боя с Мориарти теперь кишело обслугой, занимавшейся подобными же мелкими делами.

Юноша в бриджах помог Мориарти подняться на ноги. Профессора изображал довольно жуткого вида тип с всклокоченными волосами, глазами, будто огоньки поминальных свечей, и тонкогубой усмешкой. Помощник режиссера, который, она знала, был слегка влюблен в нее, сказал, что Мориарти играет австриец с совершенно ужасным именем Густав фон Зейффертиц. Во время недавней войны он взял себе дурацкий американский псевдоним Г. Батлер Клонбло.

Бэрримор мог включать и выключать своего Шерлока, будто электрическую лампочку, — мелодраматичный, когда

включалась камера, но отчаянный шутник между дублями. Фон Зейффертиц, который нравился Бэрримору, поскольку по контрасту давал ему возможность выглядеть еще красивее, казалось, был «включен» все время и коварно ускользнул, когда режиссер снова принялся орать на Бэрримора.

Она подтолкнула Эдвина локтем и кивнула на Мори-арти.

Актер продвигался прочь из круга искусственного света, к нагромождению ящиков, словно его так и тянуло помолиться у подбородка головы с острова Пасхи.

— Странно, — заметил Эдвин.

— Ты просто завидуешь.

До сих пор им так и не удалось воспользоваться возможностью порыться в запретных сокровищах. Бесценные древние артефакты были сейчас декорациями, и да помогут Небеса всякому, кто случайно забредет в поле зрения камеры. Режиссер имел здесь право судить и казнить на месте, как подобает командиру на поле боя.

Фон Зейффертиц явно что-то выискивал. Он вглядывался сквозь пенсне в нарисованные мелом на ящиках руны, недовольно ворча себе под нос.

— Старина Борегард велел нам быть настороже, — сказал Эдвин. — В его время в музее случилась какая-то нехорошая история, как раз перед юбилеем. Он немного сдвинутый на этом, на мой взгляд. Долгая безупречная служба и все такое.

С того момента, как они спустились под землю, Катриону бил озноб, но это был не просто холод. Тени за границей слабого света казались глубже, чем они имели право быть.

— Мистер Борегард редко ошибается, — напомнила она Эдвину.

Противникам пора было сойтись снова. Паркер велел помощникам убраться и свел Бэрримора и фон Зейффертица вместе, словно рефери на боксерском поединке. Казалось, австриец с очень большой неохотой оторвался от своих поисков ради такой ерунды, как работа.

— Держу пари, этому парню надоело, что его побеждают, — сказал Эдвин. — Я видел его в ролях негодяев в полдюжине фильмов.

Подобно ей, Эдвин был тайно предан новейшему искусству. Они ходили в кино гораздо чаще, чем в театр, и особую любовь питали к парижским сериалам, «Фантомасу» и «Судье». Когда ей самой случалось использовать псевдоним, Катриона часто выбирала Ирма Веп, по имени неоднозначной злодейки из «Вампиров».

— Интересно, не было ли у него когда-нибудь искушения подраться по-настоящему и победить героя. Всего однажды.

Она понимала, что имеет в виду Эдвин. Мориарти производил слишком сильное впечатление для пожилого профессора математики — в реальной жизни именно такого человека легче легкого сбросить в водонепроницаемый — и Шерлок пропускал удар за ударом.

Фон Зейффертиц уклонялся и нападал, словно он был намного моложе, и уже украсил прославленное лицо звезды несколькими потенциальными синяками. Бэрримор немного взмок. Неужели Профессор забыл сценарий? Он должен проиграть.

Фон Зейффертиц обхватил Бэрримора захватом и бросил его на пол. Режиссер крикнул «стоп!». Засуетились озабоченные люди. У звезды шла кровь. Мориарти приносил неискренние извинения.

— Мое лицо, мое лицо, — причитал Бэрримор, заполняя своим поставленным голосом весь подвал.

Эдвин кивнул ей, чтобы она взглянула.

Она подошла поближе к актеру с носовым платком наготове.

Струйки крови текли из обеих ноздрей, образуя на месте сбитых усов их красное подобие.

— У меня сломан нос?

Она остановила кровь и оцупала гибкие хрящи Бэрриморова носа. Решив, что его драгоценная физиономия пострадала не слишком серьезно, она так ему и сказала.

— Слава богу! — провозгласил он, целуя ее в лоб, исполняя мечту множества поклонниц.

Она почувствовала на своих волосах липкие и совсем неромантичные ошметки крови и осторожно сняла их ногтями, вытерев о стену.

— Я должен беречь себя, — пробормотал актер. — Все остальное не важно.

Бэрримор испытывал просто-таки невероятное облегчение. Она поняла, что он боялся за своего долгожданного Гамлета.

— Благословляю вас, дитя, — сказал он. — За милосердную весть. Невозможно играть Принца с нашлапкой из пластыря посреди лица. Лишиться его ради этой дешевки было бы просто невыносимо.

Все актеры немного чудаки.

Паркер объявил конец «ночной патуры». Пока нос Бэрримора не придет в норму, смысла продолжать не было. Помощник весело подсчитывал, во что обойдется эта задержка.

— Я хочу, чтобы завтра ночью ты измордовал этого окажяного австрийца до полусмерти! — потребовал Паркер.

— Даю слово, — ответил Бэрримор, уже значительно бодрее.

Оборудование демонтировали, и компания заторопилась наверх.

Эдвин тронул ее за локоть и отступил в тень, увлекая ее за собой.

— Что-то здесь не так. — Он был натянут как струна.

Она кивнула. Он был прав. Она тоже это чувствовала.

Осветительные лампы погасли, оставив после себя глубокий мрак и яркие круги перед глазами. Но тут был и иной свет — красноватое сияние, почти inferнальное.

Не серой ли здесь повеяло?

Оборудование и люди набились в клеть лифта, бывшего самым простым способом выбраться наверх.

Сияние исходило из-за головы с острова Пасхи. По лицу головы двигалась тень, словно богомол величиной с человека прилип к острому носу.

— Смотри, Котенок. Видишь, за статую уходит туннель. Наверно, его укрепили и использовали как дополнительное хранилище.

Тень отделилась от носа, скользнула вокруг головы, на миг заслонив кровавый свет, и скрылась в туннеле.

— Это был человек, — сказал Эдвин.

— Думаешь? — неуверенно отважилась уточнить она.

Было нечто странное в том, как эта тень двигалась.

— Пошли, Котенок.

Эдвин уже двинулся вслед за тенью. Поколебавшись всего мгновение, она последовала за ним. Он вытащил из-под пальто револьвер. Это был уже не отдых.

Жаль, что она оделась не для работы.

Киношный народ суматошно разбежался. Остались немногие, и они были по уши заняты своим делом, не замечая ничего вокруг. Эдвин помедлил у края платформы и взглянул на голову с острова Пасхи.

— Интересно, как ее затащили сюда? — задумчиво сказал он.

Казалось, лицо скалится на него.

Эдвин шел впереди, карабкаясь вокруг головы, цепляясь за отвесные мочки ушей, и прыгнул на засыпанный гарью пол туннеля. Она следовала за ним, страшась за состояние своих шелковых чулок и белых туфель-лодочек.

В туннеле сияние было ярче. Красная лампа, очевидно, находилась где-то за рядом ветхих ящиков. И еще там было намного холоднее. Она задрожала.

Эти ящики валялись здесь без всякого порядка. Какие-то из них были разбиты, и из них на дно туннеля высыпалась солома. Некоторые повреждения выглядели совсем свежими.

Внимание Эдвина привлек открытый ящик. Возле него валялись солома и африканские маски, словно их выбросили оттуда, чтобы освободить место для нового сокровища. Он зажжет спичку и охнул. Она подошла ближе, чтобы взглянуть.

В ящик был втиснут человек, пожилой, раздетый догола и без сознания. Она проверила его дыхание и пульс. Эдвин опустил спичку пониже, чтобы свет упал на лицо мужчины. Это был фон Зейффертиц, с ожогом от хлороформа вокруг носа и рта.

— Он лежит здесь уже некоторое время, — сказала она.

— Тогда кто играл Профессора?

Она содрогнулась, но не от холода.

— Эй, — громыхнул знакомый голос, — кто тут? Что здесь происходит?

Это был не кто иной, как Джон Бэрримор.

— Это же мисс Кей, верно? Ангел назального милосердия. А вы тот счастливчик, что везде шатается вместе с ней.

— Эдвин Уинтроп, — представился Эдвин.

— Вы что, ускользнули сюда, чтобы... мм... поминдальничать?

Эдвин слишком поздно погасил спичку. Бэрримор увидел Зейффертица в ящике.

— Боже милостивый, тело!

Эдвин хмуро зажег другую спичку.

— Это Густав Ужасный, — сообщил Бэрримор.

— Кто-то выдавал себя за него, — сказал Эдвин.

— Не удивлюсь, — заявил Бэрримор. — Его «сделать» легко. Я сам могу стать похожим на него. За гротескным лицом спрятаться куда проще, чем за красивым. Когда я играл жуткого мистера Хайда...

Эдвин жестом велел актеру умолкнуть.

Бэрримор заметил рубиновый свет. До него разом дошло, что во всем этом есть что-то странное.

Среди африканских масок виднелись встрепанные белые волосы. Парик, который носил Мориарти. Тут же валялись пенсне и фальшивый нос.

Тот, кого они преследовали, был настолько поглощен своим делом, что не задумывался о том, что оставляет следы. Это говорило о самонадеянности или об уверенности, которая не радовала.

— Пошли, — сказал любимец публики, устремляясь вперед, будто истинный герой, — доберемся до сути всего этого!

Эдвин взял Катриону за руку, разглаживая ее замерзшую кожу, поднял спичку повыше, и они двинулись навстречу сиянию. Когда спичка догорела, света было уже достаточно, чтобы видеть. Почему-то он пугал больше, чем темнота.

Большой, обвязанный медной проволокой ящик перекрывал почти весь туннель, словно здесь был туник. Но красный свет подсвечивал его контуры, свидетельствуя, что за ним еще есть пространство.

Они подкрались поближе и прижались к стене, чтобы заглянуть за ящик.

Трудно было понять, что они видят. Там было расчищено место, на засыпанном гарью полу белым порошком или краской нанесен узор. В разных точках этого рисунка стояли масляные светильники, пылающие красноватым огнем. Катриона не сумела сразу понять, что за фигуру образуют линии и огни. Это не было ни обычным магическим кругом, ни пентаграммой.

Там было семь светильников, расположенных не в ряд. Она немного передвинула голову и увидела...

— Плуг, — прошептала она.

Сразу же рука Эдвина крепче сжала ее руку.

— Умница, Котенок, — сказал он с гордостью.

Светильники повторяли рисунок Семи Звезд. Созвездия Большой Медведицы¹.

Посередине всего этого лежал открытый контейнер — не деревянный ящик, но нечто металлическое, в форме гроба. Внутри него сверкал красный огонь. Ей казалось, что она видит его даже сквозь металлическую стенку.

А над контейнером стояла тонкая фигура, широко раскинув руки, бормоча что-то на незнакомом языке. Сюртук Мориарти, все еще болтающийся у него на плечах, раздувал ветер, которого не было.

Часть ритуала уже свершилась. Каждой клеточкой своего тела Катриона ощущала, что это Зло. Она знала, что Эдвин и Бэрримор поняли это не хуже нее и затаились.

Человек, Мориарти, выхватил из внутреннего кармана кинжал и обратился к огням созвездия, он касался острием кинжала своего лба и затем обращал его поочередно к каждому из огней-звезд. Потом он откинул широкий рукав и быстро нацарапал на своем левом предплечье несколько знаков. Выступившая на порезах кровь закапала в ящик. Взяв кинжал в другую руку, он не менее ловко повторил то же самое с правой рукой, и снова пролился кровавый дождь.

Бэрримор протиснулся в пространство между ящиком и стеной, эта драма притягивала его, словно ему не терпелось выйти на сцену из-за кулис. Эдвин выпустил руку

¹ Плуг — одно из названий созвездия Большой Медведицы.

Катрионы и схватил актера за плечо, удерживая его на месте. Теперь все трос были зажаты в тесном проходе.

Она увидела, что в контейнерс лежит тело и в груди его полыхает огонь. Лицо и руки, словно обтянутые бумагой, забрызганы кровью.

Тот, кто творил ритуал, был немолод. Лицо его было таким же худым, как у актера, которого он изображал, если не сказать — как у мумии, над которой он творил свою магию. Он был совершенно лысый, с жилистыми руками и шеей.

Бэрримор вырвался из рук Эдвина и вступил в импровизированный храм. Творящий ритуал увидел его и остановился, теперь он держал кинжал как оружие, а не как магический инструмент.

— Прочь, комедиант, — бросил он. — Я слишком долго ждал, чтобы мне помешали теперь. Все должно быть проделано в точности, как я некогда узнал на своем горьком опыте. Не так-то просто отделить Най-нет'ема от его сокровища.

Человек, творивший ритуал, говорил с ирландским акцентом.

Эдвин и Катриона встали по обе стороны от Бэрримора.

— Трое сующихся не в свое дело, — презрительно усмехнулся человек. Капля его крови блеснула на острие кинжала. — Для своего же блага держались бы вы отсюда подальше.

Свет в груди мумии пульсировал.

— Двадцать пять лет тюрьмы, — объявил творивший ритуал, — и месяцы ожидания шанса попасть сюда. Это новое чудо века, кинематограф, начало волновать умы, как раз когда я угодил в принстаунскую тюрьму. А теперь он распахнул мне двери, так же как и я открываю сейчас дверь, дверь, которая будет означать наконец гибель Англии и всего, что за нею стоит.

Это был не просто безумец.

— Я знаю, кто вы, — тихо сказал Эдвин. — Деклан Маунтмейн.

Творец ритуала был удивлен.

— Что ж, значит, меня не забыли. Я думал, все остальные давно мертвы. Очевидно, Англия помнит своих врагов. Кто натравил вас на меня?

Эдвин не ответил, но Катрионе подумалось, что это не случайность. Чарльз Борегард и клуб «Диоген» редко обманивались в своих предчувствиях.

Она слышала про Деклана Маунтмейна. Некий маг из прошлого века. Его репутация была не из лучших.

— Ваша тюрьма не убила меня, — сказал Маунтмейн. — И теперь наконец я буду вознагражден. Магия свершилась. Пай-нет'ем связан. Я могу забрать камень. На самом деле, я рад зрителям. Возможно, я даже позволю вам выжить в грядущем потопе, чтобы рассказать об этом.

Он опустился возле мумии на колени и вонзил кинжал в ее грудь. Глаза ее широко открылись и полыхнули красным огнем. Но двигались одни лишь глаза, горящие древней горечью.

— Ты падежно связан, египетский глупец, — рассмеялся Маунтмейн. — Больше тебе не ходить.

Маг принялся кромсать грудь мумии, орудуя вокруг сияния, будто мясник. Он сузил руку в проделанную им дыру и извлек оттуда источник света.

Катриона могла лишь хватать ртом воздух. У нее кружилась голова.

Это был огромный драгоценный камень, пылающий собственным внутренним огнем.

— С помощью этого я вызову катаклизм, память о котором будет жить и тогда, когда Солнце остынет.

Эдвин вскинул револьвер и выстрелил в Маунтмейна.

Маг расхохотался. Она *видела*, как пуля ударила его в лицо, как по лицу пробежала рябь, будто по отражению в воде, и исчезла. Пуля ударилась в кирпичную стену в дюжине футов позади Маунтмейна.

— Камень Семи Звезд призвал меня! — провозгласил маг. — Как некогда признал он этого мертвеца.

Маунтмейн наступил пяткой на голову мумии, кроша ее в целенах. Глаза Пай-нет'ема больше не двигались.

— Я — Сокрушитель империи!

Хохот Маунтмейна заполнил туннель. Глаза его горели, и в каждом отражался «Семь Звезд».

Что бы ни сделал с ним камень, он еще и превратил его в воплощение злодея из мелодрамы, роль которого он те-

перь разыгрывал. Маунтмейн вел себя в точности как негодяй из «Друри-Лейн»¹, угрожающий выпнуть мать героини из дома на холодный снег, если та не подчинится его злой воле.

Камень добрался до них.

Катриона почувствовала его зов. Она сопротивлялась ему, но тщетно, будто маленькая девочка, которую хотят привязать на рельсах.

— О злодeяшe! — громогласно возвестил Бэрримор. — Эй! Закройте двери! Предательство! Сыскать!²

Эдвин сделал еще один бесполезный выстрел, на этот раз в камень.

Джон Бэрримор бросился на Деклана Маунтмейна.

Нерешительность Гамлета была отброшена, и он стал воплощенным Шерлоком, чей острый разум побуждал к немедленным действиям.

Она видела, как изумило Маунтмейна это нападение, как оно почти позабавило его...

Руки Бэрримора потянулись к его горлу.

Они сцепились, словно раскачиваясь над пропастью Рейхенбахского водопада. Маунтмейн яростно отбивался, как делал это перед включенной камерой. Он бил Бэрримора по голове громадным камнем, и на пол туннеля падали кровавые отсветы.

Бэрримор завладел кинжалом Маунтмейна и вонзил его во вздымающуюся грудь мага.

— Клинок отравлен тоже, — цитировал Бэрримор. — Ну, так за дело, яд!

Похоже, кинжал подействовал на Маунтмейна сильнее, чем пуля.

Эдвин прикидывал шансы.

— «Семь Звезд» нельзя просто взять, — сказал он. — За него надо сражаться. Его нужно заслужить.

Как всегда, Катриона злилась на то, что от нее что-то скрывают. Но смысл происходящего она поняла.

¹ «Друри-Лейн» — лондонский музыкальный театр.

² Здесь и далее: Шекспир У. Гамлет, принц датский (пер. М. Лозинского).

Бэрримор и Маунтмейн дрались как тигры. Опрокинувшись светильник, огонь растекся по белым линиям созвездия. Тени плясали на стенах и извивались на искажившихся лицах мага и кумира публики.

— Вог, блудодей, убийца окаянный, пей свой наниток...

— Погаси звезды, — велела Катриона.

Эдвин сразу понял.

Маунтмейн черпал силу из своего рисунка. Это было условие ритуала. Она ударом поги отбросила один из светильников, и тот ударился о дальнюю стену, выплеснув горящее масло. Она проделала то же самое со вторым.

Эдвин топтал горящие линии, уничтожая рисунок.

Бэрримор заставил Маунтмейна отклониться назад над самым саркофагом, толкая его впиз, на кости мумии. Камень был зажат между ними. Лица обоих мужчин были в крови.

Катриона отбросила последний из светильников.

Огонь растекся по полу, но созвездие исчезло.

Бэрримор и Маунтмейн разом закричали. По костям Катрионы словно заскребли костяные пальцы. В этом едином вопле было что-то нечеловеческое.

Эдвин поддержал ее.

Поверженный Маунтмейн лежал поперек похожего на гроб ящика, одна из рук мумии обхватывала его грудь. Он испустил последний вздох, и изо рта его вытекла струйка дыма.

Бэрримор, шатаясь, медленно поднялся на ноги. Рубашка на нем была разорвана, на груди зияла огромная кровавая рана.

— Я гибну, друг, — продекламировал он. —
Вам, трепетным и бледным,
Безмолвно созерцающим игру,
Когда б я мог (по смерти, свирепый страж,
Хватает быстро), о, я рассказал бы... —
Но все равно, — Горацио, я гибну;
Ты жив; поведай правду обо мне
Неутоленным.

По мере того как Бэрримор говорил, голос его крепнул. Из раны, пульсируя, лилась не алая кровь, но кровавый свет.

— Это *внутри* него, — выдохнул Эдвин.

Плоть сомкнулась над светом, и краснота осталась лишь в глазах актера.

— О друг, какое раненое имя,
Скрой тайна все, осталось бы по мне!

Потом Бэрримор перестал играть Гамлета, перестал играть Холмса. Он замер. На месте его раны была гладкая кожа. Катрионе казалось, что она видит слабый свет, словно сердце его пылает. Камень исчез.

Эдвин подобрал кинжал и взглянул на потрясенного мужчину.

Собирается ли он вырезать камень? Как вырезал его Маунтмейн из мумии. Если так, то будет ли камень принадлежать ему — что бы за этим ни последовало, — как принадлежал он мумии?

При этой мысли Эдвин выронил кинжал.

Бэрримор потряс головой, будто вышел на сцену, не выучив слов или забыв свою роль.

Огонь догорал. Эдвин уложил Маунтмейна в гроб, засунув туда его руки и ноги, и накрыл его крышкой, тщательно установив ее на место.

Бэрримор огляделся, на лице его был написан вопрос «где я?».

— Давай уведем его отсюда, — сказала Катриона.

Эдвин согласился с ней.

Джон Бэрримор смотрел на призрака взглядом, исполненным страха и любви.

— Да охранят нас ангелы Господни! —
Блаженный ты или проклятый дух,
Овеяи небом иль геенной дышишь,
Злых или добрых умыслов исполнен, —
Твой образ так загадочен, что я
К тебе взываю...

Катриона держала Эдвина за руку. Из их ложи им были видны капли пота на лице звезды. Это была премьера, день величайшего триумфа Бэрримора. Он буквально сиял.

Она наконец поняла, почему пошла вся эта суета. Должно быть, то же чувствовал ее отец, когда Ирвинг¹ играл своего Датчанина. То же, что испытывали первые зрители театра «Глобус».

Со времени схватки в Британском музее прошли месяцы, и они были разделены с ней океаном, находясь в Нью-Йорке по приглашению звезды, уплатившей свой долг перед ними билетами на премьеру века.

Спектакль шел дальше, и она дивилась свету в глазах актера и думала о камне в его груди. И прежде Бэрримор был хорош, но теперь он стал великим. Была ли в этом заслуга камня? И пришлось ли ему за это заплатить?

Потом спектакль захватил ее, перенеся из ложи в Эльсипор, где бродят призраки и мщение калечит сердце и душу.

¹ *Генри Ирвинг* (1838—1905) — легендарный английский актер, прославивший себя ролями в пьесах Шекспира.

БЭЗИЛ КОППЕР

Кошмар Гримстоунских болот

Солар Понс

Солар Понс (это имя буквально означает «Мост Света») — второй по известности консультирующий сыщик в Лондоне. Сидит ли он ссутулиться в кресле в своей квартире по Пред-стрит, № 7 Б, сложив кончики пальцев обеих рук вместе и устремив острый взгляд на дверь, или же блуждает по туманным лондонским закоулкам в поисках ключа к разгадке, Понс не выпускает изо рта трубку и использует дедуктивный метод для решения необычных дел. И рядом с ним всегда его неизменный помощник и биограф доктор Линдон Паркер. Среди других знакомых персонажей квартирная хозяйка миссис Джонсон, инспектор Джеймисон из Скотленд-Ярда и родной брат Понса Бэнкрофт.

В конце 1920-х годов Огюст Дерлет (1909—1971), в то время юный студент Висконсинского университета, увлекался классической британской детективной литературой. Он написал письмо сэру Артуру Конан Дойлу в Англию. В письме он интересовался, собирается ли автор публиковать новые рассказы о Шерлоке Холмсе. Когда же Конан Дойл сообщил, что не собирается, Дерлет послал ему еще одно письмо, спрашивая, может ли он в этом случае сам начать писать рассказы о Шерлоке Холмсе. Конан Дойл ответил возмущенным «Нет!», и в результате Дерлет принялся за стилизацию рассказов о знаменитом сыщике.

Солар Понс впервые появился в 1929 году и оставался любимым героем Дерлета в области детективного жанра. Дерлет писал один-два рассказа о Понсе в год, проводя бесконечные часы в изысканиях и воссоздании деталей обстановки того Лондона, где жили его герои.

Дерлет написал шестьдесят восемь рассказов, которые были объединены под общим названием «Новый Шерлок Холмс» (*In Re: Sherlock Holmes*): «Приключения Солара Понса» (*The Adventures of Solar Pons*, 1945), «Мемуары Солара Понса» (*The Memoirs of Solar Pons*, 1951), «Три трудных дела Солара Понса» (*Three Problems for Solar Pons*, 1952), «Возвращение Солара Понса» (*The Return of Solar Pons*, 1958), «Воспоминания Солара Понса» (*The Reminiscences of Solar Pons*, 1961), «Журнал Солара Понса» (*The Casebook of Solar Pons*, 1965), «Досье Пред-стрит» (*A Praed Street Dossier*, 1968), «Приключения необыкновенных диккенсианцев» (*The Adventures of the Unique Dickensians*, 1968) и «Хроники Солара Понса» (*The Chronicles of Solar Pons*, 1968). Кроме того, в том же жанре был написан роман «Последнее путешествие мистера Фэрли» (*Mr. Fairlie's Final Journey*, 1968). Все это было опубликовано под авторской маркой «Mycroft & Moran». Следующее собрание ранних рассказов под названием «Последние приключения Солара Понса» (*The Final Adventures of Solar Pons*) вышло в свет в 1998 году.

В конце 1970-х годов Джеймс Тернер, преемник Дерлета в «Arkham House», предложил Бэзилу Конперу переработать весь цикл произведений о Соларе Понсе. Конпер посвятил решению этой задачи два года, исправив более чем три тысячи фактических и процессуальных ошибок в оригинальных текстах Дерлета. В результате в 1982 году появилось солидное двухтомное издание «Весь Солар Понс» (*The Solar Pons Omnibus*).

Через некоторое время Конпера пригласили продолжить цикл о Соларе Понсе. В результате увидели свет шесть сборников: «Досье Солара Понса» (*The Dossier of Solar Pons*), «Новые приключения Солара Понса» (*The Further Adventures of Solar Pons*), «Громкие дела Солара Понса» (*The Exploits of Solar Pons*), «Воспоминания Солара Понса» (*The Reminiscences of Solar Pons*), «Секретные материалы Солара Понса» (*The Secret Files of Solar Pons*) и «Некоторые неописанные дела Солара Понса» (*Some Uncollected Cases of Solar Pons*).

Рассказы из четырех этих сборников были опубликованы в переработанном виде в серии книг в мягкой обложке «Pinnacle Books». Но автор их не признал. В настоящее время эти рассказы появились в сборниках в твердой обложке, вы-

пуцелиных издательством «Fedogan & Bremer» с иллюстрациями Стефани К. Хокс. При этом тексты Коппера были исправлены и восстановлены. Не так давно Коппер закончил новый роман о Соларе Понсе «Рука дьявола» (*The Adventure of the Devil's Claw*).

I

На свете есть такие вещи, мой дорогой Паркер, в которые лучше не вникать. Они настолько тонкие, что словами их описать невозможно.

— Э-э-э, Понс?

Стоял пронзительно холодный январский день; воздух обжигал лицо. Я рано вернулся с обхода своих пациентов. Начинало смеркаться, и в ожидании чая я устроился у камина с газетой в нашей квартире на Пред-стрит, 7 Б. Мой друг Понс сидел за маленьким столиком у окна, углубившись в изучение географического справочника. Он повернул ко мне свое тонкое мужественное лицо и чуть заметно улыбнулся.

— Судя по заголовкам, вы читаете об ужасах войны в Болгарии. Выражение вашего лица говорит о том, что резня, устроенная в этой стране, чрезвычайно вас взволновала.

— Действительно, Понс, — включился я в разговор, — это пробудило во мне воспоминания о собственном опыте участия в боевых действиях.

Солар Понс кивнул и встал, отодвинув стул от стола. Он подошел к камину, протянул свои тонкие руки к огню и энергично потер их:

— Мой дорогой Паркер, самое печальное во всей этой истории, что, к сожалению, разные страны никак не могут научиться ладить между собой. В мире и так достаточно насилия, нищеты и болезней. Так зачем же народам резать друг друга из религиозного фанатизма или из-за цвета штриховки на географической карте — розовой там или коричневой!

Я отложил в сторону газету и одобрительно посмотрел на Понса:

— Что касается вас, Понс, то вы по крайней мере делаете все от вас зависящее, чтобы помочь миру вернуть правосудие над негодяями и преступниками.

Солар Понс уселся в свое любимое кресло по другую сторону камина. В глазах его появился знакомый блеск.

— Я делаю все, что в моих скромных силах, Паркер. Но это очень любезно с вашей стороны...

Его речь была прервана звуком размеренных шагов на лестнице.

— А вот и наша добрейшая миссис Джонсон. Судя по тяжелой поступи, она что-то несет. Окажите любезность, откройте ей дверь.

Я поспешил выполнить его просьбу, и в комнату, улыбаясь, вошла наша заботливая квартирная хозяйка. Пока она сутилась, накрывая на стол, я снова вернулся на свое место, принимаясь к аппетитным запахам, исходящим от расставленных блюд.

— Так как в восемь часов вы ждете посетителя, мистер Понс, я взяла на себя смелость подать ужин пораньше. Надеюсь, вы не против, доктор Паркер?

Я посмотрел на Понса.

— Конечно же нет, миссис Джонсон. Если желаете, Понс, я могу покинуть гостиную, коли у вас приватное дело...

Солар Понс улыбнулся, глядя на миссис Джонсон:

— У меня даже в мыслях такого не было, мой дорогой друг. Полагаю, это дело может вас тоже заинтересовать. Оно обещает быть весьма любопытным. — Он сложил перед собой кончики пальцев обеих рук. — Миссис Джонсон, не будете ли вы так добры, как только появится наш посетитель, проводить его прямо сюда. По тону письма, которое я получил, он — или она — натура весьма застенчивая и желает, чтобы его визит привлек как можно меньше внимания.

— Очень хорошо, мистер Понс.

Миссис Джонсон закончила с приготовлениями и бросила на нас озабоченный взгляд:

— Надеюсь, господа, вы сразу же сядете за стол, а не то все остынет.

Солар Понс, улыбнувшись, поднялся с кресла.

— Не беспокойтесь, миссис Джонсон. Мы непременно отладим должное вашей стряпне.

Ужин действительно оказался на редкость вкусным, и мы с моим другом расправились с гренками с сыром, а затем совершили набег на жареные почки с беконом. Я с удовлетворением отложил нож и вилку и налил себе вторую чашку чая. Посмотрев на Понса, я спросил:

— Ну, так что относительно этого дела, Понс? Вы действительно получили письмо?

Солар Понс кивнул в ответ. Он оторвался от географического справочника, лежащего рядом с его тарелкой, и сказал:

— Из поместья Гримстоунов в Кенте, Паркер. На карте оно не обозначено, в справочнике не указано. Полагаю, что это, скорее всего, богом забытое место, расположенное на болотах неподалеку от Грейвсенда. Или, если я ошибаюсь, район Ромнейских болот.

— Вы собираетесь туда поехать, Понс?

— Вполне вероятно, — небрежно бросил Солар Понс. — Судя по тону письма моего клиента, дело весьма любопытное.

Он взял с блюда, оставленного миссис Джонсон, кусок хлеба с маслом и щедро намазал его клубничным джемом.

— Хорошо бы выяснить все обстоятельства дела до прибытия на место. Хотя, сдаётся мне, на особые финансовые выгоды рассчитывать не приходится.

— Мне казалось, что вопрос денег никогда не был для вас решающим при выборе дела, Понс.

Мой компаньон хмыкнул:

— Так оно и есть, Паркер. Но только сейчас мой клиент — Сайлас Гримстоун, печально известный анахорет и скупердяй. — Он с отвращением вытащил из кармана измятый, засаленный конверт и вынул из него какую-то бумажку, еще более непрезентабельного вида. Нахмурившись, он стал вглядываться в подпись. — Или же мисс Сильвия Гримстоун, его не менее скандальная племянница. Как я слышал, эта парочка живет вдвоем, причем она

исполняет роль домоправительницы. Они чрезвычайно богаты, но кто из них больший скупердяй — это еще вопрос.

Улыбнувшись еще раз, он протянул мне жеваное письмо.

— А вот и подтверждение моим словам. Письмо, насколько я могу видеть, подписано «С. Гримстоун». Но кто бы из этой малосимпатичной парочки ни пожелал стать моим клиентом, спорю на что угодно, оплата будет минимальной.

Я оторвал взгляд от измятого листка и посмотрел на Понса:

— Тогда зачем вы беретесь за это дело?

Солар Понс, покачав головой, положил руки на стол.

— Как я уже заметил, Паркер, дело, похоже, обещает быть весьма любопытным. Я не откажусь от него, даже если мне придется вести его бесплатно.

Он облокотился о стол и снова потянулся за хлебом с маслом.

— Прошу вас, окажите любезность, прочтите письмо вслух.

Я принялся читать письмо, запинаясь и спотыкаясь о многочисленные пометки, с трудом разбирая отвратительный почерк. Послание было увенчано надписью: «Поместье Гримстоунов, Гримстоунское болото, Кент» и датировано вчерашним днем.

Я взглянул на конверт и понял причину язвительности Понса. Понс усмехнулся:

— Именно так, Паркер. Мистер Гримстоун или его племянница приклеили на конверт использованную марку, предварительно с помощью пара отклеив ее от чего-то другого.

— Боже мой, Понс! — воскликнул я. — Как это недостойно!

— Так оно и есть, Паркер, — усмехнулся Понс. — Почтовая служба пришла к тому же мнению, взыскав доплату за письмо, так что мне пришлось компенсировать миссис Джонсон эту сумму.

— Да, похоже, ваш гонорар действительно будет весьма невелик, Понс, — заметил я, возвращаясь к письму.

— Вы, как всегда, уловили самую суть, Паркер, — сдержанно отозвался Солар Понс.

Он палил себе последнюю чашку чаю и с довольным видом уселся за стол.

— Но вы так и не прочли письмо.

— Это не так-то легко сделать, Понс.

Я разгладил жеваную бумагу и после нескольких неуверенных попыток и оговорок в конце концов расшифровал загадочное послание:

Дорогой мистер Понс!

Необходимо получить ваш совет по чрезвычайному делу, не терпящему отлагательств. Этот болотный кошмар невозможно больше терпеть. Окажите любезность, уделите мне время, чтобы можно было все объяснить. Если возражений не имеется, я планирую, соблюдая все меры предосторожности, зайти к вам в среду в восемь вечера.

С искренним уважением,

С. Гримстоун

Я взглянул на Понса:

— Как-то странно все это, Понс!

— Именно так, Паркер. Что вы думаете о болотном кошмаре?

Я пожал плечами:

— А вы уверены, что Гримстоуны — нормальные люди? Возможно, они все же слегка не в себе?

Солар Понс мрачно улыбнулся:

— Нет, если исходить из того, что я знаю о деятельности Гримстоуна в Сити. Но поскольку врач вы, то вам и судить об их вменяемости!

Я снова взялся за бумагу, обратив внимание на неровный край.

— Посмотрите, Понс! Похоже, от письма что-то оторвали. Может быть, еще одна маленькая тайна?

Солар Понс покачал головой. В его глазах заиграли лукавые огоньки.

— Будь это обычное дело, я бы согласился с вами, мой дорогой друг. Но в данном случае отвечу вам так: элементарно, Паркер.

Я озадаченно уставился на Понса.

— Обычная мелочность, Паркер, так характерная для Гримстоунов. Они разорвали эту отвратительную бумагу для записей пополам, чтобы потом использовать оставшуюся часть.

Я был так ошарашен, что чуть было не выронил письмо.

— Боже мой, Понс! — промямлил я. — У нас с вами здесь не только тайна, но и такие клиенты, которые сами по себе представляют прекрасный материал для исследований в области сравнительной психологии.

— Так оно и есть, Паркер.

Солар Понс встал из-за стола и направился к своему любимому креслу у камина. Он посмотрел на часы в углу. Было уже почти без четверти семь. Он набил трубку душистым табаком и вежливо дождался, пока я закончу с ужином. Вскоре на лестнице послышались размеренные шаги миссис Джонсон, и уже через пару минут наша дражайшая квартирная хозяйка проворно убрала все со стола и застелила его чистой скатертью.

— Надеюсь, вы удовлетворены, джентльмены?

— Вы превзошли самое себя, миссис Джонсон, — сказал Солар Понс.

Лицо нашей квартирной хозяйки чуть заметно порозовело.

— Может, что-нибудь еще, мистер Понс?

— Нет, ничего, благодарю вас, миссис Джонсон. Хотя, пожалуй, было бы неплохо закрыть парадную дверь на засов. Тогда мы точно узнаем, когда появится наш клиент.

— Очень хорошо, мистер Понс.

Она осторожно закрыла за собой дверь, и вскоре ее шаги замерли.

— Какая чудесная женщина, Паркер, — заметил Солар Понс.

— Ваша правда, Понс, — ответил я. — Даже не знаю, что мы без нее делали бы!

Мой компаньон кивнул. Он потянулся за жгутом из бумаги и зажег его от углей в камине. Он снова опустился в кресло, с удовольствием пошхивая трубкой и лениво наблюдая за сизыми кольцами дыма, которые догоняли друг

друга под потолком. Для нас это время суток было самым любимым. Я не стал нарушать атмосферу покоя, а тихонько уселся в свое кресло возле камина и углубился в «Таймс».

II

Было без четверти восемь, когда тишину разорвал звук ударов в парадную дверь, и очень скоро мы услышали шум торопливых шагов по ковровой дорожке на лестнице.

Мужчина, который, тихонько постучавшись, вошел в нашу гостиную, производил весьма странное впечатление. Понс, похоже, даже утратил свое знаменитое самообладание, поскольку я заметил, что мундштук его трубки слегка подрагивает.

Пожилой джентльмен, который, моргая, уставился сначала на него, а затем на меня, был облачен в допотопное длинное пальто бутылочного цвета. После нескольких минут его пребывания в комнате я понял, что пальто и вправду очень-очень старое: его зеленый цвет на проверку оказался плесенью, испускавшей отвратительные миазмы. В результате в нашей уютной гостиной в доме номер 7 Б стало пахнуть точь-в-точь как в лавке старьевщика.

— Мистер Понс? Мистер Солар Понс? — произнес посетитель дрожащим фальцетом и протянул моему другу трясутуюся руку.

— Он самый, мистер Гримстоун, — ответил мой компаньон, осторожно пожав в ответ старческую сморщенную лапку.

— Почему бы вам не присесть, сэр?

— Премного благодарен, премного благодарен.

Старик обратил на меня крайне свирепый, подозрительный взгляд, и Понс поспешил меня представить:

— Мой бесценный друг и коллега, доктор Линдон Паркер.

— Счастлив с вами познакомиться, сэр.

Наш посетитель холодно кивнул, а я чуть привстал с кресла, весьма довольный тем, что обошлось без рукопожатия. Даже со своего места я чувствовал сырое удушающее зловоние, исходящее от его одежды. Поначалу я было ре-

шил, что Гримстоун страдает рассеянным склерозом, но скоро понял, что причиной первого тика и периодического подрагивания был банальный страх. Он прятал глаза и вел себя так, словно был готов тотчас же покинуть комнату при любом подозрительном шуме. Когда проезжающий автомобиль посигналил под нашими окнами, мне показалось, что он сейчас пулей вылетит за дверь. Мне никогда еще не доводилось видеть такого до смерти напуганного человека.

Но вернусь к описанию его экзотической внешности. Голову старика украшал заплесневелый головной убор, который определенно знал лучшие времена и когда-то гордо назывался фетровой шляпой. Когда он ее снял, его длинные седые космы разлетелись во все стороны, как пух одуванчика с неухоженной лужайки. Его рубашка в черно-белую полоску, грязная и засаленная, держалась на двух ржавых булавках; воротничка и галстука не было и в помине. Согревшись, он расстегнул пальто, и я смог лицезреть не менее допотопный костюм, такой же грязный, как и рубашка. Его ботинки были сношены до дыр, и меня потрясло — даже с учетом внешнего вида посетителя, — что вместо шнурков он приспособил обрывки бечевки.

На вид Гримстоуну было около семидесяти. Его лицо бороздили морщины, которые переходили в глубокие складки, тянувшиеся от уголков глаз к ноздрям. У него были выцветшие зеленоватые глазки, причем такого хитрого взгляда мне еще не приходилось встречать за всю свою долгую врачебную практику.

Нос у него был крючковатый, темно-красного цвета — последнее я отнес на счет ветра и холодной погоды, — а рот перекошен, как у покойника. Впоследствии я выяснил, что дело было просто в плохо подогнанных вставных челюстях. Как верно подметил Понс, второго такого скупердяя вряд ли можно найти. Свое пенсне, очевидно, он раздобыл там же, что и вставные челюсти, скорее всего, в какой-нибудь сомнительной лавке старьевщика, так как в нем посетитель наш явно ничего не видел, поскольку время от времени бросал поверх стекол свирепые взгляды.

В целом Гримстоун представлял собой один из самых невероятных образчиков человеческой породы. И чем боль-

ше я смотрел на него, тем больше укреплялся в своем первом, крайне исприятном, впечатлении. Однако Солар Понс, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания. Сквозь клубы дыма он приветливо улыбался странному гостю из своего кресла. При этом мой друг постарался меня слегка приободрить, подмигнув правым глазом.

— Ну, мистер Гримстоун, — наконец произнес он. — Чем могу служить?

Старик подозрительно на него посмотрел:

— Вы получили мое письмо, мистер Понс?

— Да, конечно, — сказал мой компаньон. — Но здесь возникли некоторые непредвиденные осложнения. Так, небольшая оплошность с маркой. Моей квартирной хозяйке пришлось доплатить за нее три пенса.

Меня несказанно удивили слова Понса. Но еще больше — реакция нашего клиента. Нимало не смутившись, он держался как ни в чем не бывало. Более того, глаза его весело заблестели, и в них определенно читалось восхищение.

— Пустячная проблема, мой дорогой сэр, — фыркнул Гримстоун. — Эту мелочь наверняка перекроют приписки в вашем счете. — Он погрозил Понсу грязным пальцем. — Всякий так и норовит меня обдурить: нет-нет, а что-нибудь в счет возьмет да и припишет.

Солар Понс невозмутимо смотрел на старика сквозь клубы дыма, но в его пронизательных глазах светилось веселье.

— Почему бы вам тогда не проконсультироваться у кого-нибудь другого? — поинтересовался он.

Гримстоун дернулся точно ужаленный. Его голос поднялся до пронзительного визга.

— И это после того, как я проделал такой долгий путь от Кента, мистер Понс?! При тех возмутительных ценах, установленных на железных дорогах?!

В его голосе звучало не только смятение, но и неприкрытая злость, и Солар Понс посмотрел на меня, уже не скрывая улыбки:

— Похоже, я пастушил вам на большую мозоль, мистер Гримстоун? Давайте выкладывайте, что там у вас за проблема, без лишних слов.

Гримстоун впился в Понса сверкающими глазками.

— А-а-а, выходит, вы все же решили взяться за дело, мистер Понс?

Мой компаньон медленно покачал головой:

— Я бы так не сказал. Если оно будет представлять для меня интерес, я, быть может, и соглашусь.

Наш посетитель раскачивался на стуле взад-вперед, точно испытывал ужасные мучения.

— А если нет! — фыркнул он. — Плата за проезд, мистер Понс! Плата! Мне придется написать моему члену парламента!

Солар Понс, не таясь, хихикнул и выпустил в потолок очередной клуб дыма.

— Не совсем понимаю, о чем идет речь. О чудовищно высоких тарифах на железнодорожные перевозки, мистер Гримстоун, или о моем поведении? Но в любом случае ваш член парламента будет точно так же, как и я, не слишком доволен необходимостью доплачивать за письмо.

Гримстоун попробовал сменить тактику. Он скрестил костлявые ноги и ухмыльнулся.

— А-а-а, тогда мы заодно, мистер Понс, — пробурчал он, словно мой компаньон уже с ним согласился. — Вы просто обязаны помочь мне избавиться от этого чудовищного преследования, которому я подвергаюсь. Когда вы сможете приехать? У нас не слишком открытый дом, но мы все же постараемся вас как-то пристроить.

— Сперва я хотел бы услышать подробности дела, приведшего вас сюда, мистер Гримстоун. Ваше письмо содержало лишь намеки, основанные на ощущениях.

Гримстоун скривил рот, точно Понс сказал что-то в высшей степени оскорбительное, и погрузился в молчание. Его лицо снова исказилось от страха. Похоже, деловой тон Гримстоуна был лишь маской, готовой слететь в любую минуту.

Солар Понс выждал немного, дав нашему гостю возможность прийти в себя. При этом он, как ни странно, смотрел на него даже с некоторой симпатией.

— Вы, кажется, говорили о болотном кошмаре, мистер Гримстоун? — наконец произнес он. — Не могли бы вы пролить свет на это несколько загадочное заявление?

Гримстоун принялся судорожно мотать головой из стороны в сторону — ну совсем как паралитик.

— Могу, мистер Понс, — сказал он уважительным голосом. — Это что-то, что преследует меня. Что-то, чего я никогда не забуду.

— Тогда вам лучше начать с самого начала, мой дорогой сэр, — добродушно предложил Солар Понс. — Соберитесь и расскажите все своими словами.

Наш клиент какое-то время сидел, надувая щеки и переводя хитренькие глазки с меня на моего друга и обратно. Должен сказать, что мое отвращение к противному старикушке и его зловошпной одежде усиливалось с каждой минутой. Однако Солар Понс, зажав трубку в зубах, невозмутимо смотрел прямо перед собой и терпеливо ждал, когда наш страшный посетитель будет готов продолжить рассказ.

И он начал говорить без всяких преамбул, словно человек, решившийся броситься в воду только потому, что к этому его принуждала жестокая необходимость:

— Вы, возможно, слышаны обо мне, мистер Понс? Моя скромная деятельность не осталась незамеченной в деловых кругах. Я действительно накопил определенную сумму денег. Что правда, то правда. И все же по сравнению со многими другими я просто нищий. А мои расходы так велики! Чудовищно велики!

Он сделал паузу, будто ожидая, что Понс начнет ему поддакивать, но, не дождавшись ответной реакции, несколько разочарованно продолжил повествование:

— Я живу очень скромно, как и подобает в моем положении, в старом поместье на болотах, неподалеку от Грейвсенда. Со мной живет моя племянница, мисс Сильвия Гримстоун, которая ведет хозяйство. Мы с ней ладим вполне сносно. Сейчас я не слишком часто появляюсь в Сити и держу с ними связь в основном по телефону. За последние пару лет здоровье мое несколько ухудшилось, и мне пришлось уменьшить нагрузку.

Солар Понс выпустил в потолок облако сизого дыма.

— А какой у вас штат прислуги, мистер Гримстоун?

— Штат, мистер Понс?! — Гримстоун глупо ухмыльнулся. — Боже упаси! Разве я могу себе такое позволить. Моя

племянница делает все, что надо. За это она получает жилье, стол и годовое содержание.

Последние слова он произнес упавшим голосом, точно это годовое содержание было для него предметом величайшего сожаления. Понс, не удержавшись, бросил на меня лукавый взгляд.

— Мы жили тихо и мирно, пока несколько месяцев назад, мистер Понс, не стали происходить ужасные вещи.

— Какие такие ужасные вещи, мистер Гримстоун? До сих пор вы мне так ничего толком и не сказали. Прошу вас быть максимально точным в том, что касается деталей и обстоятельств.

Солар Понс соединил перед собой тонкие пальцы и пропил посетителя острым взглядом.

— Как я уже упомянул, мистер Понс, мы там у себя на болотах живем уединенно и замкнуто. Поместье и дом уже многие поколения принадлежат нашей семье, а мне достались в наследство от брата. Изолированность нашего жилища до поры до времени меня вполне устраивала. Сама же земля, как ни странно, находится на острове среди болот, и подъехать к дому можно по дороге, идущей по насыпи.

Солар Понс не сводил с Гримстоуна пронизательного взгляда из-под полуопущенных век.

— А болота опасны?

— О да, так оно и есть, мистер Понс. В некоторых местах это сплошные топи, хотя кое-где все же выпасают овец и коров. Иногда там пропадает отбившееся от стада животное, причем известно, что на болотах имеются буквально бездонные топи.

— Понимаю. Но вы, паверное, хорошо знаете эти края?

— Безусловно, мистер Понс. Еще ребенком я гостил там у родственников. Но сам дом и прилегающие земли вполне безопасны, а насыпь, соединяющая поместье с твердой землей, переходит в хорошую проселочную дорогу.

Солар Понс кивнул.

— Очень важно понять все детали обстановки, мистер Гримстоун. По моему глубочайшему убеждению, это весь-

ма способствует мыслительному процессу. Не правда ли, Паркер?

— Безусловно, Понс.

Наш клиент кивнул. Его хитрые маленькие глазки заблестели.

— Ну, мистер Понс, Гримстоунское поместье может кому-то показаться странным местом, глухим захолустьем, но нас с племянницей оно вполне устраивает.

Он выпрямился на стуле, и мне снова ударил в нос противный запах плесени и старой одежды.

— Это случилось в октябре, мистер Понс. Был холодный, ветреный день, но к заходу солнца ветер стих и стал подниматься слабый туман. Я как раз ходил по делам в соседнюю деревню Стейвли, в паре миль от Олхоллюуса, и уже возвращался назад по дороге, идущей через болота. Как вы понимаете, дорога несколько возвышается над болотами. И летом-то это место на редкость дикое и унылое, так что можете себе представить, каково там промозглым осенним днем.

Наш клиент откашлялся, а затем продолжил свое повествование:

— Я уже был, благодаря Господу, совсем недалеко от своего дома, как вдруг мое внимание привлек странный шум. Это был низкий, крайне неприятный звук, будто кто-то прочищал горло. Некоторое время назад мне повстречалась запряженная пони двуколка, направлявшаяся в Стейвли, но сейчас я был совершенно один в этой пустынной местности, мистер Понс. И смею вас уверить, мне стало немного не по себе. Но я все же продолжил путь и уже был в какой-то сотне ярдов от дороги, ведущей к дому. И какое счастье, что я был уже там!

Глаза Понса заблестели.

— Почему так, мистер Гримстоун?

— А потому, что в противном случае я бы тут не сидел и не разговаривал бы с вами, мистер Понс, — ответил старик и продолжил: — Короче говоря, услышав странный звук, я свернул с дороги, мистер Понс. В жизни ничего подобного не видел. Только пламенеющий закат и резкий крик какой-то птицы. Я словно оказался один-одинешенек в этом подлунном мире.

Наш посетитель судорожно сглотнул, и глаза его потемнели от страха.

— Мистер Понс, а затем так же реально, как то, что я сейчас сижу перед вами, из-за края болота стала медленно подниматься фигура мертвеца — вся обьятая синим пламенем!

III

Воцарившееся после этих слов молчание вдруг нарушил звук, похожий на пистолетный выстрел. Это Солар Понс похлопал ладонью по бедру:

— Грандиозно, мистер Гримстоун! И что потом?

— Ну, мистер Понс, я, естественно, ноги в руки — и бежать, — ответил Сайлас Гримстоун с похвальной откровенностью и возмущенно посмотрел на Понса. — Но следовавшее меня существо оказалось дьявольски хитрым. Думаю, оно собиралось в несколько прыжков пересечь болото, чтобы отрезать мне путь.

— Так, значит, оно не последовало за вами по дороге?

Солар Понс сидел с дымящей трубкой в руке. Видно было, что рассказ посетителя его крайне заинтересовал. Гримстоун покачал головой:

— Оно пыталось помешать мне добраться до дома, мистер Понс. Ну и натерпелся же я страху! В жизни такого не испытывал! Сперва мне показалось, что оно вот-вот возьмет надо мной верх, но когда оглянулся, то ничего не увидел — только синеватый свет за спиной. К тому времени уже почти стемнело, и, смею вас уверить, мне еще никогда не было так приятно видеть огни моего дома.

— Могу себе представить, — сдержанно бросил Солар Понс. — А эта фигура издавала какие-нибудь звуки?

— Нет, мистер Понс. По крайней мере, я их не слышал. Когда я был уже в безопасности на лужайке перед домом, то все же рискнул оглянуться и увидел слабый синий отблеск, исчезающий в болотной мгле.

— Да, пережить такое — это просто ужасно! — включился я в разговор.

— Можете еще что-нибудь добавить? — поинтересовался Понс.

Старик мрачно кивнул:

— К сожалению, да, мистер Понс. Вначале я даже не стал рассказывать об этом племяннице, так как не хотел понапрасну ее тревожить. У нее слабые нервы, а найти кого-то другого, если она вдруг надумает уехать, — дело непростое.

— Ну да, конечно, — мрачно произнес Солар Понс.

— Я было решил, мистер Понс, что стал жертвой чего-то вроде галлюцинации. В следующий раз, когда я отправился в Стейвли, недели через две, то уже поехал на двухколке, запряженной пони, и постарался вернуться засветло. Я даже слез с повозки, когда подъехал к тому месту возле дороги через болото, где видел таинственную фигуру, по там, конечно, ничего не было.

Солар Понс задумчиво пожевал мундштук трубки:

— Почему вы сказали «конечно», мистер Гримстоун?

— Ну, я посчитал, что смогу найти вполне разумное объяснение вроде болотных огней или какого-нибудь необычного, по естественного явления, вызывающего видения. Но не нашел ровным счетом ничего, что могло бы подтвердить мою теорию.

— Итак, вы подумали, что это призрак?

— Даже не знаю, что и думать, мистер Понс. Хотя леталей я не видел, только что-то синее и светящееся в темноте.

— Продолжайте, продолжайте!

— Ну, мистер Понс, пару недель все было тихо, спокойно, и я уж было понадеялся, что с этим покончено. Но тут мне пришлось отъехать, чтобы взглянуть на кой-какую интересующую меня собственность, и я совершенно потерял счет времени. Я возвращался на двухколке той же самой дорогой, но с южной стороны. Как и тогда, уже начало смеркаться, когда со мной произошло все то же самое: на краю болота появилась светящаяся призрачная фигура. Пони испугался, и я с трудом его удержал. Сражаясь с поводьями, я на время позабыл о страхе, а когда наконец двинулся дальше и смог передохнуть и оглянуться, то не обнаружил никаких следов жуткой фигуры.

— И вы по-прежнему ничего не сказали племяннице?

Гримстоун покачал головой:

— Да вроде к слову не пришлось, мистер Понс. Ну вот, дело было в ноябре. А следующая встреча произошла уже перед Рождеством. И с каждым разом призрак подбирался все ближе и ближе к дому, мистер Понс.

— Пожалуйста, выражайтесь яснее, мистер Гримстоун!

— Ну, я подцепил простуду и вынужден был отложить все дела. Я не был в Лондоне уже более месяца, а до Рождества оставалось каких-нибудь десять дней. И снова смеркалось... Я завернулся в плед и устроился в кресле у окна в комнате на первом этаже. За болотами садилось солнце. Племянница моя готовила на кухне чай, я же сидел и думал ни о чем, как это обычно бывает при подобных обстоятельствах. Представьте себе мой ужас, мистер Понс, когда я вдруг увидел синеватый свст, мелькающий во дворе перед домом. Причем свет этот как будто приближался. Я прямо-таки окаменел от ужаса, когда увидел в окне жуткое лицо, обьятое синим пламенем.

Наш клингт нервно облизал губы. Нахлынувшие воспоминания, похоже, так его потрясли, что я даже почувствовал к нему нечто вроде жалости.

— Хм-м... Могу себе представить, что вам пришлось пережить.

Солар Понс машинально дернул себя за мочку левого уха.

— И что же вы сделали?

— Я дико заорал, мистер Понс, и вскочил как ошпаренный, но существо уже повернуло назад. Оно двигалось весьма странно — зигзагами, а затем растворилось в закатной дымке на болоте. Тут из камина прямо на ковер выскочил раскаленный уголек. На мой крик прибежала племянница, но я списал все на уголек, и инцидент был исчерпан. Племянница всполошилась из-за моей бледности и нездорового возбуждения. Я объяснил ей, что мне снова стало хуже, и сразу после чая отправился в постель. Это было третье явление призрака, мистер Понс.

— Ну тогда, вероятно, было и четвертое?

Сайлас Гримстоун кивнул, черты его сморщенного лица не могли смягчить даже ласковые отблески горящего в камине огня.

— Но прежде чем мы перейдем к этому случаю, мистер Гримстоун, хочу задать вам пару вопросов. Как думаете, что из себя представляет это существо?

Старик продолжал упрямо трясти головой.

— А вот это уж вы должны мне сказать, мистер Понс, — фыркнул он, вернувшись к своей обычной манере поведения. — Сдается мне, оно имеет сверхъестественное происхождение, но почему оно выбрало именно меня в качестве объекта для преследования, мне неведомо.

— Понимаю. — Солар Понс с минуту молчал, задумчиво глядя на огонь в камине. — Скажите-ка мне, мистер Гримстоун, а есть ли на болоте другое жилье, из которого могло бы сбежать это существо?

— Вы хотите сказать, домашнее животное, мистер Понс? Маловероятно.

— Я вас не об этом спрашиваю, мистер Гримстоун. — Голос моего компаньона прозвучал так резко, что старик даже заморгал от неожиданности.

— Болота — странное место, мистер Понс. В этой части Англии они тянутся на многие мили, а между ними — сельские угодья, твердая почва под ногами и плодородные поля. Болота наступают и наступают со всех сторон, но то тут, то там можно встретить островки обрабатываемой земли, до которой может добраться только очень смелый человек. Я так понимаю, что в этих местах на болотах, безусловно, имеются какие-то мелкие хозяйства.

— Хорошо. А скажите-ка мне, мистер Гримстоун: кто-нибудь когда-нибудь пропал на болотах?

Сайлас Гримстоун уставился на Понса щелчками глаз.

— Сотни раз, мистер Понс, с незапамятных времен. А сейчас — заблудившиеся овцы или коровы. Но о пропавших людях вроде не слышал.

— Почему вы не сообщили в полицию о преследовавшей вас фигуре?

— Ох уж эта мне полиция! — В голосе нашего клиента звучала плохо скрытая неприязнь. — Это было бы абсолютно бесполезно, мистер Понс. И я вовсе не хочу, чтобы они шастали по моей земле. И что я мог им сказать? Что я

видел призрак? Они бы просто-напросто подняли меня на смех! Призраки — не их епархия.

— Впрочем, так же как и не моя, — заметил Понс.

— У мистера Гримстоуна имеются все основания для беспокойства, Понс, — вмешался я.

Мой компаньон бросил на меня задумчивый взгляд.

— Очень может быть, Паркер. Очень может быть, — сказал он расссянно.

Понс снова повернулся к Гримстоуну:

— А теперь расскажите о последнем случае.

— Все произошло только два дня назад, мистер Понс. Именно поэтому я и рискнул к вам обратиться. У меня уже больше нет сил терпеть.

— Призрак обычно появляется только в сумерках, мистер Гримстоун?

— Ну да, мистер Понс. Я назвал его болотным кошмаром. Причем совершенно серьезно.

— Очень любопытно, мистер Гримстоун. Прошу вас, продолжайте.

— Ну, мистер Понс, на сей раз, хвала Господу, свидетелем была и моя племянница.

Худое лицо Солара Понса озарилось неподдельным интересом.

— Прекрасно, мистер Гримстоун. Это также чрезвычайно важно.

Наш клиент бросил на моего друга возмущенный взгляд:

— Нет, мистер Понс, я вовсе не сошел с ума, как вы, должно быть, подумали. Этот призрак видел не я один.

Солар Понс успокаивающе произнес:

— Весьма рад это слышать, мистер Гримстоун. Но здесь вы глубоко заблуждаетесь. У меня и в мыслях не было сомневаться в вашей нормальности. Только ваша финансовая репутация чего стоит!

Старик хмуро улыбнулся:

— Достаточно одного взгляда на это существо, чтобы понять, что за ним кроется что-то ужасное. Ну вот... Два дня назад моя племянница пожаловалась на то, что ей надоело сидеть в четырех стенах. Она решила прогуляться до

темноты. Меня это слегка удивило, но я не стал возражать, так как она действительно не слишком часто бывает на свежем воздухе и мало что видит помимо домашнего хозяйства. Итак, мы пошли по главной дороге, а затем свернули на тропинку, петляющую по болотам.

Старик замолчал и бросил острый взгляд на моего компаньона, словно желая удостовериться, что мы все еще его слушаем.

— Сильвия — любительница диких цветов, природы и тому подобной чепухи. И обычно я не имею ничего против ее увлечений, хотя меня такие вещи абсолютно не интересуют. Мы пропели уже с полмили, мистер Понс, и оказались в весьма уединенном месте. И я уже стал подумывать о том, чтобы повернуть назад, так как начинало темнеть. Рядом с племянницей мне, конечно, было поспокойнее, но я все же не мог забыть о тех случаях.

Сильвия, увлечшись своими цветочками, ушла вперед, и я вдруг остался один. Неожиданно я услышал какой-то шум и быстро обернулся. Можете представить себе мой ужас, мистер Понс, когда передо мной возникла та же самая призрачная светящаяся фигура, поднимающаяся из дымки над краем болота. Я окаменел при виде этого зрелища, а затем стал кричать так, что на мои вопли прибежала племянница.

— Секундочку, мистер Гримстоун! А где точно была ваша племянница, когда это случилось?

— Как я уже говорил, мистер Понс, чуть поодаль.

— Вы ее видели или нет?

Старый Гримстоун был не на шутку озадачен:

— Ну, на самом деле ее скрывали кусты, мистер Понс. А разве это имеет какое-то значение?

— Это может оказаться чрезвычайно важным, мистер Гримстоун. Продолжайте, пожалуйста.

— Ну, мистер Понс, как вы сами понимаете, увидев это существо, моя племянница завизжала от ужаса. А существо сделало странное движение, словно извивалось, и с невероятной скоростью исчезло в болоте. Мы, не теряя времени, выбрались на основную дорогу и вернулись в поместье. Слава богу, больше мы его не видели.

— А вы не пробовали проследить за ним?

Гримстоун посмотрел на Понса как на сумасшедшего:

— Только не я, мистер Понс!

— И что, призрак снова не оставил никаких следов?

Наш посетитель покачал головой:

— Нам было не до того, мистер Понс. Лишь бы ноги скорей унести!

Солар Понс погладил тонкими пальцами подбородок.

— Какая жалость!

Гримстоун шумно откашлялся.

— В тот вечер мы с племянницей засиделись допоздна, обсуждая это дело. Она предложила вызвать полицию, но по известным вам причинам я решил этого не делать. Итак, вчера я написал вам письмо. И вот я здесь, перед вами, чтобы уговорить вас приехать в Кент как можно скорее, мистер Понс. Человек я небогатый, но...

— Тсс, — перебил Солар Понс. — Плата не является для меня решающим фактором при выборе дела. Я уже давно понял, что ваш случай обещает быть весьма любопытным. Прибуду завтра утром, если не возражаете. Паркер, как думаете, сможете освободиться?

Я с энтузиазмом откликнулся:

— Конечно, Понс. Надо будет только позвонить замещающему меня врачу.

— Надеюсь, мне не придется платить еще и доктору Паркеру? — встревожился старый Гримстоун.

Понса, судя по выражению его лица, все это явно забавляло. Я же в крайнем удивлении повернулся к нашему аlicному клиенту:

— Не беспокойтесь, мистер Гримстоун. Я поеду за свой счет.

Гримстоун облегченно вздохнул.

— В нашем доме жилье не ахти какое, — прохныкал он.

— Мы не собираемся вас обременять, мистер Гримстоун, — успокоил его Понс. — Наверняка в деревне есть какая-нибудь гостиница. Вероятно, получить пансион в таком месте и в такое время будет совсем несложно.

— Ну конечно несложно, — ответил наш клиент, явно вернув себе душевное равновесие.

— Тогда не будете ли вы так добры заказать нам две комнаты. Мы прибудем завтра днем.

— Прекрасно, мистер Понс. Я договорюсь насчет комнат в гостинице «Хэрроу».

Гримстоун подпоясав, снова обдав меня запахом несвежей одежды. Он бросил взгляд на часы.

— Господи боже мой, неужели так поздно?! Обычно к этому времени я уже в постели. Утром мне рано вставать, чтобы встретить нашего почтальона на Чаринг-Кросс. Ему пришлось приехать сегодня в Лондон, так что я отправился вместе с ним, чтобы избежать лишних расходов.

— Вы, кажется, говорили, что прибыли на поезде, — усмехнулся Солар Понс. — Насколько я помню, вы еще жаловались на слишком высокую плату за проезд по железной дороге.

Гримстоун направился к двери в некотором замешательстве.

— Вы, должно быть, ошиблись, мистер Понс, — пробормотал он, не оглядываясь.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал Понс. — Тогда до завтра.

— До завтра. Полагаю, вы вполне можете поспать скорым поездом.

— Ждите нас к четырем, мистер Гримстоун. До свидания.

IV

После того как наш посетитель удалился, на Солара Понса напал приступ смеха. Вдоволь насмеявшись, он спросил:

— Ну, что вы о нем думаете, Паркер?

— О нем или о деле, Понс?

— И о том, и о другом. Похоже, он рассказал нам далеко не все, будь я проклят!

Я удивленно посмотрел на своего компаньона:

— Господь всемогущий, что вы этим хотите сказать, Понс? Вы полагаете, святая фигура — плод его воображения?

Солар Понс нетерпеливо прокашлялся.

— Ну конечно же нет, Паркер. Его племянница видела призрак на болотах. Нет, здесь все далеко не так просто. Но мне в любом случае хотелось бы услышать ваше мнение.

— Вы мне льстите, Понс!

— Вы явно себя недооцениваете, Паркер. Ваши замечания, хотя и не всегда уместные, помогают мне выйти на правильный путь.

— Очень рад это слышать, — сказал я. — Как вы справедливо заметили, Гримстоун — редкостный скупердяй. Но что касается этого страшного и даже зловещего явления, здесь я сдаюсь!

— И все же, Паркер, не сомневаюсь, за этим что-то кроется. Об этом говорит вся логика событий. Верить в сверхъестественную природу явления так же нелепо, как и предполагать, что оно — плод воображения Гримстоуна.

— Ну, здесь вы определенно правы, Понс, так как и мисс Гримстоун его видела. Но как вы можете объяснить тот факт, что фигура не оставила следов?

— Это элементарно, мой дорогой Паркер. Гримстоун не отличается особой наблюдательностью, а болотистая почва отлично стирает следы. Дело это обещает быть весьма интригующим и может обернуться совершенно неожиданной стороной. Еще не факт, что фигура появилась именно тогда, когда мисс Гримстоун была вне зоны видимости! Вам стоило бы над этим поразмыслить, мой дорогой друг!

И когда на следующее утро мы отправились в путь, Понс уже больше не возвращался к этой теме. Был пронзительно холодный день, даже еще холоднее, чем накануне. Мы с Понсом тепло оделись, чтобы хоть как-то защититься от пробирающего до костей холода. Мы сошли с поезда на открытой всем ветрам станции в Грейвсенде, где пересели на местную железнодорожную ветку.

С устья реки Томас дул ледяной востер. Я глядел из окна вагона на унылые, бескрайние акры жидкой грязи. Мой взгляд то и дело наталкивался на увязшие в иле остовы полузатопленных барж, ослепленные морскими птицами. В жизни не видел более гнетущего пейзажа!

Но Солар Понс улыбался как ни в чем не бывало. Плот-но закутавшись в пальто-реглан, он бесстрастно дымил своей любимой трубкой.

— Грандиозно, Паркер! — заметил он. — Атмосфера просто замечательная! Самая что ни на есть подходящая для выхода на сцену болотного кошмара нашего Гримстоуна!

Я бросил на своего компаньона удивленный взгляд:

— Вы меня просто поражаете, Понс! Никогда бы не подумал, что вы любитель природы.

— Атмосфера, Паркер! Я говорил об атмосфере, — укоризненно произнес Понс. — Это две большие разницы.

Поезд ненадолго остановился у маленькой захолустной станции. Дверь вагона открылась, впуслав порыв холодного воздуха. В купе вошел какой-то бородатый здоровяк. Он извинился за вторжение, а мы, в свою очередь, сдвинули багаж в сторону и потеснились, чтобы дать ему место.

— Благодарю вас, джентльмены! — сказал незнамый гость грубым, но не неприятным голосом.

Мужчина был одет в твидовый костюм, на голове красовалось плотное клетчатое кепи с наушниками, на ногах — тяжелые сапоги, заляпанные грязью. На шее у него висел бинокль в кожаном футляре, а откинутый клапан большой парусиновой сумки открывал любопытному взору образцы растений, корни которых все еще были покрыты льдом.

У него было красное обветренное лицо, глубоко посаженные серые глаза смотрели на нас с живым интересом.

— Ну и холод! — бросил я пробный камень.

Он от души рассмеялся:

— Ну, меня это особо не беспокоит, джентльмены! Я натуралист-любитель и привык собирать образцы и наблюдать за птицами на болотах в любую погоду. У сельского врача в таких местах не слишком-то много развлечений.

Я взглянул на него с интересом:

— Могу себе представить. Я ведь тоже врач.

— В самом деле?! — удивленно подняв брови наш попутчик.

— Моя фамилия Паркер, — продолжил я. — А это мой друг мистер Понс.

— Счастлив познакомиться. Доктор Стренджвейз. Когда-то практиковал в Лидсе. — Здоровяк привстал с места и обменялся с нами рукопожатиями.

— Значит, вы хорошо знаете болота, доктор, — сказал Солар Понс. — Вы наверняка сможете что-нибудь рассказать нам о поместье Гримстоунов. Мы как раз туда направляемся.

— Ну, тогда мы еще увидимся. У меня обширная практика, но живу я в деревушке Стейвли, неподалеку, — многозначительно усмехнулся доктор.

— Мы остановимся в «Хэрроу» и пробудем там несколько дней, — добавил я.

Доктор Стренджвейз бросил на меня пристальный взгляд.

— Мы здесь не избалованы гостиницами, но эта самая лучшая. — Чуть поколебавшись и переводя взгляд с меня на Понса и обратно, наш попутчик продолжил: — Вы уж меня извините, доктор, но здесь нечасто встретишь посторонних, а Гримстоунские болота — не самое подходящее место для двух таких джентльменов, как вы.

Я взглянул на Понса. Тот коротко ответил:

— Мы по делу к мистеру Сайласу Гримстоуну.

Доктор саркастически улыбнулся:

— Ну, тогда желаю вам удачи, мистер Понс. Он один из моих пациентов. Уже месяцев восемнадцать не платит по моим счетам, хотя богат, как Крез.

— Весьма прискорбно это слышать, — вежливо ответил я и снова обратил взгляд на безрадостные, скованные снегом болотные просторы, медленно проплывавшие за окном.

— Я наслышан о его скардености, — сказал Понс. — Но как это недостойно, что он тянет с оплатой. Врачи, конечно, должны хранить медицинскую тайну, но хотелось бы узнать, не навещали ли вы его в последнее время.

Доктор Стренджвейз бросил на моего компаньона испытующий взгляд и покачал головой:

— Да нет, ничего страшного. С удовольствием отвечу на ваш вопрос, мистер Понс. Этические нормы тут ни при чем. Скорее, деловая мораль. Я не пользовал его уже месяцев восемь. Не стал с ним миндальничать и заявил, что не приеду, пока он не заплатит по счету.

— Исключительно правильная линия поведения, доктор Стренджвейз, — одобрительно заявил Понс и пустил в потолок струю сизого дыма.

Неожиданно мой друг сменил тему разговора:

— Вы много ходите по болотам, доктор, и, должно быть, не раз сталкивались со странными вещами.

Доктор пожал плечами и откинулся на сиденье.

— У нас здесь прелюбопытнейший уголок, — признался он. — Именно поэтому Диккенс выбрал наши места для наиболее эффектных сцен своего романа «Большие надежды».

— Ах да, — вмешался я в разговор. — Это когда юный Дэвид Копперфилд пробирается в Дувр.

— Вы ошиблись с книгой, — осуждающе заметил Понс. — Но ему действительно, наверное, пришлось немало покружить.

Доктор Стренджвейз весело рассмеялся:

— Доктор Паркер, конечно, пошутил.

— Без сомнения, — лукаво улыбнулся Понс. — Я тут слышал, что на болотах прячутся странные существа.

Доктор Стренджвейз устремил серые глаза к потолку, где клубились, словно не желая покидать тепло вагона, облака голубоватого дыма.

— Ну, у нас здесь полно бабушкиных сказок, — насмешливо заметил он. — Поговаривают и о всаднике-призраке. И каждый уголок, похоже, таит в себе немало утопленников-контрабандистов, ушедших на дно еще в восемнадцатом веке.

— А как насчет синих огней на болотах? — певинно спросил Солар Понс, наблюдая за кольцами дыма.

— Вы имеете в виду блуждающие болотные огни? Да, действительно, это естественное явление время от времени встречается. Суеверные люди называют их синими огнями.

— А как они выглядят?

— Болотные газы иногда светятся голубоватым светом. Но чаще желто-зеленым, — пожал плечами доктор.

— В сумерках или при дневном свете?

Бородатое лицо доктора неожиданно исказилось от страха.

— Никогда не слышал, чтобы они появлялись днем, — заявил он. — Естественно, при ярком свете их не увидишь. А в сумерках вполне возможно. И ночью, конечно. Но к чему все эти вопросы?

— Праздное любопытство, — ответил Солар Понс, потягиваясь. — Слышал, что кто-то видел на болоте призрачную фигуру, объятую синим пламенем.

Доктор изумленно уставился на Понса.

— Читал я эти журналистские рассказы в дрянных газетенках! — сказал он и хмыкнул в бороду. — Я скорее склонен относить подобные видения на счет *delirium tremens*, а по-простому — белой горячки. Такие случаи нередки среди моих пациентов. Только на прошлой неделе один из них заявил, что видел нечто подобное. Старый Тобиас Джессел. Но он слишком часто прикладывает к элю в баре «Хэрроу»! Я так прямо ему это и сказал. — Доктор выглянул в окно. — Ух! Мы уже почти приехали. Приятное путешествие, джентльмены, и все благодаря вам. Сейчас я собираюсь в Стейвли. У меня автомобиль на станции. Могу я вас подвезти?

Мы с Понсом с благодарностью приняли его предложение. Сойдя с поезда, мы очутились на пустынной, заметенной снегом платформе. На станции мы обнаружили только одного служителя — носильщика и станционного смотрителя в одном лице. Мы же оказались единственными пассажирами, сошедшими в этом месте.

С облегчением покинув станцию, мы уселись в закрытый «моррис» доктора. И вот уже автомобиль, умело и с удовольствием управляемый нашим новым знакомым, быстро катил по дороге через болота. Пока мы ехали по плоской, невыразительной сельской местности, начали ступаться сумерки. И мне было нетрудно представить, что пережил старый Гримстоун, когда увидел преследовавшую его призрачную фигуру. Время от времени доктор обращал наше внимание на местные достопримечательности, если можно так выразиться. На самом деле все это произвело на меня самое удручающее впечатление. Развалившаяся водяная мельница, башня старого форта и жалкие остатки деревянного мола — вот наиболее интересные из них.

Эта унылая местность с ее непролазной грязью и болотами, служащими пристанищем морским птицам, угнетающе действовала даже на обычно жизнерадостного Понса. Когда же мы наконец увидели впереди огни домов и оказались на главной улице маленькой деревушки, то облегченно вздохнули.

— Ну вот мы и приехали! — сказал доктор Стренджвейз, остановившись у небольшой симпатичной гостиницы.

Гостиница эта, со своими кирпичными стенами и серой шиферной крышей, не отличалась особой красотой, но выглядела на редкость гостеприимно, так как в окнах горел свет, а фонарь над входом отбрасывал мягкие лучи.

Мы вылезли из автомобиля, и Понс вытащил наш багаж. Стренджвейз ткнул пальцем в здание напротив гостиницы:

— А это, джентльмены, моя приемная. Если вдруг вам понадобится, то здесь меня всегда можно найти по вечерам от шести до восьми. А еще вы просто обязаны со мной отобедать. Дом мой стоит на боковой улочке, не более трехсот ярдов отсюда.

— Очень любезно с вашей стороны, доктор, — сказал я, пожимая ему руку.

Улыбнувшись в бороду, Стренджвейз махнул рукой в сторону деревенской улочки, которая, петляя, уходила вдаль.

— Поместье Гримстоунов примерно в миле отсюда, по дороге через болота, на юг. Дорога идет все прямо, и вы не пропустите поворот к дому. Я бы с удовольствием вас туда отвез, но мне надо еще успеть навестить парочку пациентов и подготовиться к операции.

— Мы и так ваши должники, — сказал Солар Понс. — Нам будет только полезно прогуляться, не так ли, Паркер? А если мы тронемся в путь прямо сейчас, то посеем к Гримстоуну до темноты. Сейчас только четверть четвертого.

Проводив глазами автомобиль, который, прощально погудев, исчез из виду, мы направились в гостиницу. Хозяин, жизнерадостный, приветливый человек лет сорока, уже нас ждал и, сделав соответствующую запись, провел в простые, но чистые и удобные комнаты на втором этаже.

— Мы подаем обед с восьми вечера, джентльмены. Завтрак с семи до девяти утра.

— Чудесно. Это нас вполне устраивает, — заверил его Понс. — Мы собираемся вволю походить по болотам.

Хозяин, которого звали Плакетт, кивнул:

— Сейчас у нас самое спокойное время года, сэр. А мы уж постараемся, чтобы вы чувствовали себя как дома. Здесь неплохие места для прогулок, если вы, конечно, не имеете ничего против ветра с моря.

Я только-только успел помыть руки, привести себя в порядок и распаковать свой скромный багаж, как Понс уже стучался в дверь. И вот мы вышли из Стейвли и, ежась от колючего ветра, направились в поместье Гримстоунов.

V

Как и говорил старый Гримстоун, это была безлюдная дорога, а учитывая надвигающуюся темноту — довольно мрачная. Через несколько минут деревня, в которой едва ли было больше пяти улиц, осталась позади, и мы, в сущности, оказались совершенно одни на бескрайних просторах. Понс размашисто шагал в полном молчании, закутавшись в толстое пальто и оставляя за спиной шлейф из клубов сизого дыма.

Дорога стрелой шла прямо через болота. В дренажных канавах по обе стороны лежал серый лед. Над нами нависало чернеющее небо, хотя заходящее солнце еще отбрасывало слабые лучи, выхватывающие море вдалеке. В закатном солнце небольшие болотца казались лужами крови. Мысли мои были так же меланхоличны, как одинокие крики морских птиц, силуэты которых вырисовывались на вечернем небе. То тут, то там виднелись погруженные в ил останки судов.

К этому времени ветер усилился, и скрип наших шагов эхом отдавался за спиной. Кругом не было ни души, ни единого средства передвижения на пустынной дороге, уходящей в обе стороны за горизонт. Понс неожиданно прервал молчание.

— Идеально, не правда ли, Паркер? — спросил он, сопровождая свои слова постукивающим мундштука трубки.

Я остолебенел от удивления:

— Не понимаю, о чем вы говорите, Понс.

— Ну, для устранения, естественно. Ландшафт ограничивает возможности призрака, — усмехнулся Понс.

Его отношение к делу уже начинало раздражать меня. Я простер руки, чтобы подчеркнуть мрачность окружающих болот.

— Не вижу ничего смешного, Понс!

— Вы совершенно правы, Паркер. Это чертовски опасное дело, суть которого от меня пока ускользает. Однако ландшафт — весьма немаловажный фактор. Если этот пылающий призрак — человек из плоти и крови, как я сильно подозреваю, он ведет серьезную и чрезвычайно рискованную игру. Но атмосфера, как я вам уже говорил, имеет большое значение. С одной стороны, она способствует злу, угрозе, нависшей над нашим клиентом, но с другой — играет нам на руку.

Я посмотрел сбоку на резко очерченные, ястребиные черты своего компаньона.

— Что вы этим хотите сказать, Понс?

— Дело совершенно очевидное, Паркер. Давайте-ка рассмотрим, что мы имеем. Болота обширны и труднопроходимы для неподготовленного человека. Следовательно, он хорошо знает местность. Он способен появляться и исчезать, не оставляя следов. Однако материализуется он только в сумерках. Темнота и туман также немало способствуют его целям.

— Я, кажется, начинаю понимать, Понс.

Солар Понс рассмеялся:

— Но болото может играть и против него. Воистину оно скрывает его появление и маскирует все его передвижения, ибо моментально уничтожает все следы. Но трясина так же опасна для него, как и для любого человека. Один неверный шаг — и он в ловушке, совсем как заблудившаяся овца или корова. Ил тоже легко выдаст следы его присутствия. К тому же открыто являться он может только на болотах, так как если рискнет выйти на проезжую дорогу или появиться в населенном месте, то тут же попадет к нам в руки.

Я удивленно посмотрел на своего компаньона:

— Чему вы радуетесь, Понс?

— А почему бы нет?

Солар Понс потер тонкие руки, словно желая согреться, и бросил острый взгляд на унылый пейзаж.

— Итак, мы ищем кого-то, кто знает болота как свои пять пальцев. Он сильный и энергичный. Кроме того, можно сделать еще один важный вывод. Здесь прекрасное место для укрытия.

Тут Понс неожиданно хмыкнул. Ноздри его раздувались, глубоко посаженные глаза напряженно вглядывались в темноту. Он был словно чистокровная ипцейка, взявшая след.

— Доктор Стренджвейз идеально подходит на эту роль, Понс. Он чувствует себя на болотах как дома.

Солар Понс ответил мне саркастической улыбкой:

— Один—ноль в вашу пользу, Паркер. Я как-то не учел эту возможность. Слишком уж он был обходителен там, в поезде. Ага! Вот мы и пришли, если, конечно, я ничего не напутал.

Он ткнул пальцем в темноту, куда-то влево от дороги, где стоял прочный деревянный забор и начиналась дорога через болото к дому, о которой говорил наш клиент. От земли, испаряясь, в ночной воздух поднималась влага. Высокая земляная насыпь простиралась вдаль, заканчиваясь довольно далеко в тумане чем-то вроде острова, где смутно вырисовывались тени деревьев и контуры строений.

— Вроде потянуло дымком из трубы, Паркер. Но сначала я должен осмотреться на местности.

Я с тревогой следил за тем, как Понс проворно сповал по насыпи, изучая границу камышей. Он достал карманный фонарик и, время от времени приныкая к земле, стал рассматривать траву и болотную жижу. Я молча стоял на дороге, понимая, что в такие минуты ему лучше не мешать.

Понс раздвинул камыши и начал осторожно исследовать поверхность болота. Вязкая жижа расступилась, открыв взору масляный блеск воды. Понс вышел из зарослей камыша и вскоре оказался рядом со мной на насыпи.

Он теребил мочку уха и задумчиво смотрел туда, где угасающие лучи дневного светила окрашивали поверхность трясины.

— Нехорошее место, Паркер, — тихо произнес он. — Ничего удивительного, что старый Гримстоун так испугался.

— Ну да, Понс, весьма неприятное, — согласился я. — Вы что-нибудь обнаружили?

— Ничего особенного. Хотя характер здешней местности подтвердил некоторые мои предположения.

И Понс начал прокладывать путь по прочному деревянному мосту, наведенному через участок скованной льдом воды. Когда мы снова оказались на насыпи, тьма укутала все кругом, небо на фоне пламенеющего заката потемнело. Птицы замолкли, и в ночном воздухе слышались только шорох ветра, чавканье наших шагов по вязкой грязи и стук моего собственного сердца.

Мы осторожно шли по насыпи. Время от времени Понс светил нам под ноги фонариком.

— А что насчет того человека, Тобиаса Джессела? — спросил я, когда мы поравнялись с массивными воротами поместья Гримстоунов.

Над причудливой крышей старинного здания с высокими трубами тянулась одинокая струйка дыма.

— Ага, вы тоже поняли значение этого фактора, Паркер? — сказал Понс с легкой усмешкой. — Я рад, что моя школа не прошла для вас даром. Тсс! А теперь, с вашего позволения, больше ни слова.

Он выключил фонарик и схватил меня за руку. Мы укрылись в тени каких-то кустов, и через пару секунд я услышал то, что он с его тонким слухом уже уловил: тихие, крадущиеся шаги какого-то человека.

Понс уверенно пошел вперед. Я последовал за ним, но то и дело спотыкался, поскольку дом окружал такой густой кустарник, что не было видно ни зги. Неожиданно раздался сдавленный крик, и луч фонарика Понса выхватил из темноты перепуганное лицо Сайласа Гримстоуна. На старике был толстый, подбитый ватой халат, пакинутый поверх домашней одежды, и что-то вроде бархатной ермолки, которая делала его похожим на старьевщика.

— Кто здесь? — воскликнул он дрожащим голосом, слепко шурясь в свете фонаря.

— Солар Понс и доктор Паркер, — сказал мой товарищ, сделав шаг вперед.

— Ох! Мистер Понс! — облегченно проблеял старик. — Я услышал шум и вышел посмотреть, в чем дело.

— Весьма неблагоприятно с вашей стороны, мистер Гримстоун! — произнес Понс. — Мой совет — сидите дома от греха подальше. Если этот призрак задумал причинить вам вред, то вы только играете ему на руку, бродя в темноте, да еще совершенно один.

— Вы абсолютно правы, мистер Понс. — Гримстоун уцепился дрожащей рукой за Понса и повел его вперед через просторный мощенный булыжником двор в окружении внушительных каменных строений. Дом Гримстоуна был построен в тюдоровском стиле, с обилием пристроек, но и тусклый свет, падающий из окон, не мог скрыть его плачевного состояния. Даже широкое дубовое крыльцо покосилось и поросло мхом.

Наш хозяин без лишних слов провел нас в дом. Мы оказались в просторном, отдающем затхлостью холле, который освещала свисающая с балки одинокая масляная лампа. Пол был выложен розовой плиткой. Я уж было приготовился увидеть убогое, запущенное жилище, но, к своему величайшему удивлению, обнаружил, что в доме чисто и вполне опрятно.

Сайлас Гримстоун взглянул на меня с хитрой усмешкой, словно прочел мои мысли.

— Мы держим большую часть комнат закрытыми, — сказал он, захлопнув за собой массивную дверь и, будто для подкрепления своих слов, задвинув засов. — Моя племянница, с которой вы сейчас познакомитесь, и так тратит слишком много времени и денег, чтобы содержать в порядке оставшиеся пять комнат.

Он повернулся и открыл дверь в просторный зал. Мы последовали за ним. В кабинете, или как там его называл Гримстоун, приветливо горел огромный старинный камин. Обшитые дубовыми панелями стены украшали потускневшие от времени картины маслом, в основном портреты, ви-

димо, предков хозяина, которые мрачно взирали на нас. Тяжелая дубовая мебель придавала комнате сходство с пивной.

Гримстоун усадил нас на крайне неудобные деревянные стулья у камина, а сам уселся в мягкое кресло напротив.

— Так что, именно здесь с вами произошел тот неприятный инцидент, мистер Гримстоун?

— Совершенно верно, мистер Понс.

Солар Понс подошел к окну за спиной Гримстоуна и отодвинул выцветшие красные портьеры. Он задумчиво всматривался в темноту ночи, словно пытаясь проникнуть сквозь мили и мили унылых болот в тайну, которую они хранили в своем сердце. Понс внимательно исследовал окно, а затем задернул портьеры.

И тут в холле раздались чьи-то шаги, и в кабинет вошла племянница Гримстоуна мисс Сильвия. Это была высокая женщина лет пятидесяти, но, вопреки моим опасениям, внешность ее вовсе не была мрачной или отталкивающей. Более того, одета она была весьма элегантно. Сильвия несла поднос с серебряным чайным сервизом и блюдом с ячменными лепешками.

Я с трудом сохранил самообладание, когда Гримстоун произнес:

— Вы, конечно, выпьете с нами чаю, мистер Понс. Разрешите представить мою племянницу. Мистер Солар Понс, доктор Линдон Паркер.

— Счастлива познакомиться с вами, джентльмены.

У мисс Сильвии Гримстоун было волевое лицо с крупными чертами. Знакомясь с нами, она мило улыбалась, что необычайно ее красило.

Сайлас Гримстоун, проследив за моим удивленным взглядом, злорадно ухмыльнулся и потер руки, изуродованные узлами вен.

— Я не отказываю себе в маленьких радостях, доктор. В моем возрасте глупо во всем себя ограничивать, особенно если учесть эту нашу жизнь на болотах.

— Очень мудро с вашей стороны, — отозвался Солар Понс, принимая из рук мисс Гримстоун дымящуюся чашку. — И весьма похвально, учитывая погоду.

Понс обратил свой пронизывающий взгляд на мисс Гримстоун, задумчиво наблюдая за тем, как она ставит перед дядей чашку с чаем и тарелку с лепешками.

— А скажите-ка мне, мисс Гримстоун, что вы думаете о призраке, который так напугал вас с дядюшкой?

Женщина повернула к нам встревоженное лицо, а затем, как мне показалось, бросила вызывающий взгляд на старика:

— Напугал, это слабо сказано, мистер Понс. Это было ужасно. В жизни мне не было так страшно.

— Что вполне понятно, — вежливо ответил Понс. — Но я спросил о ваших впечатлениях.

Племянница поставила серебряный чайник и опустилась на резной деревянный стул, оказавшись в вершине треугольника, образованного нашей небольшой компанией.

— Это была человеческая фигура в старомодной одежде, мистер Понс. Фигура светилась синеватым светом. Она внезапно появилась и тут же в мгновение ока исчезла.

— А как вам показалось: это была фигура человека или все же сверхъестественное явление?

— Даже не знаю, что и думать, — покачала головой мисс Гримстоун.

— Ну, по крайней мере честно, — сказал Понс и повернулся к Гримстоуну. — Днем я обязательно с вами свяжусь, мистер Гримстоун. А вы не бродите по ночам и запирайте двери на засов. Если я вам вдруг срочно понадобится, то можете позвонить мне в гостиницу.

— Очень хорошо, мистер Понс. А что вы будете делать?

— Ну уж точно не сидеть сложа руки, мистер Гримстоун. Утром я собираюсь прогуляться по болотам и, возможно, загляну и к вам. Совершенно случайно я встретил сегодня вашего семейного доктора Стренджвэйза. Он даже подвез нас до Стейвли.

Сайлас Гримстоун кисло улыбнулся:

— Он больше не мой доктор, мистер Понс. Его услуги меня не удовлетворяли.

И снова племянница бросила на дядю неодобрительный взгляд.

— Тем не менее, мистер Гримстоун, он вполне может стать бесценным свидетелем происходящего на болотах. Так,

он рассказал мне, что один из его пациентов тоже видел светящуюся фигуру.

Лицо нашего клиснта сначала пожелтело, а затем побелело.

— Ага, тогда, выходит, все правда, — пробормотал он себе под нос.

— Что — правда? — отрывисто спросил Понс.

— Этот болотный кошмар, мистер Пошс, — просипел старый Гримстоун. — Может статься, что даже ваших сил против него не хватит.

Солар Понс мрачно улыбнулся:

— Чего же знаю, того не знаю, мистер Гримстоун. Но при любом раскладе револьвер доктора Паркера и парадругая патронов проверят справедливость вашей теории. А сейчас, с вашего позволения, у нас еще масса дел. Пойдемте, Паркер.

И, поблагодарив за чай, мы покинули комнату, оставив эту странную пару сидеть у камина, созерцая рождаемые тлеющими углями призрачные образы.

VI

Вечер выдался пронзительно холодным, и мы были счастливы вернуться в гостиницу, окна которой приветливо светились в темноте. Понс, извинившись, ушел в свою комнату, а я — в свою. Я не видел его, пока в половине восьмого не спустился к обеду. Стол был покрыт в просторной столовой, отделанной дубовыми панелями и украшенной медными подсвечниками, но с электрическими лампочками вместо свечей.

Я не особый любитель подобных вещей, но эта ночь, призывно пылающий камин, на удивление хорошо приготовленная жареная говядина на ужин — все это позволило на время выбросить из головы нашу миссию на болотах. Понс был в ударе. По внешнему виду немолодых официантов он так точно воссоздавал историю их жизни, что она, как наяву, проносилась перед моим мысленным взором.

Тем вечером в обеденном зале было немногочисленно, и наш официант указал нам на двух мужчин: пожилого джентльмена в облачении священнослужителя, обедавшего в оди-

почестве в укромном уголке возле камина, и румяного, широкоплечего молодого человека, сидящего через два стола от него. Молодой человек поймал наш взгляд и дружелюбно кивнул.

Наш официант в ответ на расспросы Понса заметил:

— Это мистер Норман Найт. Полагаю, прибыл из колоний. Он уже здесь довольно давно и каждый день ездит по делам в Грейвсенд.

— Ну надо же, — сухо проронил Понс.

Мой друг с интересом наблюдал за пожилым человеком, который толкал перед собой тележку с десертом с таким видом, точно сразу же упадет, если у него вдруг отнимут тележку.

— Такие старомодные служащие бесценны, Паркер, для получения информации о событиях и людях. К сожалению, это вымирающий вид.

Он окинул зал острым взглядом.

— Бьюсь об заклад, что к вечеру мы уже будем знать гораздо больше о Стейвли и окрестностях, чем по прибытии.

— Не сомневаюсь, Понс, — бросил я в ответ. — А какие у вас планы?

— Бар в соседнем зале, Паркер. Место, где все равны, а вино — или в нашем случае пиво — развязывает языки и просто создано для получения информации. Нередко от таких, на первый взгляд пустяковых, вопросов зависят серьезные дела. Припоминаю, как однажды фраза, случайно брошенная в отдельном кабинете маленькой таверны на Тайт-стрит, позволила мне распутать одно дело — крупный международный скандал.

— Не думаю, что слышал об этом, Понс.

Солар Понс, усмехнувшись, покачал головой:

— Я вам обязательно расскажу, но не сегодня. Должно пройти немало времени с момента окончания очередного дела, прежде чем оно сможет занять свое место в ваших записках. Ну а сейчас мы идем по следу кошмара Гримстоунских болот.

Несмотря на шутливый тон разговора, после этих слов Понса у меня тревожно засосало под ложечкой. Я просле-

дил за направлением его взгляда сквозь стеклянную перегородку, отделявшую обеденный зал от бара, и увидел, что бар битком набит.

— Похоже, здесь полно народу, Понс.

— А почему бы и нет, Паркер. В таких захолустьях это обычное дело. В темное время года народ со всей округи стекается в одно место. Полагаю, среди них вполне может быть и наш человек.

— Вы говорите о Тобиасе Джесселе?

Солар Понс бросил на меня одобрительный взгляд:

— Блестяще, Паркер! Вы растете прямо на глазах. Пациент доктора Стренджвейза — единственный, кто видел призрак, за исключением Гримстоуна и его племянницы.

— А ведь вполне может случиться так, что он прольет свет, в буквальном смысле слова, на это темное дело.

Солар Понс расписался на чеке, который подал ему пожилой официант, я же оставил на столе кой-какую мелочь ему на чай, и мы, прихватив с собой кофе и ликеры, переместились в соседнюю курительную комнату. Комната эта соединялась с баром и представляла собой прекрасный наблюдательный пункт за теми, кто толкся в его душной атмосфере.

Через минуту Понс, извинившись, куда-то отошел. Обнаружил я его уже в баре, где он увлеченно беседовал с каким-то старикашкой. Красный нос старикана, а также глаза в сеточке лопнувших сосудов свидетельствовали о том, что их хозяин явно был не прочь приложиться к рюмашке.

— А, вот вы где, Паркер! — воскликнул Солар Понс, когда я пробрался к нему сквозь клубы табачного дыма. — Я взял на себя смелость заказать и на вашу долю.

Он подтолкнул ко мне рюмку хереса и приветственно поднял свою.

— Это мистер Тобиас Джессел, у которого есть кое-что интересное для нас. Сделайте одолжение, закажите себе еще, Джессел.

— Благодарствую, сэр, — с готовностью откликнулся старик.

У него была шкиперская белая борода, а фуражка морского образца и синяя одежда из плотной ткани придавали

ему сходство с моряком, хотя, судя по словам Понса, он в жизни дальше болот нигде не бывал. Но Джесселу явно хотелось, чтобы его принимали за морского волка. Когда ему принесли выпивку в оловянной кружке с его инициалами, он вытер рот тыльной стороной ладони, причмокнув от удовольствия.

— Сэр, местный люд потешается над моими рассказами, но очень скоро это желание у них пропадет.

Солар Понс бросил на него испытующий взгляд:

— Почему вы так думаете?

Старик покачал головой:

— Станные дела творятся на болотах, сэр. Особенно в тоскливые зимние вечера. Духи ушедших в мир иной.

Солар Понс молча созерцал нашего собеседника поверх очков. Шум в баре стоял просто оглушительный. Все, казалось, старались перекричать друг друга. Похоже, этим вечером здесь собрались все жители болот.

— Меня больше интересуют недавние события, нежели призраки прошлого, Джессел. Если только они не имеют отношения к настоящему.

Старик поставил кружку на полированную стойку из красного дерева и стал задумчиво следить за суетливыми перемещениями помощника бармена. Прижав к лицу морщинистую руку, Джессел произнес:

— А кто говорит, сэр, что прошлое не имеет отношения к настоящему? Есть такие — и я среди них, — кто верит, что да, имеет; что за всеми нашими поступками на этой земле, от колыбели до могилы, тянется длинный след.

У Понса загорелись глаза, и он бросил на меня многозначительный взгляд:

— Да вы, оказывается, философ, Джессел. Доктор Стренджевэйз говорил мне, что недавно на болотах вы видели нечто жуткое.

— Истинная правда, сэр.

Старик перешел на доверительный шепот, хотя подслушать в нашем укромном уголке на фоне царящего в баре гвалта было просто-напросто невозможно.

— Это случилось поздно вечером. Я вышел из бара и возвращался домой по дороге через болота. Домик мой ми-

лях в двух отсюда. Была чудесная, хоть и морозная, лунная ночь. Над болотами стелился легкий туман. Я уже почти поравнялся с дорогой на насыпи, той, что ведет к поместью Гримстоунов, когда услышал тихий такой звук.

— Какого рода звук?

— Точно треск камыша, сэр.

— Понимаю, продолжайте.

— Ну, сэр, я, естественно, обернулся. Я, конечно, чуть выпил, но враз протрезвел, смею вас уверить. С края болота поднималась призрачная голубоватая фигура, обьятая пламенем. — Глаза старика наполнились ужасом, и он еще больше понизил голос, так что я уже с трудом разбирал слова. — Точь-в-точь как на картинках, где грешники жарятся в аду.

— На редкость уместное сравнение, Джессел, — сдержанно заметил Понс. — А что делала эта фигура?

— По моему разумению, она направлялась в поместье Гримстоунов, сэр. Я, естественно, заорал, так как очень уж напугался. И почти сразу же фигура исчезла.

— Исчезла?!

— Исчезла, сэр. Словно занавеску задернули.

— Очень интересно, Паркер, — обратился ко мне Понс.

— И вправду, Понс. Случай, практически аналогичный тому, что произошел с Гримстоуном, — ответил я.

— Рад, что вы уловили связь, — заметил мой компаньон и снова повернулся к старому Джесселу. — А вы подошли к тому месту, где видели фигуру?

Наш осведомитель презрительно скривился.

— За кого вы меня держите, сэр? За дурака, что ли?! — возмущенно воскликнул он. — Смею вас уверить, я и за тысячу фунтов к этой дороге близко не подойду. Я взял ноги в руки и только дома, заперев дверь на засов, почувствовал себя в безопасности.

Солар Понс улыбнулся и набил трубку новой порцией табака. Раскурив трубку, он заказал Джесселу еще порцию выпивки. Его пронизательные глаза, казалось, видели старика насквозь.

— А теперь внимание, Джессел, так как это чрезвычайно важно. Когда вы впервые заметили фигуру, она была ниже уровня дороги или прямо на насыпи?

На лице старика появилось удивленное выражение.

— Внизу, прямо под уступами, сэр. Точно говорю.

Солар Понс заинтересованно кивнул.

— А ветер был тогда? Подумайте хорошенько!

Старик почесал голову и одновременно поднял свободной рукой кружку.

— Ну, кой-какой ветерок поднялся, сэр. Он дул порывами, и я заметил, что он сносит туман по краям болота.

— Благодарю вас, Джессел. Вы мне оказали неоценимую помощь. Вот вам гинея за беспокойство.

Отмахнувшись от рассыпавшегося в благодарностях старика, Солар Понс, уже с другим выражением лица, повернулся ко мне:

— Ни слова о том, о чем мы только что говорили, Паркер! Ах, доктор Стренджвейз! Рад вас видеть. Не желаете ли присоединиться? Херес просто отменный!

— Благодарю вас, мистер Понс. Если не возражаете, я бы лучше выпил виски.

— Как вам будет угодно. А вам, Паркер, еще порцию?

Бородатое лицо доктора было обветренным и красным от холода. Он растирал руки, оглядывая переполненный бар.

— Как там мой пациент, доктор Паркер?

Я улыбнулся:

— Вы имаете в виду старого мистера Гримстоуна? Мы были у него сегодня вечером. И боюсь, что вам еще долго ждать своего гонорара, как, впрочем, вы и говорили.

Стренджвейз слегка помрачнел.

— Ну, здесь имеются и другие способы взыскания долгов, — бесстрастно сказал он. — А вдруг ему в ближайшее время срочно потребуется медицинская помощь?

Хмыкнув, доктор потянулся за стаканом, предложенным ему Понсом. Я уж было поднял свою рюмку, как вдруг увидел рядом с собой светловолосого молодого человека, который, моргая, смотрел прямо на нас.

— Джентльмены, извините за вторжение. Меня зовут Норман Найт. Я так понимаю, вы тоже остановились в этой гостинице?

— Да, действительно, мистер Найт. Присоединяйтесь. Разрешите вас угостить?

— Нет, благодарю вас, мистер Понс, я еще свое пиво не допил, — покачал головой молодой человек и повернулся к Стренджвейзу. — Из разговора я понял, что вы доктор. Я вынужден много ходить пешком, но, к своему несчастью, сегодня вечером подвернул ногу. Не могли бы вы, доктор Стренджвейз, посмотреть, что с ней такое?

Стренджвейз благожелательно улыбнулся молодому человеку:

— Не тратьте деньги зря, мистер Найт! Если только не сломана кость — и бьюсь об заклад, вы бы сразу это почувствовали, — холодный компресс на ночь — вот и все дела!

— Благодарю вас, доктор! — рассмеялся Найт, отхлебнув из кружки. Он перенес тяжесть тела на правую ногу и сказал: — Нет, не думаю, что это перелом. Но нога чертовски болит. Я даже захромал.

— Ну, тогда полотенце, намоченное в холодной воде, — твердо сказал доктор Стренджвейз. — Плотно обмотайте лодыжку и оставьте на ночь. Утром вам будет гораздо легче. — Стренджвейз поставил стакан и произнес: — А теперь прошу меня извинить, но в обеденном зале меня ждет ужин, мистер Понс.

Понс кивнул, и мы проводили глазами внушительную фигуру доктора, прокладывающего себе путь через толпу.

— Ну, по крайней мере врачи в этой стране не гонятся за наживой, — небрежно бросил молодой Найт, поставив кружку на стойку бара.

— Похоже, вы много жили за границей? — поинтересовался Понс.

— Весь мир объездил, мистер Понс, — ответил молодой человек. — А теперь, с вашего позволения, я тоже хочу попрощаться. Пора применить на практике совет доктора.

Найт пожал нам руки и направился в сторону выходящей на улицу двери, где толпа редела. Молодой человек действительно сильно хромал на правую ногу.

— Чем скорее этот юноша ляжет в постель, тем лучше для него, Понс, — сказал я. — Скорее всего, он растянул связки.

— Не сомневаюсь в точности вашего диагноза, Паркер, — отозвался Понс.

Я оглядел прокуренный бар, но Тобиаса Джессела не обнаружил. Заметив мою растерянность, Солар Понс усмехнулся:

— Он ушел уже добрых десять минут назад, Паркер. Полагаю, он был не слишком расположен к беседе с доктором Стренджвейзом. Но между ними мог бы выйти весьма занятный разговор.

— Суеверие против научного детерминизма, Понс, — сказал я.

Мой компаньон бросил на меня одобрительный взгляд:

— Или, выражаясь проще, правда глазами Тобиаса Джессела против диагноза доктора — белая горячка.

— Вы, возможно, правы, Понс, — заметил я. — Но признайтесь, вся эта история выглядит довольно фантастической. Если бы слова Джессела не подкрепляло свидетельство Гримстоуна и его племянницы, вы бы его даже и слушать не стали.

— Очень может быть, Паркер, очень может быть, — с улыбкой согласился Понс.

И потом вплоть до самого отхода ко сну он уже более не возвращался к предмету нашего разговора.

VII

На следующее утро я проснулся довольно рано, чувствуя себя бодрым и отдохнувшим, и обнаружил, что за окном стоит густой белый туман. Я быстро оделся и спустился в обеденный зал гостиницы, где было тепло и уютно. Несмотря на ранний час, Понс уже сидел за столом. Вид у него был весьма энергичный. Сердечно поприветствовав меня, Понс сказал:

— У нас впереди много дел, Паркер, поэтому я посоветовал бы вам хорошенько подкрепиться.

Он уже почти справился с внушительной порцией бекона, почек и яиц. И я, не теряя времени, к нему присоединился. Я с удовольствием прихлебывал обжигающий кофе, как вдруг неожиданно заметил молодого Найта, сидевшего

неподалеку. В зале, кроме нас, были еще постояльцы, уже полностью одетые и явно собиравшиеся уходить.

— Какой-то странный наплыв посетителей, Понс, — заметил я, не скрывая удивления.

— А почему бы и нет, Паркер. С вашего позволения, ежегодный групповой поход по болотам. Я просто восхищен смелостью своих соотечественников, — усмехнулся Солар Понс.

— А как нога нашего друга, Понс? — поинтересовался я.

— Все еще его беспокоит, хотя стало намного легче.

Я с удовольствием взял горячий тост с маслом, который нам подал пожилой официант, обслуживавший нас накануне, и заказал еще кофе в кофейнике.

— Какие у вас планы на сегодня, Понс?

— Горю желанием еще раз побывать на болотах, Паркер. Нет ничего лучше проникновения в суть нашего таинственного дела.

— Все это очень хорошо, Понс, — пробормотал я с набитым ртом, — но разве местные не говорили вам, что болота чрезвычайно опасны.

— Именно поэтому я и хочу туда пойти, — ответил Понс. — Здравомыслящий человек всегда принимает необходимые меры предосторожности, и я уже приобрел у нашего милейшего хозяина крупномасштабную карту местности.

— Понимаю, Понс. Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Солар Понс загадочно улыбнулся:

— Думаю, с картой я как-нибудь разберусь. А ваши отличное зрение и армейский опыт будут просто незаменимы. Вы захватили с собой револьвер?

Я удивленно посмотрел на Понса:

— Он в моем чемодане наверху.

— Предлагаю сходить за ним сразу после завтрака, мой дорогой друг.

— Вы ведь на самом деле не думаете, что днем нам что-то угрожает, Понс? Насколько я понимаю, этот призрак появляется исключительно по ночам.

— В Библии что-то сказано об ужасах, творящихся при свете дня. Так что мне будет гораздо спокойнее во время

нашей экспедиции на болота, если у вас будет при себе револьвер.

— Ну, в таком случае обязательно его захвачу, Понс.

— Отлично, — заявил Солар Понс, не переставая наблюдать за жизнерадостными любителями пеших походов, расположившимися за соседними столами.

— На карте я нашел тропу, ведущую прямо в сердце Гримстоуниских болот и начинающуюся недалеко от дороги на насыпи к дому старого Гримстоуна. Предлагаю начать наши изыскания именно с этого места, а попозднее, может, и заглянуть к Гримстоунам. Вдруг случится невероятное, и он угостит нас ланчем!

При этих словах я слегка помрачнел, что не ускользнуло от внимания Понса, который лукаво улыбнулся и добавил:

— Пошли, Паркер! Все не так плохо. В любом случае это нам по пути и мы всегда можем, если понадобится, вернуться сюда.

— Как пожелаете, Понс. Я в вашем распоряжении.

— Тогда допивайте свой кофе, и вперед! — скомандовал Солар Понс.

Выходя из обеденного зала, мы прошли совсем близко от молодого Найта, который уже вставал из-за стола. Я поднялся в свою комнату, тепло оделся и, ощущая успокаивающую тяжесть револьвера под мышкой, спустился в холл гостиницы, где меня уже ждал Понс.

Найт как раз направлялся в свою комнату. Он все еще хромал, хотя и не слишком сильно. И я даже поймал сочувствующий взгляд Понса, когда молодой человек наконец одолел лестницу. А пару минут спустя мы уже вышли на улицу, в холодное промозглос утро. Туман слегка рассеялся, но все же стелился вдоль одинокой дороги, которая вела через болота в сторону поместья Гримстоунов. Мы шли в полном молчании. Каждый был занят собственными мыслями. Наши шаги эхом отдавались от скованной льдом дороги. И снова при виде этих безрадостных равнин на меня накатил острый приступ уныния. Даже Понс казался непривычно задумчивым. Он сосредоточенно шел вперед, оставляя за собой клубы сизого дыма.

Мы уже прошли полпути до насыпи, соединяющей дом Сайласа Гримстоуна с проселочной дорогой, когда услышали впереди стук копыт и едва различимые голоса. Понс взял меня за руку, заставив остановиться; его тонкое суровое лицо застыло в напряженном внимании.

— Постойте, Паркер! Лошадь и телега. Судя по звукам, пять человек.

И действительно, уже две минуты спустя из тумана материализовались призрачные фигуры, совсем как негативы, преобразующиеся в ванночке фотографа. Гнедая лошадь, пробирающаяся сквозь белую мглу, везла простую телегу. Обитые железом колеса громыхали по обледневшей дороге. Мужчины, с которыми мы столкнулись, были без головных уборов, и мы сразу поняли почему: жесткие контуры грубой парусины на телеге говорили сами за себя.

Я взглянул на Понса, мысленно отметив, что и на сей раз он оказался совершенно прав: телегу сопровождали пять человек. Из-под заиндевевшей парусины торчали тяжелые башмаки.

— Доброе утро, мистер Понс! Боюсь, начало дня у нас не слишком веселое.

Мы увидели массивную фигуру доктора Стренджвейза, который, отделившись от остальных, подошел к нам.

— Да уж, действительно, — ответил Солар Понс, приблизившись к телеге, чтобы взглянуть на мрачный груз. — Утопленник?

— Определенно утопленник, — отрывисто произнес Стренджвейз. — Хотя отправился он на болота по своей воле или нет — это другой вопрос. Хотелось бы услышать ваше мнение, доктор Паркер.

Стренджвейз наклонился над телегой и откинул с мертвого лица парусину. Седые космы были покрыты льдом, а посиневшее лицо так обезображено, что я с трудом узнал Тобиаса Джессела. Понс встал рядом со мной, бесстрастно поныхивая трубкой.

— Боюсь, ваши деньги не пошли ему на пользу, Понс, — сказал я.

— Очень может быть, Паркер, очень может быть, — рассеянно ответил мой компаньон, обратив на доктора проши-

зывающий взгляд. — Так что вы имели в виду, доктор, когда говорили, что Джессел мог отправиться на болота не по своей воле?

Доктор переминался с ноги на ногу, на его лице застыло тревожное выражение.

— Только то, что люди болтают, — огрызнулся он. — Его пьянство не всем было по нутру, да и врагов на болотах у него хватало.

— Слишком уж высокая цена, доктор, — сказал Солар Понс. — Давайте посмотрим, есть ли тому подтверждения.

Он стянул парусину, открыв взору окоченевшее тело старика.

— На руках имеются порезы, Понс, — констатировал я. — Как будто он оборонялся.

— Я их, естественно, тоже заметил, Паркер, — лениво бросил Солар Понс.

Он уже рассматривал что-то через лупу, а четверо местных жителей неуклюже топтались возле телеги. Больше всего они походили на плакальщиков на похоронах.

— Где его нашли? — отрывисто спросил Понс.

— У подножия вон той насыпи, примерно в полумиле отсюда, сэр, — сказал один из мужчин, ткнув пальцем куда-то в густой туман. — Джетро Тернер как раз шел на работу. Туман чуть рассеялся, и он увидел обледеневшее тело на краю болота.

— Это правда, сэр, — мрачно подтвердил тот, кого называли Тернером. — Я уж ничем не мог ему помочь, сэр, так что прямиком отправился в деревню за доктором Стренджвейзом.

— Вы сделали все совершенно правильно, Тернер.

Понс повернулся к Стренджвейзу:

— Вы, конечно, сообщили коронеру?

Стренджвейз покраснел и явно приготовился защищаться.

— Мой помощник уже туда отправился, мистер Понс. Пока не проведу вскрытия, больше ничего сделать не могу.

— Естественно, нет, — откликнулся Понс. — Я был бы рад получить копию вашего отчета.

— Никогда не забуду выражение его лица, сэр, — произнес человек по имени Тернер, демонстрируя нам свою скорбь.

— Смерть — это всегда потрясение, — бросил Стрендж-вэйз и, кивнув в напу сторону, добавил: — Нам пора. Приятной прогулки, джентльмены!

Человек, ведущий лошадь под уздцы, направил животное вперед, и печальный кортеж исчез в тумане. Какое-то время мы с Понсом шли молча. Мой компаньон, нахмурившись, яростно пытался трубкой.

— Что вы об этом думаете, Паркер? — проронил он наконец.

— Крайне исприятное дело, Понс, — ответил я. — И все выглядит весьма подозрительно, особенно с учетом рассказней о призраке на болоте. Как думаете, может, Джессел что-то видел и поплатился за это? Совершенно очевидно, что его убили, когда он возвращался из гостиницы прошлой ночью.

Солар Понс покачал головой:

— Это не лишено смысла, Паркер, но еще слишком рано делать умозаключения. Мы не должны торониться с выводами.

— А как насчет порезов на его руках, Понс? Можно предположить, что он пытался защититься от ножа.

Солар Понс задумчиво выпустил изо рта облачко дыма.

— И все же он утонул, Паркер, — сказал он многозначительно. — Его не зарезали. А вот, если я не ошибаюсь, и солнце!

Лучи света начали пробиваться сквозь туман, и через четверть часа перед нами предстал однообразный, тоскливый ландшафт, который я уже начинал ненавидеть. К этому времени мы уже почти подошли к дороге, ведущей к дому Гримстоунов, и Понс остановился, чтобы свериться с картой.

— Трона должна быть где-то здесь, Паркер, — сказал он, спустившись с насыпи и увлекая меня к краю болота.

— Осторожнее, Понс, — крикнул я, неуверенно следуя за ним.

Понс с легкой улыбкой на губах, озираясь по сторонам, уверенно перескакивал с кочки на кочку. Туман уже почти рассеялся, и лишь легкая дымка стелилась по зарослям камыша.

— Идите за мной, Паркер! Не отставайте! Надеюсь, со мной вы не заблудитесь.

— Мне бы вашу уверенность, Понс, — сухо ответил я, с опаской продираясь вслед за ним сквозь камыши.

Понс не обратил ни малейшего внимания на мое замечание, полностью сконцентрировавшись на карте и периодически бросая по сторонам острые взгляды. Он, безусловно, видел какие-то приметы, недоступные моему глазу, но, по мере того как мы углублялись в болота, ко мне начала потихоньку возвращаться былая уверенность. Мой компаньон не сделал ни одного неверного шага, и уже скоро дорога к поместью Гримстоунов, да и сам дом исчезли из виду.

— Обратите внимание, Паркер, — сказал Понс, раскуривая трубку, — что по сравнению с тропинкой поверхность трясины отличается более ярким зеленым цветом, и если вы посмотрите по сторонам, то заметите, что стебли камыша обледелены. Это доказывает, что обычно они покрыты водой.

— Вы совершенно правы, Понс, — ответил я, осмотревшись по сторонам. — А я-то думал, что вы обнаружили нечто важное!

Понс оторвался от карты и сухо заметил:

— Даже Христос подвергался нападкам. Объяснять профану свой дедуктивный метод — пустая трата времени.

— Вы ко мне несправедливы, Понс.

— Возможно, Паркер, возможно. Хотя, должен признать, ваши, как правило безобидные, замечания иногда бывают весьма ядовиты. — Он еще раз взглянул на карту и уверенно двинулся вперед. — Если мы будем ориентироваться по солнцу, то вряд ли заблудимся. Но конечно, совсем другое дело — сумерки или ночная тьма.

— И что вы хотите найти, Понс?

— Улики, Паркер, улики! Или хотя бы след — пусть даже неотчетливый — ноги человека.

Я осторожно пробирался за ним, время от времени останавливаясь, чтобы бросить взгляд на окружающие нас туманные просторы, не в силах побороть нехорошие предчувствия.

— Должен сказать, Понс, не нравятся мне эти болота. Они унылые и на редкость неприветливые.

— И все же здесь живут люди, Паркер, и, похоже, не жалуются.

— За исключением Стренджвейза.

Солар Понс повернулся и бросил на меня острый взгляд:

— Ага! Вы тоже заметили! Талантливый человек, недовольный тем образом жизни, который в силу обстоятельств он должен вести. По крайней мере, мне так кажется.

— С доктором, пожалуй, все не так просто. Сложнее, чем кажется на первый взгляд, Понс.

— Поживем — увидим, — спокойно ответил Понс.

Мы углублялись в болота все больше и больше. Наши ноги утонали в густой растительности, покрывавшей пригорки, торчащие посреди трясины. Легкий туман все еще стелился над камышовыми зарослями, но уже можно было разглядеть дорогу впереди. И вот я с огромным облегчением увидел холм более твердой земли, а затем — очертания разрушенного каменного строения. Резкие крики птиц, время от времени нарушающие тишину, еле слышный скрип наших шагов — вот, наверно, и все звуки в звенящей тишине. словно мы были совсем одни в целом мире.

Понс сложил карту и внимательно на нее посмотрел.

— Ага! Вот, должно быть, это место, Паркер! Развалившийся дом пастуха и полусгнивший коровник. Часть земель была отвоєвана у болот, но пока осваивали эти площади, остальные участки вернулись в первоначальное состояние.

— Похоже, вы собираетесь здесь что-то найти.

— А почему бы и нет? У нас сегодня по крайней мере три пункта назначения. И я буду не я, если в конце концов мы не узнаем чуть больше.

К этому времени мы уже свернули с тропы и поднимались по холму в сторону дома. Под пронзительные крики морских птиц мы достигли острова, если можно так выразиться, возникшего среди бескрайних болотных просторов.

Когда наконец мы добрались до развалин, неожиданно раздался выстрел, и стайка уток взметнулась ввысь. Должен признаться, нервы мои были на пределе, и я уж было

схватился за револьвер, но под строгим взглядом Понса взял себя в руки. Плотный загорелый человек в твидовой куртке, завидев нас, опустил дробовик. Человек приветливо улыбнулся:

— Добрый день, джентльмены. Джошуа Теббл к вашим услугам. Нет ничего лучше жареной утки с картофелем и зеленым горошком. Вперед, Джуди!

Молодой ретривер стремглав кинулся в болото и уже через минуту вернулся совершенно мокрый, но с упитанной уткой в зубах.

— Совершенно справедливо, мистер Теббл. Замечательная еда, — вступил я в разговор.

Человек небрежно засунул утку во вместительную холщовую сумку, болтавшуюся у него на плече, и испытующе посмотрел на нас:

— Гостите где-то неподалеку, да?

— Мы на пару дней остановились в здешней гостинице, — включился в разговор Солар Понс. — Похоже, места здесь у вас хорошие.

— Да уж, неплохис, — ответил Теббл. — Но будь вы фермером, как я, то вряд ли стали бы так говорить. Не самая лучшая местность для сельского хозяйства, джентльмены. Слишком уж много кругом соленых болот. А зимой при высокой воде поля заливают. И все же жить можно. -- Вынув патрон из казенника дробовика, он продолжил: — Держитесь тропы, джентльмены! Болота эти крайне опасны. Удачного вам дня!

А затем, закинув дробовик на плечо и свистом подзвав собаку, Теббл двинулся дальше. Солар Понс стоял, попыхивая трубкой, и с загадочной улыбкой на губах следил за удаляющейся фигурой Теббла.

— Что вы о нем думаете, Понс?

— Смелый парень и, судя по всему, отличный стрелок.

— Как по-вашему, он замешан в этом деле? Крайне подозрительно, что он оказался здесь, в этих развалинах.

Солар Понс удивленно поднял брови:

— Не понимаю почему, Паркер. Вы ведь тоже здесь.

— Но только потому, что вы здесь. Причем по вполне законному поводу.

Солар Понс рассмеялся и машинально дотронулся до мочки левого уха.

— Мистер Теббл вряд ли об этом знает, Паркер. А теперь, раз уж мы здесь, давайте осмотрим местность.

Страшно довольный тем, что мы наконец остались на холме одни, Понс вынул из кармана мощную лупу и стал обследовать развалины в этом богом забытом месте. Время шло, и, глядя на энергичную, решительную фигуру Понса, я снова поразился терпению, с которым он изучал кирпичную кладку, земляной пол и сломанные камыши. Их истории, совершенно очевидные для него, оставались для меня закрытой книгой.

Затем Понс с несколько разочарованным видом убрал лупу.

— Это не то место, Паркер, — сказал он и, взглянув на светяющееся небо, добавил: — Ну, я и не надеялся сразу попасть в яблочко. Нам придется еще прогуляться.

И Понс, не оборачиваясь, спустился с холма и снова углубился в болота.

VIII

И вот уже через каких-то двадцать минут ландшафт снова слегка изменился: он стал еще более безрадостным и тоскливым, чем даже тот, что окружал дом Гримстоуна. Солнце растопило лед, сковавший выбоины, так что ноги вязли в липкой грязи, а тягучий туман толстым одеялом укутал землю.

Однако мой компаньон не изменил себе: это был все тот же энергичный и целеустремленный Солар Понс. Он безошибочно, не сворачивая с пути, вел меня за собой в самое сердце болот, да так, что я с трудом за ним поспеивал. Время от времени он останавливался, чтобы свериться с картой, а затем немедленно снова устремлялся вперед, точно зверь, идущий по следу. Я уж было всерьез забеспокоился, как тут перед нами вырос еще один холм. Там мы увидели разрушенные стены и руины уже действительно древнего строения: судя по внешнему виду, средневекового аббатства или монастыря.

Солар Понс бросил на меня довольный взгляд:

— Ну, вот так-то оно лучше, Паркер. Попасть в нужное место совсем не сложно: надо только уметь читать карту и руководствоваться здравым смыслом.

— У вас выдающиеся способности, Понс, — тихо сказал я. — В одиночку в жизни на такое не решился бы!

— В любом случае мы уже в аббатстве, — ответил Понс. — Сегодня нам осталось осмотреть еще только одно место. И вам, наверное, будет приятно узнать, что мы ходим по большому кругу, который в конце концов обязательно приведет нас обратно к дому Гримстоуна.

— Рад это слышать, Понс, — сказал я, ступив на твердую дорожку, которая шла вверх, прямо к развалинам аббатства. — А то болота с их обитателями уже начали меня слегка утомлять.

Солар Понс сдержанно улыбнулся и огляделся по сторонам. Мы подошли к руинам поближе, и тут мой друг тихо выругался. Там везде были люди, много людей, тепло одетых, с рюкзаками за плечами.

— Святые небеса, Понс! — воскликнул я. — Так это же любители пеших походов. Те самые, из гостиницы.

— А почему бы и нет, Паркер, — грустно заметил Понс. — Но теперь все свидетельства того, что здесь побывал призрак, будут наверняка уничтожены.

Понс, конечно, был сильно разочарован, но сумел сохранить свое обычное самообладание. Он как ни в чем не бывало поднимался по тропе. Казалось, единственное, что его сейчас заботило на этой земле, — это необходимость раскланиваться с нашими утренними знакомцами из гостиницы.

— Цистерцианцы были выдающимися строителями, Паркер, — заявил он, рассматривая деталь арочного свода.

— Да, действительно, Понс. Полагаю, орден до сих пор процветает.

— Безусловно. Даже более чем.

И хотя Понс не мог воспользоваться лупой, он весьма тщательно исследовал поверхность земли. Однако любители достопримечательностей об этом даже и не подозревали — так естественно он себя вел.

Я уселся на большой плоский камень и с удовольствием закурил, радуясь тому, что могу отпустить своего компаньона. В замкнутом пространстве солнце грело, казалось, чуть сильнее, и все же холод пробирал до костей, поэтому долго так было не высидеть. Когда Понс наконец присоединился ко мне, я увидел, что лицо его разгладилось.

— Не то место, Паркер. Это совершенно очевидно.

— Нашли что-нибудь, Понс?

Он покачал головой, и мы поспешили спуститься с холма и вернуться на болота.

— Эти любители пеших походов сэкономили нам массу времени, Паркер. Старые развалины — слишком людное место. Они пришли по главной дороге. Есть еще одна — новая — мощная дорога, которая не отмечена на моей карте. Дорога ведет прямо к развалинам, которые в путеводителе обозначены как «древний памятник». — Минуту-другую он молча курил, а затем повернул ко мне взволнованное лицо. — Последнее место назначения должно подтвердить мою теорию. В противном случае мне придется пересмотреть нашу тактику.

Больше он не проронил ни слова, а мы все шли и шли в белом безмолвии. Я даже на время забыл о холоде, прилагая невероятные усилия шагать след в след с моим другом. Так продолжалось какое-то время, как вдруг Понс внезапно остановился и повернулся ко мне. Он молча выполнил свой обычный ритуал: вычистил трубку, прежде чем набить ее свежим табаком.

— Одиночество — прекрасная вещь, Паркер, — сказал он. — Чем дольше мы живем в двадцатом веке, тем больше начинаем его ценить.

— Я бы так не сказал, Понс... — попытался возразить я, но мой друг грубо меня перебил:

— Да ладно вам, Паркер! Одиночество — самое важное. Даже посреди пустынной трясины невозможно избежать встречи с кучей идиотов. Доброе утро, доктор!

И тут, к моему изумлению, заросли кустов справа от тропы впереди нас колыхнулись, хотя ветра не было и в помине. И через минуту мы увидели громоздкую фигуру доктора Стренджвейза. Доктор выглядел чрезвычайно смущенным.

— Ну, мистер Понс, — пророкотал он, — надюсь, вы не думаете, что я шпионю за вами?

— Даже не знаю, что и думать, доктор, — бесстрастно сказал Понс. — Но если вы хотите, чтобы вас не заметили, то тогда вам все же стоит держать бинокль подальше от солнца. Оно прекрасно отражается от окуляров.

Доктор ошетинился, словно с трудом сдерживаясь:

— Я следил не за вами, мистер Понс, а за парочкой редких птиц. Я испугался за их безопасность, когда узнал в деревне о нашествии на болота любителей пеших походов.

— Теперь понимаю, — испытующе посмотрел на доктора Понс. — Однако, полагаю, вам не стоит беспокоиться. Скорее всего, дальше развалин аббатства они не пойдут. Похоже, вы довольно быстро справились со вскрытием?

Доктор бросил на Понса ничего не выражающий взгляд:

— Ну, это рутинное дело. Я ни секунды не сомневался, что смерть старого Джессела вызвана утоплением.

Солар Понс нахмурился:

— И все же, доктор, сегодня утром у вас были некоторые сомнения. Точно вы и сами поверили в существование призрака на болотах.

Стренджвейз напрягся, а лицо его приняло озабоченное выражение.

— Не хочу болтать об этом на каждом углу, мистер Понс, но чувствую себя виноватым перед Джесселом. Я поднял его на смех, считая его слова просто пьяными бреднями, но, когда мы расстались прошлым вечером, я собственными глазами видел нечто чрезвычайно странное.

— Неужели?

Стренджвейз кивнул:

— Меня вызвали после полуночи к неотложному больному. Дом моего пациента расположен вверх по главной дороге за поместьем Гримстоунов. Я ехал по краю болот, как вдруг увидел жуткий голубоватый огонь, перекатывающийся впереди на довольно большом расстоянии. Выглядело это совсем как человеческая фигура, но было в ней нечто такое... неземное.

Доктор Стренджвейз слотнул и посмотрел на Понса с отчаянной решимостью в глазах:

— Это меня просто с ума свело, мистер Понс! И я даже рад, что могу вам все рассказать. А еще мне ужасно стыдно: я ведь не поверил старому Джесселу. Поэтому легко представить мое состояние, когда сегодня утром я увидел его мертвым. Причем нашли его, понимаете ли, совсем рядом с тем местом, где накануне почью я видел загадочную фигуру. Как думаете, надо сообщить об этом полиции и коннеру?

Когда Солар Понс заговорил, голос его звучал неожиданно мягко.

— Мне кажется, доктор, что в этом деле благоразумнее соблюдать осторожность, хотя бы на время. Чем меньше людей будет об этом знать, тем лучше.

Доктор кивнул, на его лице появилось странное выражение.

— Расскажите, — продолжил мой компаньон, — как выглядел призрак.

В голосе Стренджвейза снова проскользнули раздраженные нотки.

— Я ведь уже говорил вам, мистер Понс, это была фигура, светящаяся голубоватым светом. Она была слишком далеко от меня, чтобы я мог все детально рассмотреть.

— Но как она появлялась или исчезала?

Доктор уставился на Понса, уже не скрывая раздражения:

— Да откуда мне знать, мистер Понс?! Когда я ее обнаружил, она вырисовывалась вполне отчетливо. Я был так потрясен, что чуть с насыли не слетел. Когда я слова захотел на нее взглянуть, она вдруг неожиданно исчезла.

— Вот-вот, — с довольным видом кивнул Солар Понс. — Именно так, как мы уже слышали. Словно занавес задернули, не правда ли? — Повернувшись к доктору, он добавил: — Вечером мы будем в гостинице и всецело в вашем распоряжении. А теперь, Паркер, пора идти!

Мы оставили нашего доктора на развилке. Отгнувшись, я еще раз увидел его растерянное лицо и солнечного зайчика на окулярах бинокли.

Мы осторожно пробирались по болотам еще с полчасика и наконец достигли цели нашего путешествия. Мы увидели беспорядочно разбросанные строения из старого кирпича. Еще одна заброшенная ферма. У Солара Понса загорелись глаза.

— Ага, Паркер! Вот это, похоже, именно то, что надо.

Он раздвинул камыши, и я увидел отчетливый отпечаток ноги. Понс вынул лупу и внимательно изучил след. Мой друг за пару минут тщательнейшим образом обследовал все вокруг и пошел по следу, который почти потерялся на твердой земле, а затем внезапно исчез среди валунов.

Мы с Понсом подошли к полуразрушенным хозяйственным постройкам из кирпича. Их рифленые железные крыши были покрыты красным налетом ржавчины. Да, ферму эту, без сомнения, покинули давным-давно.

— Ферма Д'Эс¹, — сказал Понс, сверившись с картой. — На редкость удачное название.

— А что вам говорят следы, Понс?

Понс бросил на меня лукавый взгляд:

— Достаточно много, Паркер. Здесь побывало множество людей. Некоторые следы мне непонятны. Стренджвейз определенно здесь был не далее как два дня назад. И, возможно, Теббл. Конечно, мне не удалось обнаружить отпечатки его сапог, так как они совсем новые. Но следы на краю болота совпадают с теми, что он оставил на мягкой земле, когда беседовал с нами. Ну а кроме того, отпечатки лап его ретривера ни с чем не спутаешь!

Я уставился на своего друга в немом изумлении:

— И вы смогли все это узнать из сумятицы грязных следов на земле, Понс?!

Мой компаньон довольно хмыкнул:

— Вы, наверное, забыли, что я занимаюсь изучением подобных вещей, Паркер. Я могу пойти еще дальше в своих дедуктивных выкладках. Здесь также побывала какая-то дама. На ней явно были ботинки с калошами. Вот смотри-

¹ По-английски название фермы D'Eath, что при произнесении слышится как «Death» (смерть). На что, видимо, и намекает автор. — *Прим. ред.*

те, отпечатки ног более легкие, но совершенно не похожи на следы ребенка.

— Вам непременно нужно написать монографию по данному вопросу, Понс, — сдержанно заметил я.

Понс схибно усмехнулся:

— Я уже опубликовал четыре, Паркер. Но давайте-ка посмотрим, что там, вон в тех стросниях!

Мы подошли к кирпичной постройке. Орлиный нос Понса явно что-то унюхал своим особым чутьем, а через минуту-другую я понял, что именно.

— Какие-то химические вещества, Понс?

— Без сомнения, — кивнул в ответ мой компаньон.

— А может быть, эти сараюшки используют под склад, например для удобрений? Как думаете, Понс?

— Возможно, Паркер, возможно, — учтиво отозвался он.

Мой компаньон, нахмурившись, остановился у двери самого большого строения. Он осторожно подергал за ручку. Дверь, вне всякого сомнения, была закрыта на замок. Тогда Понс попытался заглянуть в замызанное окно. Я последовал его примеру, но ничего не увидел: изнутри окна, очевидно, были замазаны белой краской. Мы обошли кругом. Дверь следующей постройки была закрыта на огромный висячий замок.

— Ну что, Паркер, не слишком похоже на необитаемое место, — сказал Понс.

Глаза Понса оживленно блестя, он задумчиво поныхивал трубкой, выпуская кольца сизого дыма. Засунув руки в карманы, он смотрел куда-то вдаль мимо меня.

— Для болот этот район Кента что-то уж слишком оживленный, Паркер, — заметил он. — Доброе утро, мисс Гримстоун!

Обернувшись, я увидел племянницу нашего эксцентричного клиента, которая спускалась с холма прямо к нам. Она была одета по погоде: твидовое пальто, на ногах у нее были, как я сразу заметил, заляпанные грязью крепкие ботинки с калошами.

— Доброе утро, мистер Понс! Доброе утро, доктор Паркер!

Мисс Гримстоун приветливо улыбалась и все же не могла скрыть своего смущения.

— Я здесь часто собираю дикие цветы и растения, — заявила она, явно пытаясь оправдаться.

— Конечно, конечно, — сказал Солар Понс. — Очень рад вас видеть, тем более что мы как раз собирались заглянуть к вам на обратном пути. Как поживает ваш дядюшка?

— Ну, мистер Понс, честно говоря, он до смерти напуган. Могу я пригласить вас на лагч?

Понса ее слова явно застигли врасплох, но он ничем себя не выдал. Может быть, мы все же заблуждались насчет мисс Гримстоун, и она вовсе не была такой уж скупердиейкой.

— Мне необходимо с вами поговорить, мистер Понс, и, боюсь, другого случая не представится. Я возвращаюсь назад — на проселочной дороге всего в полумиле отсюда меня ждет двуколка.

Понс улыбнулся, и я с благодарностью посмотрел на мисс Гримстоун. По правде говоря, я вовсе не жаждал снова пройти — теперь назад — те бесконечные мили болотистой местности, которые мы уже одолели.

— Если вы закончили с делами здесь...

— Конечно, конечно...

Понс шагал рядом с мисс Гримстоун. И они вдвоем пошли вниз по холму, чуть правее той тропы, по которой мы сюда пришли. Я был даже рад идти сзади, стараясь точно ступать по их следам.

Мисс Гримстоун уже не выглядела такой неприступной, как при нашем знакомстве. А еще я заметил, что время от времени она бросала на Понса пристальные взгляды. Вероятно, в результате она все-таки приняла какое-то решение, поскольку сказала с некоторой иронией в голосе:

— Вы, кажется, не особо высокого мнения о нашем доме, мистер Понс. Пропу вас, не судите слишком строго. Всю жизнь мне приходилось бороться за все, что я имею, а такая борьба не делает характер лучше.

Понс с ободряющей улыбкой повернулся ко мне, явно приглашая принять участие в разговоре, и продолжил:

— Уверяю вас, мисс Гримстоун, что не сужу о людях с первого взгляда. Я слишком хорошо знаю человеческую натуру, так что меня трудно удивить. И вообще, не в моих правилах кого-либо осуждать.

— И все же у вас имеется определенное предубеждение против Сайласа Гримстоуна, — покачала седой головой женщина. — Да и я сама не слишком высокого мнения о нем.

— Во всяком случае, вы достаточно откровенны. Я действительно не одобряю скупость и не считаю это одной из главных добродетелей, тем более человек, о котором мы говорим, сказочно богат.

Мисс Гримстоун кивнула, глубоко вздохнув:

— Вы совершенно правы, мистер Понс! И боюсь, что я некоторым образом переняла привычки своего дяди.

— Это нередко случается, когда долго живешь вместе, мисс Гримстоун. Даже не стоит об этом говорить. Расскажите лучше о тех баталиях, которые пришлось выдержать вашему дяде...

— Это все его бизнес, мистер Понс. Они с братом вели битву не на жизнь, а на смерть за фирму.

Солар Понс наморщил лоб и резко повернулся к нашей спутнице.

— Не знал, что у мистера Гримстоуна был еще один брат.

Сильвия грустно покачала головой:

— Он сам об этом никогда бы и не сказал, мистер Понс. Слишком большой вопрос. В конце концов он все же выкупил долю брата в фирме. Как мне говорили, мистер Джетро эмигрировал в Австралию.

— Понимаю. А когда все это произошло, мисс Гримстоун?

— Дела давно минувших дней, мистер Понс. Было это лет двадцать назад, насколько я знаю. Я тогда еще, конечно, не жила в поместье. Но я слышала все от отца, умершего вскоре после того. Понимаете, их было три брата, но мой отец ненавидел Сайласа Гримстоуна. Отец мой был открытым и великодушным человеком. — Тут она застенчиво улыбнулась Понсу. — Мне было около тридцати, и я была намного привлекательнее, чем сейчас. Я собиралась выйти замуж, как вдруг отец умер, и мои обстоятельства резко изменились.

Когда мы медленно шли по тропе через болото, я украдкой взглянул на мисс Гримстоун. В ее глазах была такая за-

старелая тоска, что я живо представил себе все ее безрадостные годы ведения хозяйства Сайласа Гримстоуна и все утраченные надежды на счастливую жизнь с мужем и детьми.

Понс посмотрел на нее с сочувствием:

— Мне искренне жаль слышать это, мисс Гримстоун. Но то, что вы сказали, чрезвычайно меня заинтересовало. Так вы говорите, ваш второй дядюшка уехал в Австралию?

— Насколько я знаю, мистер Понс.

— От Сайласа Гримстоуна?

— Да. Он не единожды об этом упоминал.

— А что, после того как он стал единоличным владельцем фирмы, дела пошли на лад?

— Мне кажется, что да.

— Гм. — Солар Понс остановился и задумчиво дернул мочку правого уха. — Но вы нам практически ничего не сказали о призраке на болоте, мисс Гримстоун. А что вы сами об этом думаете? И почему ваш дядя так напуган?

— Ну, если бы вы это увидели собственными глазами, мистер Понс, то непременно тоже испугались бы.

Понс ласково улыбнулся ей:

— Может быть, вы и правы, мисс Гримстоун. Я так понимаю, что призрак снова видели прошлой ночью.

Он поднял руки, словно показывая, что сдается, и как раз в это время мы вышли на дорогу по насыпи, где уныло жевал замерзшую траву терпеливый пони, запряженный в выдавшую виды двуколку.

Мисс Гримстоун залезла на место кучера, а Солар Понс, повернувшись ко мне, тихо сказал:

— Думаю, нам лучше остаться в поместье Гримстоунов, Паркер, чтобы ничего не упустить. Этот так называемый болотный призрак может снова нанести удар, так что мы должны быть начеку.

IX

Надеюсь, вы не собираетесь включить это в счет, мистер Понс! — Голос Сайласа Гримстоуна дрожал. Его явно душила жадность.

Мы сидели у горящего камина в полумраке гостиной в доме старого Гримстоуна. Мы уже отобедали, и я начал отходить от пробирающей до костей сырости болот. В комнате было не слишком тепло, так как с наступлением вечера на улице резко похолодало.

Понс потратил целый день, общаривая поместье, а затем лично проверил, чтобы все окна и двери были крепко заперты до наступления сумерек. Теперь мы ждали, когда мисс Гримстоун подаст кофе и бренди, которые она нам обещала, несмотря на явное неудовольствие ее дяди.

— Вы имете в виду наш приход сегодня вечером? — язвительно уточнил Понс. — По этому поводу можете не беспокоиться, мистер Гримстоун. Есть и другие вопросы, которые я бы хотел с вами обсудить. Так, вы умолчали о том, что у вас был еще один брат, ваш партнер по бизнесу. Тот, который уехал в Австралию.

В комнате повисло тяжелое молчание, а старик внезапно даже не побледнел, а скорее пожелтел. Он с трудом поднялся со стула и схватился дрожащей рукой за горло.

— Давно это было, очень давно, мистер Понс. Этот подлец уехал за границу, и с тех пор, слава тебе Господи, ни разу его не видел и ничего о нем не слышал.

— Почему вы так говорите, мистер Гримстоун?

— Потому что он был настоящим мерзавцем. Фирма непременно лопнула бы, если бы я не взял бразды правления в свои руки.

— Это ваша точка зрения, мистер Гримстоун, не правда ли?

Старик склонил голову набок и бросил угрюмый взгляд на моего компаньона.

— Так оно и есть, мистер Понс. И это правда. Много воды с тех пор утекло, но вы можете справиться об этом деле в биржевых записях. — Он злобно уставился на Понса. — Вы, похоже, забыли, зачем сюда приехали, мистер Понс! Моей жизни угрожает эта призрачная тварь с болот, а вы здесь сидите и зачем-то ворошите прошлое.

Солар Понс многозначительно улыбнулся и поднял руку, чтобы остановить этот поток обвинений.

— Я не трагил времени даром, мистер Гримстоун! И как раз собирался сегодня вечером проверить свои теории. Не

согласитесь ли принять участие в небольшом эксперименте? — Понс подошел к окну, задернул портьеры и удовлетворенно хмыкнул: — Отлично! С болот надвигается туман. Просто идеально для наших целей. Как насчет того, чтобы через часок совершить небольшую прогулку? Если мы не можем найти нашего призрака — а искать его на этих просторах совершенно бессмысленно, — тогда мы должны его позвать.

— Мистер Понс?! — взвизгнул старик, задохнувшись от возмущения.

Он оттолкнул племянницу, которая собиралась подать ему чашечку кофе, и пегодующе уставился на моего компаньона. Мисс Гримстоун с легкой улыбкой повернулась ко мне. Она поставила рядом со мной чашечку кофе, а другую подала Понсу, который уже успел вернуться на свое место.

А старый Гримстоун все никак не мог успокоиться:

— Вы что, хотите, чтобы я пошел с вами?! Собираетесь использовать меня в качестве приманки, сэръ?

Солар Понс невозмутимо кивнул.

— Во всяком случае, мистер Гримстоун, — весело сказал он, — прошлым вечером, когда мы прибыли, вы были в конюшне совершенно один, без всякой защиты. Так что сегодня от вас большего и не потребуется. Вам надо только показаться, а уж все остальное предоставьте нам с Паркером.

Мисс Сильвия Гримстоун, не в силах скрыть своего беспокойства, взволнованно воскликнула:

— Но вы ведь будете рядом, мистер Понс?!

— Конечно, мисс Гримстоун. Я ни в коем случае не стал бы рисковать здоровьем и благополучием вашего дядюшки, — успокоил ее Солар Понс. — У Паркера с собой револьвер. Вот мы и проверим, уйдем ли этот призрак для пухля.

Лицо Сайласа Гримстоуна исказила странная гримаса. Старик даже пару раз кивнул, словно приняв предложение моего компаньона. Склонив голову набок, он спросил:

— Каков ваш план, мистер Понс?

— Так-то оно лучше, мистер Гримстоун, — произнес Понс, соединив перед собой кончики пальцев. — Я разработал несколько теорий и рассмотрел ряд возможностей. Теперь хочу проверить их на практике, но для этого должен сегодня вече-

ром выманить нашего призрака из его норы. Он не рискнет появиться, если не будет уверен, что вы вышли из дому.

Гримстоун всем своим видом выражал крайнюю обеспокоенность и даже украдкой поглядывал по сторонам, словно боясь обнаружить объект своих страхов у себя за спиной.

— Вы ведь не хотите сказать, что он следит за нами?!

— Именно это он и делает, мистер Гримстоун, — отозвался Солар Понс. — По-другому и быть не может. В противном случае, как такое возможно, что он является только вам. При этом если кто другой и оказывается поблизости, то лишь по чистой случайности. Нет, мистер Гримстоун, кто-то хитроумно и последовательно идет к своей цели. И для того чтобы его задержать, нам необходимо вытащить его на свет божий.

— И что я в таком случае должен делать, мистер Понс?

Солар Понс поставил чашку на стол, нарушив тишину легким позвякиванием.

— Вы должны точно выполнять мои инструкции, не отступая ни на йоту, если хотите, чтобы ситуация благополучно разрешилась.

Старик печально посмотрел на Понса, на его смертельно бледном лице застыл страх.

— Очень хорошо, мистер Понс, как скажете. Я выполняю все ваши указания.

Х

— Вон он идет, Паркер! Быстро! Крайне важно не выпускать его из поля зрения.

Я последовал за Понсом сквозь плотный туман, снова и снова поражаясь, насколько безошибочно мой компаньон находит дорогу. Туман сгущался, и даже Понсу, казалось, было трудно не терять из виду неясную фигуру старого Сайласа Гримстоуна. Ночь была темной и холодной. Туман укутал поверхность болота плотной пеленой. И все же погода была просто идеальной для дерзкого плана Понса. Но все могло чрезвычайно осложниться, если бы что-нибудь пошло не так.

В кармане у меня лежал револьвер со взведенным курком. Я сжимал рукоятку, готовый действовать в любую минуту. Я послушно следовал за Понсом, а в голове вихрем проносились бессвязные мысли. План, разработанный Понсом, был весьма простым, но, как это обычно бывает, блестящим именно в силу своей простоты. Для его осуществления требовалась определенная отвага. И все же при минимальном риске для нашего клиента для нас задуманное моим другом могло обернуться непредсказуемыми последствиями.

Мисс Гримстоун отвезла нас на двуколке к тому месту, где начиналась тропинка, ведущая через болота к ферме Д'Эс. Сайлас Гримстоун должен был оставить свою племянницу в точно назначенное время и пойти по тропе, держась ближе к ферме, чтобы, не дай бог, не угодить в трясину.

Мы с Понсом покинули место, где остановилась двуколка, на полчаса раньше. Мой компаньон отметил на карте другую тропу, которая вела в самое сердце болот. Мы должны были идти по той же самой тропе, что и утром, в сторону фермы. Таким образом, при внезапном появлении призрака мы бы оказались между ним и фермой, тем самым отрезав ему все возможные пути к отступлению.

Со стороны Понса было очень мудро уговорить Гримстоуна взять с собой маленький, но очень мощный электрический фонарик якобы для того, чтобы освещать дорогу. На самом деле фонарь был нужен совсем для другого: привлечь внимание призрака к предполагаемой жертве. И еще, конечно, свет фонаря помогал бы нам следить за Гримстоуном, чтобы в нужный момент прийти на помощь. К несчастью, не успели мы выйти на нашу дорогу, как попали в плотную пелену тумана, и Понс начал всерьез беспокоиться об успехе нашего мероприятия.

Гримстоун должен был оставить племянницу в семь вечера, и ровно в семь, как показывала большая стрелка моих часов, Понс начал пробираться к заброшенной ферме. Он отвел старому Гримстоуну пятнадцать минут, чтобы добраться до места, а мы должны были занять наши позиции намного раньше.

Но туман все сгушался, и я уж было всерьез заволновался, как вдруг услышал ободряющий окрик Понса. Секунду спустя где-то справа я увидел тонкий луч света, стелющийся по земле. Короткий отблеск, а затем все скрылось за плотной белой пеленой.

— Нам следует поспешить, Паркер. Никогда себе не прощу, если случится непоправимое.

— Мы уже на расстоянии выстрела, Понс. Кто мог предвидеть, что погода настолько испортится.

— Даже если и так, Паркер, мы имеем дело со стариком, который по моей просьбе открыто идет навстречу опасности.

Понс побежал по тропе так быстро, что я с трудом за ним поспевал. К этому времени туман слегка рассеялся, и мы снова увидели пляшущий на земле луч света. Понс остановился, чтобы оценить ситуацию.

— А теперь следует соблюдать крайнюю осторожность, Паркер! Мы ни в коем случае не должны спугнуть того, кто здесь прячется. Ага, так-то лучше.

И действительно, выбравшись из зарослей кустов, мы ясно увидели высокую насыпь всего в каких-нибудь двухстах ярдах от нас. По ней с фонарем в руках брел старый Сайлас Гримстоун. Далеко справа, скрытая холмом, лежала дорога, где нас ждала двуколка мисс Гримстоун. Мы были в болотистой низине, и слева от нас змеилась едва видимая тропа, которая вела к ферме Д'Эс.

Понс прокладывал дорогу, осторожно ступая по зыбкой почве. Вокруг нас раскинулось ледяное царство болот. Мне было слегка не по себе. Казалось, что какое-то злобное существо подстерегает нас в кромешной тьме: один неверный шаг — и оно утащит нас в бездонную трясины. От этих пораженческих мыслей Понса, по-видимому, защищали его стальные нервы. Я же старался обрести душевное равновесие, периодически поглаживая холодный ствол своего револьвера.

На какое-то время свет фонаря пропал за пригорком, и я понял, что мы вышли к заброшенной ферме. Мы уже начали подниматься на холм, когда тишину ночи внезапно разорвал протяжный вопль, полный ужаса и боли. Мучительный крик трижды пронесся над безмолвными болота-

ми. И в крике этом было столько страха, что у меня волосы зашевелились на голове и мурашки поползли по коже.

Солар Понс, зарывав от ярости, схватил меня за руку.

— Он умнее, чем я думал, Паркер! Если я правильно понимаю ситуацию, он идет со стороны дороги, а вовсе не со стороны фермы. Нельзя терять ни минуты!

Я рванул изо всех сил, так что казалось, легкие вот-вот разорвутся. Но Понс был еще проворнее. Он преодолел расстояние вверх по склону за считанные минуты. Когда мы наконец поднялись, то увидели драму, разыгравшуюся на дороге к заброшенной ферме.

К моему облегчению, Сайлас Гримстоун, похоже, не страдал, так как мы заметили дрожащий свет его фонаря не более чем в сотне ярдов от нас. За ним на дикой скорости неся жуткий призрак, образ которого до сих пор стоит у меня перед глазами. Что-то голубовато-желтое, сне-рва — как стелющийся огонь, а затем — как плывущая по воздуху фигура.

Фигура эта была высокой, но распылчатой; ее венчала жуткая голова в языках пламени, непрерывно меняющего свои очертания. С каждым мгновением фигура все ближе подбиралась к Гримстоуну. Казалось, еще немного — и она его настигнет. Но тут старик, в ужасе оглянувшись назад, увидел, что мы спешим на подмогу. И наши пути пересеклись.

— Ради всего святого, спасите меня, мистер Понс! — прохрипел он и, обессилев, повалился на трону у наших ног.

— Ваш выход, Паркер, — твердо сказал Солар Понс. — Две попытки. Цель, с вашего позволения, вверх.

Призрачная сияя фигура все еще надвигалась на нас, теперь короткими скачками. Это жуткое существо не могло нас видеть на фоне темных кустов, пока мы бежали вверх по тропинке. Когда же оно оказалось на опасном расстоянии от упавшего старика, я два раза выстрелил в воздух. Яркая вспышка пламени и два оглушительных выстрела. На какое-то мгновение я практически ослеп, а придя в себя, обнаружил, что на болоте никого нет; словно синей извивающейся фигуры не было и в помине.

— Боже милостивый, Понс! — воскликнул я. — Призрак исчез!

— Ничего страшного, — успокоил меня Солар Понс. — Думаю, нам стоит проверить, как там старый Гримстоун.

Мы бегом пересекли узкую полосу земли, отделявшую нас от нашего клиента, и нашли его лежащим на земле — едва живого, но не утратившего своей желчности. Я положил револьвер на соседний пенек и, посветив себе фонариком, осмотрел старика.

— С ним все в порядке, Понс, — сказал я, щупая его пульс. — Просто сильный шок.

— Так и умереть недолго! — злобно огрызнулся Гримстоун.

Я помог старику подняться на ноги и повернулся к Понсу.

— Не мешало бы отвести его домой.

— Мы еще успеем это сделать, но чуть позже, Паркер. Просто выключите фонарик. Игра еще далеко не закончилась, — раздраженно отмахнулся Солар Понс.

Его непреклонность и увлеченность предстоящим делом произвела впечатление даже на Гримстоуна, так как он прекратил бурчать себе под нос и тихонько ждал, прислонившись к дереву. Понс опустился на колени и растворился в темноте. Он пополз вперед, велел мне следовать за ним, что я и сделал, оставив Гримстоуна сзади. Не успел я пройти и десяти ярдов, как сообразил, что забыл револьвер. И тут события начали разворачиваться с такой угрожающей быстротой, что это уже стало не важно.

Понс положил мне руку на плечо, и я остановился рядом с ним. Он наклонился и стал шарить свободной рукой по земле рядом с тропинкой. Он довольно хмыкнул, когда отыскал то, что ему было нужно: шатающийся камень, примерзший к земле. Понс оторвал камень и поднялся на ноги.

Затем мой компаньон швырнул камень прямо в болото и стал напряженно прислушиваться. Внезапно раздался треск ломающегося льда, а за ним — громкий всплеск, взорвавший тишину ночи. Затем мы слышали, как затрещали ветки, и в футах тридцати от нас возникла синяя призрачная фигура.

— Быстрей, Паркер! — отрывисто бросил Понс. — Моя теория оказалась верной.

Впереди раздался какой-то тихий, приглушенный звук, и я тотчас же позабыл о всех своих страхах, когда внезапно понял, что мы имеем дело с простым смертным, а не с каким-то сверхъестественным существом. Синеватая фигура изворачивалась и извивалась, демонстрируя чудеса ловкости: то появляясь, то внезапно исчезая. Очертания фигуры были тонкими и вытянутыми, а когда загадочное существо оказывалось впереди нас, чернота почти расступалась перед нами.

Я споткнулся о торчащий корень, и Понс, чуть сбавив темп, повернулся ко мне. И тут, воспользовавшись передышкой, призрак снова исчез.

— Что это было, Понс? — спросил я, с трудом переводя дух.

Солар Понс довольно хмыкнул:

— Полагаю, Паркер, он вполне смертен. Но сейчас нет времени на объяснения. Если мои логические выводы верны, мы найдем ответы на все наши вопросы на ферме Д'Эс.

Мы приблизились к одному из строений и осторожно поползли вдоль стены. Понс пару раз останавливался, настороженно прислушиваясь. Он дернул дверь сарайчика, и та спокойно открылась.

— Так я и думал, Паркер. Это, скорее всего, раздевалка нашего призрака, — прошептал мне на ухо Понс.

— Но он ведь сейчас не там?

— Надо поглядеть.

Уже не заботясь о конспирации, Понс резко распахнул дверь. И в ту же секунду яркий свет его карманного фонаря прорезал темноту. Помещение оказалось пустым. Это был всего-навсего каркас из бревен и кирпича. С пыльной балки свисала масляная лампа. Не самое веселое место: темное и мрачное. В центре стояло два деревянных ящика. На крышке одного из них мы увидели консервную банку, а рядом с ней — зеркало и несколько кисточек.

Солар Понс бросил на меня многозначительный взгляд. И снова я уловил едкий запах химикатов. Понс для пробы проверил вещество в банке кончиком пальца, а затем поднес палец к носу и чихнул.

-- Фосфоресцирующий раствор, Паркер! Как я с самого начала и подозревал. Вот он ваш призрак!

-- Все это очень хорошо, Понс, -- сказал я. -- Но как ему удастся так быстро исчезать?

-- А вот это мы узнаем уже прямо сейчас, -- спокойно ответил он, пронзая комнату острым взглядом.

Затем Понс повел себя более чем странно. Наклонившись, он поднял ящик помельше, который явно служил сиденьем, и запустил его в самый темный угол сарайчика. Неожиданно кто-то взвыл от боли. Понс ринулся в сторону тени, отделившейся от стены. Короткая схватка -- и фонарик отлетел в сторону. Он упал на землю, но не разбился. Я быстро поднял фонарь и включил его. И уже тогда увидел, что Понс сражается со странным существом, которое то светилось неземным синим светом, то внезапно растворялось в темноте, когда дерущиеся катались по полу.

Я поспешил на помощь Понсу, но тот уже сдирал жуткую маску с лица существа. И перед нашим взором предстало взмыленное, измученное лицо молодого человека. Он лежал, вжавшись в стену, практически сливаясь с ней, поскольку был с головы до ног закутан в темную ткань.

-- Разрешите вам представить мистера Нормана Найта, нашего приятеля из гостиницы «Хэрроу». Больше известного как Копмар Гримстоунских болот!

XI

Глядя на распростертую на земле фигуру, Понс саркастически усмехнулся:

-- Вы на удивление быстро справились от своей хромоты, мистер Найт!

Я озадаченно смотрел на эту живую картину:

-- Абсолютно ничего не понимаю, Понс.

-- Все прояснится уже через минуту, Паркер, -- отмахнулся Понс.

Понс подошел к лежащему человеку, поднял его и усадил на деревянный ящик. Тот так и остался там сидеть -- закрыв лицо руками, жалкий и униженный.

— Как видите, Паркер, достаточно оригинальная, хотя и простая уловка. Этот маскарадный костюм покрыт фосфоресцирующим раствором только спереди. И мистеру Найту достаточно было повернуться спиной к зрителю, как он тут же становился невидимым на фоне ночной темноты.

— Так вот в чем разгадка, Понс! — выдохнул я.

Мой компаньон продолжил свои объяснения:

— В тех случаях, когда призрак внезапно исчезал, он всего лишь поворачивался спиной, оставаясь при этом на месте. Когда он видел, что его жертва от него ускользает, то просто-напросто вылезал из своего одеяния, возвращался на ферму и замечал следы своего дьявольского маскарада.

— Но зачем ему это было нужно, Понс?

— Хороший вопрос, доктор Паркер, — неожиданно произнес молодой Найт, поднявшись на ноги и обернув к нам бледное, но решительное лицо. — Мой маскарад, возможно, не такой уж дьявольский, как вы думаете. Скорее, смотрите на него как на явление ангела с пылающим мечом, спустившегося с небес, чтобы покарать зло.

— Я вовсе не отвергаю ваши мотивы, — загадочно улыбнулся Солар Понс, — но вы жестоко ошиблись, избрав именно этот способ для достижения своей цели.

И в ту же секунду наша беседа была прервана самым драматичным образом. Мы были так поглощены разыгранным перед нами спектаклем, что не заметили, как к двери сарая подобралась какая-то тень. Теперь же, при свете фонаря Понса, тень материализовалась. Это был Сайлас Гримстоун. Лицо его было искажено болью и яростью. И тут я, к своему ужасу, заметил в его дрожащих руках свой револьвер. Понс укоризненно на меня посмотрел, а затем твердым голосом произнес:

— Что все это значит, мистер Гримстоун?

Лицо Гримстоуна стало непельно-серым. Остекленевшими глазами он смотрел сквозь нас на молодого Найта. Когда к нему вернулся дар речи, он просил:

— Итак, тебе удалось выбраться из болота?! Ну, я тебя уже однажды туда отправил, могу сделать это снова!

С хриплым возгласом он поднял револьвер, но Понс, обладающий молниеносной реакцией — как у атакующей

змеи, — его опередил. Однако Гримстоун успел выстрелить в молодого Найта. Раздался звук выстрела, а затем — звон разбитого стекла: пуля явно попала в окно.

— Беги! Спасай свою жизнь! — закричал Солар Понс.

Он погасил фонарь. Красн глаза я увидел тень молодого Найта, промелькнувшую в дверном проеме. Затем раздался еще один выстрел, и старый Гримстоун ринулся вслед за Найтом.

— Мне очнь жаль, Понс, — сказал я, когда мой друг поднялся на ноги.

Понс включил фонарь, и тут мы снова слышали слабый звук выстрелов где-то на болотах.

— У нас нет времени на взаимные упреки, Паркер. Хорошо, если мы успеем избежать еще одной трагедии.

Снаружи туман начал сгущаться, но мы без труда увидели, куда побежали жертва и ее преследователь. Найт не стал карабкаться по склону, где он оказался бы прекрасной мишенью, а наоборот, весьма мудро спустился прямо в болото, где чувствовал себя как дома.

Но вскоре дорога стала петлять среди густых кустов, и Понс дважды останавливался, чтобы при свете фонаря обследовать сломанные камыши. На его суровом лице читалось глубокое беспокойство.

— Он свернул с тропы, Паркер. Боюсь, может случиться еще худшее.

Через несколько секунд мы наткнулись на мой револьвер, который валялся в камышах. Я нагнулся за ним, и тут Понс положил мне руку на плечо:

— Думаю, было бы неразумно идти дальше, Паркер.

В это время из тумана над болотом раздался нечеловеческий крик. В этом крике было столько страха и ужаса, что, думаю, мне не забыть его до самой смерти. Даже стальные нервы Понса, казалось, тоже не выдержали. Мы стояли, прислушиваясь к крикам, которые эхом разносились вокруг, пока не смолкли вдали.

— Целиком и полностью моя вина, Понс, — сказал я. — И это после всех ваших усилий спасти нашего клиента!..

Понс покачал головой, и на его лице появилось странное выражение. Он повернулся и пошел назад к дороге.

— Клиент он мне или нет, Паркер, полагаю, мир лингвиста отъявленного негодая. Молодой Найт — единственный человек, который может заполнить пробелы в нашей головоломке, если он, конечно, со страху не проглотил язык.

Я засунул револьвер обратно в карман. Когда мы поднялись на холм, неожиданно раздался треск кустов.

На тропу вышел молодой Найт, вид у него был весьма помятый. Он дрожал от страха, не в силах оправиться от потрясения.

— Клянусь, я не желал ему смерти, мистер Понс, — сказал он, дико озираясь.

Солар Понс пристально посмотрел на него и, помедлив, ответил:

— Объяснения могут подождать, мистер Гримстоун. Предлагаю немедленно вернуться в поместье, чтобы известить вашу родственницу.

ХП

— Я потрясена до глубины души, но не могу сказать, что слишком удивлена таким концом, мистер Понс.

Напряженное лицо мисс Сильвии Гримстоун посерело, но она вполне держала себя в руках. Она даже усадила нас в гостиной у камина и угостила крепким обжигающим кофе.

Я с благодарностью принял чашку из ее рук, так как продрог до костей, а огонь в камине почти погас. Молодой Найт сидел за круглым столом у камина, в центре нашей небольшой группы.

— Полиция будет здесь через час, мисс Гримстоун, — заявил Понс, обеспокоенно оглядывая комнату. — Хотелось бы до их прибытия получить некоторые объяснения.

— Я был бы вам крайне признателен, если бы вы пролили хоть каплю света на это дело, Понс, так как я все еще блуждаю в потемках, — сказал я.

Мой компаньон сдержанно улыбнулся, отставил чашку и посмотрел на дрожащего молодого человека, который сидел перед нами.

— Как я уже не раз говорил, Паркер, терпение не является вашей сильной стороной. Однако позвольте мне вкратце

изложить суть дела. Как только Сайлас Гримстоун поведал мне свою невероятную историю, я понял, что здесь должно быть какое-то совсем простое объяснение. Призраки не разгуливают на свободе, так же как и мертвые никогда не возвращаются, чтобы мучить живых. Именно поэтому я предположил, что здесь имеет место какой-то маскарад. Мне нужен был человек, хорошо знающий болота, возможно, приезжий, который взял на себя труд нанести на карту тайные тропы. Тот, кто, возможно, знал нечто о прошлом Гримстоуна и намеревался напугать его, переодевшись в фосфоресцирующие одежды, которые мы уже видели.

— Но зачем все это, Понс?

— Сейчас мы до этого дойдем, Паркер. Сначала мне надо было определить способ, который использовал наш мнимый призрак, чтобы появляться и исчезать таким поразительным манером; затем, возможно, убежище на болотах, где он мог прятаться и переодеваться; и наконец, получить подтверждение того, что призрак являлся не одному только Гримстоуну. И очень скоро я получил все три доказательства.

Солар Понс встал, подошел к камину и пошевелил тлеющие угли, а мисс Гримстоун поспешила подбросить несколько поленьев.

— Скоро мне стало очевидным, что и костюм, выбранный нашим другом, и способ исчезновения свечения может иметь только одно объяснение. Мои походы по болотам дали мне возможность понять, что подобные появления и исчезновения должны были быть тщательно инсценированы, поскольку человек, участвующий в маскараде, мог в любую минуту сам превратиться в жертву.

Это могло означать только одно: призрак — созданный с помощью люминесцентного химического раствора — был нарисован лишь спереди. И тогда человеку в таком одеянии было достаточно повернуться спиной к своей жертве, чтобы стать невидимым. На эту мысль меня натолкнул старый Джессел, когда сказал, что призрак исчез так, словно кто-то задернул занавеску. Цепь моих логичных рассуждений нашла подтверждение прямо в тот же вечер, когда я неожиданно увидел человека, удивительно похожего на Сайласа Гримстоуна.

— Не может быть, Понс!

— Я еще никогда не был так серьезен, мой дорогой друг, — мрачно улыбнулся Солар Понс. — Наша утренняя прогулка и логические умозаключения, которые я сделал на основании найденных улики, привели меня к единственно возможному выводу: по своему расположению ферма Д'Эс идеально подходила для этих целей. Здесь Найт не только мог исчезать на болоте, но и без труда выходить на проселочную дорогу. Когда же я увидел замок на двери заброшенного строения и почувствовал отчетливый запах фосфора, то окончательно утвердился в своих выводах.

— А как насчет вашего третьего пункта, Понс? — спросил я.

— Он оказался самым важным, Паркер. Подоплекой всего этого маскарада было обвинение, необходимость воззвать к чувству вины старого Сайласа Гримстоуна. Убедить его, что призрак является только ему — ему одному, и никому больше. К несчастью для юного мстителя, сидящего здесь перед нами, нашлись и другие свидетели. Среди них доктор Стренджвейз и покойный Тобиас Джессел.

Найт, побледнев, вскочил со стула.

— Я не виновен в смерти Джессела, мистер Понс! Клянусь, я только хотел напугать Гримстоуна так, чтобы тот признался в своем злодеянии.

— Мне об этом известно, — успокоил его Солар Понс. — Джессел, вне всякого сомнения, свалился с насыпи, будучи мертвецки пьяным.

— А как тогда вы можете объяснить порезы на его руках, Понс? — спросил я.

— Весьма характерно для случая смерти при подобных обстоятельствах, Паркер, — продолжил свои объяснения Солар Понс. — Порезы — это результат отчаянных усилий Джессела выбраться из ледяного плена. Раны вполне могли быть вызваны острыми краями обломков льда.

Тут Солар Понс бросил взгляд на мисс Гримстоун и молодого Найта, который уже вернулся на свое место, а затем снова продолжил свой рассказ:

— Относительно последнего пункта, Паркер, то я сильно подозревал, что так называемый призрак тщательно раз-

работал свой план и не хотел, чтобы его кто-нибудь увидел в этом обличье, кроме старого Гримстоуна. Как вы, наверное, помните, я с особым пристрастием допросил Гримстоуна об обстоятельствах того случая, когда и он, и его племянница видели призрак.

— Помню, помню, Понс.

— Тогда вы также, безусловно, должны помнить и то, что мисс Гримстоун неожиданно появилась из-за густых кустов. Я тогда еще обратил ваше внимание на это обстоятельство. Найт даже не знал, что она там. На самом деле он сам был напуган ее криками и поэтому тотчас же сбегал. Не так ли?

— Именно так оно и было, мистер Понс. — Молодой Найт в искреннем раскаянии склонил голову.

Я бросил озадаченный взгляд на Понса, а затем на мисс Гримстоун, которая сидела, плотно сжав губы. В углу привычно тикали часы, и казалось совершенно невероятным, что всего лишь час назад перед нами разыгралась такая трагедия, трагедия, унесшая жизнь Сайласа Гримстоуна!

— Вы, должно быть, также помните, Паркер, что я особенно тщательно выяснял обстоятельства всех явлений призрака старому Гримстоуну. Ни один уважающий себя призрак, если таковые существуют в природе, появляясь или исчезая, не станет создавать шума. Таким образом, наш призрак был делом рук человека. Мы уже говорили о том, что ил и болотная жижа уничтожали любые следы его пребывания. И все же камыши и примятая трава говорили о том, что здесь произошло что-то тяжелое. Зигзагообразное движение, характерное для нашего привидения, было обусловлено тем, что ему приходилось держаться тропинок, чтобы не увязнуть в трясине.

Вы также, наверное, помните, Паркер, что, когда мы покинули болото, я взял на себя труд обследовать насыпь около поместья, а именно то место, где и старый Гримстоун, и Тобиас Джессел имели несчастье встретить фигуру, объятую синим пламенем. То, что Джессел увидел призрак, — чистая случайность. Найт окопачивался поблизости в своем маскарадном костюме, поджидая старого Гримстоуна под насыпью. Он не слышал шагов приближающегося по верхней

дороге Джессела и случайно на него наткнулся. Я считаю такое толкование событий вполне корректным, поскольку тоже не слышал ваших шагов, Паркер, когда спустился к подножию насыпи и оказался намного ниже дороги.

— Совершенно верно, мистер Понс, — жалобно сказал Найт. — Все было именно так, как вы и говорите. И я могу поклясться, что в ту ночь, когда погиб несчастный Джессел, меня там и близко не было.

— Верю, верю вам, мистер Найт, — успокоил его Солар Понс. — И даже могу свидетельствовать в полиции, если возникнет такая необходимость.

Я с удивлением посмотрел на своего компаньона.

— Это дело началось с того, что нашего клиента до смерти задул призрак, Понс. А теперь получается так, что в результате клиент наш — отъявленный негодяй, а предполагаемый убийца — невинный человек!

— А почему бы и нет, Паркер? — сдержанно улыбнулся Солар Понс.

На какое-то время в гостиной воцарилось молчание. Его нарушил молодой Найт, который, по-видимому, за это время уже пришел в себя.

— Почему вы стали подозревать именно меня, мистер Понс?

— У меня был широкий выбор идеально подходящих людей, — ответил Солар Понс, — включая доктора Стренджвейза и фермера на болотах. Мнимый призрак мог также скрываться и среди любителей пеших походов, наводнивших деревню. Но я искал молодого и энергичного человека. А еще у него должен был быть серьезный мотив для подобного обращения со старым Гримстоуном. И наконец, он должен был знать как свои пять пальцев все тропинки и дорожки на болотах.

Я раздраженно посмотрел на Понса:

— Но как, черт возьми, вы могли прийти к этим выводам, Понс?! Мы ведь были едва знакомы с мистером Найтом.

Солар Понс улыбнулся и выпустил в потолок облако ароматного сизого дыма.

— Все это дошло до меня постепенно, Паркер. У меня ведь было не слишком много данных, на которые я мог

опереться. Но когда я проверил гостиничную книгу регистраций и выяснил, что мистер Найт прибыл в «Хэрроу» в сентябре, всего за несколько недель до первого появления призрака, мои подозрения пачали приобретать более четкую форму. Затем, когда мистер Найт так отважно представился нам, дав мне хорошую возможность изучить его совсем близко, я тотчас же увидел свет в конце туннеля. Это был мастерский ход, мистер Найт, подготовить такое эффектное появление. И все же имелся некоторый риск, что доктор Стренджвейз захочет осмотреть вашу якобы поврежденную лодыжку.

К моему удивлению, молодой Найт тихо рассмеялся:

— От вас ничего не скроешь, мистер Понс. Я предположил — и, как впоследствии выяснилось, вполне обоснованно, — что доктор Стренджвейз не захочет утруждать себя по такому пустячному поводу, тем более что в тот вечер он очень неплохо проводил время. Так где же я допустил промах?

Солар Понс иронически усмехнулся:

— Когда вы появились в баре, вы хромали на правую ногу. На следующее же утро, когда мы встретили вас после завтрака, вы уже хромали на левую.

Я был потрясен до глубины души, и даже мисс Гримстоун чуть заметно улыбнулась.

— Но зачем весь этот маскарад и к чему эта хромота, Понс?

— Чтобы обеспечить алиби, Паркер, — терпеливо объяснил мой компаньон. — Ранний человек вряд ли сумеет так быстро бегать по болотам. Но решение этой задачи пришло ко мне не сразу. Понимаете, дело было в портретном сходстве.

— Портретное сходство, Понс?!

Солар Понс, прикрыв глаза, устало кивнул:

— Если я не ошибаюсь, мистер Найт — близкий родственник Сайласа Гримстоуна. Осмелюсь предположить, его племянник.

Мисс Гримстоун вздрогнула: похоже, разоблачение лишило ее душевного равновесия.

— Вы абсолютно правы, мистер Понс, — тяжело вздохнула она.

— Но зачем пужно племяннику Гримстоуна сводить его с ума, Понс?! — воскликнул я.

— Древнейший мотив, движущий человеком, Паркер. Месть! А этим утром на болотах мисс Гримстоун, сама того не желая, восполнила мои пробелы в понимании того, что произошло. Она сказала, что Джетро Гримстоун, бывший совладелец фирмы, много лет назад уехал в Австралию. Сейчас это, конечно, доказать невозможно, но я рискнул предположить, что его тело покоем где-то в трясине здешних болот. Мистер Найт, а точнее мистер Гримстоун, вернулся из Австралии, чтобы вершить правосудие и добиться признания от дяди. Для этого ему нужен был сообщник. Не правда ли, мисс Гримстоун?

Наша хозяйка резко вскочила, ее лицо пошло красными пятнами.

— Я знаю, как это, должно быть, выглядит, мистер Понс, но всему тому, что сделал молодой Джон Гримстоун, есть оправдание.

Она бросила на молодого человека взгляд, словно обращаясь к нему за молчаливой поддержкой. Гримстоун выпрямился и грустно посмотрел на нас:

— Это старая история, мистер Понс. И началась она много-много лет назад, но я хочу, чтобы вы знали правду. Мой отец был хорошим человеком. Он создал семейную фирму, хотя никогда особо не ладил с братом. Сайлас Гримстоун был мерзким скрягой. Когда я повзрослел, матушка моя много чего мне рассказала. Как я уже говорил, я был единственным ребенком, когда произошли описываемые события. Семья моя была достаточно преуспевающей, и мы тогда вполне неплохо жили здесь, в поместье. Но всему этому суждено было вскоре измениться. Отец мой рассказывал матушке о своих подозрениях, но позднее ей ничего не удалось доказать.

Короче говоря, мистер Понс, в один прекрасный день мой отец просто исчез. Он ушел на болота, и больше мы его уже не видели. Тело так и не нашли. Человека, похожего на Сайласа Гримстоуна, видели на ближайшей железнодорожной станции, но мой дядя утверждал, что целый день провел в Лондоне. Он сказал нам, что моему отцу

пришлось срочно уехать по делам в Австралию. Совершенно нелепая идея, тем более что он и матушка были очень близки между собой: он никогда в жизни просто так не уехал бы, не обсудив с ней все заранее. В любом случае он не взял с собой ни одежды, ни багажа. Я твердо уверен, что Сайлас Гримстоун подстерег моего отца на пустынной дороге на болоте, напал на него сзади, возможно, ударил тяжелым камнем, а затем столкнул в трясину.

Молодой человек замолчал и поднял на нас измученное лицо, а затем снова продолжил:

— Но случилась странная вещь: из Австралии неожиданно пришло письмо. Я уверен, что это была фальшивка, состряпанная по указке Гримстоуна. Письмо было из отеля в Аделаиде, и в нем говорилось, что отцу пришлось уехать туда по делам фирмы, а также чтобы мы не беспокоились, так как он в скором времени вернется обратно. Матушка показала письмо некоторым нашим друзьям, но фальшивка была так мастерски сработана, что все признали почерк моего отца. Тем временем Гримстоун распустил слух, что дела фирмы расстроены и что отец уехал, опасаясь быть уличенным в нечистоплотном поведении. И последним ударом было завещание в пользу Сайласа Гримстоуна, подписанное, по всей видимости, моим отцом. Он оставил и дом, и фирму своему брату. Матушка, естественно, оспаривала дело в судах, но через несколько лет решение было вынесено не в ее пользу. Она осталась без средств к существованию, и ей пришлось покинуть дом. Со временем она наскребла немного денег, и мы отплыли в Австралию в поисках лучшей доли. Но здоровье моей матери было подорвано, а рассудок поврежден, и она сама уже не знала, чему верить. Она делала некоторую надежду, что мы воссоединимся с отцом в Аделаиде, но отеля, указанного в письме, естественно, не было и в помине. Нам так и не удалось найти отца. Когда я вырос, матушка поведала мне о своих подозрениях, и я вступил во взрослую жизнь со жгучим желанием отомстить. Несколько месяцев назад матушка скончалась. Я понял, что свободен от всех обязательств и могу вернуться. А поскольку я холостяк, мне нечего было терять. Я узнал, что Сайлас Гримстоун все еще жив, и направился в Кент, чтобы осу-

шестьвить свой план. Мне он казался на редкость удачным. Я придумал фосфоресцирующую накидку с капюшоном и попытался перенести туда черты лица отца со старой фотографии. На болотах время от времени я встречал мисс Гримстоун. Она уловила фамильное сходство, и я ей во всем признался.

В комнате воцарилось глубокое молчание, которое прерывалось только постукиванием трубки Понса по каминной полке.

— Что вы на это скажете, мисс Гримстоун?

— Это правда, мистер Понс. Мой дядя своим поведением и упорным замалчиванием всего, что было связано с его братом, заронил во мне подозрения. Он испытывал патологический ужас относительно всего, что было связано с болотами, хотя, как это ни парадоксально, непреодолимая сила гнала его по ночам на болота.

— Возможно, он просто хотел удостовериться, что тело отца этого молодого человека все еще на месте своего погребения в трясине, — мрачно обронил Солар Понс.

Мисс Гримстоун вздрогнула и изменилась в лице:

— Очень может быть, мистер Понс. Но с учетом всех известных мне обстоятельств — правильно это или неправильно — мои симпатии оказались на стороне Джона Гримстоуна, стоило мне услышать его историю. Все эти годы я вдосталь пострадала от тирании моего дяди. И боюсь, мне не слишком жаль, что все так обернулось. Но я должна внести некоторую ясность: я ничего не знала о призраке и о том, что в точности замышляет Джон Гримстоун.

— Я никого из вас и не обвиняю, — откликнулся Солар Понс. — А Сайлас Гримстоун непременно убил бы молодого Гримстоуна, если бы болото не поглотило его.

— Я помогала Джону Гримстоуну в осуществлении его мести, — решительно заявила мисс Гримстоун. — Информировала его о передвижениях старика и о том, когда он собирается выйти на улицу. Мы надеялись, что он во всем сознается.

— Ни слова больше, — остановил ее Солар Понс. — Думаю, следует все оставить как есть.

И мисс Гримстоун, и молодой человек с удивлением посмотрели на моего компаньона.

Джон Гримстоун с трудом вернул себе дар речи:

— Не вполне уверен, что понимаю вас, мистер Понс.

— Я не вправе судить о моральной стороне дела, мистер Гримстоун, — сказал Солар Понс. — Пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов. Я убежден в правдивости вашей истории и в том, что правосудие свершилось.

Мисс Гримстоун глубоко вздохнула:

— Вы хороший человек, мистер Понс.

Солар Понс в ответ только улыбнулся:

— Давайте посмотрим на дело проще, мисс Гримстоун: скандал никому не нужен. Когда прибудет полиция, я сообщу, что Сайлас Гримстоун исчез на болоте. Будут организованы поиски, но там, естественно, ничего не найдут. Поблуждают дней семь по болотам, и только.

Все снова замолчали. Затем мисс Гримстоун протянула Солару Понсу руку.

— Я лично позабочусь о том, чтобы ваши услуги были оплачены, мистер Понс. — Повисла неловкая пауза. — Это Провидение, мистер Понс. Молодой человек был грабительски лишен наследственной доли отца. Мы не можем компенсировать ему смерть его батюшки или все пережитые им страдания, но я, как наследница Сайласа Гримстоуна, могу вернуть принадлежащую ему по праву половинную долю компании, а также предложить разделить со мной этот кров. После моей смерти все имущество и фирма отойдут ему, так как у меня нет других родственников.

— Вот оно торжество справедливости, Паркер! — заявил Солар Понс. — Неисповедимы пути Господни!

И больше он уже к этой теме не возвращался.

КИМ НЬЮМАН

Семь Звезд

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ хлопоты с БЭРРИМОРОМ

Сыщик¹

Этот частный детектив работает на захудалых улочках Лос-Анджелеса Раймонда Чандлера. Он не похож на Филиппа Марло, каким его изобразили Хэмфри Богарт и Дик Пауэлл, а скорее напоминает Эда Бишона, который сыграл Марло на Радио-4 BBC в 1970-х годах.

Сыщик, как называет Ньюман этого персонажа, впервые появился в «Большой рыбе» (*The Big Fish*, «Interzone-76», 1993), где также фигурируют Эдвин Уинтроп и Женеви́ева Дьедонне², ставшие затем героями «Семи Звезд». Сыщик Марло, придуманный Раймондом Чандлером, впервые выведен в романе «Глубокий сон» (*The Big Sleep*, 1939).

История про Эррола Флинна и труп Джона Бэрримора рассказана в нескольких взаимодополняющих источниках. Впервые Ньюман наткнулся на нее в книге Отто Фридриха «Город сетей» (*City of Nets*, 1986). Агент Финлей до этого упоминается в повестях «Большая рыба» (*The Big Fish*) и «Охота Маккарти на ведьм» (*The McCarthy Witch Hunt*, 1994).

Всякий, кто достаточно интересуется паранормальными детективами, чтобы прочесть эту книгу, узнает тесную компанию, собравшуюся в доме Уинтропа.

¹ «Сыщик» — кинофильм.

² Женеви́ева Дьедонне — центральный персонаж цикла «вампирских романов», написанных Кимом Ньюманом под псевдонимом Джек Йовил.

- Вы частный детектив? — спросил маленький пучеглазый человечек с голосом Питера Лорре. — Да?

— Имею так написано на вывеске, — подколол его я. Мой гость нервно прошелся перед дверью офиса, натужно хихикая. Он и *был* Питером Лорре.

— Вам можно доверять в конфиденциальном деле?

— Если бы и нет, возможно, я бы не устоял перед искушением соврать.

Его хихиканье перешло в смех. Смех, которым он обычно смеялся, когда мучил кого-нибудь. Это заставляло людей нервничать.

— Я должен был сообразить. Вы умный парень.

— В моей работе честность иногда помогает. Не будь я честным, выглядел бы мой офис так?

Лорре оглядел мою картотеку, оценил шипящую неоновую вывеску, установленную на улице, слишком близко от моего окна. Солнце уже село, и ночная публика поднималась со своих раскладушек и выползала из нор. Мое рабочее место не слишком похоже на стильные апартаменты Богарта из «Мальтийского сокола»¹. С другой стороны, Сэм Спейд был детективом в Сан-Франциско.

— Мне рекомендовала вас Джаней Уайлди.

Понятно. Они вместе участвовали в картине мистера Мото два года назад, когда Голливуд мог снимать фильмы про японских хороших парней. Я не видел Джаней с того момента, как три месяца назад вернул ей пропавшего ребенка. Она обратилась ко мне по причинам, о которых я не хотел думать, по причинам, которые не соответствовали моим представлениям о том, как устроен мир.

И раз она прислала главного садиста звукового кино в мой офис, то у меня возникло подозрение, что мир готов вот-вот выкинуть очередной фортель. Однажды я уже перешел эту черту, отделяющую место, где тайны разгадываются, а трупы остаются в могилах, от мира из журнала «Истории о сверхъестественном».

¹ «Мальтийский сокол» — культовый фильм, снятый в Голливуде в 1941 г. по одноименному роману Дэшила Хэммета. Хэмфри Богарт играет там сыщика по имени Сэм Спейд, а актер Питер Лорре — проходимца Кайро.

— На меня произвели большое впечатление рассказы Джаней о вашем умении отыскивать и возвращать пропавших людей.

Помимо всего прочего, я вернул ей ее ребенка. Надо думать, это сделало меня героем. Она щедро вознаградила меня, но из-за войны и всего такого город позабыл устроить в мою честь парад и выдать мне ключ от женской раздевалки.

— Кто ушел из дому? — спросил я, надеясь вывести Лорре из состояния кокетливой болтливости.

— «Ушел» — не самое подходящее определение. Вы, без сомнения, слышали про Великий Профиль, Джона Бэрримора.

Он произнес: «про-филь», что, судя по тому, что я слышал про Принца Джека¹ — не столь уж не соответствовало истине.

— Он умер на прошлой неделе, — сказал я.

Ужасно жаль. Я никогда не встречался с этим человеком, но у него был великий талант, который он пропил. Трудно было ничего не почувствовать² на этот счет.

— Надеюсь, вы не хотите, чтобы я расследовал убийство. Это дело копов, и я охотнее предоставляю это им. Кроме того, я слышал, что мистер Бэрримор умер от того, что лучше было бы назвать естественными причинами.

Лорре пожал плечами:

— Джон Бэрримор мертв. Насчет этого сомнений нет. Мертв, как карьера Сессю Хаякавы. Но он-то и есть пропавшая особа. Я хочу, чтобы вы нашли его и вернули в морг братьев Пирс на бульваре Сансет. За это я заплачу сто долларов.

— За это вы будете платить двадцать пять долларов в день. Плюс издержки. У меня твердая такса.

Лорре развел руками и опустил плечи, принимая мои условия.

— Кто-то похитил тело Бэрримора?

¹ Джек (Jack) — уменьш. от Джон (John).

² Игра слов: profile — профиль; pro-feel, feel — чувство, почувствовать.

— Прискорбно, но это так. Мне стыдно признаться, что этот «кто-то» — я. Не считайте меня бесчувственным. Я европеец и пока еще не привык к жестокостям здешней особой культуры. Меня побудила к этому поступку вполне почетная особа, человек, обладающий качествами отца, — режиссер Рауль Уолш.

— Будучи любителем психологии, я годами занимался глубоким самоанализом. Я распознал в себе прискорбную потребность — стремиться под власть патриарха. Это общая слабость европейцев — наиболее трагично проявившаяся в пизкопоклонстве перед Гитлером. Он предложил мне высокую должность в киноиндустрии Рейха, невзирая на мое «пеарийское», венгерское происхождение. Я в ответ телеграфировал ему, что в Германии хватит места лишь для одного столь талантливому и масштабному убийцы, как он или я.

— Я отвлекся. Простите. Это от неловкости. Мистер Уолш, влиятельная личность, в чьей власти обеспечить мою карьеру, если он того пожелает, предложил мне присоединиться к нему и жестоко и грубо подшутить над его другом, мистером Эрролом Флинном.

Рассказывая, Лорре расхаживал по моему крошечному офису, брал вещи и клал их на место, словно выполняя указания режиссера. Интересно, понимал ли он, после столь долгих лет самоанализа, что повторяет свою же игру в «Мальтийском соколе».

— Мистер Флинн был сильно огорчен смертью мистера Бэрримора. У него, подобно мне, тоже имеется склонность обоготворять людей, олицетворяющих качества отца, и, очевидно, в Бэрриморе он видел конечный результат самоуничтожения. Он организовал помишки¹ в «Петухе и быке», баре, обслуживающем большинство театральных алкоголиков. Джон Кэррадайн читал отрывки из «Гамлета». Дэвид Нишен рассказывал сомнительные анекдоты. Было выпито огромное количество спиртных напитков. Сам Флинн говорил о гениальности и трагедии Бэрримора. Он очень сильно ошья-

¹ В Ирландии поминки справляются над гробом с телом покойного перед погребением, а не после.

нел, и у него случился приступ меланхолии. По этому поводу мистер Уолш предложил некую ужасную и грубую шутку, которую мы поспешили привести в исполнение.

Лорре умолк. Я улавливал, о чем идет речь. Работая в Голливуде, поневоле привыкаешь к громким именам.

— К концу вечера Флинн был не в состоянии самостоятельно добраться до дому. Договорились с таксистом. С пьяных глаз Флинн с трудом открыл входную дверь, зажег свет и оказался нос к носу с Джоном Бэрримором, ненабальзамированным, развалившимся в кресле у него в прихожей. Должно быть, впечатление было не из слабых.

Видите ли, пока Флинн пил, мы с Уолшем тихонько покинули «Петуха и быка» и направились в морг, где подкупили служителя. Мы взяли на время тело и перевезли его через весь город в машине Уолша, залезли в дом Флинна и подложили труп туда, где хозяин должен был обнаружить его. Вообразите, какое это было жуткое зрелище. В лунном свете трупы имеют нездоровый мертвенно-бледный цвет. А лицо Бэрримора, теперь безжизненное, выглядело оплывшей маской его прежнего лица. Просто-таки гротескное зрелище.

Такое случается чаще, чем вы думаете. Как сказал Лорре, Голливуд — особый город. Люди ниоткуда на несколько коротких месяцев возносятся к богатству и славе и вновь исчезают в никуда. У всякого короля есть своя свита из прихлебателей, шутов, убийц, фанатов, колдунов и куртизанок.

— Значит, тело Бэрримора в доме Флинна? — сделал вывод я. — Почему бы вам попросту не пойти туда и не забрать его обратно? Флинн, должно быть, до сих пор лежит без чувств.

Лорре снова улыбнулся. И меня удивили его плохие зубы.

— Естественно, таков был наш план. Но, вернувшись туда сегодня на рассвете, мы обнаружили, что дверь дома раскрыта настежь, кресло перевернуто и нигде нет никаких признаков ни Флинна, ни трупа. Члены нашей компании весь день обшаривали все мыслимые пристанища зла и порока, но теперь наши поиски зашли в тупик. Было решено,

что надо нанять вас, чтобы привести эту печальную историю к скорому и благополучному завершению и — что самое главное — чтобы все это не получило огласки.

Я чувствовал, что под всей этой иронией и своим загадочным сценическим имиджем Лорре испытывает изрядное отвращение к тому, что он сделал. И к тому же девяносто девять из ста актеров в этом городе поцеловались бы с прокаженным, предложи им это такая шишка, как режиссер Уолш. Если отбросить все эти «образы отца» и «идолопоклонства», то это вполне разумно — потешить того, кто может сделать из пьяного тасманийского красавчика звезду экрана Эррола Флинна.

— Вы думаете, труп все еще у Флинна?

Лорре снова пожал плечами:

— Скорее всего. Разве что их обоих похитила какая-нибудь другая компания.

— Вы оставили кого-нибудь в доме Флинна? На случай, если тот вернется?

Лорре кивнул:

— Разумеется. Мистер Уолш взял это на себя и принял достаточно разумные меры. Он человек действия.

Лорре дал мне сто долларов в качестве предварительного гонорара. Это были пяти- и десятидолларовые купюры в пятнах от виски плюс несколько мятых однодолларовых, наверно собравших по кругу в баре. Я представил себе Уолша, у которого просто нет при себе достаточно мелкой купюры, чтобы внести свою лепту.

Мы пожали друг другу руки. Я заполучил клиента. Дело. И головную боль.

— Эй, ты, а ну стоять!

Длинноногая фигура, закутанная во тьму (и в плащ), торчала в дверях дома Эррола Флинна, грозно метя рапирой мне в нагрудный карман. У него были волосы до плеч и борода, как у Буффало Билла. Глаза его слезились с перепоя. Я узнал Джона Кэррадайна.

— Я детектив, — сказал я. — Меня прислал Питер Лорре.

Он отступил и отсалютовал, шлепнув рапирой по своему длинному носу.

— Входите смело, дружище. Должно быть, вы достойный служитель высшей справедливости.

Флинн жил в большом доме на Малхолланд-драйв. Я был наслышан всякого и ожидал увидеть нечто в стиле будуара, все в бархатных занавесях и изображениях маленьких, пухлых, обнаженных человечков на маленьких, пухлых, гладких подушках. На самом деле дом был оформлен на удивление со вкусом.

У него даже были книги. Не просто какие-то корешки, приклеенные друг к другу, чтобы замаскировать дверь в потайной коктейль-бар. Не подпольно изданная порнография с роскошными иллюстрациями. Настоящие книги таких ребят, как Шекспир, Скотт, Стивенсон и Конрад.

В прихожей лежало на боку кресло. Я представил себе его стоящим, с распростертым в нем мертвым актером. Не самая привлекательная картинка.

Пока я осматривал место преступления, Кэррадайн скакал вокруг, будто пугало на веревочках. Как и Лорре, он знал свою роль. Другие могли быть Гамлетами или Клавдиями, но он был создан для Горацио и Озрика. Он знал, когда вставить «тьфу ты, пропасть» или «записка, сир!», и мог скрестить мечи с лучшими из лучших. В данный же конкретный момент он путался у меня под ногами сверх всякой меры.

Вариантов было два. Флинн забрал тело и сбежал либо в приступе безумия, либо желая в свой черед подшутить над Уолшем. Или кто-то вторгся сюда и похитил их обоих.

Вообще-то, был еще и третий вариант. Три месяца назад я уже исключил его. Но на превращенном в казино и покинутом корабле посреди залива мое представление о мире перевернулось. Быть может, Бэрримор воскрес и забрал Флинна с собой в мир мертвых. Для Флинна Бэрримор мог быть таким Джейкобом Марли¹. Судьба которого жутко правдоподобным образом предсказывала конец, ожидающий младшего из мужчин в финале избранного им пути. Мог ли Флинн оставаться спокойным теперь, когда ему продемон-

¹ *Джейкоб Марли* — призрак покойного компаньона мистера Скруджа из «Рождественских повестей» Ч. Диккенса.

стрировали гибельные последствия пьянства, которые, вероятно, ожидают и его, если он не изменится?

Нет. Ничего подобного не было.

В книгах и фильмах сверхъестественное оправданно. Привидения прочили Скруджа¹. Мой опыт говорит, что из неизяснимого никаких уроков извлечь нельзя. Как в комиксах, рояли порой падают с небес на головы, расплющивая случайно подвернувшихся людей в лепешку.

Нет смысла пытаться отыскать во всем этом смысл. Если Бэрримор влачит сейчас свои мертвые поги по Голливудским холмам, будто Том Тайлер в «Руке мумии», то разве это большее безумие, чем идея подкинуть труп кумира публики в прихожую кинозвезды просто ради смеха?

Я осмотрелся, ища улики. Дверь была взломана, свежим деревом в том месте, где был выбит механизм замка. Это не вязалось с тем, что рассказал мне Лорре.

— Когда они тащили сюда тело, как они попали внутрь?

Кэррадайн склонил голову набок, приняв классическую позу, призванную изобразить перед публикой раздумье.

— Французские окна в задней части дома, — сообщил он.

Лорре говорил мне, что Флинн пришел домой и, будучи сильно пьяным, отпер входную дверь. Но Лорре здесь не был. Он представлял себе картину со слов Уолша. Может, Флинн так напился, что решил не мучиться с ключами и сломал собственную дверь?

Это зависит от того, насколько он был пьян. Если он так надрался, что не мог вставить ключ, скорее всего, он был бы физически не способен выбить дверь — это просто сделать в кино, но не в жизни, даже будь ты капитан Блад и Робин Гуд, вместе взятые. В любом случае более вероятно, что Флинн обошел бы вокруг дома и легко попал внутрь через французские окна (как продемонстрировали похитители трупов во главе с Уолшем) или попросту предпочел бы проспать в саду.

Я внимательно осмотрел замок. Он был взломан профессионально. Должно быть, орудовали мощным рычагом.

¹ *Скрудж* — герой «Рождественских повестей» Ч. Диккенса; перен.: скряга, брюзга.

А черная вмятина выдавала, что здесь не обошлось без помощи лома.

Итак, кто-то взломал дверь после Уолша. Кто-то, хорошо умеющий вскрывать замки, но не слишком обремененный понятиями о праве собственности.

Я попробовал восстановить события, пересекая прихожую Флинна и представляя себя пошатывающейся кинозвездой.

Засыпая на ходу, он добредает до своей двери и обнаруживает, что она взломана. Лорре, воссоздавая картину, полагал, что Флинн столкнулся нос к носу с мертвым Бэрримором. Возможно. Но сломанный замок должен был пасторожить его. Такое доходит даже до самых пьяных мозгов. Он осторожно вошел в прихожую, воображая себя героем фильма, слишком пьяный, чтобы вести себя осмотрительно и боязливо, как поступил бы любой другой, не возомнивший о себе столько, сколько Эррол Флинн.

Стоя в его прихожей — нечто вроде вестибюля между дверью и холлом, — я размышлял. Возле двери стоял стол. На нем в чаше лежали связка ключей, зажим для денег, изрядно набитый банкнотами, и часы стоимостью пятьсот долларов. Войдя в дом, Флинн совершает ритуал освобождения от этих вещей, в то же время пытаясь смутно размышлять о сломанной двери. Таится ли внутри дома опасность?

Я вышел из вестибюля и протянул руку, коснувшись выключателя, которым он, должно быть, щелкнул. Я выключил свет, потом снова включил.

Свет должен был ослепить Флинна.

И что он видит?

Конечно, Бэрримора. Быть может, шутка Уолша удалась, и Флинн охвачен ужасом при виде призрака. Одутловатого, обескровленного трупа.

Но кто-то еще — и, скорее всего, не один — находится здесь со своей собственной целью. Вероятней всего, недоброй. В этом месте так и смердело злом.

— Подгнило что-то в Датском королевстве, — дал я профессиональное заключение.

— Вы совершенно правы, дружище, — глубокомысленно кивнул Кэрралайн.

По пути в морг братьев Пирс я размышлял об этом деле. Самым вероятным и удобным решением, как бы смехотворно это ни звучало, было предположить, что в силу простого совпадения Уолш вздумал сыграть свою шутку именно в ту ночь, когда какие-то совершенно не связанные с ним воры решили проникнуть в особняк Флинна. Воры были немало изумлены, обнаружив Бэрримора, а их, в свою очередь, застал врасплох возвращающийся Флинн, и они бежали с места происшествия, прихватив с собой и живого, и мертвого.

Не пойдет. Как бы ни были они науганы этой историей с трупами, я не мог представить себе воров, которые специализируются на домах богатых и известных людей, но оставляют нетронутыми несколько тысяч долларов и дорогие часы. От воров-профессионалов такой оплошности не дожденся.

Это означало, что два вторжения в дом Флинна связаны между собой. Второе стало следствием первого. Неведомые особы явились за телом Бэрримора.

Я подумал насчет наиболее фанатичных поклонников. Всех тех женщинах, которые предположительно кончали жизнь самоубийством, когда Господь Бог прибрал Валентино¹. С подступающей к горлу тошнотой я припомнил шепотки насчет продажных служителей морга, за взятки позволяющих гнусным зевакам глазеть на тела звезд и даже трогать их. Насчет трупа Джин Харлоу², например, ходили истории, которых вообще лучше не знать.

Это была Калифорния, главный центр всяческих культов. В основном их исповедывали горстки безвредных чу-

¹ *Рудольф Валентино* (1895—1926) — актер, танцовщик, звезда немого кинематографа. Экзотическое амплуа рокового страстного любовника, эффектная внешность и, в немалой степени, ранняя смерть актера сделали его одной из легенд Голливуда; его нередко называли Великий любовник экрана. После смерти актера по многим странам прокатилась волна самоубийств среди его поклонниц.

² *Джин Харлоу* (1911—1937) — актриса, славившаяся своей красотой. Одна из первых голливудских секс-символов.

даков, но были и другие — у меня остались бросающие в дрожь воспоминания об Эзотерическом Ордене Дагона в Бей-Сити, — которые были исключительно опасны.

Может быть, какой-нибудь сдвинутый почитатель Бэрримора из таких вот раздобыл достаточно листьев *тана*, чтобы вернуть его из мертвых для еще одного, последнего, тайного представления?

Был славный весенний вечер. Опустив стекла в «крайслерс», я мог вдыхать ароматы цветущих анельсиновых деревьев и бензина, принесенные лос-анджелесским ветерком. Конечно, шла война. Но войны были всегда.

Морг оказался одноэтажным сооружением, щедро украшенным лепниной. На тротуаре перед ним росло несколько пальм. Рядом стоял шатер, по-видимому, в знак подготовки к большим похоронам. Бэрримор, который несколько последних лет бывал рад получить работу во второсортных фильмах типа «Бульдог Драммонд»¹, снова был во главе списка, его имя было набрано большими черными буквами. Меньше всего звезда хотела возглавить именно этот биллинг². Хотя когда умрет Кэррадайн, хорошо еще, если его удостоят упоминания в списке «Также скончались», вывешенном на дверях.

Есть такой паренек, который в кино всегда играет слугителей моргов. Маленький, толстый, лысый, рябой тип, с голосом, напоминающим голос Карлоффа³, чьи глаза загораются всякий раз, как он думает о славной, холодной могиле. Его зовут Милтон Парсонс.

Готов поклясться, он тайком подрабатывает у братьев Пирс. Милтон Парсонс (или его очень удачная копия) сидел за стойкой, будучи коридорным этого мавзолея, и читал специальный журнал для организаторов похорон. Автор статьи возмущался нехваткой материалов для гробов, поскольку основную часть пиломатериалов и латуни заби-

¹ «*Bulldog Drummond*» — детективный кинофильм категории «Б».

² *Биллинг* — расстановка имен актеров на печатной продукции, относящейся к спектаклю, — афишах, программах, рекламе; зависит от статуса и престижа актера.

³ *Борис Карлофф* — прославился в роли чудовища Франкенштейна.

рает военная экономика. Вполне в духе нашего правительства — осложнять работу владельцев похороших бюро и в то же время снабжать их все большим количеством трупов, не так ли?

Я показал ему свой значок. Это очень впечатляет.

— Я насчет Бэрримора, — сказал я.

Мне не нужно было спрашивать, не он ли был тем самым служащим, которого подкупил Уолш. Парень сглотнул, так что кадык перекатился поверх воротника-стойки. Вид у него был самый виноватый, лицо сделалось землистого цвета.

— Мистер Уолш заверил меня... — начал он.

— Все в порядке, приятель. Сейчас война. Правилам следовать необязательно.

Он улыбнулся, продемонстрировав здоровенные до жути зубы, что делало его лицо еще больше похожим на череп. Интересно, подумал я, сколько он брал за разрешение пощупать Джин Харлоу. Потом я постарался вернуть свой желудок на место.

— Проявлял ли кто-нибудь еще необычный интерес к мистеру Бэрримору?

Глазки его заблестели.

— Куча народу звонила с выражением соболезнований. Несколько директоров киностудий...

Ни один из которых не взял бы его на работу в последние недели.

— ...и невероятное множество дам.

На рубеже веков Бэрримор славился своими похождениями.

— Если можно так сказать, становится весьма затруднительным, что звезда не появляется на сцене. Дублер тут не годится, — намкнул я, глядя копии Парсонса в глаза.

— Я делаю все возможное, чтобы вернуть его обратно.

— Хотелось бы надеяться.

Мне представилось, как Бэрримор смеется. Где бы он ни был.

— После того как Уолш забрал его, кто-нибудь еще проявлял к нему *настоящий* интерес?

— О, все!

— Я имею в виду, *необыкновенно настойчивый*. Группы людей, не отдельные скорбящие. Возможно, в компании каких-нибудь здоровяков, шофера или телохранителя.

Я думал про того, кто взломал дверь.

— Может быть, сдвинутые на оккультизме. Знаете, такие жуткие тишны?

Он задумался. И передернулся.

— Да, сэр. Действительно. Похожие группы обращались. Две.

Я закрыл рот.

— Две?

— Вскоре после ухода мистера Уолша и мистера Лорре какой-то ирландец хотел, чтобы ему позволили взглянуть на труп. Предлагал хорошее вознаграждение.

Должно быть, этот парень крепко пожалел, что согласился на первое предложение.

— Он ужасно разбушевался, когда мы не смогли договориться. Его сопровождали два странных типа. Я не слишком-то разглядывал их, но что-то мне показалось в них *не так*. У меня создалось впечатление, что они были слишком надушены. Может быть, чтобы скрыть другой запах.

— Этот ирландец. Полагаю, вы не узнали его имя?

Служитель покачал головой. Ему не доставляло удовольствия вспоминать эту встречу. Я подвел его к чему-то, что пугало его.

Меня охватило ощущение азарта и тревоги одновременно.

— А он не сказал вам, как с ним связаться, когда тело вернут, чтобы вы все-таки могли подзаработать?

Служитель застыл и умолк. Я все понял по нему.

— Вы рассказали ему про Уолша. Сказали, у кого тело. Он заплатил вам.

Он не стал отрицать.

— Вы сказали, что Бэрримор в доме Эррола Флинна.

— Нет, — сознался он. — А что, он в самом деле там?

— На сколько Уолш опередил этого Таинственного Незнакомца?

— Примерно на час.

Ирландец не мог выследить Уолша. И все же каким-то образом он вышел на Бэрримора. Может, на теле мертвого актера было что-то вроде радиомаяка?

Час от часу не легче.

— А вторая группа? — спросил я. — Вы сказали, им интересовались две подозрительные компании.

— Я им ничего не сказал.

— Значит, они не заплатили. Кто это был?

— Англичанин, женщина, говорившая с французским акцентом, и американец, утверждавший, что он из федеральной службы. Говорил в основном англичанин. Он оставил свою карточку.

И комбинатор из мертвецкой ловко подбросил ее в воздух. Я не стал лезть в карман. Незачем было добавлять к издержкам еще и взятку.

— А что, братья Пирс всё еще владельцы морга? — поинтересовался я. — И известно ли им про ваш побочный промысел?

Служитель насупился и, будто фокусник, выхватил карточку из пустоты. Он подал ее мне.

Не успев даже прочесть, я уже знал имя.

ЭДВИН УИНТРОП. КЛУБ «ДИОГЕН». ЛОНДОН.

К делу Джаней Уайлди он тоже имел отношение, вместе с француженкой, которую звали Женевьева Дьедонне, и федералом по имени Финлей. У меня сложилось впечатление, что сферой профессиональных интересов Уинтропа является мир, так живописно изображенный в журнале «Истории о сверхъестественном».

На обратной стороне карточки значился номер телефона.

— Поскольку о деньгах речи не было, вы не сказали Уинтропу про ирландца, верно?

Служитель уставился на свои башмаки. Я почти восхищенно покачал головой.

Если Эдвин Уинтроп и удивился, услышав меня, то его ровный, непринужденный тон ничем этого не выдал. Я упомянул, что разыскиваю недавно умершего актера и что его имя всплыло в ходе расследования.

— В таком случае подъезжайте лучше сюда, побеседуем. Мы окопались в Колдуотер-Каньон. Всего в паре домов от Бориса Карлоффа.

Он рассмеялся. Если тут замешан еще и Бела Лугоши¹, значит, все экранные страшилища в сборе. Такое кино не в моем вкусе.

Я записал адрес, это оказалось на Бомонт-драйв.

— Будьте осторожны, — посоветовал мне Уинтроп. — Дело принимает несколько неприятный оборот. Пришлось предпринять целую кучу мер, чтобы обвести вокруг пальца японцев.

Это я знал.

Я катил к Колдуотер-Каньону. Похоже, это занятие на всю ночь. Судя по всему, все участники этой истории спят исключительно днем, как Дракула. Кроме Бэрримора, но он, как предполагалось, спит теперь вечно.

Про Уинтропа я знал очень мало. Он занимал какой-то официальный пост, но никаких подробностей известно не было. Человека поджидает нечто, что хуже смерти, говорил Гамлет — и Джон Кэррадайн согласился бы с ним. Принцы и правительства всегда знали это и всегда делали все возможное, чтобы скрыть предмет своего знания от простонародья. Я понимал, что при всех правительствах должны быть люди вроде Уинтропа — или нашего собственного специального агента Финлея, — чтобы заниматься подобными вещами, осторожно и без публичной шумихи. Мне не хотелось думать, как много у них, должно быть, работы.

Я не заметил дом Карлоффа и не сразу отыскал убежище Уинтропа. Это была самая обычная улица. И самый обыкновенный дом. Слуга-филиппинец провел меня в патио, где вокруг бассейна сидели несколько человек. Луна светила ярко, и единственным искусственным светом были огоньки сигар и сигарет, похожие на светлячков.

¹ Бела Лугоши (1882—1956) — актер театра и кино. Славу ему принесло исполнение роли графа-вампира сначала на сцене (1927), затем в знаменитой картине, ставшей классикой фильмов ужасов, — «Дракула» (1931).

Уинтроп был в белом смокинге и курил кубинскую сигару в добрый фут длиной. На коленях у него, довольно щурясь, устроился черный кот. При виде меня Уинтроп улыбнулся.

Женевьева Дьедонне, одетая во что-то серебристое и обтягивающее, говорящее о том, что ей нипочем легкая ночная прохлада, изящно поднялась с откидывающегося кресла и одарила меня ослепительной улыбкой. Она сказала, что рада видеть меня снова.

Судя по хмыканию еще одного знакомого мне мужчины, специального агента Финлея, он был не согласен со своей французской коллегой. Финлей махнул мне ладонью, в последний раз затянулся дгорающей сигаретой и закурил следующую.

Вокруг бассейна находились и другие люди. Я решил бы, что у них вечеринка, но единственным напитком, насколько я мог видеть, был чай, поданный в чашках не лучшего фарфора. Все это напоминало собрание, и, как я догадался по слегка наэлектризованной атмосфере, весьма важное.

Уинтроп представил меня собравшимся.

Бегемотообразный тип, чей вес едва выдерживал усиленный шезлонг, назвался судьей Кейтом Персивантом, юристом, о котором я никогда не слышал, но он приветствовал меня с красноречием южанина. Он был в широком плаще и широкополой шляпе и мог бы сойти за Кэррадайна, раздутого до размеров дирижабля. Еще там присутствовали парень по имени Фанстон, академик Леффинг, маленький француз, чье имя я не расслышал, врач, которого звали Сайленс, и тип, в чьем имени слишком часто звучало «гс», чтобы ему можно было доверять.

— Вы слышали про Камень Семи Звезд? — спросил Уинтроп.

Скаковая лошадь?

Уинтроп рассмеялся и почесал кота под подбородком.

— Нет. Драгоценный камень. Одно из сокровищ Древнего Египта. Предмет, имеющий огромное значение для оккультизма.

— *Not d'un mot*, — выругался француз. — Паранормальная бомба неизмеримой мощности.

— Осмелюсь предположить, что он у кого-то другого и вы хотите заполучить его?

— Вы прямо-таки видите нас насквозь, — усмехнулся Уинтрон.

— Для военных нужд, — сурово уточнил Финлей.

— Мы теперь забрасываем японцев алмазами?

Как ни странно, никто не засмеялся. Мне стало не по себе. Как забавно ни выглядела эта компания, но насчет этого своего мифического камня они были настроены крайне серьезно.

— Может случиться, — сказала Женевьева, — что война будет проиграна.

— В этом деле против нас выступает группа очень опасных личностей, — пояснил Уинтрон.

— Ирландец? — наудачу спросил я.

— Вы правы. Да, Беннет Маунтмейн — человек, за которым надо присматривать. Негодяй почище своего дядюшки, если такое возможно.

Беннет Маунтмейн. Я узнал его имя.

— Из Ирландии его выжили священнослужители. Он же продолжает утверждать, что он законный король и прочую подобную чушь. Мы знаем, что он болтался по скверным местам. Гаити, Трапсильвания, Берлин. Подобно свинье Кроули, работает на немцев. Близок с чокнутыми магами Гитлера. И он охотится за камнем.

— Мы полагаем, что у нацистов есть копьё Лонгина¹. Добавьте к нему Камень С семи Звезд, и они смогут побить Ковчег Завета². Чтобы справиться с ними, нам понадобятся бы Экскалибур и Святой Грааль.

— И Мальтийский сокол? — спросил я.

— О, это тоже реальный предмет. Он и поныне у рыцарей-тамплиеров. К настоящему времени он, возможно, и заряжен какой-нибудь из меньших сил. Нет нужды возиться с ним. Верно, Джиз?

¹ *Копьё Лонгина* (Копьё Судьбы, Копьё Христа) — пики, которой римский солдат Лонгин пронзил Иисуса Христа, распятого на кресте. Считается, что тот, кто владеет этим оружием, будет вершить судьбы мира.

² *Ковчег Завета* — позолоченный прямоугольный ящик из дерева акации, в который Моисей поместил две каменные скрижали с десятью заповедями. Величайшая реликвия и святая святых.

Парень с именем Джиз кивнул. У этих людей было свое запутанное секретное дело, в которое я влезать не хотел.

Возможно, по мне не скажешь, но я знаю, что такое копье Лонгина. Известное также как *дьявольское Копье*. А про Экскалибур и Святой Грааль слышали все. Из всего этого можно было сделать вывод, что за пюка предположительно этот Камень Семи Звезд.

— Камень у Маунтмейна, — прогудел судья Персивант. Голосок у него был такой, что мог переполюшить всех койотов в каньоне. — Все пропало.

— Может, камень и у него, — сказал Уинтроп. — Но это еще не все. Известно, что извлечь его из сосуда — дело сложное. Мы знаем, что это должно быть сделано на рассвете, в том самом загадочном Белом доме из пророчества. Дядя Маунтмейна не сумел этого сделать, вот почему мы здесь спустя столько времени. А последние двадцать лет изменили ауру камня самым неспостижимым образом. Подумайте, как жил Джон Бэрримор. Взлеты, падения, триумф, унижение, отчаяние. Какую роль сыграл в этом сам Бэрримор, а какую — камень? И как повлиял на средоточие магической силы весь этот *опыт*?

Уинтроп был взволнован, тогда как остальные члены компании — испуганы. Может, он был более проницательным, чем они. А может, сумасшедшим.

— Нам надо быть в Вашингтоне, — хмуро сказал Финлей. — Здесь мы эту штуку упустили. К рассвету мы должны быть там. В опасности может оказаться сам президент.

Он не убедил Уинтропа.

— Вашингтон у нас прикрыт. И Северная Африка. И *Мезон Бланш* в Новом Орлеане.

Финлей прикончил очередную сигарету.

— Этот камень, — уточнил я. — Вы говорите, он в сосуде?

Уинтроп с готовностью кивнул.

— Что это за сосуд?

— О, тело Джона Бэрримора, разумеется.

Около полуночи я снова сидел в своем офисе в Кахуэнга-Билдинг, обзванивая больницы и морги и выясняя, не занесло ли к ним лишнего покойника, до странности зна-

когого, если посмотреть на него в профиль. Самое подходящее занятие для детектива, чертовски нудное и бессмысленное при этом.

Кто-то — скорее всего, этот тип Беннет Маунтмейн — забрал Джона Бэрримора, а внутри Великого Профиля находится редкий и невероятно ценный камень. Конечно, если Маунтмейн вырезал «Семь Звезд», а тело выбросил где-нибудь на свалке, где я смогу найти его. Тогда я сумел бы достойно и в точности выполнить задание. Лорре ведь хотел получить обратно тело, а не какую-то мифическую бесценную шутовину, спрятанную внутри него.

Моя подозрительность еще не дошла до того, чтобы гадать, знал ли Лорре про Камень Семи Звезд. Злодеем-заговорщиком он был лишь в кино.

Покопавшись со звонками, я прошелся по нескольким барам, где околачиваются репортеры, и потратил часть денег Лорре на покупку выпивки и выкачивание информации. Вообразите себе газетчика, который вынужден торчать в Лос-Анджелесе, в то время как все приличные сочинители удрали отсюда, чтобы стать военными корреспондентами, и который к тому же еще и пьяница-полуночник.

Я знал таких парней немало.

Натолкнувшись на двойника Милтона Парсонса в пресловутом морге братьев Пирс, я гадал теперь, не удастся ли мне повстречать подходящего стукача, брызжащее слюной подобие Элайши Кука-младшего, хитрого маленького человечка с печальными глазами, знающего про план заговора и готового обменять его на душевную беседу. Разумеется, отыщи я Элайшу, это, скорее всего, закончилось бы, к примеру, его ужасной смертью уже сегодня на рассвете.

Но такое получается не всегда.

Никто даже не слышал про Беннета Маунтмейна.

Я вернулся в свой офис около трех и обнаружил, что меня ждут. Я сам угодил прямоком в засаду. Кулак врезался мне в живот еще до того, как я успел снять шляпу. Кто-то попытался, не расстегивая, стащить с меня плащ, дернув его с плеч вниз и превратив в импровизированную

смирительную рубашку. Когда меня связывали, я слышал, как трещит мой щегольской макинтош.

Оказалось, что злодеи — два бледнолицых головореза в потрепанных пальто. От них смердело, как от тигуанских шлюх, но в них не чувствовалось ничего от гомиков. Этим запахом они заглушали другой запах. Знакомая песня.

В мосм кресле сидел мужчина с пистолетом. Это был хороший пистолет, автоматический. Мужчина продемонстрировал его мне, не целясь никуда конкретно, крутя за спусковую скобу. Мне удалось заметить, что он снят с предохранителя. Мой посетитель был готов совершить то, что принято называть загадочным убийством в запертой комнате.

— Я ждал двадцать лет, — сказал мой гость.

У него был ирландский акцент, мягкий, но зловещий. Я знал, кто он, но не стал этого говорить.

— А прежде мой дядя положил на это всю жизнь. Быть так близко от цели и упустить ее. Ты хоть представляешь, глупый детективилка, на что может толкнуть человека такое разочарование?

Я как раз пытался что-нибудь сообразить, когда пистолет выстрелил. Пуля ударилась в мой шкаф для картотеки, оставив на нем вмятину и заставив полупустую штуку звенеть, будто колокол в форме гроба. Потом она срикошетила в мою сторону и угодила в мясистое плечо одного из державших меня.

Тот не издал ни звука. Даже не шелохнулся. Я увидел, как по его рукаву стекает медленная струйка темной крови. Полное отсутствие реакции пугало.

Теперь Маунтмейн прицелился. В меня.

— Где он? — спросил он.

— Теперь я скажу: «Я не знаю, о чем вы говорите», а вы усмехнетесь: «Конечно знаешь, глупый детективилка», — мне понравилось это выражение, — и час-другой станете пытаться выбить из меня это. Ошибка этого плана состоит в том, что я действительно не знаю, о чем вы говорите.

Почему бы и не попробовать?

— Ты работашь на клуб «Диоген», — презрительно усмехнулся он.

Его излюбленным выражением лица была усмешка.

— Я работаю на мистера Мото.

Он не снел выстрелил в раненого им человека. На этот раз он всадил пулю ему в лоб. Шляпу сдуло с головы багровое облако. На что бы ни был сейчас похож Джон Бэрримор, этот приятель выглядел еще хуже. Дырка между бровей со стекающей из нее струйкой крови его не красила.

— Это тот, на кого я полагаюсь и кого, на некий странный манер, люблю, — сказал Маунтмейн. — А теперь представь, что я сделаю с тобой, кого я никогда не встречал прежде и кто мне решительно неприятен.

— Это, должно быть, имеет какое-то отношение к недавно умершему Милашке Припцу?

— Мне нужна эта золотая рыбка.

— И булыжник?

Усмешка Маунтмейна превратилась в оскал.

— Булыжник? Ты мог бы назвать это и так. Если бы был совсем дураком.

Я попытался пожать плечами. Не без труда.

Еще пять минут назад я полагал, что Бэрримор у Маунтмейна. Конечно, так же думал и Уинтроп. И ему было известно, чем закончится вся эта история, начала которой я не знал.

Но только не этим.

— У вас великолепная реакция, — сказал я. — Я начал наводить о вас справки два часа назад.

Маунтмейн презрительно отмахнулся от комплимента.

— Десять тысяч долларов, — сказал он. — Если приведу лишь меня к камню. Если нет, тебя подвергнут пыткам, пока не расскажешь все, что знаешь. Неопишущим пыткам.

— Меня еще никогда не подвергали описуемым пыткам.

— Американцы — суициды дети. Вечно вы острите. Но ты не знаешь, что значит острота по-европейски.

Он взял со стола мой нож для бумаг. Потом щелкнул зажигалкой, высекая пламя. Он держал ножик над огнем, глядя на меня поверх него.

— Я бы выбрал десять тысяч долларов, — сказал он.

— Вы ждали чего-то двадцать лет. Если бы после этого вы не устояли под пыткой, значит, вы не такой человек, каким кажется мне.

Он почти улыбнулся.

— Неглупый выпад. Действительно, я бы выдержал все. Но это потому, что я знаю, что стоит на кону.

Лезвие раскалилось докрасна.

— Вы, *ma cushla*¹, не знаете ничего.

Я попытался вырваться, но два головореза — или кем там они еще были — крепко держали меня. Маунтмейн встал. Он убрал зажигалку и плюнул на раскаленное лезвие. Раздалось шипение.

Мой офис находится на шестом этаже. За спиной Маунтмейна было окно, а за ним — назойливая неоновая вывеска. В верхней его части висело персвернутое вверх ногами лицо и струился водопад белокурых волос.

Я был впечатлен. Женестьева либо вскарабкалась наверх с улицы, либо спустилась с крыши.

Она, будто ящерица, скользнула по стене, в окне показались ее руки и туловище, и она запрыгнула внутрь, высадив стекло.

Маунтмейн обернулся, когда ее руки уже тянулись к его талии. Он ударил ее моим ножом для бумаг, и она перехватила лезвие голой рукой. Я почуял запах горелого мяса и услышал скворчащий звук. Она оскалила острые — неестественно острые — зубы и зашипела, но не вскрикнула. Маунтмейн отпрянул.

Он прокричал что-то на языке, которого я не знал.

Отпустив меня, громилы ринулись на Женестьева.

Офис был слишком маленьким для хорошей драки. Женестьева ухватила первого из головорезов, того, что был продырявлен, и вышвырнула в окно. Он камнем полетел вниз. Я ощутил, как содрогнулся дом, когда он шмякнулся о тротуар.

Другой бандит понятился.

Маунтмейн добрался до двери и легонько коснулся невидимой шляпы, насмешливо приказав еще что-то по-древ-

¹ Мой дорогой (*ирл.*).

неирландски или уж не знаю по-каковски. После этого он оставил нас наедине с громилой.

Этот экземпляр был покрупнее. Грудная клетка у него была площадью акр, а глаза, казалось, сделаны из белого мрамора. Женевьева скорчила ему рожу.

— Оно слишком давно находится здесь, — сказала она. — Связь начинает слабеть.

Я понятия не имел, о чем она говорит.

Кстати говоря, лишь теперь я заметил произошедшие в ней перемены. Она все еще была в вечернем наряде и даже залезла по стене на шпильках, но лицо ее сделалось другим, как будто заострилось. У нее были острые клыки и ромбовидные ногти-когти.

Мы паходились в мире потустороннего.

Женевьева вытянула перед собой раненую руку. Я увидел, как рубец съехался и исчез, не оставив на белой ладоши и следа. Громила качнулся к ней.

Она упала на колени, схватила ножик и вонзила ему в голову. Он замер, как статуя, но глаза его еще вращались. Затем громила с грохотом рухнул на дощатый пол и остался лежать на спине.

— Вы держите здесь еду? — спросила она.

— А что, пора поесть?

— Соль. Мне нужна соль.

Она угодила в точку. Я слишком часто перескусывал в офисе, работая сверхурочно. Запас основных продуктов был припрятан в нижнем ящике шкафа с документами, под напитками. Без лишних вопросов я отыскал наполовину опустошенный пакет с солью. Должно быть, она валялась здесь очень давно.

Женевьева хищно улыбнулась и взяла его, не отводя взгляда от громилы. Резким движением заостренного пальца она открыла ему рот. Потом она всыпала соль ему в глотку, заполнив ею весь рот, пока та не начала высыпаться обратно.

— Просить иглу с ниткой было бы уже чересчур. Есть у вас канцелярский степлер? Аптечка?

Была маленькая коробочка с таблетками и мазями. Она взяла бинт и забинтовала нижнюю часть головы громилы вместе с солью. Потом она поднялась.

Бандит задрожал и распался. Он разложился, превратившись в то, что мистер Эдгар Алан По описал когда-то как «тошнотворную гниющую массу».

— Зомби, — сплунула она. — Омерзительные существа.

Я вел машину, Женевьєва сидела рядом, забравшись на сиденье с ногами, как ребенок. Она болтала, я вставлял замечания, и мы пытались понять, что к чему.

— Должно быть, Бэрримор был у Маунтмейна, но тот потерял его, — сказал я.

— Скоро он снова окажется у него. Куда важнее, что у него окажется и камень. Я удивлена, что он взял на себя труд явиться к вам. Это говорит о нетерпении, которое ему не на пользу.

— Как он нашел Бэрримора в первый раз? Служитель морга не мог знать, куда Лорре и Уолли потащат его.

— Это мерзкое дело. Прорицание. Включает в себя потрошение кошки. Два раза за ночь — это уже чересчур, но я предполагаю, что, не сумев узнать то, что хотел, от вас он примется звать «кис-кис-кис» в каком-нибудь переулке.

— Он может найти Бэрримора, выпотрошив кошку?

— Магия. Фокус-покус. Но работает, знаете ли.

— Раз ставки столь велики, не могли бы вы найти кошку, желающую отдать жизнь ради военных нужд?

— Все не так просто. Чтобы это удалось, нужно по ушам погрязнуть в черной магии. А это скверная штука. Имеет длительные последствия.

— Но Маунтмейна это не волнует?

— Думаю, нет. Вот почему черная магия — большой соблазн. Легко продвигаешься вперед, а расплата наступает, когда уже слишком поздно.

— Вы кто, белая колдунья?

Она мелодично рассмеялась:

— Не болтайте глупостей. Я вампир.

— Дьявол, сосущий кровь, порождение ночи, проклятый *носферату*, неумерший обитатель гроба...

— Что-то в этом роде.

На том я от нее и отстал. Очевидно, спорить не имело смысла.

— А остальные ваши? Уинтроп и прочие?

— Боюсь, между нами есть определенные различия. Война вызвала к жизни странные союзы. Я испытываю к работе на правительство отвращение, которое на время забыто. Я следила за Камнем Семи Звезд с момента его повторного обнаружения. Эдвин — слуга короны. Клуб «Диоген» и его подопытные в странах союзников хотят завладеть «Семью Звездами», чтобы использовать его как военное оружие.

— Как камень может выиграть войну?

— Считайте его линзой. Он может фокусировать мощные разрушительные силы. Похоже, у него специфическая цель. Это средство уничтожения империй.

— Вроде Германии и Японии? Звучит неплохо.

— Не говорите так. Вы просто не поняли до конца, что это значит. Победить недостаточно. Вы должны победить, не запятнав себя, иначе вы просто копите долги, расплачиваться за которые придется следующим поколениям. Эдвин может дать этому рационалистическое объяснение; я не могу. Конечно, скорее всего, я окажусь в этом мире, чтобы пройти через то, с чем будущим поколениям придется мириться.

— Камень нужен Маунтмейну, чтобы помочь Гитлеру?

— И себе. Его род верит в судьбу. Он возглавляет некую организацию, именуемую Орденом Овна. Есть предсказание, что Овен будет повелевать последними днями мира. Знаете, кто такой Нострадамус?

— Предсказатель будущего?

— Вот именно. В своих смутных катрепах Нострадамус на удивление конкретно говорит про *Монт—Майнов*. Неожиданно выяснилось, что к ним относится выражение, пугающе созвучное с «тысячелетним рейхом».

— Тело у Эррола Флинна, — сказал я.

Она была молчалива и задумчива.

— Он единственный, кто остался в игре. Маунтмейн, должно быть, не принял его всерьез, этого пьяного героя. Тот забрал тело и сбсжал. Тогда Маунтмейн, должно быть, пересмотрел свое первое впечатление и предположил, что Флинн действовал по заранее обдуманному плану, а не паудачу. Он начал выискивать его союзников, и это должно

было привести к тому, кто суется по этому поводу, — ко мне.

— Он очись нравился мне в «Приключениях Робин Гуда», — сказала она. — «Не Нормандию ненавижу я, а несправедливость!»

— Но где Флинн? Какая досада, что ваш пророк не сказал, где нам его найти.

— Мишель Нострадамус не всегда бывал точен. Порой он не понимал, что увидел. Порой добавлял всякую чепуху. Он описал этот катаклизм, но его указание абсурдно. Он говорит, что камень отыщется в Белом доме. У Эдвина есть кто-то в Вашингтоне. А Финлей сейчас в самолете, летит наперсгонки с солнцем. На случай, если на рассвете камень вдруг перенесется через всю страну.

— *На рассвете?*

— Два часа спустя. В этом катрен вполне точен. Даже учитывая изменения в календаре с тысяча пятьсот пятьдесят восьмого года.

Я покачал головой:

— Белые дома есть и в Калифорнии.

— Честно говоря, это может означать все, что угодно. Пострадамус использовал выражение «Мэзон Бланш».

Я остановил машину. Мы находились возле киностудии «Уорнер бразерс». Дом родной для Лорре. И для Эррола Флинна. Предугранный свет уже превратил водонапорную башню в боевую машину марсиан.

Я рассмеялся.

Вот так это и бывает. Когда ты видишь, а больше — никто. Именно такие минуты и делают детектива.

— Это здесь, — сказал я.

— Откуда вы знаете?

— «Варьете». Отраслевое издание. Моя работа большей частью связана со студиями. Я в курсе дел в кинопроизводстве. В данный момент Питер Лорре снимается в фильме на «Уорнерс». С Хэмфри Богартом и Ингрид Бергман.

Женевьева была изрядно озадачена. Лицо ее снова сделалось лицом ищущего.

— Я не понимаю...

— Женестьева, фильм называется «Касабланка». Каса бланка. Мэзон бланш. Белый дом.

Она уставилась на студию, на павильоны звукозаписи.

— Не Белый дом в Вашингтоне и не город в Северной Африке. Здесь, «Касабланка», Голливуд.

Я въехал на территорию студии.

Там были лишь ночные сторожа да немногочисленные рано прибывшие или слишком задержавшиеся техники. Я спросил охранника в форме, не видел ли он Флинна. Тот не хотел отвечать.

— Я так понимаю, что у него запой, — сказал я.

Наконец охранник кивнул в сторону павильона.

— Должно быть, он сейчас отсыпается, — сказал охранник. — Он славный парень, и мы не против покрывать его. Все эти рассказы, что вы о нем слышали, ничего не значат.

Я поблагодарил его.

Я не смог сдержать легкого ликования, сообщая Женестьева, что был прав.

Мы поспешно прошли к павильону и обнаружили незапертую дверь.

Мы, как Алиса, оказались в Стране Чудес. Половина павильона была превращена в ночной клуб, с потолочными вентиляторами, выдавшим виды фортепьяно, двадцатую пятью ярдами стойки, задней комнатой, набитой оборудованием для азартных игр и рядами бутылок с холодным чаем. Повсюду были раскиданы стаканы, и пистолеты, и шляпы, в точности на тех местах, где они должны быть к началу съемки. Черные камеры, будто огромные голенастые насекомые, замерли там, где клубные ковры сменял голый бетон. С потолочных балок свисали погашенные прожектора.

Посреди съемочной площадки развалились рядом с бутылкой два человека.

Флинн был настолько пьян и перепуган, что хлебал холодный чай, как лучший бурбон. Бэрримор был мертв, но он двигался: Рубин, сверкающий в груди мертвеца, освещал в остальном темный павильон.

Флинн поднял стакан, обращаясь к своему кумиру.

— Для чего все это, Джек? — спросил он. — Все эти неприятности, этот почтой кошмар, эти фантазии, этот ужас? Неужели все это ради развлечения, ради забавы? Ради того, чтобы тебя взял и выкинул прочь какой-нибудь пренебрежительно фыркающий сопляк, потерявший к тебе интерес?

Он стукнул стаканом об пол.

— Я не хочу так. Я хочу Гамлета, и Шерлока Холмса, и Дон Жуана, и Робин Гуда, и Кастера. Хочу, чтобы мы были героями, спасали то, что достойно спасения, почитали женскую добродетель и были воплощением мужества. Мы не должны быть просто жалкими проститутками, Джек.

Бэрримор кивал.

В нем не было жизни. Во всяком случае, его собственной. Это был оживший Камень С семи Звезд. Женевьева схватила мою руку и сжала ее, будто в тисках.

— За великих проклятых! — поднял тост Флинн, отбрасывая свой стакан прочь.

Чертовски похоже на сценарий.

Накрахмаленная сорочка Бэрримора была расстегнута, из-под нее выпячивалась грудь. Внутри его просвечивающего тела пылали раскаленные угли, озаряя черные полосы ребер.

— Если Флинн заберет камень, его ждет судьба Джона Бэрримора, — сказала Женевьева. — Личный триумф и деградация. Но только личный. Он будет защищен от мира. Точнее, мир будет защищен от него.

— Но это убьет его, — предположил я.

Женевьева кивнула.

— Все умирают, — сказала она.

— Кроме вас.

Тоненьким голоском перепуганной в стародавние времена маленькой девочки она повторила:

— Кроме меня.

Через стеклянную крышу павильона просеивался солнечный свет. Интересно, подумалось мне, не рассыплется ли Женевьева Дьесдонне на рассвете, как набитый солью зомби у меня в офисе?

Раздался выстрел.

Женевьева ойкнула. Она смотрела на алое пятно на своей серебряной груди. Кровавое пятно расплзлось, и ее глаза расширились от удивления.

— Кроме меня, — шепнула она, падая.

Я развернулся, выхватив пистолет.

На сцену вышел Беннет Маунтмейн.

Его лоб и верхнюю часть лица, словно чепец, покрывала вонючая кошачья шкура. В измазанном кровью мехе были проделаны дырки для глаз.

— Серебряная пуля, — пояснил он.

Женевьева застонала и зажала рану. Впервые она казалась беспомощной. Она пробормотала что-то по-французски.

Маунтмейн презрительно прошел мимо меня.

Флинн поднялся и преградил ему путь, заслоняя Бэрримора.

— Снова ты, — прорычал он. — Охотник за сокровищем. Прежде чем пересыпать дублоны капитана Блада в свои сундуки, тебе придется отведать моей холодной стали.

Маунтмейн устало поднял пистолет.

— Стреляй же, негодяй, — заявил Флинн.

Лицо его покраснело и осунулось, но выглядело куда героичнее, чем на экране. Казалось, он стал больше, будто вобрал в себя частицу рубинового сияния, и, открыв рот, Флинн рассмеялся в лицо Маунтмейну.

Черный Маг выстрелил, и пистолет взорвался в его руке.

Хохот Флинна нарастал, заполняя павильон, заставляя вращаться потолочные вентиляторы.

В нем звучали какие-то демонические ноты. Он стоял, расставив ноги, подбоченившись, сверкая глазами.

Бэрримор наклонился вперед, и большой камень выпал из его груди на бутафорский стол.

Свет «Семь Звезд» озарил декорации «Касабланки».

Маунтмейн валялся на полу, корчась от боли, кровавыми слезами оплакивая крах всех своих надежд. Женевьева пыталась сесть и что-то сказать. Я опустился на колени рядом с ней, посмотреть, что можно сделать.

На спине у нее тоже была кровь. Пуля прошла навылет. Дырки у меня на глазах затягивались и открывались снова.

Ее белокурые волосы сделались седыми. Лицо превратилось в бумажную маску.

— Возьмите камень, — выговорила она. — Спасите Флинна.

Я пересек съемочную площадку.

Флинн глядел на меня. Он колебался. Маунтмейна он распознал. Но не меня.

— Рыцарь без страха и упрека, — сказал он.

Было ужасно неловко.

Он отступил. Я поднял Камень Семи Звезд. Внутри него сияли крохотные точки. Я ждал, что он будет теплым и упругим, но он оказался холодным и твердым. Мне хотелось забросить его в море.

— Вы нашли его, — произнес голос с британским выговором. — Молодец.

Уинтроп оставил свой провидческий чепчик снаружи, по лоб его все еще был испачкан. Пока он стирал остатки крови, мне вспомнился кот, которого он держал на руках в Колдуотер-Капоне.

— Эдвин, — слабо шепнула шокированная Женевьева, — вы же...

— Не разбив яиц, яичницу не сделаешь, — ответил он, вовсе не сконфуженно. — Вы, конечно, этого не одобряете. Катриона тоже не одобрила бы. Но, в конце концов, вы еще поблагодарите меня. Вы позволите?

Он протянул руку. Я взглянул на камень. Мне хотелось отделаться от него. Флинн был еще тут. Я ощущал, как камень притягивает кинозвезду. Солнце еще не взошло. Я мог бы погрузить камень в грудь Флинна и спрятать его для следующего поколения. Ценой человеческой жизни.

Кто может утверждать, что Эррол Флинн не погубит себя и без сверхъестественного вмешательства? Многие так и делают.

Маунтмейн вопил от ненависти и отчаяния. Он истекал кровью.

Рука Уинтропа продолжала тянуться ко мне. Решение было за мной.

Павильон начал заполняться людьми. Коллеги Уинтропа, копы, охранники студии, сотрудники «Уорнерс»,

люди в военной форме, люди в фашистской форме. Я видел Питера Лорре и других знаменитостей. Все были в этом кино.

— Ловите, — сказал я, бросая драгоценный камень, словно свадебный букет.

Маунтмейн вскочил, протягивая раздробленную ладонь. Судья Персивант навалился на него и опрокинул на пол.

Уинтроп поймал камень, будто игрок в крикет.

— Owzat¹, — произнес он.

Женевьева вздохнула сквозь боль. Наверно, она остановила кровотечение.

Кто-то громко спросил с венгерским акцентом, что делает мертвое тело Джона Бэрримора на его съемочной площадке. Лорре прошелестел что-то успокаивающе-сентиментальное, и двое рабочих сцены убрали опустевший сосуд с площадки. Флипп, теперь просто пьяный, с радостным идиотизмом продолжал доставать режиссера. От всей этой истории просто отмахнулись. Голливудские шуточки. Они здесь происходят постоянно.

Оставались Уинтроп, Женевьева и камень.

И я.

— Мы должны быть благоразумными, Эдвин, — сказала Женевьева.

Англичанин кивнул:

— На нас громадная ответственность. Клянусь, мы не злоупотребим ею.

— Может оказаться, что у нас не будет возможности решать. Ты ведь тоже чувствуешь это, правда? Будто он живой?

— Да, Жени.

Маунтмейн был мертв, Персивант сломал ему хребет. Она аукнулась ему, вся эта черная магия. Как и говорила Женевьева.

Уинтроп выглядел серьезным и потрясаяюще спокойным. Он не смог до конца оттереть с лица копающую кровь. Он исполнил свой долг, но теперь задает себе вопросы.

¹ В профессиональном крикете — вопрос о продолжительности игры.

Терпеть этого не могу. Я знал, что буду заниматься тем же.

Рядом с Уинтропом стоял военный, держа свинцовый ящик.

— Сэр, — напомнил он.

Уинтроп бросил Камень Семи Звезд в ящик, и военный заколебался, не сводя глаз с красного сияния, прежде чем захлопнуть крышку. Он промаршировал прочь, остальные вояки затрусили следом, увлекая с собою Персиванта и прочих.

Уинтроп помог Женевьеве перелечь на носилки. Она угасала, обнаженные руки стали морщинистыми, как у мумии, землистые щеки ввалились.

— Что это было? — спросил меня кто-то. — Красный камень в коробке?

Я повернулся к звезде из «Касабланки», мужчине заметно ниже и старше меня.

— Это, — сказал я, — то, из чего сделаны сны.

МЭНЛИ УЭЙД ВЕЛЛМАН

Не буди лиха...

Джон Танстоун

Плейбой с Манхэттена Джон Танстоун — такой невероятной огромной, что ему приходится шить одежду на заказ. У него нервные руки, глаза с поволокой, сломанный нос и слегка тронутые сединой темные волосы и усы.

Серьезный исследователь в области оккультизма и бесстрашный боец с крепкими кулаками, готовый лицом к лицу встретить врага, он вооружен скрытыми чарами и серебряным клинком-тростью, чтобы беспощадно истреблять всякую нечисть и в шикарных ночных клубах Нью-Йорка, и в сонных захолустных городишках.

Джон Танстоун появился на свет в 1943 году, когда ушедшего в отставку редактора журнала «Weird Tales» Фарнsworth Райта сменила Дороти Макилрейт. Тогда она и ее помощник Ламонт Бучанан пригласили к себе Мэнли Уэйда Веллмана (1903—1986), чтобы вместе создать образ нового героя.

И вот в ноябре 1943 года в «Weird Tales» была опубликована история «Третий плач Легбы» (The Third Cry of Legba). За восемь лет в популярном журнале вышло один за другим еще четырнадцать рассказов. Завершил проект рассказ «Последняя могила Лилл Уоррен» (The Last Grave of Lill Warren), опубликованный в майском номере за 1951 год.

В ряде рассказов о Танстоуне отважный исследователь противостоит колдуну по имени Роули Торн, образ которого, по признанию самого автора, был списан с реального человека — оккультиста Алистера Кроули. А еще неукротимый Танстоун сражается со злобными существами — шопокинами.

Все эти рассказы вошли в сборник «Одинокие бдения» (*Lonely Vigils*, 1981). Затем Веллман сделал Танстоуна главным действующим лицом двух романов. В одном — «Куда приводят мечты» (*What Dreams May Come*, 1983) — он перенес героя в свою любимую Англию, а в другом — «Школа тьмы» (*The School of Darkness*, 1985) — снова заставил его сразиться со смертельным врагом Роули Торном.

Предлагаемый читателям рассказ был впервые опубликован в специальном выпуске «Оккультный детектив» (*Occult Detectives*) журнала «Kadath» (июль 1982), а затем в 1988 году был адаптирован Майклом Перри для эпизода телевизионного сериала «Монстры» (*Monsters*) с Алексом Кордом в роли Джона Танстоуна.

Проселочная дорога, уходящая от шоссе, была засыпана гравием, но плохо утрамбована. Черный седан Танстоуна медленно полз между нависшими деревьями. По обе стороны мрачно чернел лес, полный подозрительных звуков. Примерно через полмили показался дом. Узкое двухэтажное строение, обитое коричневой вагонкой. У переднего крыльца припаркован желтый пикап. Танстоун выбрался из машины. Это был человек огромного роста, мощного телосложения. Седина уже тронула его гладко причесанные темные волосы и аккуратно подстриженные усы. На нем был синий легкий костюм. В огромной руке он держал деревянную трость, украшенную серебряными кольцами. Он прошел по мощеной дорожке к переднему крыльцу и принялся изучать дом. Должно быть, две комнаты и кухня внизу, еще одна комната и ванная наверху.

В дверях показалась тоненькая девушка в зеленых слаксах и белой блузке, заляпанной краской.

— Вы что-то ищете? — спросила она настороженно.

Танстоун приветственно помахал рукой:

— Добрый день. Меня зовут Джон Танстоун. Я изучаю древние предания. Я здесь потому, что в суде графства мне рассказали занятную историю об этом месте.

— Занятную историю? — переспросила девушка.

Танстоун решил, что ей лет восемнадцать-девятнадцать. Небольшого роста, хорошенькая, пышущая здоровьем, с копной каштановых волос. В одной руке она держала кухонный нож, а в другой — полуочищенную картофелину.

— Занятную историю? — повторила она.

— Пятно в вашем дворе, — пояснил Танстоун. — Без малейших следов растительности. Упоминание о нем я нашел в одном старинном трактате. И, как я уже говорил, услышал об этом сегодня в суде.

— А-а-а, вы об этом. Вон идет мой муж Билл. Может, он вам расскажет.

Из-за угла дома показался худощавый паренек среднего роста в саржевых штанах, клетчатой рубашке и в переднике из денима. У него были густые волосы и короткая бородка. Нос вымазан сажей. На вид ему было не больше двадцати двух лет. В руках молодой человек держал массивные железные клещи. «Да, эти двое рано поженились», — подумал Танстоун.

— Слушаю вас, сэр, — произнес молодой человек.

— Билл, это мистер Танстоун, — сказала девушка. — Ой, я ведь даже не представилась. Это мой муж Билл Брейси. А меня зовут Прю.

— Здравствуйте, — приветствовал молодую пару Танстоун.

Билл Брейси смотрел на него во все глаза.

— Видел ваше фото в газетах. Читал также о ваших исследованиях в области сверхъестественного.

— Да, я этим занимаюсь, — кивнул Танстоун. — В суде я просматривал записи старого дела Кретта Мэрроуби. Его обвинили в колдовстве. Это было давным-давно, еще в бытность США колонией.

— Да, сэр, — ответил Билл Брейси. — Мы вроде бы что-то об этом слыхали.

— Мистер Накер, секретарь суда, упомянул ваш дом, — продолжил Танстоун. — Он сказал, что это дом Трамблов. И еще он рассказал о странном пятне в вашем дворе. Поговаривают, что оно как-то связано с делом Мэрроуби.

Он огляделся, словно ища глазами пресловутое пятно.

— Это за домом, — сказала Прю Брейси. — Мы живем здесь всего ничего. Когда мы купили у Трамблов этот дом, они сказали нам, что это пятно лучше бы не трогать.

— Могу я на него взглянуть? — спросил Танстоун.

— Я вам покажу, — вызвался Билл Брейси и добавил: — Прю, не могла бы ты организовать нам что-нибудь выпить? Идите за мной, сэр.

Они с Танстоуном завернули за угол и оказались на заросшем участке, переходящем в лес.

— Это здесь, — махнул рукой Брейси.

Почти в центре поросшего травой участка красовалось влажное изумрудно-зеленое пятно, выделяющееся на фоне травы. Танстоун подошел поближе. Шириной пятно было не более девяти-десяти футов. Оно было окаймлено узкой полоской плотной бурой земли. Танстоун обошел пятно, причем двигался он на редкость легко для столь крупного человека.

Пятно походило на большой горшок вареного шпината. Приглядевшись, Танстоун заметил, что темно-зеленая масса вроде как булькает. Он попытался потрогать «варево» кончиком трости.

— Не надо, — предупредил Брейси, но Танстоун уже сунул трость в булькающую жижу.

Через секунду что-то с силой вцепилось в трость и потянуло ее вниз. Танстоун напрягся, поднатужился и с трудом вытащил трость. В том месте, где она коснулась болотной жижи, образовался небольшой водоворот. Он услышал, или ему почудилось, приглушенный вой.

— Когда мы здесь поселились, я тоже было попробовал, — сказал Билл Брейси дрожащим голосом. — Ткнул туда мотыгой, и мотыга прямо-таки выскочила из рук. Я и глазом не успел моргнуть, как она утонула.

— Оно не взяло мою трость, — отозвался Танстоун. — Так почему же оно утащило вашу мотыгу?

— Сам удивляюсь. Но больше шутки шутить с этим не собираюсь. — Лицо Брейси помрачнело. — Мы с Прю переехали сюда из Нью-Йорка. Уж больно дешевый был дом. Она рисует. Сейчас расписывает стены в новом здании городской почты. Я работаю по металлу: медь там, олово —

и продаю свои вещи. Миссис и мистер Трамбл просто мечтали сбавить этот дом, так что мы купили его практически задаром. И они сказали мне то, что я вам уже говорил: оставьте в покое эту выгребную яму. Мистер Трамбл так и заявил: «Не трогайте ее, и она вас тоже не тронет».

— Но ведь вы же утопили там мотыгу, — напомнил Танстоун.

— Да, сэр, — опустил голову Брейси. — Но в тот же день ближе к вечеру мы слышали страшные звуки. Что-то типа рычания. Я хотел было пойти проверить, но Прю меня удержала. Она так испугалась, что стала молиться. Больше мы не совали свой нос куда не надо. Как насчет того, чтобы выпить, сэр?

— Дайте мне еще минуту, — попросил Танстоун.

Он внимательно изучил внешнее кольцо. Это была полоса голой твердой земли наподобие обожженной глины. Танстоун снова прикинул на глаз диаметр пятна. Круги такого размера часто встречались в делах о колдовстве. Они должны были быть достаточно большими, чтобы тринадцать колдунов могли встать вместе, а может даже, и устраивать свои пляски. Круги всегда таили в себе загадку. Не важно, были ли они древними или вновь появившимися.

Танстоун повернулся к Брейси:

— А вот теперь, пожалуй, не откажусь пропустить стаканчик.

Они вернулись в дом и вошли в маленькую уютную комнату. Там стояли стол со стульями и диван, накрытый ярким индейским одеялом. В углу был небольшой камин. Прю Брейси смешивала у стола коктейли.

— Я объяснил мистеру Танстоуну, почему нам советовали не трогать это пятно, — сказал Брейси.

— Не уверен, что его следует оставить в покое, — произнес Танстоун, потягивая коктейль. — Позвольте мне рассказать вам о том, что я узнал сегодня в здании суда.

Он сверился со своими записями разговора с секретарем Пакером и процитировал выписку из судебных архивов по делу Кретга Мэрроуби, имевшему место много-много лет назад. В то время, когда США еще были колониями, согласно указу короля Георга II от 1735 года, обвиняемые

в колдовстве приговаривались к смертной казни. Но Мэрроуби было предъявлено столько противоречивых обвинений, что было решено посадить его на год в тюрьму, с тем чтобы каждые три месяца выводить на главную площадь и выставлять к позорному столбу. Казнили же его в результате по обвинению в убийстве священника местной церкви преподобного Герберта Уолфорда.

— И похоронили Мэрроуби за церковной оградой, — закончил Танстоун.

— Вероятно, они решили, что он одержим дьяволом, — предположил Билл Брейси. — И это все, что у вас есть по этому делу?

— Выходит, что так, — ответил Танстоун. — И все же я рассчитываю на большее. Мистер Пакер говорил об одном старожиле по имени Ритсон...

— Ах, этот, — не слишком вежливо перебил его Билл Брейси. — Он один из тех мерзких, сварливых старикашек, которых в детстве, наверно, поили не материнским молоком, а уксусом. Когда мы только сюда приехали, то попытались с ним подружиться. Но не тут-то было. В жизни не встречал такого желчного старикана.

— Ну, это я как-нибудь переживу, — сказал Танстоун, поднимаясь из-за стола. — Пожалуй, пойду. Но у меня к вам одна просьба: позвольте мне вернуться и перепочевать у вас.

Прю подняла на него свои хорошенькие глазки.

— Ну у нас, вообще-то, нет свободной комнаты, но, если вам негде остановиться, этот диван в вашем распоряжении.

— Я забронировал номер в мотеле Салливана, но сегодня вечером мне необходимо быть именно здесь. Диван вполне подойдет. — Танстоун направился к двери. — Спасибо за все. Давайте принесу что-нибудь на ужин. Куплю в городе.

Танстоун направился в ресторан при мотеле Салливана, так как, по словам Пакера, старый мистер Ритсон был завсегдатаем этого места. И действительно, в баре сидел тощий сторбленный старик. Должно быть, Ритсон. Он был в поношенной черной одежде, прямо как помощник владель-

ца похоронного бюро. Седые космы торчали во все стороны. Длинный нос и острый как кинжал подбородок. Танстоун опустился на табурет рядом с ним. Он попросил бармена принести двойной бурбон с водой, а затем повернулся к старику:

— Полагаю, вы мистер Ритсон?

Старик поднял на него злобные глазки-бусинки и прощамкал запавшим ртом:

— Выходит, вы знаете, кто я такой. — (Такого сварливого голоса Танстоун еще в жизни не слышал.) — А я знаю, кто вы. Вы тот парень Тарстон, который приехал, чтобы совать нос в чужие дела. Кхе-кхе. И вы явно хотите у меня что-то спросить.

— Да, — невозмутимо ответил Танстоун. — Я думаю, что не мешало бы спросить у вас, что вы желаете выпить.

— А? — Старик прямо-таки сверлил его крошечными глазками. Затем бросил взгляд на свой пустой стакан. — Мне то же, что и вам.

Бармен принес напитки. Ритсон жадно отхлебнул. Танстоун поднял стакан, но не сделал ни глотка.

— Мне сказали, что вы знаете о делах давно минувших дней, мистер Ритсон, — начал он вторую попытку. — О деле человека по имени Мэрроуби, много лет назад повешенного за убийство и похороненного здесь.

Старик нахмурил редкие седые брови и недружеслобно взглянул на собеседника:

— Какого черта я должен вам что-то рассказывать?

— Воля ваша, — сказал Танстоун, — но тогда мне придется обратиться к мистеру Пакеру, секретарю суда.

— Пакер? — взвизгнул Ритсон. — Что он может знать? Черт, мистер, он ведь даже не из этих мест. Он и историю того города толком не знает, а может лишь языком молоть.

— Но если вы не хотите со мной разговаривать, я вынужден буду добывать информацию из других источников.

— Ну, и какую информацию Пакер может вам дать? Послушайте, мистер, мои предки жили здесь с основания города. И я, естественно, знаю все о деле Мэрроуби. Когда я был мальчишкой, моя прабабка рассказала мне, что слышала от своего деда, который был в ту пору еще совсем

юнцом. По моим прикидкам, более двухсот сорока лет назад.

Ритсон опрокинул в себя остатки виски.

— Принесите джептьмену еще, — попросил Танстоун бармена, положив деньги на стойку. — Ну, мистер Ритсон, и что именно вы слышали от вашей прабабушки?

— Давным-давно это было. Они вздернули Мэрроуби за колдовство. Тот мог переносить еду со стола других людей в его собственный дом. Заставил девушку променять своего парня на него. И за все эти фортели получил только год тюрьмы.

— Но его же в конце концов повесили, — уточнил Танстоун.

— Так-то оно так — вздернули выше некуда, — подтвердил Ритсон прежде, чем сделать второй глоток. — Поговаривали, что он убил проповедника — запоматывал его имя, — который отлучил его от Церкви.

— Проповедника звали Уолфорд, — вставил Танстоун.

— Как бы там его ни звали, а умер он от удара ножом в сердце. Тогда в доме Мэрроуби они нашли восковую куклу проповедника, проткнутую иглой.

— А где был дом Мэрроуби? — спросил Танстоун.

— Ну, там, за домом Грамблов, в котором теперь поселились те пришлые ребята. Может, они и не нашли доказательств, но Мэрроуби признали виновным. И соорудили виселицу во дворе суда, и вздернули его. — Ритсон отхлебнул виски. — И слышал я кое-что еще. Он стоял на эшафоте и признавался в колдовстве и убийстве. Он сказал, что должен покаяться или иначе отправится прямиком в ад. Куча народу собралось поглазеть. Так он их предостерегал.

— И что?.. — Танстоун был явно заинтригован.

— Похоже, он предупреждал всех, кто там был, остерегаться черной магии. Сказал, что он должен признаться и покаяться. И он сказал одну вещь, странную такую вещь. Не знаю, что бы это могло значить...

— Вот, возьмите мой бурбон. Я еще не пил. — Танстоун вложил стакан в руку Ритсона. — Так что же такого он сказал?

— Да чушь какая-то. Он сказал: не общайтесь с близкими.

— Близкими? — оживился Танстоун.

— Сказал, оставьте в покое близких... И еще какие-то странные слова. Сказал, не будите его. И повис.

— И это все?

— Да. Похоронили его за церковной оградой и воткнули осиновый кол ему в сердце, чтобы он уж точно не воскрес. Вот и весь рассказ. Но не вздумайте его записывать.

— Я не собираюсь ничего записывать, — успокоил его Танстоун.

— Хочется в это верить. Все, что знал, рассказал. Надеюсь, на этом и закончим.

— Я тоже на это надеюсь, — ответил Танстоун. — Вы меня извините? Желаю вам хорошего вечера.

— Да что в нем хорошего, — фыркнул Ритсон, приговаривая третий стакан.

Танстоун вернулся в мотель, чтобы переодеться. Он выбрал светлые слаксы, желтую рубашку и коричневую куртку. В карман куртки он засунул фонарь. На шею повесил тусклый медный крест. В холле мотеля он купил ведро ребрышек для барбекю, упаковку картофельного салата и несколько бутылок пива. И отправился к дому Брейси.

Хозяева с восторгом приняли его идею организовать барбекю.

— Я как раз пеку зерновой хлеб, — сказала Прю. — Он прекрасно подойдет к жареному мясу.

Они с удовольствием поужинали в занимавшихся сумерках. Прю заинтересовал крест Танстоуна, и тот поведал ей, что унаследовал его от матери.

Когда они покончили с едой, Прю отнесла посуду на кухню и вернулась с одеялами под мышкой:

— Ну как, эти вас устроят?

— Чудесно. Вы даже не представляете, сколько ночей я провел на кроватях, куда более жестких, чем ваш диван. Но пока я еще не лег, мне надо кое-что уснуть до темноты.

— Я пойду с вами, — предложил Билл, но Танстоун отрицательно покачал головой.

— Нет. Присутствие двух человек создаст лишние сложности, — ответил он спокойно. — Это слишком деликатное дело. Здесь нужно чуть везения, да еще хороший слух.

— Как скажете, — согласился Билл, и Прю облегченно вздохнула.

— Я не могу гарантировать вам полного успеха, — продолжил Танстоун, — но у меня есть свое тайное оружие. Вот, смотрите.

Он взялся за трость левой рукой, а правой повернул набалдашник. Там, где было серебряное кольцо, трость распалась на две части. Танстоун вытащил тонкий блестящий клинок.

— Какая прекрасная вещь, — выдохнула Прю. — Должно быть, старинная.

— Насколько я знаю, клинок был выкован примерно тысячу лет назад. Видите эти слова?

Молодая пара склонилась над оружием. Билл беззвучно шевелил губами.

— Похоже, латынь, — сказал он наконец. — Что-то не разберу.

— *Sic pereant inimici tui, Domine*, — прочел вслух Танстоун и перевел: — *Господи! Да будут повержены враги Твои.* Это серебряный клинок. Святой Данстен, серебряных дел мастер, бросил вызов самому дьяволу и поверг его.

Билл был потрясен:

-- Должно быть, в мире второго такого нет.

— Нет, есть еще один, — усмехнулся в усы Танстоун. — У моего друга, судьи Кейта Хилари Персиванта. А этим клинком я однажды поразил вампира. Дважды он мне помог отбиться от оборотней и прочей нечисти.

— Думаю, не годится, что вы отправитесь туда один, а я буду трусливо отсиживаться, — настаивал Билл.

— Окажите мне любезность и позаботьтесь о Прю, — отрезал Танстоун. — И ни при каких обстоятельствах не выходите из дому.

Он встал, держа в руках обнаженный клинок.

— Ну вот, стемнело наконец, — сказал он. — Время, когда может зашевелиться всякая нечисть.

— Зашевелиться? — повторил Билл, в растерянности теребя бородку. — А что, старый колдун может зашевелиться? Тот, которого все зовут Мэрроуби.

— Нет, как я понимаю, — ответил Танстоун. — Нет, если они вогнали в него осиновый кол, чтобы упокоить его душу. Насколько я могу судить, это кто-то другой. Надеюсь, когда все уляжется, мы с вами еще увидимся.

И с этими словами он захлопнул за собой входную дверь.

Тьма потихоньку окутывала все вокруг. В левой руке Танстоун держал включенный фонарь, а правой прижимал к бедру серебряный клинок. Свет выхватил из темноты зеленую лужайку и кусочек стены. Он завернул за угол и вышел на открытое пространство за домом. Внезапно он услышал странный шум — что-то вроде сдавленного рычания. Танстоун пошел на звук, освещая себе дорогу фонарем, и оказался у таинственного круга. Он подошел к темно-коричневому кольцу, внутри которого виднелась влажная зеленая масса. И снова он услышал странный звук. Сдавленное рычание, шелшее из глубины.

Танстоун остановился, осветил фонарем зеленую жижу, а затем воткнул в нее острие клинка и с силой повернул его.

— Хорошо, — сказал он в надежде, что его слова будут услышаны. — Хорошо. Выходи, и давай уладим наши дела.

Рычание переросло в пронзительный визг, и Танстоун почувствовал, как что-то вцепилось в его серебряное оружие. Он резко выдернул клинок. Похоже, он кого-то поранил. Визг становился все пронзительнее, и из болотной жижи показалось нечто.

Сначала появился ком, похожий на голову, а за ним — два кома побольше, наподобие плеч. Не выпуская фонаря из рук, Танстоун быстро отскочил назад. Две здоровенные лапы ухватились за голые края круга, и из болотной жижи медленно вылезло огромное косматое существо.

Чудовище было гораздо выше Танстоуна и значительно шире в плечах. Выглядело оно совершенно противоестественно. В дрожащем свете фонаря казалось, что оно с головы до ног опутано темной мокрой растительностью. Его голова была покрыта болотной травой, сквозь которую, словно рас-

каленный металл, проблескивали два близко посаженных глаза.

Существо широко разверзло вонючую пасть и испустило злобный рык, подобный реву раненого зверя.

Тяжело ступая лопатообразными ногами, оно направилось к Танстоуну.

Танстоун предусмотрительно отступил в сторону, держа клинок наготовку и не отводя луча фонаря от существа.

— Так вот ты где! Мэрроуби покался, отрекся от тебя. Он мертв, но ты жив. Ты — зло.

Чудовище снова взревело. Его огромные лапы взметнулись вверх, как стрелы гигантского подъемного крана. Танстоун увидел мертвенно-бледные когти.

— Ну, давай же иди, — сказал Танстоун. И голос его звучал спокойно и уверенно. — Подойди, и сам увидишь, что можешь ты, а что могу я.

Существо надвигалось на Танстоуна, разбрызгивая тину. Танстоун в последний момент отскочил в сторону и вонзил клинок в тело чудовища. На этот раз оно завизжало так истошно, что у Танстоуна заложило уши. Существо резко повернулось к нему, и Танстоун снова направил на него луч фонаря.

— Порабил тебя, не так ли? — воскликнул отважный борец с нечистью. — И это только начало. Давай иди сюда. Вдруг мне не удастся увернуться!

Существо стремительно кинулось к нему. Танстоун не шелохнулся. И когда оно уже почти нависло над ним, Танстоун, как опытный фехтовальщик, сделал резкий выпад.

Удар пришелся в то место, где по идее должна была быть грудь чудовища. Лезвие вошло в тело, как нож в масло. Клинок вонзился по рукоятку, и темная жидкость заструилась по лезвию. Танстоун почувствовал гнилостный запах, как из древнего захоронения.

Раздался еще один душераздирающий вопль. Заросшее тиной тело чуть не погребло под собой Танстоуна. Затем оно вдруг резко качнулось и рухнуло наземь. И пока чудовище падало, Танстоун поставил точку в их споре, вонзив клинок в тело врага. Он стоял над поверженным противником и в свете фонаря следил за его агонией.

— Ну что, на этом закончим? — спросил Танстоун. — Наверное, нет. А вот теперь уж точно закончим.

Он поднял клинок и обрушил его на то место, где должна была быть шея чудовища. Голова-ком запрыгала по кочкам, откатившись на несколько метров. Тело вяло дернулось и застыло.

— *Sic pereant inimici tui, Domine*, — нараспев произнес Танстоун, как священник, отпевающий покойника.

Он стоял наготове и наблюдал. Никакого движения. Он подошел к тому месту, куда откатилась голова. Она тоже лежала недвижно, как ком грязи.

Еще секунда, и он повернулся и направился к дому, освещая себе путь фонарем. На негнувшихся ногах он поднялся на крыльцо. Сунул фонарь в карман и вошел внутрь.

Билл и Прю Брейси стояли обнявшись, с расширенными от ужаса глазами.

— Все кончено, — успокоил их Танстоун и устало опустился на диван. Достал носовой платок и вытер серебряное лезвие. Жидкость на нем была густая и вязкая, совсем как кровь, но не красная, а зеленая. — Когда старый мистер Ритсон сказал, что Мэрроуби предупредил насчет близких, я понял, в чем дело, — сказал он.

— Б-близких? — заикаясь, переспросила Прю.

— Колдун заключает сделку с силами зла, — сказал Танстоун, — и от сил зла он получает близкую, то есть родственную, душу. Мэрроуби покался и умер в раскаянии, но его родственная душа осталась здесь. Покинутая хозяином, она спряталась, но затаила желание творить зло. И я положил этому конец.

— И что же это было? — удивился Билл Брейси.

— Невозможно описать. Давайте-ка завтра прямо с утра возьмем лопаты и закопает его. Конечно, выглядит оно не лучшим образом, но больше уж точно не будет творить зла. Я произнесу над его могилой нужные слова, и на этом все будет закончено.

Танстоун улыбнулся, глядя на остолбеневшую Прю:

— Дорогуша, нельзя ли разжечь камин. Я хочу сжечь этот грязный носовой платок. — И, продолжая улыбаться, борец с нечистью спрятал блестящий клинок в трость.

БРАЙАН ЛАМЛИ

Часы de Мариньи

Титус Кроу

Титус Кроу, высокий и широкоплечий, в молодости, вероятно, был весьма недурен собой. Теперь его волосы уже тропуты сединой, а глаза, все еще яркие и проникающие, — это глаза человека, который многие годы посвятил исследованию нехоженых троп загадочных и темных учений.

Во время Второй мировой войны Кроу, тогда еще совсем молодой человек, служил в Военном министерстве в Лондоне. Он занимался взломом нацистских шифров и анализом оккультных пристрастий Гитлера, а также нейтрализацией тех темных сил, которые фюрер пытался привлечь на свою сторону в борьбе за мировое господство.

После окончания войны Кроу боролся с дьявольскими силами где только возможно и используя любые подручные средства. Он стал всемирно известным специалистом по магии, особенно по так называемым «черным книгам» различных чародеев и колдунов с их сомнительным искусством. Он также был экспертом по археологии, палеонтологии, криптографии и истории древних миров.

Кроу прекрасно разбирается в сюрреалистических или авангардных произведениях искусства, но особое внимание уделяет творчеству Обри Бёрдслея, Чандлера Дэвиса, Иеронимуса Босха, Ричарда Антона Пикмана. А еще его интересуют мифы о сотворении мира. Одним словом, он — дока в антропологии.

Герой Брайана Ламли (Brian Lumley) Титус Кроу впервые вышел на сцену в рассказе «Дуб Билли» (Billy's Oak), опубликованном в шестом номере журнала Окюста Дерле-

та «*The Arkham Collector*» (зима 1970). Еще раз он появился в том же журнале в рассказе «Вещественное доказательство» (*An Item of Supporting Evidence*, лето 1970). Затем оба произведения вошли в выпущенный издательским домом «*Arkham House*» первый сборник Брайана Ламли «Гость тьмы» (*The Caller of the Black*, 1971), где Кроу — главное действующее лицо одноименного рассказа. В этот же сборник вошли рассказы «Зеркало Нитокрис» (*The Mirror of Nitocris*) и «Часы де Мариньи» (*De Marigny's Clock*).

Затем Кроу и его помощник Анри-Лоран де Мариньи становятся главными действующими лицами романов лавкрафтианской серии: «Подземные убежища» (*The Burrowers Beneath*, 1974), «Возвращение Титуса Кроу» (*The Transition of Titus Crow*, 1975), «Часы для грез» (*The Clock of Dreams*, 1978). Еще два рассказа о Кроу «Камень викинга» (*The Viking's Stone*) и «Кукла Даргхуда» (*Darghud's Doll*) вошли во второй сборник Ламли «Ужасное происшествие в Окдине и другие истории» (*The Horror at Oakdeene and Others*, 1977). А затем повести «Имя и число» (*Name and Number*) и «Повелитель червей» (*Lord of the Worms*) появились в журналах «*Kadath*» (июль 1982) и «*Weirdbook*» (№ 17, 1983), соответственно.

Сам Мариньи как главный герой появляется в повести «Под лунами Севера» (*In the Moons of Borea*, 1979), сиквеле «Рожденных ветром» (*Sprung of the Winds*, 1978) и в «Элайша» (*Elysia*, 1981). Заключительный рассказ этой серии «Возвращение тьмы» (*The Black Recalled*) был опубликован в сборнике, приуроченном к открытию Всемирного конвента фэнтези в 1983 году. Все рассказы о Титусе Кроу вошли в сборник «Весь Кроу» (*The Compleat Crow*, 1987).

В а исключением визитов по особому приглашению, любые вторжения в частную жизнь Титуса Кроу, обитавшего в резиденции Блаун-Хаус на окраине Лондона, практически всегда расценивались этим джентльменом как открытые военные действия. Любой, кто отважился появиться на пороге убежища Кроу без приглашения — или даже имея опос, — не мог не почувствовать паличия здесь

особой сверхсильной ауры. И действительно, Блаун-Хаус, казалось, излучал собственную атмосферу, несущую скрытую угрозу, и поэтому в доме и в саду не было ни птиц, ни даже мышей. Сам Кроу явно не относился к тем, кто склонен принимать гостей. Он вел странный образ жизни, занимался странными вещами. Откровенно говоря, он был совершенно асоциален даже в редкие минуты «открытости» для общения. С годами причин для этого накапливалось все больше — по крайней мере, так казалось самому Кроу, — и они становились все очевиднее. И было еще одно обстоятельство. В его библиотеке хранилось огромное число редких и весьма дорогих книг; одни были изданы давным-давно, другие — официально вообще никогда не издавались. А Лондон, естественно, наводнен нечистоплотными «коллекционерами» подобных вещей. Кроме того, исследования в области оккультизма и изучение тайн археологии, древних миров или антропологии требовали от Кроу максимальной концентрации и внимания, а также личного участия, что полностью исключало все внешние раздражители.

Нельзя сказать, что на права Кроу грубо посягнули именно в тот момент, когда он занимался своими многочисленными изысканиями. Вовсе нет. Это случилось в середине ночи и пробудило его от тяжелого сна без сновидений, которым он забылся после трудного дня, потраченного — к несчастью, безрезультатно — на исследование часов де Мариньи. Что Титуса Кроу не сильно обрадовало.

— Что, черт побери, здесь происходит? Кто вы такие и что вам надо в моем доме?

Он сел в кровати, как только зажегся свет. И его лоб тут же вошел в опасный контакт с пистолетом, который держал в руке крайне несимпатичный громала. Мужчина был ростом около пяти футов восьми дюймов, плотного телосложения. Он вполне твердо стоял на непропорционально коротких — по сравнению с длинным туловищем — ногах. Его левый глаз украшал безобразный шрам, а рот был цинично — как решил Кроу — перекошен. Крайне несимпатично.

— Не дергайся, папаша, и все будет хорошо, — ласково сказал грабитель на редкость противным голосом.

Кроу перевел взгляд на дверь спальни, где стоял второй взломщик. Его мертвенно-бледное лицо искажала нервная ухмылка.

— Ну что, Пэсти, нашел чего? — спросил человек с пистолетом, все так же не спуская глаз с Кроу.

— Нет, Джо, — последовал ответ. — Только пара старых книг да немного серебра. Ничего стоящего. Но он ведь нам скажет, где все. Не так ли, приятель?

— Пэсти! — воскликнул Кроу. — Вот она сила наблюдательности! А я-то гадал, пока не услышал имя, почему ты такой тощий и бледный — ну точно Пэсти¹. — Кроу усмехнулся, встал с постели и облачился в алый халат.

Кроу, высокий, широкоплечий мужчина, в молодости, вероятно, был весьма недурен собой. Даже сейчас что-то в нем подкупало: блестящие глаза и пронизательный взгляд. Весь его вид говорил о скрытой силе, но Джо было на это по большому счету наплевать. Он решил, что будет правильнее при первой же возможности показать, кто здесь главный. И Кроу такую возможность ему любезно предоставил.

Насмешка, которую оккультист адресовал Пэсти, бумерангом вернулась обратно. Пэсти оплатил ему той же монетой, но уже в виде угрозы.

— Симпатичный у тебя халат, — сказал он. — Как раз под цвет крови, когда я тебе башку разнесу. — Он отрывисто рассмеялся и похлопал по зажатой в руке дубинке: — Но сначала ты скажешь, где все. Так ведь?

— Обязательно, — услужливо ответил Кроу. — Третий слева, вниз по проходу... Уф!

Пистолет Джо врезался Кроу в скулу, опрокинув исследователя на пол. Кроу осторожно поднялся, оцупывая красный рубец на щеке.

— Это только начало. Чтоб ты усек, что шутки закончились. Догоняешь?

¹ Pasty (англ.) — бледный, одутловатый.

— Да, я все понимаю. — Голос Кроу дрожал от едва сдерживаемой ярости. — И чего же вы хотите?

— Что, так трудно понять? — спросил Пэсти, меря шагами комнату. — Деньги... Баблю гони! У такого шикарного парня, как ты, да с такой клевай хатой... — тощий оценивающе оглядел шелковые шторы, бухарские ковры, эротические рисунки Бёрдслея в рамках розового дерева, — обязательно должен быть где-то заныкан приличный кус налички... И мы его хотим!

— Тогда, к своему величайшему сожалению, вынужден буду вас разочаровать, — весело объявил ему Кроу, сев на кровать. — Деньги я храню в банке — ту малость, что у меня имеется.

— Встать! — отрывисто приказал Джо. — А ну, живо с кровати!

Он толкнул Кроу и кивнул Пэсти, тем самым, видимо, дал ему указание сделать что-то, связанное с кроватью. Кроу непроизвольно шагнул вперед, когда Пэсти сдернул простыню с матраса и вытащил острый нож.

— Но послушайте... — начал хозяин дома, уже всерьез забеспокоившись.

— Заткнись, придурок, или я разрешу Пэсти опробовать это лезвие на тебе. — Джо помахал пистолетом перед носом у Кроу, чтобы тот не трепыхался. — Сам видишь, лучше бы тебе сказать нам, где денежки, и тем самым избавить нас от лишних хлопот. А если будешь упорствовать, то мы разнесем к чертовой матери твоё милое гнездышко. — Он замолчал, дав возможность Кроу высказаться, а затем велел Пэсти продолжать.

И Пэсти продолжил...

Он вснорол матрас по бокам и с одного конца, содрал обивку и выставил на всеобщее обозрение начинку и пружины, а затем стал горстями зачерпывать содержимое матраса и разбрасывать все это добро по полу, к вящему неудовольствию и удивлению Кроу.

— Послушай, папаша, ты ведь затворник! Зарылся в свои книги как червь. А такие, как ты, любят прятать денежки в самых занятных местах. Типа в матрасах... или за картинами. — Джо кивнул Пэсти, помахивая пистолетом перед рисунками Бёрдслея.

— Ну, так, госноди, проверьте, что за ними, — прорычал Кроу, сделав шаг вперед. — Вовсе не обязательно сдирать их со стен.

— Вот-вот! — воскликнул Пэсти, испытующе глядя на возмущенную физиономию хозяина дома. — А ведь эти картиншки небось тоже кой-чего стоят.

— Только для коллекционера. Барыгу, чтоб все это пристроить, вы вряд ли найдете, — ответил Кроу.

— Ха! А он не дурак, наш отшельник! — ухмыльнулся Джо. — Но твой ум, приятель, вряд ли куда-нибудь тебя приведет. Разве что на больничную койку. Ладно, Пэсти! Не трогай его грязные картинки. А ты... — он повернулся к Кроу, — давай шевели копытами! Мы еще кабинет толком не видели. Пошли, папаша, поможешь нам... ну, типа, переложить из своей руки в нашу. — И он подтолкнул Кроу к двери.

Пэсти вошел в кабинет последним. При этом он весь дрожал, а лицо его исказила странная гримаса. Конечно, Пэсти этого не мог знать, но он принадлежал к той редкой породе людей, истинных теленатов, коих в мире единицы. Кроу тоже к ним относился — у него был *особый дар*, — и он сразу же понял, что у Пэсти внезапно появилось нехорошее предчувствие.

— Уютная комнатка, не так ли? — спросил Кроу, жизнерадостно улыбаясь испуганному грабителю.

— А нам плевать, красиво здесь или нет. Проверь панели, Пэсти, — велел Джо.

— А?.. — Пэсти явно отключился. — Панели? — Его глазки нервно обшаривали комнату.

— Да, панели! — Джо с любопытством разглядывал товарища. — Да что с тобой такое? — Его удивленный взгляд стал разгневанным. — Ну, давай же, малыш Пэсти, соберись! Такими темпами мы, мать твою, здесь всю ночь проторчим!

Надо сказать, что Титус Кроу чрезвычайно гордился своим кабинетом, и его страшила одна только мысль о том бедламе, который могли устроить незваные гости. И он решил сделать все, что в его силах, чтобы помочь им в их бесплодных поисках. Они, конечно, ничего не пайдут — да и нахо-

дить-то, в сущности, было нечего, — но Кроу решил таким образом минимизировать ущерб, который они причинят, прежде чем поймут, что в доме денег нет, и наконец-то увернутся. С одной стороны, они определенно не желали слушать его уверения в том, что в доме нет значительных сбережений. Однако, с другой стороны, для любого, кто недостаточно хорошо его знал, — а его действительно мало кто знал, — дом Кроу с его специфической обстановкой определенно свидетельствовал о том, что здесь живет человек далеко не бедный. Но все же дом был скорее удобным, чем богатым. И, как уже объяснил грабителям Кроу, те немногие средства, что у него имелись, хранились в банке. Поэтому чем активнее он будет с ними сотрудничать, тем быстрее они уберутся. Он уж было решил именно так и поступить, как вдруг Пэсти обнаружил за камином тайник.

— Вот! — Пэсти, чуть успокоившись, повернулся к Джо. — А ну-ка послушай! — Он постучал по квадратной панели. Звук был явно глухим.

— Нет-нет, подождите! Я сейчас сам открою! — Кроу протестующе вскинул руки.

— Ну, так давай открывай! — приказал Джо.

Кроу подошел к стене, уверенно отодвинул панель. В полумраке они увидели полку, на которой лежала единственная книга. Пэсти отпихнул Кроу, взял книгу и прочел название:

— Что?.. «*Ктаат Аквадинген*»! Ух! — Его лицо исказила гримаса безмерного отвращения. — Уф-ф-ф! — Он изо всех сил отшвырнул от себя книгу и стал судорожно вытирать руки о куртку.

Титус Кроу получил короткое, но совершенно недвусмысленное ментальное послание от остолбеневшего грабителя. Это была картина чего-то разлагающегося в мрачных склепах, и Кроу отлично понял, отчего Пэсти так затрясло.

— Эга... эта проклятая книга *мокрая*! — первно воскликнул потрясенный грабитель.

— Да нет, просто потеет, — уточнил Кроу. — Видите ли, переплет сделан из... гм... человеческой кожи. Каким-то образом она сохранила способность потеть — верный признак того, что дождь собирается.

— Понты дешевые! — фыркнул Джо. — А ты и уши развесил! — рывкнул он на Пэсти. — С этим местом, конечно, явно что-то не так. Но меня на понт не возьмешь. — Он повернулся к Кроу. Губы его гневно дрожали. — И вообще, начиная с этой минуты, следи за базаром. Рот будешь открывать только по моей команде.

Он осторожно повернул голову и окинул внимательным взглядом комнату, остановившись на высоких полках, забитых книгами — старинными фолиантами и относительно современными изданиями, — а затем посмотрел на Пэсти и понимающе усмехнулся.

— Пэсти, — приказал Джо, — а ну-ка очисти эти полки от книг. Хочу посмотреть, что за ними. Ну что, папаша? Небось прячешь там чего?

— Да пичего. Абсолютно ничего, — мгновенно отозвался Кроу. — Бога ради, не трогайте книги. Некоторые могут просто рассыпаться. Нет, только не это!

Одна лишь мысль об осквернении его коллекции приводила его в неопишуемый ужас. Но взломщики проигнорировали его протесты. Пэсти, которому явно удалось взять себя в руки, радостно принялся за дело, расшвыривая книги направо и налево. И вниз полетели избранные произведения Эдгара Алана По, раритетные первые издания Махена и Лавкрафта, а затем более древние работы: Жозефуса, Магнуса, Леви, Бореллуса, Эрцилюсса и Виттишби. А затем подборка по морскому дьяволу: Гастон де Фэ «Обитатели глубин», Освальд «Легенды Ликвалии», Гэнтли «Hydrophinnas», «Unter-Zee Kulturen» на немецком и Хартрак «Под давлением»...

Кроу уже не мог просто так спокойно стоять и наблюдать. На него накатила холодная ярость. Джо, который это мгновенно почувствовал, еще крепче сжал свой пистолет и с каменным лицом предупредил Кроу:

— Расслабься, папаша. Давай колись. Просто скажи нам, где денежки, на том и закончим. Нет? Ладно, что следующее? — Он обежал глазами разгромленную комнату, и его взгляд остановился на больших папольных часах в темном углу.

Перед часами, явно очень древними, — по крайней мере, так казалось издавек, — стоял маленький складной столик

с прикрепленной к нему лампой. На столике лежали пара книг и скомканная бумага для записей. Заметив, куда направлены помыслы Джо, Кроу еле заметно улыбнулся и пожелал своему гостю из криминального мира удачи. Если Джо сумеет хоть что-то выудить из этих часов, тогда он своими умственными способностями, безусловно, превзойдет самого Титуса Кроу. А если он сумеет еще и открыть часы — что нормально для обычных часов, — то тогда Кроу будет ему весьма обязан. Так как похожий на саркофаг предмет в темном углу и был тем самым устройством, над которым Кроу бился накануне днем и еще много-много дней подряд с тех пор, как он приобрел часы лет десять назад. И все безрезультатно! Он оставался в таком же неведении относительно предназначения часов, что и десять лет назад.

По слухам, часы принадлежали Этьену-Лорану де Мариньи, когда-то выдающемуся специалисту в области оккультизма, а также восточных загадок и древностей, однако, где Мариньи нашел эти часы в виде гроба, оставалось еще одной загадкой. Кроу приобрел их, купившись на заверения аукциониста, что это были те самые часы, которые определенно упоминались в бумагах де Мариньи как «дверь во все времена и пространства; та, которую только несколько посвященных — и не все из этого мира — могли использовать по прямому назначению». Ходили также слухи, что один восточный мистик, Свами Чандрапутра, навсегда исчез с лица Земли, протиснувшись в отверстие за панелью в нижней части часов. А еще поговаривали, что де Мариньи мог, когда хотел, открывать дверь, за которой рождался Свами, но этот секрет он унес с собой в могилу. Титусу Кроу не удалось найти даже замочной скважины. Вес часов вполне соответствовал их размерам. Однако звук, возникавший при простукивании нижней панели, вопреки ожиданиям, вовсе не был глухим. Занятный факт — да и сама история часов не менее занятная, но еще более занятно было разглядывать часы или слушать, как они идут.

И именно этим Джо сейчас и был занят: он смотрел на часы и слушал, как они идут. Грабитель включил лампу и направил свет на циферблат. При первом же взгляде на

часы Пэсти не просто побледнел, а скорее посерел. К нему моментально вернулась вся его перевозность. Кроу уловил произошедшие с Пэсти перемены. У него самого возникали подобные чувства во время работы над часами, но он хотя бы знал, откуда берутся все эти страхи. Пэсти испытывал сейчас то же, что и Кроу, когда тот впервые увидел часы на аукционе. И Кроу взглянул на часы другими глазами. Странные клинописные знаки на циферблате, беспорядочные движения четырех стрелок, перемещавшихся совершенно не в лад с любой земной хронологической системой. На мгновение в кабинете Титуса Кроу воцарилась зловещая тишина. И если бы не странное и хаотичное тиканье, то в комнате было бы тихо, как в могиле.

— В жизни не видел таких часов! — воскликнул испуганный Джо. — Что ты об этом думаешь, Пэсти?

Пэсти пару раз судорожно сглотнул, так что его кадык заходил ходуном.

— Я... Мне они не нравятся! Похожи на чертов *гроб*! И почему четыре стрелки? И как они так движутся? — Он замолчал, чтобы хоть чуть-чуть прийти в себя, и тут откуда-то из-за зашторенных окон послышался тихий шепот. Глаза Пэсти расширились от ужаса, а сам он смертельно побледнел.

— *Что это такое?* — Его шепот был таким же тихим, как те звуки, которые его так напугали.

— А ну-ка возьми себя в руки! — прорычал Джо, нарушив тишину. Он, похоже, не ведал о телепатических способностях Пэсти. — Это всего-навсего дождь. И только. А ты что, твою мать, подумал — чертовы привидения? Будь я проклят, но просто не понимаю, что на тебя нашло, Пэсти! Ты ведешь себя так, точно это место кишит призраками или типа того.

— О, но это действительно так! — заговорил Кроу. — По крайней мере сад. Очень необычная история, если желаете послушать.

— Мы вовсе не желаем послушать! — фыркнул Джо. — И я ведь тебя предупреждал: говорить будешь, только когда к тебе обращаются. А теперь того это... *часы*! Открывай их! Живо!

Кроу пришлось заставить себя подавить иронический смех, готовый вот-вот вырваться наружу.

— Не могу, — ответил он, пряча усмешку. — Не знаю как!

— Ты что?! — возмутился Джо. — Не знаешь как? Кой черт ты хочешь сказать?

— А я хочу сказать, что сказал, — ответил Кроу. — Насколько мне известно, эти часы не открывали по меньшей мере лет тридцать.

— Да неужто? И... и где же они в... включаются? — заикаясь, спросил Пэсти.

— А их разве *надо* включать? — ответил вопросом на вопрос Кроу.

Джо, однако, понял, к чему ведет Пэсти, так же как, впрочем, и Титус Кроу.

— Он еще спрашивает, надо ли их включать, — саркастически скривился Джо. — А ты сечешь, малыш Пэсти! — Тут он снова в ярости повернулся к Кроу: — Ну теперь колись, папаша! Если эта твоя игрушка не электрическая и если ты не можешь ее открыть, тогда *как же ты ее заводишь?*!

— А я ее и не завожу. Понятия не имею, по каким законам механики работают часы, — ответил Кроу. — Видите вон ту книгу на столике. Ну это работа Уолмсли «Заметки по расшифровке кодов, криптограмм и древних надписей». Я потратил годы, чтобы прочесть иероглифы на циферблате, не говоря уже о том, чтобы открыть часы. А несколько выдающихся джентльменов, изучающих венци не для среднего ума, пришли в результате к выводу, что это *устройство* — и не часы вовсе! Я имею в виду Этьена-Лорана де Мариньи, оккультиста Уорда Филлипса из Род-Айленда в Америке и профессора Гордона Уолмсли из Гуля, Йоркшир. Все они верили в то, что это машина времени. Да, *верили*. Но что касается первых двух, то оба эти джентльмена уже отошли в мир иной, а я же слишком мало знаю, чтобы решить, согласен с ними или нет. Но там точно нет денег, если вы это имеете в виду.

— Ну, я тебя предупреждал, умник! — прорычал Джо. — Господи! Подумать только, машина времени! Он что, возо-

мнил себя долбаным Гербертом Уэллсом! Пэсти, свяжи его и заткни ему пасть. Меня достала вся эта чушь! Он нас разводит, как детей!

— Все. Молчу-молчу, — быстро пообещал Кроу. — А вы продолжайте. Если вам удастся их открыть, то я буду вам премного благодарен. Мне самому интересно, что же там внутри.

— Все, проехали, умник, — скрипнул зубами Джо. — Но еще слово -- и ты покойник!

Кроу кивнул в знак согласия и сел на край нисьменного стола, чтобы следить за представлением. Он, естественно, считал, что самое большое, что смогут сделать грабители, — это выставить себя круглыми дураками. Однако он не учел одного обстоятельства: возможность решить проблему с применением грубой силы. Видимо, в нежном возрасте Джо было не до проволочных головоломок, продававшихся в дешевых лавчонках. Может, он все же пару раз и попытался их собрать. Но если с первого раза *не складывается*, то под рукой всегда есть молоток! Хотя в данном случае вполне можно было обойтись и без насилия.

Пэсти прислонился к дверному косяку. Он все еще помахивал дубинкой, но уже чисто машинально — просто как нервный рефлекс. У Кроу создалось впечатление, что если Пэсти бросит свою несчастную дубинку, то тут же потеряет сознание.

— Панели, Пэсти, — приказал Джо. -- Часовые панели!

— Сам смотри! — огрызнулся Пэсти. — Это вовсе не часы, и я их трогать не собираюсь. С ними что-то печисто.

Джо тут же окрысился на Пэсти:

— Ты спятил?! Это же просто часы! А этот шутник хочет помешать нам заглянуть внутрь. Ну, что скажешь?

— Хорошо-хороню. Только на этот раз все делай сам. Я пока постою в сторонке и посторожу нашего шутника. Я просто нутром чувую, что с часами что-то не так. И все.

Пэсти подошел к Кроу, который все еще сидел на столе. Джо взял пистолет за ствол и осторожно постучал рукояткой по панели, чуть пониже циферблата, примерно на уровне груди. Звук был звонким и долгим. Джо обернулся и ухмыльнулся Титусу Кроу. Там определенно *что-то* было.

Ухмылка моментально сползла с лица громилы, когда он увидел, что Кроу ответил улыбкой на улыбку. Джо снова повернулся к объекту своих исследований и осмотрел его с боков, пытаясь отыскать петли или другие признаки того, что изучаемый предмет является полым контейнером для хранения ценностей. По озадаченному лицу грабителя было видно, что у него ничего не получилось. Кроу мог и раньше сказать Джо, что в панели нет и намека на соединения, словно корпус устройства был вырезан из цельного куска дерева — дерева, твердого как сталь.

Но Кроу явно недооценил решимость незваного гостя. Естественно, у Джо, как у любого нормального человека, были свои недостатки, но в том, что касалось взлома сейфов, ему не было равных. Часы де Марины, конечно, не были сейфом, но совершенно очевидно, что для них годились те же методы! И вот, когда умелые руки Джо ощупывали боковые панели, вдруг раздался громкий щелчок, и механизм, казалось, словно с цепи сорвался — часы затикали как сумасшедшие. Четыре стрелки на резном циферблате на секунду замерли, а затем снова задвигались уже в новой и совершенно необъяснимой последовательности. Джо проворно отскочил назад, когда большая панель вдруг бесшумно открылась. Отступая, Джо задел складной столик, свалив лампу. Раздался оглушительный треск, и чары от диких осплывающих стрелок и безумного тиканья часов де Марины в миг рассеялись. Угол комнаты снова погрузился во тьму, и с минуту Джо стоял в перешителности, ошеломленный своим успехом. Затем он издал торжествующий возглас, сделал шаг вперед и сунул свободную левую руку в темноту за открытой панелью.

Пэсти почувствовал присутствие *потустороннего мира* одновременно с Кроу. Он ринулся через всю комнату к приятелю с криками:

— Джо, Джо! Бога ради, не надо! Не трогай их... не трогай!

Кроу, со своей стороны, не испытывая таких чувств дружеской солидарности, быстро вскочил со стола и отошел подальше. И не то чтобы Кроу был трусом, но он кое-что знал о темных тайнах Земли, а также о тайнах других сфер,

а кроме того, чувствовал опасность вменательства в ту область, происхождение которой было далеко от изученной стороны природы.

Внезапно угол осветился жутким рассеянным светом, исходящим из-за открытой панели, и Джо, который все еще шарил внутри часов, издал душераздирающий крик и попытался выдернуть руку. Часы тикали как сумасшедшие, а четыре стрелки хаотично и дико скребли по циферблату. Джо уцепился за открытую панель, сражаясь с какой-то невидимой опасностью внутри странно освещенного пространства, отчаянно пытаясь вытащить руку. Несмотря на все его усилия, левое плечо резко ушло вперед, и в ту же секунду он засунул дуло пистолета в отверстие и выпустил туда шесть пуль подряд.

К этому времени Пэсти уже успел схватить Джо за пояс. Уперевшись одной ногой в основание часов, Пэсти предпринял отчаянную попытку оттащить напарника подальше от незримой угрозы. Но эта битва была заранее обречена на поражение. Джо онемел от ужаса. Он напрягся изо всех сил, чтобы высвободиться. Крупные вены выступили у него на шее, а глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Он издал еще один булькающий вопль, и внезапно его голова и шея нырнули прямо в пасть механического ужаса... И затем тело его обмякло.

Пэсти, который все еще продолжал удерживать нижнюю часть туловища Джо, сделал последнее титаническое усилие; еще немного, и он сумел бы хоть на секунду вытащить голову Джо из дверцы, залитой таинственным светом.

И тут одновременно Пэсти и Титус Кроу увидели нечто, что обратило мускулы Пэсти в воду, заставив его ослабить хватку, так что тело Джо, за исключением ног, исчезло с ужасным чавканьем в часах — и это нечто заставило Кроу закрыть глаза руками в приступе холодящего дупу ужаса.

Через мгновение после того, как Пэсти благодаря титаническим усилиям удалось частично освободить обмякшее тело своего подельника, плоды импульсивности Джо предстали перед Кроу со всей отвратительной очевидностью. Ткань на куртке около левого плеча и там же на рубашке

под ней была *удалена*, вероятно, растворена или сожжена каким-то веществом, и вместо плоти, которая по всем законам должна была оказаться обнаженной в результате этого исчезновения, Кроу увидел *поздρεватое, булькающее ало-коричневое пятно*, шея и голова были в том же жалком состоянии.

Как ни странно, первым пришел в себя Пэсти. Он сделал последнее отчаянное -- фатальное для себя -- усилие, чтобы схватить исчезающие поги Джо, и пальцы его правой руки пересекли роковую черту у отверстия с мерцающим светом внизу. У Пэсти не было ни единого шанса: мало того что он стоял согнувшись, он был намного subtilнее своего уже полностью исчезнувшего приятеля. Практически одновременно с предостерегающим истошным воплем Кроу Пэсти издал булькающий звук и неожиданно нырнул головой вперед в прожорливую пасть часов.

Окажись в комнате посторонний наблюдатель, он бы назвал все, что потом произошло, антикульминацией. Титус Кроу, словно в ответ на агонию, продолжающуюся там, внизу, схватился за голову и стал биться в конвульсиях на полу. Затем его тело обмякло: пережитый ужас заставил его сознание искать спасение в забвении.

Вскоре после этого панель на часах сама по себе встала на место и закрылась с тихим щелчком; четыре стрелки немного утомились и двигались уже не так хаотично, тиканье невидимого механизма чуть замедлилось, а ритм его изменился: с чудовищного до просто ненормального...

Когда Титус Кроу очнулся, его первой реакцией было убедить себя, что он просто стал жертвой жуткого ночного кошмара. Но затем он почувствовал, что голова его покоится на ковре. Открыв глаза, он увидел, что в комнате царит жуткий беспорядок, а повсюду на полу валяются книги. Дрожащими руками Кроу сварил себе кофе, целый кофейник, и щедро плеснул в стакан бренди. Он уселся на ковер и стал медленно отхлебывать то одно, то другое. А когда кофейник и стакан опустели, он повторил все сначала.

Нет нужды говорить о том, что с тех пор Кроу даже близко не подходил к часам де Марины! Он вполне уто-

лил свою жажду знаний, но крайней мере на время, в этом направлении исследований.

А еще он старался по возможности не вспоминать об ужасах той ночи. Точнее, он хотел навсегда забыть то дьявольское телепатическое ощущение, возникшее у него, когда Пэсти исчез в часах. Похоже, де Мариньи, Филлипс и Уолмсли были абсолютно правы! На самом деле часы представляли собой своеобразную машину времени.

Кроу сам точно не знал, что нанесло такой ужасный удар его сверхразвитым паранормальным способностям. И действительно, где-то там, в далеких мирах Альдебарана, в месте схождения сил вне времени и пространства, не принадлежащего ни одному из промежуточных измерений — наличие которых признается только в самых диких теориях, — озеро Хали ненадолго вспенивается и снова затихает...

А Титусу Кроу осталась только память о неизвестных жгучих кислотах, о внезапных приливах и о несуществовании огромных зверей, которых обычному человеку невозможно представить даже в самых необузданных своих фантазиях.

КИМ НЬЮМАН

Семь Звезд

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ БАНКИР ИЗ БИАФРЫ

Ричард Джеперсон

Ричард Джеперсон — человек, страдающий амнезией. Его точный возраст определить нелегко: Джеперсону может быть как тридцать, так и пятьдесят. На его плечи ниспадает масса черных как смоль локонов по моде Карла II, и он носит тонкие усики, как у Фу Манчу¹. Лицо у него почти болезненно худое и достаточно смуглое, чтобы сойти за сицилийца или туарега. Высокий, худой и костлявый, он одевается в одежду, разноцветье которой потрясает буйством флюоресцирующих красок, и носит по нескольку колец на каждом пальце. У него такой облик, что он был бы столь же уместен на палубе пиратского корабля, как и в ресторане на Кингс-роуд в Челси.

Немногим уступает ему и его помощница Вилесса — ей чуть больше двадцати, и она могла бы стать моделью, с ее струящейся гривой рыжих волос ниже пояса, ртом как у итальянки, подведенным перламутровой помадой, скуластым, как у викингов, лицом и неестественно огромными зелеными глазами. Вместе с бывшим констеблем Фредом Риджентом они втроем разъезжают в принадлежащем Джеперсону серебристо-сером «роллс-ройсе» по имени «Призрачная акула», расследуя странные и необычные случаи в качестве представителей клуба «Диоген».

¹ *Фу Манчу* — голливудский злодей-китаец. Фильмы о нем были особенно популярны в 1930—1940-е гг.

Ким Ньюман создал Ричарда Джеперсона в начале 1970-х годов в одной из первых своих проб пера. Сначала персонаж появился в короткой пьесе, называвшейся «Дракула возвращается» (*Dracula Returns*), теперь забытой, и автор, еще будучи школьником, написал о нем серию рассказов и даже роман.

Когда Ньюман решил сочинить сериал в стиле 1970-х годов о сверхъестественных приключениях, в духе Джейсона Кинга, «Мстителей» и Питера Саксона, он достал своего героя — вместе с закадычными друзьями Фредом и Ванессой — из нафталина. Джеперсон официально дебютировал в новелле «Конец Пьера Шоя» (*The End of the Pier Shore*) в антологии «Ночная тьма» (*Dark of the Night*, 1997), а следующий рассказ, «Не сходи с ума...» (*You Don't Have to Be Mad...*), появился в сборнике «Серебристая луна» (*White of the Moon*, 1999).

По пути в Сомерсет Ричард Джеперсон попал в аномальную зону. Время перевалило за полночь. Майская ночь была ясной. Сидя за обтянутой кожей баранкой своего «роллс-ройса» «Призрачная акула», он обдумывал важное задание, приведшее его из Челси на запад страны.

И тут темнота качественно изменилась.

Джеперсон приглушил вмонтированный в приборную панель восьмидорожечный магнитофон, оборвав джазовую тему в стиле кул, сопровождавшую его в поездке. Он затормозил, заставив замечательную машину замереть, не проехав и трех метров.

Он не слышал почных птиц.

«Вейрдсвилль», — подумалось ему.

Набросив свободный оранжевый спортух поверх пурпурной шелковой рубашки, Джеперсон выбрался из машины.

Он остановился на прямой дороге, проложенной по равнинам. Звезды и узкая полоска месяца были достаточно яркими, чтобы освещать ровные заболоченные луга, лабиринты заполненных водой канав, превращающих ландшафт в лоскутное одеяло.

Здесь, на скучной земле, все в порядке.

Но в небесах?

Откинув с глаз выющиеся волосы, он посмотрел вверх.

Его охватил непривычный страх.

Он сразу увидел, что было не так.

Он снова бегло осмотрел созвездия, чтобы убедиться, что не ошибся с направлениями. Полярная звезда. Кассиопея, сидящая женщина. Орион, охотник.

Большая Медведица, она же Плуг, исчезла.

Черное пятно пустоты во Вселенной.

Он уже сталкивался со всякими странностями и прежде, но такого космического масштаба — никогда. Это не могло быть локализованным явлением. Если Семь Звезд действительно исчезли, значит, изменилась вся Вселенная.

Он осознал, что дрожит.

Момент миновал. Он глянул вверх, и с созвездиями все было в порядке. Большая Медведица сверкала, семь алмазных осколков в небесах. Ричард прордог от холода в сердце, который был сильнее ночной прохлады. Все-таки в мире по-прежнему было что-то не так.

Он снова сел в «Призрачную акулу» и поехал дальше.

Двумя часами раньше он находился в цокольном этаже своего дома в Челси. Он медитировал, добравшись уже до середины ритуала очищения, включавшего цедельный пост. Уже прошел через голод, терзавший его желудок первые три дня. Достиг уровня понимания. Сила вливалась в него, мозг его творил чудеса в постижении окружающих круниц загадочного.

Против всех четких правил, Фред — один из его помощников — прервал его медитацию, позвав к телефону. Он не стал терять время на возмущение. Фред был выбран за надежность. Он не стал бы мешать, если бы не это дело исключительной важности.

Обменявшись несколькими словами с Катрионой Кей, Ричард велел Фреду выгнать «роллс» из гаража и послал Ванессу, еще одну свою помощницу, купить три пакета жареной трески с картошкой. На ходу он одной рукой крутил руль и переключал передачи, а другой сл. Он не мог позволить себе физическую слабость, являвшуюся результа-

том поста. Пока он насыщался, желудок его завязывался узлом. Он справился с побочными эффектами внезапного пира при помощи одной лишь силы мысли. Нарушив ритуал, он много потерял. По мере того как рыба и картофель наполняли желудок, мудрость покидала ум.

Он ехал туда, где объявились призраки. При нормальных условиях он взял бы с собой Фреда или Ванессу. Но это не было обычной работой по поручению клуба «Диоген», почтенного заведения, часто поручавшего ему сложные дела, что стало делом всей его жизни. А теперь сам «Диоген» — или, точнее, самый его старейший и уважаемый деятель, Эдвин Уинтроп, — очутился в осаде неведомых сил.

Теперь Джеперсон вел машину обеими руками. Он сознавал, что на кон поставлено слишком многое.

Джеффри Джеперсон, человек, усыновивший его — мальчишку, лишенного памяти, маленький камушек в жерновах войны, — состоял в Тайном Совете клуба «Диоген» вместе с Уинтропом. Ричард рос на рассказах о секретной службе Эдвина Уинтропа на благо своей страны. Первые свои робкие шаги в неведомое он совершил в качестве младшего помощника Уинтропа. После того как старый мистер Джеперсон умер, а бригадный генерал сэр Жиль Гэллант вышел в отставку, Уинтроп оставался единственным из действующих членов Совета, пережившим вместе с «Диогеном» сложные послевоенные годы, когда многочисленные враги старались лишить клуб старинных привилегий и попусту растратить его силу.

Уинтроп, которому было без малого восемьдесят, уже не участвовал активно в работе клуба, бывшего большим, не жели просто клубом. Он хорошо понимал, что нужно отойти в сторонку и передать бразды правления более молодым, так же как сам он принял их из рук своего наставника.

Ричард хотел бы знать, доволен ли Уинтроп теми, кто входит теперь в клуб, доверяет ли он им. Людям вроде Корнелиуса и Киша, которые дымили в курительной комнате *кифом*¹ и таскали с собой транзисторные приемники туда, где случайный кашель мог стать единственным осно-

¹ *Киф* — смесь табака и гашиша (наркотик).

ванием для немедленного исключения из клуба, если следовать правилам. Казалось, новое поколение, к которому Ричард относил и себя, занимается оккультизмом по-дилетантски, а не устремляется во тьму подобно исследователям Викторианской эпохи и не составляет планы покорения неведомого, будто полководцы империи.

Но Уинтроп не всегда был старым толстым увальнем. И он все еще хранил свои секреты.

Теперь эти секреты поползли наружу.

Аномалия убедила Ричарда, что нашествие призраков было еще более опасным, чем рассказала об этом Катриона, неизменная спутница Уинтропа.

«Призрачная акула» ворвалась в деревню Элдер. Во всех фермерских домах было темно. Мэпор-Хаус стоял немного в стороне от деревни, на собственных землях. Ричард миновал маленькую церквушку и паб «Храбрый воин», потом свернул на едва приметную дорогу к родовому дому Уинтропов.

Машина проехала мимо фотоэлемента, и кованые чугунные ворота автоматически распахнулись. В доме, показавшемся после темноты больше, чем помнилось Ричарду, горели огни.

Катриона Кей ждала его на крыльце. Обязательная маленькая женщина, ровесница века, она казалась совсем хрупкой, но Ричард знал, что она крепкого сложения. Взволнованная и встревоженная, сейчас она выглядела на свой возраст.

— Ричард, слава богу, вы приехали.

— Успокойтесь, Кэт, — сказал он, крепко обнимая ее.

— Я подозреваю, что дела хуже некуда. Иногда исчезают звезды.

— Вы заметили?

Они посмотрели на небо, успокаивая себя. Большая Медведица была там.

— Как часто? — спросил он ее.

— Все чаще и чаще.

— Пошли в дом.

В обшитой панелями прихожей было пусто. Ричард сразу заметил, что турецкий ковер снят и лежит у стены,

свернутый огромной колбасой, будто гигантская затычка от сквозняка. Пол был деревянный, из отполированных дощечек, уложенных слочкой, с вырезанными в уголках незаметными охранительными знаками.

Катриона задохнулась от ужаса.

— Оно было здесь, — охнула она. — Мгновения назад.

Она разглядывала пол, упав на колени и опцупывая дерево руками в перчатках.

— Вот тут, — сказала она, почти у подножия парадной лестницы. Та все еще была застелена ковром, багряной дорожкой, прижатой медными прутьями.

Катриона принялась тянуть дорожку вниз, выдергивая гвозди с крупными шляпками. Ричард подошел к ней и помог подняться. Когда он поднимал ее, у нее захрустело в коленях. Она была пугающе легкой, казалось, ее может унести ветром.

— Поднимите ковер, — попросила она.

Он достал свой швейцарский армейский нож и при помощи отвертки снял пять нижних прутьев. Будто фокусник, выхватывающий скатерть из-под расставленного на ней обеденного сервиза, он сдернул дорожку, треща отлетающими гвоздями, и забросил ее конец на верхнюю ступеньку. Раздался громкий шлепок.

Катриона снова задохнулась. Ричард понимал, каково ей.

На гладком дереве ступеней был выжжен черный чело-веческий силуэт, будто тень, которую оторвали и выкинули прочь. Казалось, она медленно ползет вверх, к лестничной площадке, одна рука с растопыренными пальцами вытянута, другая вот-вот присоединится к ней, подтягивая туловище тени вверх.

— Только что это было на первом этаже, — сказала Катриона. — А до этого снаружи — такие же обгоревшие пятна на газонах, на подъездной дорожке — на гравии! — и на крыльце. Под ковриком у порога.

— Вы видели, как оно движется?

— Это все равно что караулить чайник, Ричард. Я часами сидела, уставившись на него, не давая ему двигаться, удерживая на одном месте. Но стоит только на миг отвернуться, и оно движется.

Он сел на ступеньку, прямо под человеком-тепью. Контуры тени были четкими. Светлое дерево вокруг оставалось все таким же слегка пыльным, но силуэт был матово-черным. Он больше походил на пятно, чем на выгоревшее место. Джеперсон потрогал его кончиками пальцев, потом положил ладонь туда, где у человека-тени должна была быть поясница.

— Оно теплое, — сказал он. — Температуры тела.

Такое ощущение, будто у человека сильный жар. Он взглянул на свои пальцы. Чернота не перешла на них. Он со щелчком открыл самое длинное лезвие ножа и провел им по пиколотке тепи. Чернота уходила вглубь дерева.

— Там есть и другие, они собираются на торфяниках.

Он обернулся к Катрионе. Женщина была как натянутая струна, и Джеперсон был не настолько глуп, чтобы пытаться успокаивать ее. Она достаточно долго имела дело со сверхъестественным, чтобы понимать, насколько это серьезно.

— Это нападение, — сказал он, вставая, отряхивая пыль со своих расклепанных брюк лососевого цвета. — Но откуда?

— Эдвин не скажет. Но я уверена, что это связано с войной.

Когда люди говорят «война», они, в зависимости от своего возраста, имеют в виду Первую или Вторую мировую. Но Катриона говорила о более продолжительном конфликте, включавшем в себя обе мировые войны. Он начался намного раньше, в середине XIX века — никто точно не мог сказать, когда именно, — но окончился в 1945-м году, и это было поражением не только Германии и Японии, но и древней, не вполне человеческой силы, орудием которой была ось «Рим—Берлин—Токио».

За пределами клуба «Диоген» почти никто не догадывался об этой войне. Ричард, не помнивший своего детства, столкнулся лишь с ее последствиями. Он слышал, как оценивает это противостояние Эдвин, изучил множество документов в закрытой библиотеке клуба и постоянно видел отдаленные последствия борьбы двух сил, влетенные в судьбы мира, совершенно невидимые для большинства людей, но горящие ярче неона в глазах посвященных.

— Эдвин говорит, что она не окончена. Что мы совершили огромную ошибку.

Ричард смотрел в светло-голубые глаза Катрионы, завожженный их немеркнувшей красотой, и чувствовал ее сдерживаемый ужас. Он обнял свою паставницу и услышал, как она потрясенно вскрикнула.

— Мы просмотрели, — сказала она.

Он обернулся, продолжая держать Катриону за плечи.

На лестнице выделялась оранжевая зарубка от ножа, там, где он поскреб дерево. Пога тени была на ступеньку выше, голова и руки — под прикрепленными к лестнице остатками ковровой дорожки.

— Если оно оказывается полностью под ковром, то способно двигаться молниеносно. Когда его не видят, оно свободно.

Он отпустил Катриону и занялся прутьями, прижимающими ковер. В считанные минуты он снял укрытие с головы тени и закинул всю дорожку на площадку второго этажа.

— Я останусь здесь и буду караулить, — сказала она. — А вы идите к Эдвину. Он в *камере обскуре*¹.

С площадки второго этажа наверх вели две лестницы. По одной можно было попасть в мансарду, ее занимала глубокая старуха, которую в былые годы подчиненные Эдвина называли миссис Рочестер. Другая вела в камеру обскуру, большое помещение, в которое при помощи системы отражателей, установленных на рубеже веков отцом Эдвина, проецировалось изображение дома и его окрестностей.

На площадке Ричард помедлил. Она была застлана несколькими спитыми вместе индийскими ковриками, которые можно было легко сдернуть. Дальняя лестница, в покои миссис Рочестер, была в тени. Он подумал, что смог бы подслушать, как она дышит, как часто делал это двадцать лет назад. Большинству мальчишек после этого являлись бы в почпых кошмарах инвалиды-астматики, но Ри-

¹ *Камера обскура* — «темная комната», предшественница фотоаппарата.

чард не видел снов вовсе, у него не было воспоминаний, чтобы прищипоривать работу ночного воображения.

Он поднялся к камере обскуре и вошел в темную комнату.

Эдвин стоял, склонившись под гигантским круглым зеркалом, глядя на затененный по большей части стол. На нем четко выделялись изображения дома, сада, деревни и торфяников. Двигая зеркало, Эдвин мог заглянуть и дальше.

Все было неподвижно.

— Тени, — сказал Эдвин. Голос его был по-прежнему твердым. — Отражения и тени.

Он сунул руку в изображение, проведя ею над церковью, на его коже высветилась чешуя из древних камней.

— Ричард, я рад, что ты здесь.

— Это нехорошее место, Эдвин.

Хмурое лицо Эдвина скривилось в улыбке.

— Как бы ты выразился, «зона плохих вибраций»?

— Что-то вроде того.

— Это тень Хиросимы.

— Да.

На месте взрыва атомной бомбы от испарившихся людей остались только тени на стенах домов и тротуарах, вечные тени.

— Я должен заплатить за то, что сделал.

— Вы были не один, Эдвин. Вы даже не единственный, кто еще жив.

— Но я особенный. Видишь ли, я участвовал в этом образе. У меня было два шанса. В первый раз я был мудр или труслив и отпустил его. Во второй — был глуп или смел и завладел им.

— Тогда шла война.

— Война шла всегда.

— Не теперь.

— Ты думаешь?

— Ну что вы, Эдвин! Сейчас эпоха Водолея. Кому, как не вам, знать об этом. Вы помогли отбросить врага назад, в глухой мрак.

— Ты вырос, зная это по рассказам, мой мальчик.

— Я вырос, зная это.

Тьма, что лежала на его мозгу, будто покрывало, скрывающая воспоминания первых лет жизни, пульсировала. Что-то ворочалось там, пытаясь пробиться на свет.

— Хочешь взглянуть на одну красивую вещь?

Эдвин Уинтроп не заговаривался. Даже в таком возрасте голова у него работала отлично. Это не было случайным вопросом, обращенным к ребенку, который давно вырос.

— Я люблю красоту, — ответил Ричард.

— Это правильно.

Эдвин кивнул и дотронулся до рычага. Стол с легким скрипом разделился надвое.

Комнату заполнил красный свет.

— Это Камень Семи Звезд, — сказал Ричард.

— Верно.

Драгоценный камень лежал на черном бархате, внутри него сияли яркие точки.

— Семь Звезд. Некоторое время назад их не было там. На небе. Никто не предполагал, что такое возможно, — задумчиво сказал Ричард.

— Это знак, мальчик.

— А что не знак?

— Хорошо. Все есть знак. Ты знаешь, мы выиграли войну. По существу, благодаря ему. Люди более умные, чем я, заглянули в него и чуточку узнали про то, как устроена Вселенная.

Ричард оглянулся. В этой затемненной комнате тени могли проскользнуть, словно змеи.

— И я отдал его им. Не клуб «Диоген», я. Как и двадцатью годами ранее, я позволил камню уйти. Клуб — это всегда люди, как ты и я, Ричард. Мы любим считать себя слугами королевы или страны. Но когда дело доходит до этой безделушки, мы сами по себе. Поскольку она принадлежит всем, теперь она моя. Ты можешь себе представить Трумэна, разрешающего Оппенгеймеру *хранить* его бомбу? И все же клуб позволил мне забрать этот сувенир, когда все закончилось.

— Людям можно доверять, Эдвин. Организации меняются. Даже клуб «Диоген».

— Хочешь его? — Эдвин указал на камень.

Казалось, тот притягивает взгляд Ричарда, увлекая его в красную бездну. Мгновенный контакт заставил его внутренне поежиться. Он отвел глаза и разрушил чары.

— Очень благоразумно. Он может принести великие дары, но за них придется платить. Талантливый человек был однажды вознесен им в гении, но жизнь по капле утекла из него, обернувшись ничемной и жалкой трагедией. Мы выиграли войну, но эта победа так изменила нас, что я не уверен, что мы сумеем это пережить. Я имею в виду не только Британию, переставшую быть империей. Все гораздо серьезнее. Миссис Рочестер сказала, что я слишком часто шел кратчайшим путем. Поэтому я должен платить. Ты всегда видел тьму во мне, Ричард. Потому что, хотя это и не твоя вина, тьма есть и в тебе.

Ричард решительно покачал головой. Он не мог оставить это без ответа.

— Я умер бы в концлагере, если бы не клуб «Диоген», если бы не такие люди, как мой отец и вы, Эдвин. Я был мальчиком, потерявшим память. Вы дали мне больше, чем просто жизнь. Вы дали мне цель.

— Меня часто посещает тягостное чувство, что после нас осталась куча грязи, которую вам придется вычищать. Все эти, как ты их называешь, «аномалии», все несправильности в мире. Считай их следствием. И все другие ужасы, те, что замечают все, — голод, опустошительные войны, смерть выдающихся людей. Когда я завладел этим, — он крепко сжал камень, рука его черным пауком легла поверх красного сияния, а внутренний свет «Семи Звезд» высветил кости, укрытые плотью, — я выбрал худший из кратчайших путей и сделал его допустимым. Во времена Борегарда существовали абсолютные правила. Я уничтожил их.

Ричард не хотел верить старому другу. Если там, где некогда был порядок, воцарился хаос, то он дитя этого хаоса. Там, где Эдвина вел разум, он руководствовался инстинктом.

— А теперь я должен заплатить. Я всегда это знал.

— Это мы еще посмотрим, — решительно сказал Ричард.

Комната озарилась вспышкой света. Не от камня. Это была молния, отраженная в камеру обскуру с улицы. По

крыше забарабанил свирепый ливень. Казалось, будто в безоблачном ночном небе бушует гроза.

Внизу, в передней, раздался громкий стук.

Когда они выскочили на площадку, голова Эдвина оказалась на свету. У Ричарда не было времени огорчаться насчет новых морщин, отпечатавшихся на лице его друга.

Они направились к главной лестнице.

Катриона, свернувшись калачиком, лежала на ступенях. Тень исчезла. Входная дверь была открыта настежь, и кто-то стоял на коврике, глядя под ноги.

На блестящем полу передней было многолюдно. Дюжины теней, налетающих одна на другую, тянущих руки, застыла на полпути к подножию лестницы.

Дом был захвачен.

— Эй, там, наверху, — прокричала стоящая в дверях незнакомая женщина.

Грянул гром, и лампы мигнули. Ветер задувал в переднюю струи дождя, трепля длинное пальто женщины вокруг ее длинных ног.

Ричард уже был возле Катрионы, проверяя ее четкий пульс. Она просто спала. Он взглянул на женщину на пороге. Дверь с грохотом захлопнулась за ней, втолкнув ее в переднюю. Она осторожно наступила на клубок теней.

У нее было облако белых волос, превращенных бурей в подобие змей на голове Медузы, и между них — натуральная красная прядь. Несмотря на бледность, лицо ее не было накрашено. В мерцающем свете ламп на нем стали заметны веснушки.

Ростом и фигурой женщина была настоящая амазонка: далеко за шесть футов, плюс еще несколько дюймов добавляли волосы и высоченные каблучки. Под длинным темно-зеленым бархатным пальто до щиколоток на ней обпаривалась фиолетовая блузка, под которой явно не было лифчика, потертые минибрюки из джинсовой ткани, сетчатые колготки и пиратские саночки из мягкой кожи до середины икры. На шее и запястьях у незнакомки болтались изрядное количество нефрита плюс сережки в ушах --

золотые диски величиной с картонные подставки под пивную кружку.

Ричард, хотя и был весьма впечатлен, понятия не имел, кто она такая.

— Все в этом доме находятся в смертельной опасности, — нараспев произнесла она.

— Расскажите что-нибудь поновее, дорогуша, — отозвался он.

Она прошагала по сплетению теней, скидывая и встряхивая свое мокрое пальто. Руки ее были обнажены. Правое плечо украшала замысловатая татуировка: рычащий медведь и звезды созвездия, украшенные золотыми блестками.

— Я Морин Маунтмейн, — объявила она. — Верховная жрица Ордена Овна.

— Ричард Джеперсон, к вашим услугам, — бросил он. — Полагаю, вы знаете, что это мисс Катриона Ксей, а джентльмен, в чей дом вы вторглись, — мистер Эдвин Уинтрон.

— Здесь есть еще кто-то, — сказала она, глядя на потолок. — Я чувствую долгую жизнь и сильный свет.

— Должно быть, это миссис Рочестер. Она больна.

Морин рассмеялась во весь голос. Она стояла достаточно близко от Ричарда, чтобы он почувствовал ее запах, абсолютно естественный, земной и притягательный. Морин Маунтмейн была чрезвычайно привлекательна, и не только физически. В ней была доля того же магнетизма, который исходил от Камня Семи Звезд.

— Впрочем, я не знаю настоящего имени миссис Рочестер, — признался он.

— Год-Гивен¹, — сказала Морин. — Дженифер Год-Гивен.

— Как скажете, дорогуша.

— Я сказала вам, что меня зовут Морин, Ричард. Не «любимая», «дорогуша», «голубушка» или «милочка».

— Поправка принимается, Морин.

— Вас называют Диком?

— Никогда.

— Все когда-то бывает впервые, Дик.

¹ Год-Гивен — данная Богом.

В Морин Маунтмейн было что-то тигриное. Ее когти никогда не убирались до конца.

— Маунтмейн, — потрясенно произнес Эдвин. — Знакомос имя.

— Не путайте меня с другими членами нашей семьи, мистер Уинтрон. Моим дядей Беннетом и двоюродным дедом Декланом, в частности. Насколько я знаю, вы присутствовали при их благополучной кончине. Мужчины Маунтмейнов всегда были непревзойденными глупцами. Женщины в нашем роду умнее. Если вы послушаетесь меня, то, возможно, переживете эту ночь.

Ричард не был уверен, хочется ли ему доверять Морин. Он знал про ее родственников, о которых она упомянула, от Эдвина и из углубленного изучения истории опасных психопатов. Если Морин тоже выросла во времена войны, а он думал, что так и было, она могла вообразить себя королевой ведьм Гебридских островов или кем-нибудь в этом роде. Кстати, возможно, она и заслуживала такого титула.

— Не стойте здесь разинув рот, глупцы. — Она указала на тень у своих ног. — У вас есть и другие гости. Это серьезно.

Катриона пошевелилась. Ричард помог ей сесть.

— Прекрасно, мисс Маунтмейн, — отозвался Эдвин, к которому отчасти вернулась его бывшая решительность. — Добро пожаловать в Мэнор-Хаус. Рад встрече с вами.

Эдвин медленно сошел по лестнице, мимо Ричарда и Катрионы. Он встал у ее подножия и протянул Морин руку.

— Между клубом «Диоген» и вашей семьей стояла кровь, — сказал он. — Давайте положим этому конец.

Морин смотрела на руку Эдвина. Ричарду пришло в голову, что женщина одним ударом могла бы сломать Эдвину шею. Вместо этого Морин Маунтмейн бурно обняла Эдвина, слегка оторвав его ноги от пола.

— Будь благословен, — провозгласила она.

Ричард почувствовал, как оцетинилась Катриона. Может, вражда и окончилась, но неприязнь осталась.

— Я помню Деклана Маунтмейна, — заявила Катриона. — Законченный подлец.

— Совершенно верно, — подхватила Морин, отпуская Эдвина. — А Беннет был и того хуже. Если бы кому-нибудь из них удалось воспользоваться волшебным камнем, от мира уже ничего не осталось бы.

Катриона изящно поднялась и коротко кивнула Морин Маунтмейн в знак одобрения.

— То, к чему стремились Деклан и Беннет, еще может свершиться, — веско сказала Морин. — Они были побеждены, и величайшие силы, использовавшие их, были остановлены благодаря ритуалам, которые ваш клуб «Диоген» использовал в войне. Но вы пробудили «Семь Звезд», купив краткосрочную победу ценой долговременной беды.

Эдвин кивнул.

— Совершенно согласен, — сказал он.

— Не терзайте себя, пытайтесь оправдать свои поступки. Все мужчины и большинство женщин сделали бы то же самое.

«Большинство женщин?» — подумал Ричард.

— И вы ведь могли сделать это раньше, когда победа, казалось, досталась бы еще меньшей ценой и обошлась бы куда дороже. За это мир в долгу у вас, мисс Кей, и он никогда до конца не поймет, в каком именно. Ваше влияние, влияние здравомыслящей женщины, сдерживало инстинкты этого мужчины. И мои дяди, и мистер Эдвин, и — я чувствую это наверняка — даже Дик очарованы волшебным камнем. Для них он подобен хорошему ружью, которое должно стрелять, или первоклассному автомобилю, который должен ездить. Мужчины никогда не задумываются о том, что ружья должны стрелять *во что-то*, а автомобили — ехать *куда-то*.

Ричард рассвирепел. Эта задрипанная полубогиня имеет наглость ворваться в чужой дом и читать лекцию по оккультному феминизму!

— У женщин свои недостатки, — сказала она, адресуясь к нему. — Мужчины любят ружья и автомобили, женщины любят мужчин, которые любят ружья и автомобили. И скажите на милость, кто из них глупее?

— Что здесь происходит? — спросил Ричард.

Эдвин опустил глаза. Морин тут же всмалась:

— Катаклизм, разумеется.

— Это исходит от «Семи Звезд», — сказал Эдвин, — собирается вокруг дома и стягивается к камню.

— Что — это?

— Банкир из Биафры, — мрачно усмехнулся Эдвин.

— Что?

Странные слова. Но Эдвин больше не был тем здраво-мыслящим человеком, которого помнил Ричард.

— Шутка в дурном вкусе, — пояснила Морин. — Он имеет в виду «скелет в шкафу».

Ричард уже слышал это раньше, со ссылкой на телевидение. Это была одна из целой лавины ужасных шуток, появившихся в ответ на душераздирающие фотографии изможденных мужчин, женщин и детей, сделанные в Биафре во время голода¹. Всякое несчастье, которое не мог вместить человеческий разум, обращалось в поток черного юмора, в кладбищенскую комедию.

— Почему теперь? — спросил Ричард.

— Оно шло издавека, мой мальчик, — ответил Эдвин, — и долго.

— Он готовил вас для этого, — сказала Морин. — Вся ваша жизнь была чередой посвящений.

Эдвин остро взглянул на нее с новым уважением.

— Я должна была учиться сама, старик. Но я тоже делала успехи.

— Это правда, — сказал Эдвин. — Ричард, я знал, что не смогу противостоять тому, что грядет. Я думал, почти надеялся, что буду мертв к тому времени, когда изменения действительно начнутся, и ты был тем, кого мы выбрали, чтобы ты взял это на себя. Ты теперь сильнее, чем когда-либо был я. Ты талантлив. Нам приходилось подолгу работать над тем, что для тебя просто. Я знаю, это не утешение.

Ричард испытывал горькую обиду. Не оттого, что ход его жизни был предопределен, но потому, что великая цель,

¹ *Биафра* — самопровозглашенное государство на юге Нигерии (1967—1970). В результате блокады там начался массовый голод. Новости европейских телеканалов и газет начинались с репортажей об ужасах этой войны.

которую он всегда чувствовал, была не до конца открыта ему, тогда как непосвященное лицо, дочь давних врагов, знала все.

Снова загрохотал гром, и свет погас. Потом он зажегся снова, и оказалось, что тени на полу теснятся у подножия лестницы. Свет теперь был другим, дрожащим. Нити накаливания в лампах шипели.

Это снова была аномалия, и они находились внутри нее.

Лампы мигали, и перед глазами Джеперсона плыли пятна, как после фотовспышки. Периоды темноты между периодами света становились все длиннее. Тени двигались, об этом свидетельствовало перемещение их якобы неподвижных силуэтов. Они, наползая друг на друга, копошились на ступенях, проползая под Ричардом и Катрионой. Новая волна просочилась из-под закрытой двери, проскальзывая между сапожками Морин. Ричард поддерживал Катриону и пытался духовно собраться с силами, контролируя свое дыхание, чувствуя, как энергия копится у него в груди, готовясь к нападению.

Призрачные люди хлынули на площадку, собираясь вокруг Эдвина, руки их, казалось, оторвались от пола, хрупкие, но сильные, как стальная паутина.

Из-за пазухи куртки Эдвин выхватил Камень Семи Звезд.

Все лампочки взорвались разом. Стекло зазвенело по гладкому полу.

Тени замерли.

Красный свет заполнил холл, струясь вниз с лестничной площадки. Эдвин держал камень над головой. «Семь Звезд» сиял, подобно тем, которых не было больше на небе. Ровный свет удерживал призрачных людей на расстоянии.

— Так вот он какой, — благоговейно произнесла Морин. — Я и не представляла.

— Вы тоже чувствуете это, как и все, — сказал Эдвин. — *Искушение.*

— Я не могу осуждать вас, — призналась она.

Эдвин положил камень на пол. Едва он выпустил его из рук, камень изменился. Свет, которым он пылал за счет энергии того, кто обладал им, потускнел. Тени вокруг Эд-

вина сгустились. Тонкая рука обернулась вокруг ноги Эдвина, будто черный чулок вокруг бельевой веревки на ветру, и дернула. Он упал на колено. Другая тень уцепилась за его руку.

Катриона с неожиданной силой вырвалась и побежала вверх по лестнице. Ричард и Морин — за ней по пятам. На площадке они в переешительности остановились.

Эдвин, скорчившись, лежал на полу. Призрачные люди навалились на него, прижимая к полу, сдавливая все туже. Огоньки в лежащем рядом камне горели, как капли радиоактивной крови.

Катриона лишь всхлипнула и ухватила за перила. Ричард почувствовал крепкую руку Морин на своей руке, ощутил тепло ее тела совсем рядом. Совершенно неподходящее время для того, чтобы испытывать желание, но он не мог совладать со своей пульсирующей кровью.

Тени обернули Эдвина, словно пелены -- мумию. Он исчез под черными длинными фигурами. Призрачные люди слились воедино и распластались, осталась лишь одна, последняя тень Хиросимы.

— Это убило его, — сказала Морин.

Аномалия не исчезла. Не окончилась.

Морин прошла мимо него и потянулась к камню. Ричард схватил ее за руку и удержал, чувствуя тепло ее голой кожи, борясь с желанием, туманящим разум, раздираемый неистовым искушением отшвырнуть ее и забрать камень самому. Теперь, когда Эдвин умер, тот стал ничьим.

— Нет, — сказал он, найдя в себе силы.

Раскрытая ладонь Морин сжалась в кулак.

— Нет, — согласилась она.

Они разошлись и встали по обе стороны камня. Тот каким-то образом изменился. Эдвин был в нем или по ту сторону его.

— Надо было ему поменять дверную пружину, — предположил он.

Она рассмеялась на грани истерики.

Катриона все еще стояла, сжимая перила, в глазах ее блестели непролитые слезы. Жизнь, которую она делила с Эдвином, кончилась, разбилась вдребезги.

— Похоже на какую-то дурацкую эстафету, — сказал Ричард. — Ну что, поднимем эстафетную палочку?

— Мы должны что-то сделать с ним.

— Отнесите его наверх, — произнесла Катриона. — Она знает, что нужно делать.

— Она? — разом переспросили Ричард и Морин.

— Миссис Рочестер. Женестьева, так ее зовут. Она, наверно, ждет. Я тоже поднимусь, когда успокоюсь немного. Сейчас мне все равно хотелось бы побыть одной. Наедили с...

Она указала на последнюю тень. Ту, которая, видимо, никуда не исчезнет.

— Вместе, — сказала Морин.

Они подняли камень, держа его правыми руками. Ричард ощутил, как щека Морин коснулась его щеки, почувствовал жар ее тела, когда их руки скользнули навстречу друг другу. Она была на несколько дюймов выше него. Между их ладоней сиял Камень Семи Звезд.

Они направились к дальней лестнице.

Миссис Рочестер — Дженифер Год-Гивен — Женестьева Дьедонне лежала на узкой, похожей на гроб койке. Одежда в линялых разводах краски сбилось у нее в ногах. Казалось, ей тысяча лет, не меньше. К руке старой женщины была подключена капельница. На боку белела повязка в пятнах зеленоватой жидкости.

Ее бесчисленные морщины сложились в подобие улыбки.

— Я извиняюсь за свой внешний вид. Ваш дядюшка подстрелил меня, дорогая. Сербром. Прицелься он получше, меня бы здесь не было вовсе.

— Вы знаете, кто я? — спросила Морин.

— Мадам Сосострис знает всё¹, — пропела Женестьева.

Еще одно имя? Нет, шутка.

Они положили камень в ноги у старухи. Он устроился в складках ее одеяла, будто бутылка с горячей водой.

— Эдвин умер, — сказал Ричард.

¹ *Мадам Сосострис* — гадалка и ясновидящая в поэме Т. С. Элнота «Бесплодная земля» (1922). Считают, что ее прототипом была известная русская оккультистка Елена Блаватская (1831—1890).

— Я знаю. Он ушел к теням, не послушав моего совета. Но теперь поздно об этом говорить. В глубине души он был хорошим человеком. Несмотря ни на что.

Морин жалась теснее к Ричарду. В первый раз у него возникло чувство, что она тоже напугана. Ее очевидное мужество нуждалось в порции дополнительной бравады.

— Вы умрете? — спросила Морин древнюю женщину.

— Нет-нет-нет, — рассмеялась Женеваева. — Во всяком случае, еще не сейчас. Возможно, по моему виду не подумаешь, но мне становится лучше. Волна времени накрыла меня, но теперь она откатывается прочь от берега.

— Вам нужна наша кровь?

Лишь теперь Ричард заметил в занавешен рту старухи острые мелкие зубы.

— Пока нет, — ответила Женеваева. — Вы не должны думать обо мне, пока не свяжете камень. У нас есть шанс ослабить скверные последствия его использования, хотя бы ненадолго. Существует ритуал, который наверняка положит конец вчерашней войне, который загонит обратно в камень всю мерзость, выходящую наружу, когда мы открыли его тогда, в тысяча девятьсот сорок четвертом.

— И тогда все станет... лучше? — спросил Ричард.

— Не совсем, — признала Женеваева. — Ядерные реакции все равно останутся частью физики, и всем вам придется жить с последствиями этого. За все остальное ответственность будет лежать на вас. Не Камень Семи Звезд делал человека глупым, корыстным или безумным. Он лишь подпитывался всем этим и извергал обратно, тысячекратно усилив. Но когда камень будет связан, старый мир получит шанс.

— Почему Эдвин не исполнил этот ритуал? — спросила Морин.

— Он слишком запял себя для этого. Одна печальная история с кошкой. И Катриона не могла бы подойти вместо вас. Участники должны быть от обеих сторон. Вы — из рода Маунтмейнов, дорогая. А Ричард — человек клуба «Диоген». Противники, чей возможный союз идет вразрез с официальной историей. Черчилль и Гитлер равно враждовали с «Диогеном» и были заодно с вашим дядей. Были великие

злодеи на стороне Эдвина и святые, связанные с Маунтмейнами. Поздно кого-либо винить. Вы просто должны положить копец этому циклу, дать дорогу всей этой чепухе эпохи Водолея.

Пока Женевьева говорила, Морин цеплялась за его руку мертвой хваткой, как тигрица.

— Этот ритуал, — начал он, — что именно?..

— А как вы думаете? — Женевьева рассмеялась.

Ричард взглянул в глаза Морин и увидел в них отражение своих мыслей.

Магический секс всегда поражал Ричарда как нечто неестественное, требующее математического анализа во время процесса, который лучше всего удастся, когда им управляет чистый инстинкт. Нужно забить себе голову уймой всяких подробностей и бессмысленных ритуалов и держать все это в мозгу на протяжении всего времени, когда тело твоё хочет бездумно слиться с другим телом. К тому же магические ритуалы имели тенденцию по большей части происходить на холодном каменном полу, едва ли способствующем удобству или возбуждению.

На этот раз все было совсем не так.

Они были вместе на подушках, разложенных на столе в камере обскуре, и камень лежал между ними. Внутри их собственной аномалии были приливы и отливы, словно морской прибой, токи крови и тела отталкивались и притягивались, ведомые древними силами. Рассвет перенес в комнату поля, и леса, и дома, украсив узором их тела. В центре гармоничной вселенной вливалась в их открытый разум энергия, связываемая и перенаправляемая их совокуплением. Зеркала лили на них сверху теплый солнечный свет.

Тантрический секс, наиболее распространенная форма сексуальной магии, есть накопление духовной энергии посредством занятий любовью, но ни в коем случае не потеря ее вследствие достижения кульминации.

Все было совсем не так.

Они достигли пика по три раза каждый.

— Седьмой, — шепнула она.

Они передавали камень друг другу, проводили им по своим телам. Ричард смотрел сквозь него, сквозь звезды, видя лицо Морин, раскрасневшееся от счастья. Они поцеловали Камень Семи Звезд, и Морин взяла его и прижала к своему лопу.

Он снова вошел в нее, заталкивая камень вглубь ее тела.

Объединенные камнем, они кончили снова, одновременно, вместе, завершая узор из семи звезд.

Потом они уснули.

Ричард проснулся, потеряв всякое представление о времени. Его плащ лежал рядом с ним.

Морин исчезла.

Он еще ощущал ее, чувствовал ее вкус, вдыхал ее запах.

Камень Семи Звезд исчез тоже.

Одевшись, он обследовал дом. Одежда натирала деликатные части его тела.

Тень Хиросимы подтверждала и напоминала о гибели Эдвина.

Катриона сидела в комнате миссис Рочестер. Женевьева находилась в постели, укрывшись под пологом сетки от комаров.

— Она взяла камень, — слабо сказал он.

— Ее род долго охотился за ним, — ответил голос из-под полога.

— Она заходила, — добавила Катриона. — Оставив вас, она пришла сюда. Она так и светила, Ричард.

— Как спелый апельсин, — добавил голос, столь не похожий на слабый шепот миссис Рочестер, — и была так полна жизни, что смогла ею поделиться. Эдвин расплатился за то, что он сделал с камнем, а она расплатилась за то, что ее дядя сделал со мной.

Полог откинулся.

Женщина на кровати и близко не напоминала миссис Рочестер. Гибкая, с алыми губами и без всякой гниющей раны на спине. Но это была Женевьева, снова юная.

— Теперь, — сказала она, — старая война окончена.

Аномалия исчезла. Война завершилась. Великая цель его жизни, не ясная Ричарду до этой ночи, была достигнута. Но в нем по-прежнему оставалась его тьма, затененная часть его рассудка и памяти. Поскольку часть его жизни исчезла, он цепко держался за то, что мог запомнить, фиксируя воспоминания, как бабочек, припильенных к картонке. Эдвин Уинтроп был теперь воспоминанием и миссис Рочестер. И Морин.

Их встреча положила конец чему-то, расчистила место для многих начал. Но она была. Вкус ее постепенно исчезнет. Но воспоминание останется.

Женевьева выбралась из постели, впервые за тридцать лет. Ее старушечья ночная сорочка странно болталась на едва сформировавшемся юном теле. Несмотря на возраст, она была невероятно молода. Она крепко обняла Катриону и Ричарда. Она кружилась на носках. Свет камня горел в ее глазах, покрасневших от крови Морин.

Катриона понесла утрату, Женевьева возродилась.

Начинался новый цикл.

РОНАЛЬД ЧЕТВИНД-ХЕЙС

Кто-то мертвый

Френсис Сент-Клэр и Фредерика Мастерс

Френсис Сент-Клэр — состоятельный молодой человек, специалист в области оккультизма и, как он сам о себе говорит, «единственный в мире практикующий детектив-медиум». Когда Френсис впервые встретил Фредерику Мастерс, чрезвычайно привлекательную молодую особу с редкими способностями к общению с духами, то сразу понял, что она обладает огромной оккультной силой, и убедил ее реализовать свой потенциал, став его помощницей. Несмотря на постоянные дружеские пикировки, они вместе, как одна команда, консультируют клиентов, нуждающихся в их уникальных познаниях и способностях расследовать дела, связанные со сверхъестественными силами.

Рассказ «Кто-то мертвый» (Someone Is Dead, 1974) повествует об их первом совместном приключении. Он задал тон всем последующим рассказам этой серии, отмеченной фирменным знаком Рональда Четвинда-Хейса: смесью ужаса и юмора. Ярким примером являются такие произведения, как «Блуждающий призрак из Баттерси» (The Wailing Waif of Battersea, 1975), «Пехотинец без головы из Хэдли» (The Headless Footman of Hadleigh, 1977), «Бормочущий вампир из Гомершалла» (The Gibbering Ghoul of Gomershal, 1980), «Астральные вторжения» (The Astral Invasion, 1984), «Дровосек-призрак из Карлтон-Грэнджа» (The Phantom Axeman of Carleton Grange, 1986) и «Уменьшившаяся пара из Клаверинга» (The Cringing Couple of Clavering, 1988).

Позднее история о том, как Фред и Френсис впервые встретились, появилась в романе «Детектив-медиум» (The Psychic Detective, 1993). Новый рассказ «Осложненный

tu» (The Fundamental Elemental) был опубликован издательством «Fedoran & Bremer» в сборнике «Рассказы о вампирах Р. Четвинга-Хейса» (The Vampire Stories of R. Chetwynd-Hayes, 1997). Надо сказать, что в настоящее время его герои приглянулись киностудии «Hammer Film Production», которая собирается сделать о них фильм или телесериал.

Это был высокий, стройный молодой человек с бледным лицом и широкой улыбкой, успешно скрывавшей его природную застенчивость. Сопровождавшая его девушка была настоящей красоткой: пепельная блондинка с белоснежной кожей. На ее лице застыла маска чуть циничного веселья, словно ее голубые глаза успели повидать гораздо больше, чем их юная обладательница. В отличие от аккуратного черного костюма молодого человека, яркий наряд его спутницы был довольно вызывающим. Розовато-лиловая блузка с глубоким вырезом спереди демонстрировала всем желающим ложбинку между грудей, а не менее откровенный вырез на спине выставлял напоказ соблазнительную спину — белую и гладкую. Черная мини-юбка была всего лишь крошечным придатком широкого пояса, и ее роскошные, обтянутые пейлоном ноги приковывали взгляды всех мужчин без исключения, вызывая волну женской зависти.

— Я, — провозгласил молодой человек, — Френсис Сент-Клэр, единственный в мире практикующий детектив-медик. — Он сделал небольшую паузу, словно рассчитывая на аплодисменты, а затем кивнул в сторону девушки. — А это моя помощница Фредерика Мастерс. Она отзывается на Фред.

В ответ им было только неловкое молчание. Шесть человек сначала обменялись вопросительными взглядами, а затем повернулись в сторону страшной пары, стоявшей в дверях. Наконец упитанный лысоватый молодой человек вышел вперед и протянул мягкую, влажную руку:

— Регги Смит.

Френсис Сент-Клэр отвел легким рукопожатием, сопроводив его словами: «Приятно познакомиться». Девушка же ограничилась небрежным кивком.

— Какое счастье, что вы сумели присхать! — заявил Регги Смит. — Какое счастье и какое облегчение! Когда мы прочли ваше объявление в еженедельнике «Охотники за привидениями», я сразу же сказал своей жене...

— Это мне, — живо откликнулась не менее упитанная молодая женщина. — Я Бетти.

Френсис пробормотал, что он очарован, девушка же снова кивнула.

— Тогда я сказал Бетти, — продолжил Регги, — вот человек, который нам нужен. Так ведь, Бетти?

— Да-да-да, — энергично закивала его жена. — Прямо так и сказал.

— Можно нам присесть? — впервые за все время разговора подала голос Фред.

И под аккомпанемент громких «простите» и «конечно, конечно» их усадили в круг собравшихся, после чего восемь человек стали судорожно думать, с чего бы начать.

Наконец Регги решился:

— Полагаю, вы захотите послушать о, так сказать, явлении?

— Нет! — Френсис достал золотой портсигар, вставил сигарету в длиняющий мундштук и прикурил от зажигалки в форме миниатюрного гроба. — Нет. Отчеты свидетелей никогда не бывают точными. Они обычно приукрашены и излишне драматизированы. Если здесь имеет место паранормальное явление, то я предпочитаю увидеть и услышать его как беспристрастный наблюдатель. Опишите мне мизансцену.

— Мизансцену? — Регги поднял брови и с довольной улыбкой окинул взглядом собравшихся. — Мы все здесь живем.

— Я прекрасно понимаю, что вы не в гости пришли! — Френсис бросил взгляд на поднимающиеся к потолку кольца дыма. — Но вы родственники или как? Это очень большой дом. И, откровенно говоря, ни один из вас не вписывается в мое представление о мелкопоместном дворянстве.

Крупный человек, сидевший у камина, что-то сердито пробурчал, а миниатюрная брюнетка рядом с ним произнесла ледяным тоном:

— Да что вы говорите!

— Мы — три пары — живем все вместе, — пояснил Регги Смит. — Понимаете, чем ближе к городу, тем острее жилищная проблема. Поэтому мы скинулись и купили этот дом. Разделили на три довольно просторные квартиры, и в целом получилось очень даже неплохо.

— Вы что, типа, партнерами меняетесь? — спросила Фред.

— Нет уж, позвольте! — взорвался крупный мужчина, на что Френсис с легкой улыбкой заметил:

— Не обращайтесь на Фред. Она ужасно испорчена еще с пеленок. А теперь не мешало бы узнать, как зовут остальных.

— Конечно-конечно, — откликнулся Регги и кивнул в сторону крупного мужчины. — Это Роланд Тейлор, а рядом его жена Нина. Роланд — старший делопроизводитель в фирме «Хакеттс дизайнз».

— Ну и как идут дела в дизайнерском бизнесе?

— Прекрасно, — буркнул Роланд, а Нина мило улыбнулась.

— А это, — Регги указал на рыжеволосого молодого человека, сидевшего рядом с эфемерным молодым созданием с лицом Мадонны, — Дженифер и Лесли Холидей.

— Ваш род деятельности? — поинтересовался Френсис.

— Аудитор, — ответил Лесли Холидей, — и я не верю в сверхъестественное.

— Ну надо же! — Френсис стряхнул пепел прямо на ковер, а Бетти Смит поспешила поставить пепельницу на подлокотник его кресла. — Представьте себе, что вы встретили на заднем дворе человека без головы. Ваша первая реакция?

— Я попытаюсь найти этому какое-нибудь объяснение, — отрезал Лесли.

— Весьма разумно. А теперь вы... хм... Регги. Чем вы зарабатывали себе на хлеб насущный?

— Продаю машины.

— Понимаю. — Френсис откинулся на спинку кресла и задумчиво уставился на огонь в камине. — Итак, мы имеем старшего делопроизводителя, аудитора и продавца машин.

И все они живут в доме с привидениями. Словом, союз человеческого и нечеловеческого. И в какое время происходит явление?

— Где-то от девяти и до полуночи, — ответил Регги, понизив голос.

— Хорошо. — Френсис сверился со своими золотыми часами. — Тогда у нас есть время, чтобы помыться, побриться и пообедать. Вы едите по отдельности или все вместе?

— Все вместе в общей столовой, — сказал Регги. — Так экономнее, в том числе и с точки зрения затрат труда.

— Прекрасно. Если вы проводите нас в нашу комнату, то мы сразу же начнем готовиться к худшему.

— Я отвела вам две комнаты, — застенчиво сказала Бетти Смит.

— Замечательно, — кивнул Френсис. — Мы не спим вместе.

— Только каждое второе воскресенье, — добавила Фред.

Столовая, обшитая дубовыми панелями, выглядела несколько мрачновато. Длинный стол был накрыт двумя спитыми белыми скатертями; аккуратно расставленные тарелки и столовые приборы из нержавеющей стали вызвали ассоциации со скобяной лавкой. Две свечи в высоких подсвечниках отбрасывали причудливые тени. Все персондлись к обеду: мужчины были в смокингах из магазинов готовой одежды, а женщины — в декольтированных платьях. Френсис облачился в безукоризненно сидящий на нем вечерний костюм, а Фред — в чем-то серебристом и мерцающем — казалась больше раздетой, чем одетой: от полной наготы ее спасала малюсенькая полоска ткани спереди, дававшая полный простор воображению. Остальные дамы встретили это прекрасное видение с явным неодобрением, что, впрочем, было полностью проигнорировано предметом их осуждения.

— Ну, и что все это значит? Постный день в монастыре?

— Уймись, Фред! Тебя могут неправильно понять, — вздохнул Френсис и повернулся к собравшимся. — Пропну прощения, но она действительно настоящий гений и всего лишь пытается дать вам это понять. Ну что, продолжим наши игры? Хотелось бы получше подготовиться, что бы там ни случилось. Да, случилось.

Напряжение чуть-чуть ослабло, и Бетти Смит позвонила в медный колокольчик. Дверь сразу же открылась, и вошла костлявая девица, толкавшая перед собой сервировочный столик с едой.

— А вот эту молодую особу я еще не видел, — сказал Френсис.

— Это Гертруда, — представил ее Регги. — Она у нас по хозяйству.

— Здравствуй! — провозгласила Гертруда, поставив перед Фред тарелку супа. — Я, да, по хозяйству.

— А Гертруда сталкивалась с явлением? — поинтересовался Френсис, погрозив пальцем Фред, жадно схватившей ложку.

— Она уходит еще до девяти, — заявил Регги.

— Ничаво, — сказала Гертруда, явно желая подчеркнуть, что ее дело сторона, — ничаво не заставит меня оставаться в этом жутком доме, када темно.

— Почему? — спросил Френсис.

— Треклятые привидения. — Гертруда поставила перед Регги тарелку супа и удалилась.

— Да, умом не блещет, — сообщила Бетти. — Ничего не видела, а фантазий хоть отбавляй.

— Но она вполне безобидная, — улыбнулась Френсису Нина Тейлор, за что Фред тут же наградила ее удивленным взглядом.

— Что вы знаете об этом доме? — обратился к присутствующим единственный в мире практикующий детектив-медиум. — Например, сколько ему лет?

— Ужас как много! — Роланд попробовал суп и поморщился. — Снова пересолен. Я бы сказал, Елизаветинская эпоха.

— Хрень собачья! — сказала Фред, быстро-быстро подбирая ложкой остатки супа.

Повисла неловкая пауза, которую Френсис поспешил прервать:

— Фред провела предварительные изыскания. Никогда не начинаем работу, не изучив обстановки.

— Псевдоелизаветинский, — продолжила Фред, придиричливо рассматривая тарелку с бифштексом, поставленную пе-

ред ней Гертрудой. — Построен в тысяча восемьсот восьмидесятом.

— Ох! — Регги Смит явно расстроился, но быстро взял себя в руки. — Мамой клянусь, тот парень из риелторской конторы говорил, что это елизаветинская постройка, но, может, он имел в виду то, первое, здание.

— Тюрьму, — сказала Фред, предприняв наступление на жареное мясо.

— Простите?

— Этот дом был построен на том месте, где в семнадцатом веке была тюрьма. Ее снесли в тысяча восемьсот тридцатом. Ваш дом построили только спустя пятьдесят лет.

— Именно потому я и взялся за это дело, — пояснил Френсис. — Там, где когда-то были старые тюрьмы, можно встретить массу любопытных явлений. Фред, помнишь дело безголового висельника из тюрьмы Маршалли?

— Разве такое забудешь? — поморщилась Фред. — Ублюдок отходил меня толстенной грязной веревкой.

— Бедняжка! Ужас какой! — вздохнула Дженифер Холлидей. — И что вы сделали?

— Вырубила его своей сумочкой. Оказалось, что какой-то придурок просто решил мило пошутить.

— Мы то и дело сталкиваемся с мошенниками, — констатировал Френсис. — Есть даже чудики, повернутые на том, что живут в доме с привидениями. Хотя, полагаю, все лучше, чем пить горькую.

— Уверяю вас... — начал Регги.

— Думаю, через пару часов наши друзья смогут сами в этом убедиться, — тихо заметила Нина. — Возможно, мы правильно сделали, что не стали посвящать их во все детали. Удивиться — значит, научиться.

— Я уже убедилась, — сказала Фред, подчищая соус кусочком хлеба. — Френсис, любовь моя, печто только что вошло в комнату.

— Правда? — Френсис палил себе дешевого красного вина. — И как, очень злобное?

— Нет, не думаю, — ответила Фред, очищая персик. — Скорее, грустное и испуганное. Ничего видимого, но я хорошо чувствую. Оно сейчас у камина.

Все глаза тут же обратились к мраморному камешу, на что Френсис мягко заметил:

— Держите себя в руках. Нечего пялиться.

— Но ведь еще слишком рано, — жалобно сказала Бетти Смит. — Обычно до вечера ничего не происходит. Фред, а где оно сейчас?

— За моей спиной, — жизнерадостно откликнулась девушка. — Думаю, хочет мне что-то шепнуть на ушко, но не знает как.

— А пол какой: мужской или женский?

Фред закрыла глаза.

— Не знаю. Слабое-слабое... сказала... напугано... очень... очень напугано. Подождите, подождите! Все, оно ушло.

— Уверена? — Френсис с некоторой тревогой следил за девушкой. — Выключи ментальные рецепторы.

Фред на минуту застыла. Глаза ее были закрыты, а лицо абсолютно ничего не выражало. В комнате воцарилась тишина, пронизанная страхом. Бетти Смит, не выдержав, судорожно всхлипнула.

— Заткнитесь! — прикрикнул на нее Френсис. — Еще не время пускать в ход водометы. Ну как, Фред?

— Исчезло. — Девушка открыла глаза. Тело ее было напряжено, а лицо, утратившее свойственное ей несколько циничное выражение, сильно побледнело. — Очень странное, Френсис. Типа блуждающего призрака из Баттерси, но гораздо слабее.

Лицо Френсиса окаменело. Он окинул цепким взглядом присутствующих.

— Вы говорили, до девяти вечера ничего не происходило. Не чувствовал ли кто-нибудь из вас странный холод? Словно дверь забыли закрыть?

— Я чувствовала, — призналась Нина. — А пару раз мне казалось, что на меня кто-то таращится. Ну, вы понимаете, ощущение, что вам в затылок впился чей-то взгляд.

Френсис кивнул.

— Хорошо. Кто еще? И никаких фантазий. Мне нужны голые факты.

Пять человек одновременно покачали головой, и Сент-Клэр мрачно улыбнулся:

— И что мы в результате имеем? Один латентный мс-диум, а все остальные — грубые материалисты? Это значит, что пятеро из вас в принципе не должны были что-то видеть или слышать. А ну-ка позовите сюда ту девушку!

— Вы имеете в виду Гертруду? — спросил Регги.

— Ну не царицу же Савскую! Где там ваш колокольчик? Я хочу скорее выяснить, что она знает, видит или фантазирует.

Бетти судорожно затрясла колокольчик, и вот наконец появилась Гертруда. Она была уже в пальто, и вынужденная задержка ее не слишком обрадовала.

— Хотели меня? Моя уходить. Мамка не любит, я ходить, када темно.

— Гертруда! — ободряюще улыбнулся Френсис. — Ты тут заявила, что ничто не может тебя заставить остаться в доме после заката. Ты, кажется, говорила, что в доме привидения. С чего ты это взяла?

Гертруда опустила голову и стала туда-сюда водить левой ногой, совсем как нерадивая ученица.

— Всякий знает, здесь привидения.

— Ты хочешь сказать, тебе говорили, что здесь привидения? Ты ведь сама не видела ничего странного?

Гертруда не отвечала, продолжая тупо водить ногой.

— Ну, — настойчиво повторил Френсис, — ты что-нибудь видела?

Гертруда непроизвольно помотала головой.

— Итак, — сказал Френсис, чуть-чуть расслабившись, — тогда откуда ты знаешь, что в доме привидения?

— Домой хочу. Мамка казала, я дома до темноты.

— Пойдешь, когда ответишь на мой вопрос. Так откуда ты знаешь, что в доме привидения?

— Бабка казала. — Слова вдруг полились из ее рта полноводным потоком: — Ночью шла мимо, луна яркая была, в саду треклятый большой человек ходил, треклятый большой человек в черном, глаза горели, бабка моя от страха чуть в штаны не наложила, и он ходил по ничаво...

— Ты хочешь сказать, — перебил ее Френсис, — что он ходил по воздуху?

Гертруда затрясла головой.

— Дык, по воздуху ходил. Три-четыре фута вверх, а бабка слышала, он точно по камню ходит, вот и дунула как ненормальная.

— Уверен, что именно так все и было, — мягко улыбнулся Френсис. — Хорошо, Гертруда, этого достаточно. Можешь идти.

Гертруда тут же испарилась. Она выскочила из дома на такой скорости, словно пыталась повторить рекорд своей бабушки. Вскоре все услышали звук ее шагов по мошеной дорожке.

— Вот и славно, вот и хорошо! — Френсис с детской радостью потер руки. — Картина, в общем-то, знакомая, до определенного момента. Ну а дальше... Не знаю, не знаю... Кстати, а где именно вы сталкивались с явлением?

— Чаще всего в холле, — отозвался Регги, — но видеть его можно только из гостиной. А звуковые эффекты слышны по всему дому.

— Представляю, как это действовало вам на нервы!

Все дружно закивали, а Регги добавил:

— Да, в самую точку!

— Ну а если все обстоит именно так, то осмелюсь спросить: что вы до сих пор здесь делаете?

— Потому что нам больше некуда податься, — повысил голос Регги. — Черт возьми, старина, мы вложили в этот дом все до последнего пенни, и нам здесь нравится. Честно говоря, вы наша последняя надежда.

— Надежда — это белая лошадь, мчащаяся к бескрайнему горизонту, — тихо заметил Френсис. — Ну да ладно. Вы все двигайте вверх, а мы уж с Фред попотеем в гостиной.

— Уверены? — проворчал Роланд Тейлор. — Все это, безусловно, имеет вполне естественное объяснение, но вся эта чертовщина — жуткий геморрой.

— Вполне уверен, — ответил Френсис, поднимаясь. — Только не уходите далеко. Ваши общие страхи послужат хорошей почвой для материализации чего бы там ни было.

— Думаю, нам действительно стоит вам сказать, чего жать, — проронила Бетти Смит. — Знаю, вы тысячу раз сталкивались с подобными вещами, но...

— Нет, — покачал головой Френсис. — Ни при каких условиях. Мне очень важно сохранить неподвзятое мнение. Не люблю, когда мне рассказывают сюжет, если я и книгу-то толком не успел открыть. Итак, все -- наверх, а нам с Фред необходимо сделать кое-какие приготовления. Когда все закончится, я вас позову.

После нескольких не вполне искренних попыток его разубедить все дружно эвакуировались наверх, а Френсис и Фред удлинились в гостиной Смитов. Девушка поморщилась:

— Ну что, Френки! Похоже, туто придется! Еще та обстановка!

— Не вижу поводов для беспокойства. — Френсис открыл чемоданчик и достал бутылку воды, моток тесьмы и пять деревянных крестиков на серебряном основании. — Не знаю, пригодится ли нам все это, но надо сделать пентаграмму на случай осложнений. Давай расчистим поле для деятельности.

Они отодвинули мебель в сторону и припилили тесьму, пометив контуры пятиконечной звезды. У вершины каждого луча Френсис поставил крест, затем, открыв бутылку, разлил ее содержимое по пяти маленьким серебряным сосудам, которые расставил по тупым углам внутреннего контура. Наконец он выпрямился и потер руки:

— Ну, дело сделано. Надеюсь, это сработает. Помнишь демона с Колчестер-роуд?

— Такое разве забудешь! — вздрогнула Фред. — Он разбросал кресты и швырнул меня так, что я перелетела через всю комнату.

— С тех пор мы поднабрались опыта. Поставь внутрь пару стульев. Зачем лишать себя комфорта.

Они перетанцили стулья через отмеченные тесьмой линии, затем Френсис задернул шторы и выключил свет.

— Надвигается буря, — объявил он. — Начинаясь дождь, поднимается ветер. Послушай!

Дом содрогнулся от порыва ветра, а дождь захлестал по деревьям в саду. Фред поежилась:

— Надеюсь, грома не будет. Ничего не имею против разгулявшихся привидений, но совершенно не выношу грома.

— Да нет, не похоже, — успокоил ее Френсис. — Просто ливешь. Полезно для сада. Ну, как сказала актриса епископу, нам остается только ждать, когда что-нибудь произойдет.

Они уселись на тонконогие стулья внутри боллой звезды, словно два ребенка, играющих в страшные игры. Френсис тихонько насвистывал, задумчиво глядя в потолок. Фред, позевывая, изучала свои ногти. Наконец Френсис нарушил молчание:

— Интересно, какое обличье оно примет? Мне почему-то кажется, что все эти неприятности не имеют никакого отношения к дому в его нынешнем виде. Возможно, это все старая тюрьма. Вот откуда ноги растут. Послушай, как востер. Как бы крышу не снесло! Что думаешь о той компании наверху?

Фред пожала плечами:

— Заурядные обыватели, ничего интересного. Правда, крошка Нина, возможно, обладает некоторыми телепатическими способностями, хотя и не подозревает об этом.

Неожиданно, словно выключили рубильник или на дом набросили огромное покрывало, шум ветра и дождя внезапно прекратился. Вспарилась абсолютная тишина. Френсис тяжело вздохнул:

— Ну вот, моя радость, кажется, началось. Теперь держись!

Минуту-другую ничего не происходило. Затем они услышали, как где-то вдалеке хлопнула дверь, потом раздался скрип засова. И шаги: чеканная, тяжелая поступь по выложенному плиткой полу. Шаги становились все отчетливее, и вдруг дверь в гостиную распахнулась. Френсис увидел, что вместо устланного ковром холла появился длинный коридор шириной с дверной проем. К ним приближался высокий человек, весь в черном.

— Фред, быстро! — сжал пальцы Френсис. — Что чувствуешь? Что это?

— Не знаю, — покачала головой Фред. — Ничего не чувствую. Ни холода, ни чьего-либо присутствия — абсолютно ничего.

— Что?! — Френсис оторопело уставился на приближающуюся фигуру. — Но ты должна, девочка. Смотри, про-

изошла полная реконструкция. Я бы сказал, настоящая тюрьма семнадцатого века, а этот тип, должно быть, начальник тюрьмы или вроде того. Ну и рожа — клейма негде ставить!

Высокий человек приблизился к открытой двери. Там он остановился и уставился на ошарашенную пару в пентаграмме. Росту в нем было не менее шести с половиной футов. Умное, но порочное лицо в обрамлении длинных черных волос. Одет он был во все черное: черный скюртук, черная рубашка и галстук, черные штаны из оленьей кожи и черные же сапоги с серебряными шпорами. В руке он держал длинный хлыст, которым нервно постукивал по ноге.

— Началось, — прошептал Френсис, а затем уже громче произнес: — Ты кто?

Зловещая черная фигура все так же смотрела прямо на него; ее темные глаза злобно сверкали.

— Чего ты хочешь? — медленно произнес Френсис. — Ты не из этого мира.

Фигура пару раз взмахнула хлыстом, затем, подняв правую руку, стала тыкать указательным пальцем в пустое пространство дверного проема. Выглядело это так, словно пришелец ощупывал невидимую стену.

— Какого черта?! — вскочил на ноги Френсис, и в глазах его зажглись огоньки понимания. — Нет, приятель, тебе пока сюда ходу нет. На твоём месте я бы развернулся и попытал счастья в другой раз.

Черная фигура бессильно уронила руку и взглянула на Френсиса с явным интересом; тонкие губы медленно раздвинулись в леденящей кровь ухмылке, обнажив ряд великолепных белых зубов. Затем он медленно повернулся и пошел назад по коридору, постукивая хлыстом по стенам. Когда хлыст переходил с кирпичной стены на деревянную дверь и обратно раздавался дребезжащий звук. Неожиданно дверь в гостиную захлопнулась, и сразу же вернулись звуки барабанившего по крыше дождя и завывающего в трубах ветра. Френсис вскочил на ноги и ринулся к двери. Распахнул ее, вбежал в холл и заорал:

— Все вниз! Живо!

На лестничной площадке открылась одинокая дверь: видимо, обитатели дома решили, что в компании будет безопаснее. Когда они спустились, Френсис увидел в их глазах тревожное ожидание.

— Сюда! — Детектив повел всех в гостиную.

Смиты предпочли сделать вид, что не заметили свернутого ковра и отодвинутой мебели.

— Итак, — начал Френсис, закрыв дверь и заняв позицию перед камином, — мы только что стали свидетелями случая, которого в моей практике еще не было. Настоящее — то, что сейчас, — было заблокировано, и мы увидели коридор, который, несомненно, принадлежал далекому прошлому. Высокий темный человек подошел к двери и, похоже, пытался проткнуть невидимую стену. Ну что, вы это являлись наблюдателями?

Все дружно кивнули, а Роланд Тейлор пробормотал:

— Временная картинка.

— Что?!

— Я сказал, временная картинка, — повысил голос Тейлор. — Образ, возникающий при определенных условиях. Типа телескопы, а мы — приемные устройства.

— Я знаю все про временные образы, — фыркнул Френсис. — Только они не сопровождаются звуком. Однако наш наблюдатель — личность сверхчувствительная — ничего не почувствовал. Почему?

— Не понимаю, — подал голос Регги Смит, выглядевший весьма расстроенным. — Нам без разницы, чувствует она тепло или холод. В доме привидения.

— Нет, — покачал головой Френсис, — за исключением присутствия чего-то неизвестного в столовой, я не обнаружил ни малейших следов наличия здесь паранормальных явлений.

— Но, — Бетти Смит, казалось, вот-вот расплчется, — этот человек, этот ужасный коридор!

— Результат того, что я могу назвать скачком во времени. Часть дома на короткое время превращается, по непонятным пока для меня причинам, в тюрьму, стоявшую каких-нибудь двести лет назад на этом месте.

— Чушь собачья! — прорычал Роланд Тейлор. — Не слушайте его! Все, что мы имеем, — это картинка того, как когда-то выглядел коридор.

— А вы думали о том, чтобы пройти через ту дверь, рискуя столкнуться с тем малым в черном одеянии? — поинтересовался Френсис.

Роланд Тейлор покачал головой:

— Честно говоря, нет. Я был слишком напуган. Хотя если бы я это сделал, то вся картинка могла распасться.

— Может, рискнете завтра вечером?

Тейлор, густо покраснев, рявкнул:

— Ну уж нет! За что мы вам деньги платим?

— Вот именно, — мрачно улыбнулся Френсис. — Я ведь специалист. Полицейский, которому вы платите за то, чтобы он поймал преступника; солдат, которого вы наняли воевать на вашей войне. А теперь попробуем продвинуться хотя бы на шаг вперед. Напрягите свои извилины и вспомните, какой длины, по вашему мнению, был коридор, когда вы впервые его увидели?

— Четыре—шесть футов, — подала голос Бетти Смит.

— Нет-нет, — покачала головой Нина. — Я бы сказала, футов десять. Человек вышел... из чего-то вроде тумана.

— От восьми до десяти футов, — заявил Холидей. — Определенно не длиннее.

— Этим вечером, — мягко сказал Френсис, — он был все тридцать футов. Зуб даю.

На минуту воцарилось молчание, а затем Роланд Тейлор спокойно спросил:

— И что все это могло бы значить?

Френсис Сент-Клэр задумчиво уставился на Тейлора, потом покачал головой:

— Честно говоря, не знаю. Возможно, когда я говорил, что дом переместился назад, в прошлое, следовало сказать «перемещался». Словно соскальзывал во временную пропасть. Но почему? Некоторые люди — особые люди — попадали в прошлое на короткое время, но только как зрители. А мы, похоже, вот-вот станем актерами.

— Полная чушь! — возмутился Роланд. — Нет пути назад в прошлое. Тени, образы прошедших лет, конечно, могут проявляться при определенных условиях. Однако сама идея, что живые люди могут переноситься обратно, абсурдна.

— Представьте себе, — спокойно сказал Сент-Клэр, — вы подошли к реке. Через нее нет переправы, и только один из вас умеет плавать. Как вы переберетесь на другую сторону?

— Построим мост? — предположила Дженифер Холидей.

— Умница, девочка, молодец! Но как? У вас полно веревок, по обоим берегам растут деревья, но даже если наклонить самое высокое из них, то все равно оно не достанет до другого берега. Можно перекинуть веревку через реку. Но нет якоря. И что делать?

— Хороший пловец... — предположил Лесли Холидей.

— Ага! — кивнул Френсис и совсем по-мальчишески хихикнул: — Продолжайте.

— ...может переплыть реку, чтобы закрепить на том берегу концы веревок. Если найти подходящее дерево, то можно соорудить веревочный мост.

— Абсолютно точно. — Френсис переходил от одного человека к другому, вглядываясь в испуганные или озадаченные лица, обрушивая на присутствующих потоки слов и явно находясь в состоянии крайнего возбуждения. — Ловкий человек с двумя веревками вполне может перебраться на другую сторону; и мост через реку — из преддверия ада — будет перекинут. Но самый важный первый шаг, самое главное, — это переправить человека на ту сторону. Без него предполагаемым путешественникам остается только стоять и... — Он сделал паузу, окинул взглядом пустой холл, а затем повернулся к озадаченным хозяевам: — ...только смотреть в будущее.

— Какого дьявола! — взорвался Роланд.

— Один из них перебрался, — заорал в ответ Френсис. — И нечего качать головами. И нечего говорить банальности типа: невозможно, надуманно, нелогично. Это возможно. Это уже произошло, и один из вас, черт побери, прекрасно это знает.

В комнате раздался возмущенный гул голосов. Роланд Тейлор презрительно фыркнул и, казалось, был готов накинуться на молодого человека, которого, похоже, забавляло их смятение.

— Хрень собачья! Полный бред! Я ведь с самого начала не хотел с вами связываться, но даже я не ожидал от вас таких дурацких заявлений.

— Заткнитесь! — взорвался Френсис. — Я сказал: всем заткнуться и слушать! Нет другого объяснения. Понимаю, для людей, которые только и знают что дорогу от офиса и обратно, это может звучать дико, но включите мозги! Кто-то — какой-то разум — построил мост через широкий пролив, отделяющий прошлое от настоящего. И это не может быть — повторяю, не может быть — односторонней операцией. Человек-якорь уже отправлен, и он среди нас — прямо здесь и прямо сейчас!

У присутствующих челюсть отвисла от удивления: они уже почти поверили, их почти удалось убедить.

— То есть вы хотите сказать, — первой решила заговорить Дженифер Холлидэй, — что среди нас призрак?

Френсис поднял тонкую бровь.

— Да, вы совершенно правы. Среди нас призрак. Фред почувствовала его в столовой. Призрак кого-то только что умиршего, скорее всего убитого.

— Убитого! — Роланд Тейлор беспомощно обвел глазами комнату. — Но здесь никого не убивали.

— Однако тут вы ошибаетесь, — потряс головой Френсис. — Кого-то действительно убили. Кто-то из вас получил оболочку, вселившись в его или ее тело. А душа невинно убиенного блуждает по дому. И теперь среди вас — существо из прошлого. Или, другими словами, кто-то из вас мертвый. Вопрос: кто именно?

Итак, все разошлись по своим комнатам, мучимые сомнениями и преследуемые страхами, а Фред и Френсис наконец остались одни.

— Ты можешь вступить в контакт с душой повопреставившегося? — спросил Френсис. — Просто пообщаешься, попробуешь материализовать — и наша проблема решена!

— Сомневаюсь, — покачала головой Фред. — Ты ведь знаешь, какие они, эти повопреставившиеся. Испуганные, потерянные... Они шарахаются от теленатического контакта

та, как трезвенник от стакана виски. Но я, конечно, могу попробовать.

— Пожалуйста, сделай одолжение. — Френсис подвел Фред к стулу. — Включи свои рецепторы и проверь, нет ли его или ее поблизости. И мы его (ее) идентифицируем.

Фред уселась на стул и закрыла глаза. Френсис встал за спиной девушки и начал нежно поглаживать ее высокий лоб.

— Расслабься, — тихо велел оп Фред. — Но будь осторожна. Никогда не знаешь, кто там затаился. Да, обследуй эту комнату. Есть что-нибудь?

— Нет, — ответила девушка, — абсолютно ничего.

— Хорошо. А теперь холл. Поверни рецепторы в сторону холла, но медленно... Расслабься! Есть там что-нибудь?

Фред какое-то время не отвечала. На ее бледном лице появилось выражение величайшего умственного напряжения. Потом она прошептала:

— Я что-то чувствую. Подожди минуту... да... страх... замешательство... крошечная тьма...

— Ты можешь установить контакт? — спросил Френсис. — Постарайся его притянуть. Втащи его внутрь!

— Не гони лошадей! Это чертовски трудная работа. Каждый раз, как я вступаю в контакт, оно шарахается в сторону, как девственница от... — Фред выпрямилась и, не открывая глаз, повернулась лицом к двери. — Хорошо, хорошо... без паники... мы хотим помочь. Понятно? Помочь... Мы твои друзья... Да не трясись ты так... Подойди поближе... То, что нужно... ближе, ближе... не дергайся...

— Продолжай, — сжал от волнения руки Френсис. — Так держать! Ты все делаешь просто замечательно.

— Через дверь, солнышко. — Фред наклонилась вперед. Ее глаза по-прежнему оставались закрытыми. — Ну, давай... тебе теперь печего бояться дерева. Следуй за синим светом... Все посзда следуют до Ватерлоо... Какого черта?!

— Что-то не так, Фред? — Френсис перестал улыбаться и с беспокойством посмотрел на девушку. — Давай заканчивай. Быстро! Что случилось?

— Помехи. Страх... ужас... ублюдок вышел на нас. Боже мой!

Она начала подергиваться, корчиться в судорогах. Голос ее персрос в истерический визг.

— Как больно! Уберите это, уберите!

— Прекращай контакт! — закричал Френсис. — Опомнись, это только самовнушение! Прекращай контакт, глупая корова!

Неожиданно тело девушки обмякло, и она бессильно откинулась на спинку стула; из-под опущенных век по бледным щекам покатились две крупные слезы. Френсис растер ей руки, а затем осторожно встряхнул.

— Хорошо, хорошо. Все позади. Просыпайся скорее, будь хорошей девочкой!

Фред открыла глаза и с минуту непонимающе смотрела в склонившееся над ней обеспокоенное лицо. Френсис поцеловал ее, а затем, выпрямившись, спросил:

— Ну, теперь все в порядке?

— Ага. Я сваяла дурака, да? — Ее опять передернуло. — Меня застали врасплох. Неожиданная вспышка холодного ужаса — и боль. Словно меня выпороли кнутом.

— Не лишено вероятности, — кивнул Френсис. — Наш долговязый друг — специалист по таким делам. И что дальше?

— Пожалуй, все. Прекратив контакт, я оборвала связь. Боюсь, нам больше не удастся найти нашего новопредставившегося. Ведь все мои неприятные ощущения — только отражение того, через что ему или ей пришлось пройти.

— Ну, одно можно сказать наверняка, — заметил Френсис, вынув из портсигара сигарету и вставив ее между губ девушки, — нам придется действовать предельно жестко. Не спускать глаз с каждого из них и терпеливо ждать, когда человек-якорь выдаст себя.

— У Нины определенно имеется телепатический потенциал, — пыхнула сигаретой Фред. — Она могла стать магнитом, притянувшим гостей из прошлого к данному месту. Опять же Роланд Тейлор всегда против и, похоже, не хотел, чтобы тебя приглашали. Думаю, он — наш первый подозреваемый.

— Все. На сегодня хватит, — зевнул Френсис. — Быстро в кровать! Завтра мы должны распутать это дело или от-

ложить, но максимум на день. Сильно сомневаюсь, что нам удастся удержать всех дома больше чем на двадцать четыре часа. Как только наш долговязый друг войдет в эту комнату, они тут же забудут о своих инвестициях и мигом слиняут.

Трое мужчин и три женщины сидели полукругом. На всех лицах была подобающая случаю мрачная мина. И все, как один, пытались сохранить выдержку под испытующим взглядом Френсиса. Детектив-медиум занял свое любимое место у камина. Фред встала слева от него. Девушка облачилась в тот же самый причудливый наряд, в котором приехала. На правой груди были вышиты буквы «Э. Д.».

— Я собрал вас всех вместе, — начал Френсис, — чтобы сообщить о том, чего нам удалось достичь, и, выражаясь военным языком, ознакомить вас с обстановкой. Сегодня я проводил кое-какие изыскания в местной библиотеке, и мне повезло найти это. — Он взял с каминной полки книгу. — «История Кларенса и его окрестностей». Автор Пилбим. Здесь целая глава посвящена Кларенс-Грэндж. Действительно, на этом месте когда-то была тюрьма. Построена в тысяча шестьсот двадцать девятом году и взорвана в тысяча восемьсот тридцатом. Конечно, нет нужды говорить, что в семнадцатом веке тюрьма была не лучшим местом для отсидки, а если еще начальником был не тот человек, то случиться могло что угодно. И я нашел пугный мне год: тысяча семьсот сорок второй, так как именно тогда, судя по записям, начальником тюрьмы был назначен Ройстон Вэнтворт. Возможно, он даже купил эту должность. Позвольте мне процитировать.

Сент-Клэр открыл книгу и начал читать, время от времени поднимая глаза, словно желая посмотреть на выражение лиц присутствующих:

— «Ройстон Вэнтворт был чрезвычайно одаренным человеком и был сведущ в искусствах, подобающих ученому мужу и истинному джентльмену. Но он не пошел по божественной тропе, а блуждал по дорогам темных знаний, в связи с чем воистину благочестивые люди сторонились его.

Когда в тысяча семьсот сорок втором году от Рождества Христова он принял должность начальника Королев-

ской тюрьмы Кларепса, он сделал некоего Кристофера Уайетта старшим надзирателем, а еще несколько человек, славившихся своей дурной репутацией, были назначены надзирателями... Уже в тысяча семьсот сорок третьем году весь прежний персонал тюрьмы был уволен, и тюрьмой стали заправлять люди Вэнтворта. Ходило много толков о страшных делах, творившихся за мрачными стенами тюрьмы...

...На суде один заключенный, фальшивомонетчик по имени Иеремия Уоттс, показал под присягой, что начальник тюрьмы Вэнтворт и вышеупомянутый Кристофер Уайетт сделали так, что стена исчезла, а за ней свидетель увидел такое, что у него от страха волосы на голове зашевелились...

...Он увидел комнату, где огни горели без пламени, а еще ящик со стеклянной передней стенкой, в котором двигались крошечные изображения...

...Многие обитатели тюрьмы стали лунатиками, а одного заколдовали, и он поклялся на Священном Писании, что не принадлежит этому времени, а родился в том веке, который еще не наступил».

Френсис закрыл книгу и осторожно положил ее обратно на каминную полку. Когда же он вновь заговорил, голос у него был тихим-тихим, словно у опытного проповедника, готовившего эффектную развязку:

— Он поклялся на Священном Писании, что не принадлежит этому времени, а родился в том веке, который еще не наступил. — Френсис сделал паузу, а затем продолжил, уже громче: — И им был один из вас — или будет? — он или она? Не отмахивайтесь от идеи перемещения во времени. Многие заявляли о том, что их перенесли из одного года в другой, но, когда они пытались объяснить властям, в какой перелет попали, их принимали за сумасшедших. Разрешите вам напомнить, что только в Великобритании каждый год бесследно исчезает десять—пятнадцать тысяч человек. А кто может наверняка сказать, что они не блуждают по улицам средневекового Лондона или не гниют в каком-нибудь дурдоме семнадцатого века?

Дженифер Холидей подняла руку, точно школьница, спрашивающая у учителя разрешения задать вопрос.

— Подумать только! Если все, что вы говорите, правда и все эти... люди... сумели построить мост, что же будет? Они нас похитят?

— Среди нас присутствует человек, который может ответить на этот вопрос лучше меня, — сухо ответил Френсис. — Но я бы сказал, что перемещение коснется душ, а не тел. Ройстон Вэйтворт отыскал место — или ищет — для того, чтобы сбежать. Он прекрасно понимал, что за его грязные делишки — болтаться ему рано или поздно на виселице. Но если он обменяется личностями с кем-то из далекого будущего, то сможет спасти свою шкуру. Похоже, он собирается перетащить сюда всю свою пайку-лейку.

— Этого не может быть, — покачал головой Роланд Тейлор. — Слишком притянута за уши.

— Так ли? — поднял бровь Сент-Клэр. — Ведь я могу подумать, что по сравнению со всеми остальными для вас эта ситуация самая благоприятная.

— Что все это значит?

— А это значит вот что. — Френсис внезапно ткнул указательным пальцем в сторону своего крупного, краснолицего собеседника. — Я полагаю, что вы и есть человек-якорь, тот, которого послали, чтобы заладеть телом настоящего Роланда Тейлора. Мост еще не закончен, так что призрак этого бедолаги не оставляет попыток дать о себе знать. Но вы его спугнули. Вот почему вы были против того, чтобы меня пригласили. Вот почему вы пытались с самого начала дискредитировать саму идею. Вот почему...

— Да вы просто чокнулись, твою мать! — Тейлор вскочил с места. Лицо его перекошилось от ярости. — Вы, чертов придурок! В вашей теории полно нестыковок. Я могу одним ударом ее разрушить. Во-первых, если я или, например, любой из здесь присутствующих беглец из восемнадцатого века, почему тогда мы так хорошо говорим на современном английском, английском двадцатого века? А? Я, если угодно, могу разобрать телевизор и снова собрать его. Хотите узнать, кто были мои родители? Когда родились и когда умерли? Могу также ответить на вопросы по истории последних тридцати лет. Не желаете ли проверить мое во-

дательское мастерство? Так идите и постучитесь в дверь ближайшей психушки. Там вам самое место.

— А что скажете на это? — улыбнулся Регги Смит. — Я умею водить машину и могу перечислить всех премьер-министров Великобритании начиная с тысяча девятьсот двадцатого года. Надеюсь, это снимает с меня все подозрения.

— А я умею печатать, — сказала Бетти Смит с наигранной скромностью. — Шестьдесят слов в минуту.

— А я умею кататься на велосипеде, — объявила Нина Тейлор, — и еще печатать, стенографировать, пользоваться телефоном, калькулятором... И я три раза смотрела «Унесенные ветром».

— А я, — сказала Дженифер Холидей и, загибая пальцы левой руки, огласила список своих достижений: — Могу печатать, стенографировать, если, конечно, не слишком быстро, а еще могу рассказать вам содержание «Истории любви»...

— Хорошо, хорошо, — поднял руку Френсис. — Итак, вы все умненькие-разумненькие мальчики и девочки. Но это еще ничего не значит. Вэпворт и компания были блестящими людьми. Намного опережали свое время. Возможно, они не смогли бы печатать или разобрать телевизор, но хорошо знали человеческую натуру. Они ведь смогли сделать так, чтобы их милая шутка сработала. Когда наш анонимный человек-якорь завладел современным телом, он в придачу унаследовал и мозги двадцатого века. Прекрасно работающий компьютер с первоклассной памятью. Он, конечно, напрягся, когда его новое тело село в машину, но банк памяти сообщил его мозгу, что надо делать. Извините, Тейлор, вы можете хоть «Британику» процитировать от начала до конца и наоборот, вам все равно меня не убедить, что вы не сбегавший из восемнадцатого века черный маг.

— Теперь понимаю, — застенчиво произнесла Дженифер Холидей. — Мистер Тейлор ни разу не выказывал особого страха, когда... хм... явление имело место. Это меня всегда удивляло. Мне-то уж точно было не по себе.

— Если я не бегал по кругу, кудахтая как безмозглая курица, это еще не значит, что я не испугался. — Тейлор

бросил взгляд на Дженифер, а затем повернулся к Френсису. — Вы еще за это ответите, Сент-Клэр! До вашего приезда мы боялись призраков, а теперь шарахаемся друг от друга.

— Все верно, — кивнул Френсис. — Тому есть веская причина. Один из вас чужой, предвестник дьявольского вторжения. И не надейтесь, что мистер Тейлор — мой единственный подозреваемый. Например, миссис Тейлор вполне может оказаться нашим, извиняюсь, мужчиной. Она определенно обладает скрытыми телеснатиическими способностями, что могло привлечь к ней чужих.

Нина Тейлор вскинулась, словно ее ударили.

— Я нахожу ваше замечание оскорбительным, мистер Сент-Клэр. Если вы полагаете, что я позволю, чтобы моим телом завладел дух незнакомого мужчины, вы еще неормальнее, чем думает мой муж. Право слово!

В этот момент появилась Гертруда и громко объявила:

— Кушать обед!

Компания потянулась в столовую, где в полном молчании уселась за стол. Когда Ретти Смит нечаянно кашлянул, все подпрыгнули как ужаленные и уставились на нарушителя спокойствия так, словно у него на голове выросли рога. Позвякивание ножей о тарелки, чуть слышная просьба передать соль, шарканье тапочек Гертруды — все это создавало такую тяжелую атмосферу, что, казалось, ее можно было попробовать на вкус. Френсис заметил, что Роланд Тейлор, едва притронувшись к еде, положил нож и вилку и мрачно уставился в противоположную стену.

— Френсис, — неожиданно сказала Фред, — может, тебе будет небезынтересно узнать, что наш блуждающий друг вернулся?

— Да что ты говоришь? — поднял брови Френсис. — Ты хочешь сказать, что дух новопредставившегося сейчас в этой комнате?

Гертруда взвизгнула, уронила поднос с бисквитами и выбежала из столовой.

— Ну уж точно не то, что твоя бабушка зашла на чашечку чая, — негодуя парировала Фред. — Дуранка сейчас парит над стулом нашего дорогого Роланда.

— Проклятье! — Роланд Тейлор отпихнул стул и треснул кулаком по столу. — Что за игру вы затеяли, Сент-Клэр? Вы до смерти напугали эту убогую девчонку, так что она последние мозги растеряла, да и всех остальных чуть до кондрашки не довели!

— Я, пожалуй, схожу проверить, как она, — вскочила Бетти Смит. — Не хочется ее потерять. Хорошую прислугу найти не так просто.

— Ну как, испугались, Тейлор? — спросил Френсис. — Хоть на йоту, а?

— Конечно испугался, — проревел Тейлор, — и не собираюсь этого скрывать.

— Тогда почему вы не уходите? Я ведь не говорю, что навсегда, а только пока дело не прояснится.

— С какой это стати?

— А почему бы и нет? — Френсис повернулся к остальным. — Почему бы вам всем так не сделать? Давайте по машинам и прямо в гостиницу! Переночуете там, а утром, надеюсь, у меня будут для вас хорошие новости. Ну что, договорились?

Но тут вернулась Бетти Смит и села на свое место во главе стола.

— Надеюсь, Гертруда завтра придет, но сейчас она до смерти напугана. Нам все же стоит выбирать выражения в ее присутствии.

— Сент-Клэр хочет, чтобы мы выметались, — сказал Тейлор. — Собрали манатки и провели ночь в гостинице.

— А это обязательно? — спросила Бетти. — Я просто хочу сказать, что до сих пор наверху нам ничего не угрожало.

— До сих пор. Согласен, — кивнул Френсис. — Но если наш ночной гость сумеет достроить мост, то за вашу жизнь я и гроша ломаного не дам.

Нина вздрогнула.

— Послушайте, давайте уведем. Я так и вижу, как это животное карабкается по лестнице.

— Не понимаю, почему мы должны покидать свой дом только потому, что какой-то душегуб из прошлого повадился шляться по несуществующему коридору, — пробурчал Роланд Тейлор. — А кроме того, это лишние расходы.

— Не думаю, что вам особо пригодится счет в банке, когда вы помешаетесь местами с Ройстоном Вэнтвортом и его друзьями, — мрачно парировал Френсис. — Но дело в том, что если вы не будете путаться под ногами, то нам с Фред не придется беспокоиться ни о ком, кроме себя.

— Тогда, может, позвонить в «Грин бой», — предложила Бетти. — Я просто хочу сказать, а вдруг у них все забито.

— Вот и нет! — ухмыльнулся Френсис. — Я взял на себя смелость забронировать три номера.

— Ты, урод! — проревел Роланд.

— Конечно, — пожал плечами Френсис. — Я так и знал, что один из вас будет возражать. Представляю, как разозлится мистер Вэнтворт, когда не обнаружит на посту своего человека-якоря.

Спустя полчаса три машины с ревом рванули прочь, и на дом опустилась тяжелая тишина.

— Уверен, что это сработает? — спросила уже в третий раз Фред.

— В этом мире ни в чем нельзя быть уверенным. — Френсис задернул шторы и открыл дверь в гостиную. — Но я бы сказал, что один из них — он или она — постарается пробраться назад. Многое зависит от того, окажется ли человек-якорь на месте между девятью и полуночью. Возможно, он способен действовать и на расстоянии, но я сильно сомневаюсь. Самое важное для них — атмосфера этого места. Нет, незванный гость, завладевший чужим телом, обязательно должен вернуться, или мост рухнет. Который час?

— Без пяти девять, — ответила Фред.

— Ну, теперь может начаться в любую минуту. Давай располагайся поудобнее. А вот в мерах предосторожности нет нужды — они в любом случае нам не помогут.

Фред опустилась в кресло, а Френсис приложился к горячительному из буфета.

— А мне?

— Нет, — покачал головой Френсис. — Тебе достаточно пробку понюхать — и ты хороша. А я хочу, чтобы твое бесценное шестое чувство было всегда наготове.

— Свинья!

— Знаю-знаю. Люди и раньше высказывались по поводу моих свинских качеств. Кстати, как ты думаешь, что предпримет наш попрыгунчик с той стороны, когда обнаружит, что человек-якорь пропал?

Фред вздрогнула.

— Не знаю. Может, постучится в дверь ближайшей церкви. Не к тебе же ему бежать! Хотя магистр черной магии вряд ли будет искать убежища в церкви. Нет, он пошлет другого человека, который прямоком направится к первому попавшемуся медиуму, который окажется под рукой.

— Что ты сказал? — Фред с минуту обдумывала такую возможность, а затем в глазах ее появилась тревога. — Постой-ка, постой-ка. Так это ж я.

Френсис кивнул:

— Ты очень проницательна.

— Но... если ему удастся... это ведь будет то же самое, как если бы меня убили.

— Меня всегда восхищало, — заметил Френсис, — твое редкое умение в двух словах обрисовать ситуацию.

— О, большое спасибо! Я что, должна стать овцой на заклание?

— На самом деле, я бы не стал называть тебя овцой. Скажем так: неотразимая приманка.

— Ублюдок бесчувственный! А я-то думала, ты меня любишь!

— Люблю, — энергично закивал Френсис. — Если должно случиться худшее, то это будет огромная жертва.

— Предположим, меня убили, — настаивала Фред, — что будешь делать?

Он тяжело вздохнул:

— Придется научиться любить кого-то другого.

Неожиданно где-то, совсем близко, хлопнула дверь.

— Интересно, это наш блуждающий мальчишка вернулся? — задумчиво произнес Френсис. — Или, может, Вэнтворт решил прошвырнуться?

Они ждали, прислушиваясь к малейшим звукам и напряженно глядя в неизвестность. Затем послышался звук приближающихся шагов по твердой поверхности: мед-

ленная поступь, и такая тяжелая, что настольная лампа задрожала. Но холл каким был, таким и остался: толстый ковер, стойка для зонтиков, приглушенный свет — все, несомненно, из двенадцатого века. Шаги послышались у самого порога открытой двери, а затем замерли. Детективы услышали чье-то тяжелое дыхание.

— Звук есть, а картишки нет, — тихо бросил Френсис. — Ну, давай же, дружище, кем бы ты ни был! Господин будет очень недоволен.

Неожиданно раздался громкий треск, словно кто-то лягнул деревянную перегородку. Через пару секунд звук повторился, и Френсис ухмыльнулся:

— Ну и характер!

— Френки, любимый, — жалобно сказала Фред, — я, кажется, немножко боюсь.

— Пожалуй, не стоит, — ответил он. — Ты ведь профессионал и знаешь, что страх — это ключ, который откроет любую дверь. И ты знаешь, что может войти через открытую дверь. Я припоминаю...

Его прервал на полуслове сильнейший крик — мощный яростный вопль, эхом разнесшийся по длинному коридору. А затем послышался звук еще чьих-то шагов, только теперь более легких, бегущих.

— Приготовься! — поднялся Френсис. — Подкрепление.

— А они нас видят? — спросила Фред не вполне твердым голосом.

— Не уверен. Может быть. Но они определенно знают, что мы здесь.

— Сомневаюсь, что меня привлекает перспектива стать объектом наблюдения каких-то сомнительных личностей из семнадцатого века. — Фред вздрогнула, затем сжала голову руками. — Кто-то пытается залезть внутрь.

— Что?! — Френсис заходил кругами. Взгляд его стал ледяным, а лицо превратилось в бесстрастную маску. — Объясни! Ну же, девочка, быстрее!

— Холодные пальцы щупают мой мозг... боль... хотят забраться внутрь...

Френсис в два прыжка подскочил к ней и схватил за руку.

— Поставь мысленную преграду, напряги всю свою волю!
 — Не могу... Они очень сильные...
 — Посмотри мне в глаза. — Он отпустил руку девушки и сжал ее лицо ладонями, а затем нагнул ее голову так, чтобы смотреть глаза в глаза. — Борись! Думай о боли — для него! Он горит, его живот в огне... огромный гребаный костер у него в потрохах... раскаленные ножи вонзаются ему в голову... он тонет в море раскаленной лавы... он уходит... больше не в силах терпеть...

Прямо за порогом открытой двери раздался вопль смертельной агонии, который сменился звуком удаляющихся шагов. Еще один яростный вскрик — и тишина. Френсис бессильно опустился на стул и вытер лоб.

— Он был совсем близко, — выдохнула Фред.

— Ну, вряд ли они предпримут вторую попытку. — Френсис поднялся и налил себе еще выпить. — Клянусь Богом, это именно то, что сейчас нужно! В какой-то момент я даже подумал, что придется подыскивать себе дружкую подержку.

— А что теперь? — спросила Фред.

— Они будут ждать, когда появится их человек-якорь. Это напомнило мне о... Где, к черту, он шляется?

— Это не сработает, — покачала головой Фред. — Где бы он ни был, он — или она — не сможет оторваться от остальных, не вызвав подозрений.

— Но ему ничего другого не остается. — Френсис стукнул кулаком по спинке стула. — Как ты не понимаешь?! Мост строится медленно — ночь за ночью. Если там появится брешь, то вся их работа пойдет насмарку.

— Так почему бы нам ее не законопатить, и пусть мучаются?!

— Потому что они начнут все сначала. Если не здесь, то где-то в другом месте. Меня наняли выполнить определенную работу, и будь я проклят, если... Что там такое?!

И снова послышался звук приближающихся шагов, только теперь откуда-то сбоку. Шорох гравия под ногами... и медленная, легкая, едва различимая поступь. Кто-то с величайшей осторожностью приближался к дому.

— Не может быть! — Френсис сделал глубокий вздох, а глаза его заблестели от возбуждения. — Да, похоже, это наш блуждающий малыш. Фред, любовь моя, клянусь чем угодно, что уже через несколько минут новопреставившийся войдет в эту дверь. Есть какие-нибудь предположения?

— Тейлор, — кивнула Фред. — Спорю на свои лучшие трусики, что это Роланд Тейлор.

— В них он будет неотразим. Очень может быть. Но я скорее ставлю на крошку Нину. Спокойная, немногословная. Ну вот, началось.

Со стороны парадной лестницы слышались слабые, неуверенные шаги. В замок вставили ключ, затем дверь со скрипом открыли, а потом осторожно закрыли. Тень упала на ковер в холле, вытянулась и тихонечко поползла по правой стене, словно ее обладатель направлялся в гостиную. На пороге двери нарисовалась какая-то фигура.

— Ой! Вот вы где! — сказал Регги Смит.

Френсис Септ-Клэр отвесил низкий поклон:

— Добрый вечер, мистер Кристофер Уайстт.

— Говорю ж вам, я вернулся, потому что начал беспокоиться, — повторил Регги Смит, — просто места себе не мог пайти.

— Клянусь, так оно и было, — злобно ухмыльнулся Френсис. — Хозяин очень рассердился. Не могу сказать, что я его за это осуждаю.

— Но, черт возьми, ведь именно я вас пригласил. Если бы я был... виновной стороной, с чего бы мне тогда посылать за человеком, способным разгрести все это дерьмо.

— Да. — Френсис закрыл глаза, а затем снова открыл. — Только расчет был на то, что я ничего не сделаю. Я ведь просто долбаный чудик, повернутый на охоте за привидениями. Нет, Фред была тузом в рукаве. Сильный медиум, способный на большее. Простая девушка с высокоразвитым телепатическим даром. Слабый игрок на замснугу. Еще один крутой на этом берегу. Возможно, сам великий человек.

— Боже мой, какую чушь вы несете! — возразил Регги Смит.

— Только я оказался вовсе не таким глупым чудиком, как вы надеялись, — безжалостно продолжил Френсис. — Я вселил в нее волю к сопротивлению, и ваш человек ретировался с разбитой мордой.

— Послушайте, — казалось, что Регги вот-вот заплачет, — я ужасно переживал, что оставил вас вдвоем перед лицом... чего-то, что должно было произойти, и поэтому тайком вернулся обратно.

— Почему вы крались по дорожке? Где ваша машина?

— Я приехал на такси. Гараж гостиницы заперли на ночь, а шел я так тихо, потому что был ужасно напуган.

— Что ты об этом думаешь, Ф. С.? — спросила Фред. — Полагаю, он говорит правду.

— Возможно, — вздохнул Френсис. — История настолько безумна, что похожа на правду... или на хорошо продуманную легенду. Я не буду сейчас выносить вердикт, мистер Смит, но, если обстоятельства вдруг подтвердят мои наихудшие опасения, держитесь. И не забывайте об этом.

Регги Смит издал горловой звук и со страхом посмотрел на открытую дверь.

— Возможно, мне стоит вернуться назад, — сказал он.

— Возможно, не стоит, — отрезал Френсис. — Раз уж вы здесь, я был бы весьма признателен, если бы вы ответили на пару вопросов. Кто-нибудь из вашей компании вел себя странно?

— Нет, — покачал головой Регги. — По правде говоря, ничего необычного. Все, конечно, были на взводе, но этого и следовало ожидать.

— Странно, если бы все было наоборот. Расскажите мне, что вы обычно делаете между девятью вечера и полуночью?

— А?

— Когда наш друг Ройстон выходит на ежевечернюю прогулку, что вы обычно делаете? Вы всегда поднимаетесь наверх?

— Да, но не с самого начала, — задумчиво произнес Регги. — Раньше мы выходили в сад, но через некоторое время кто-то из нас обнаружил, что явление никогда не затраги-

вает верхние этажи. И поэтому у нас вошло в привычку забираться наверх.

— А что не так было с садом? — спросил Френсис, закрыв глаза.

Регги вздрогнул.

— Да ничего особенного, только чертовски холодно.

Френсис открыл глаза и стал внимательно вглядываться в пустой холл.

— Холодно, говорите?

— Да, — нахмурился Регги. — На закате в низинах слишком ветрено.

— И в самом деле. Скажите, сегодня перед отъездом вы заперли двери?

— Конечно заперли.

— Вы уверены?

— Конечно уверен, — раздраженно отозвался Регги и снова нахмурился. — Мы решили, что ко всем вашим проблемам только грабителей вам не хватает. Вы знаете, нас уже дважды обворовывали. Бетти сказала...

— И даже заднюю дверь закрыли? — настаивал Френсис. — А вы ручаетесь, что надежно заперли все окна?

Регги с удивлением посмотрел на Сент-Клэра.

— Да, как раз была моя очередь отвечать за безопасность. Приходится принимать меры, учитывая все обстоятельства...

— Фред, — протянул Френсис, и лицо его озарила улыбка, — я тупой дубиноголовый придурок!

— Признание снимает камень с души, — процитировала молодая леди. — А я-то гадала, сколько времени тебе для этого понадобится.

— Гребаный, темный, слепой, глухой, полоумный кретин, — добавил Френсис. — Ведь мне все принесли на блюдечке с голубой каемочкой, а мне не хватило мозгов это понять.

— Тут уж ничего не поделаешь, — успокоила его Фред. — Уж таким ты уродился.

— А ты, конечно, вычислила недостающее звено, — предположил Френсис.

Возникла короткая пауза.

— Нет, — сказала Фред.

— Но теперь-то у тебя в голове все встало на свои места? — спросил Френсис, бросив на нее через плечо лукавый взгляд.

Она покачала головой:

— У меня нет твоих мозгов. Я только наемная рабсила.

— Но, черт возьми, девочка, это же так очевидно. Как то, что у тебя на лице есть нос.

— Оставь в покое мой нос, у тебя свой есть. Я, вообще-то, не догоняю, о чем ты говоришь.

— Я говорю о человеке-якоре. Ты просто обязана догадаться, кто это. Мы так заикнулись на невероятном, что просмотрели очевидное. Думай, думай, девочка.

— Я думаю, и это мешает.

— А ну-ка, Регги, будьте другом, сделайте кое-что для меня.

— С удовольствием. — Регги просиял, как бойскаут, которому предстояло сделать доброе дело. — Все что угодно.

— Прочистите хорошенько уши и слушайте. Ступайте и отойдите заднюю дверь, затем обойдите вокруг дома, насвистывая «Правь, Британия!». Когда дойдете до парадного входа, войдите, закройте дверь и выключите свет в холле. Вопросы есть?

Регги сосредоточился:

— Отпереть заднюю дверь, обойти вокруг дома, насвистывая «Правь, Британия!», войти с парадного входа, закрыть дверь, выключить свет. Все понял. Но почему?

— Никогда не спрашивайте «почему». — Френсис мрачно покачал головой. — Вы даже представить себе не можете, сколько государств сгубило это слово. Быстро — ноги в руки и делайте, что сказано.

— Хорошо, как вам будет угодно. Но клянусь жизнью...

— Когда вы вернетесь, я вас поцелую в засос, — пообещала Фред.

Регги ойкнул, густо покраснел и бросился выполнять задание. Френсис взглянул на свою помощницу:

— Ты что, хочешь, чтоб его кондрашкахватила? Держи себя в руках, все может начаться уже чуть ли не через пять минут.

Вдалеке раздался скрип открываемой двери, а затем, через какое-то время, пронзительное исполнение «Правь, Британия!» под скрип приближающихся шагов.

— Не попасть ему в горячую десятку, — вынес свой вердикт Френсис.

— Но зато он такой душка, — сказала Фред.

Передняя дверь внезапно распахнулась — это свидетельствовало о том, что Регги с облегчением оставил ночную тьму, затем свет в холле погас, и вот уже Регги стоял на пороге, сияя как школьник, которому удалось пробраться туда, куда детям вход воспрещен.

— Я сдслад это! — воскликнул он.

— Вы чертовски сообразительны! — мрачно провозгласил Френсис. — А теперь выключайте свет и садитесь рядом с Фред. Можете даже слегка пообжиматься до начала представления.

Регги обошел компату, выключил свет. И вскоре они уже сидели в темноте, словно три привидения, в ожидании полуночи. Несожданно Фред воскликнула:

— Эй, осторожнее там!

Френсис выругался:

— А ну прекратите! Некоторые наивно думают, что на первом этаже никого нет. Если не можешь его контролировать, терпи молча.

— Ну что вы в самом деле, — возразил Регги жалобным голосом. — Я никогда...

— Да заткнитесь вы, наконец! — рявкнул Френсис.

Прошло пятнадцать минут, и часы в холле пробили одиннадцать. И не успел затихнуть бой часов, как послышался первый звук. Слабое позвякивание. Возможно, кто-то слегка не рассчитал силы, осторожно закрывая заднюю дверь. Какое-то время ничего не происходило. По мере того как они ощущали чье-то приближение, напряжение росло. Регги судорожно сглотнул.

— Еще один звук, — прошептал Френсис, — и я тебя вырублю.

В соседней комнате скрипнул стул, а затем с глухим стуком ударился об обеденный стол. Кто-то вполголоса выругался. Потом они услышали чьи-то тихие шаги по ковру.

Темная фигура бесшумно прошла через комнату и неясным силуэтом возникла на пороге открытой двери. Кто-то свистящим шепотом произнес:

— Господин, господин, они закрыли меня...

Внезапно свет разорвал темноту, ослепив всех присутствующих. Только через пару секунд удалось идентифицировать фигуру в дверях. Френсис Сент-Клэр торжественно сказал:

— Итак, наконец-то мы встретились, господин Кристофер Уайетт.

Гертруда отскочила в сторону, ее лицо было искажено от страха и ярости.

Двое мужчин привязали долговязую ширококостную фигуру к стулу, а она дико редела, как медведица, понавшая в ловушку. Пару раз крики перемежались словами, произнесенными с акцентом, который представлял собой смесь кокни и деревенского говора, гласные проглатывались, словно для того, чтобы сделать речь еще более невнятной.

— Господин... не бросай меня в этом ужасном месте... меня закрыли...

— Хорошо, — сказала Фред, когда операция по связыванию непрошеной гостьи была завершена. — Знаю, тебе не терпится похвастаться. Когда ты понял, что это Гертруда?

— Когда Регги сказал, что только в саду было холодно. Как ты, наверно, помнишь, Гертруда рассказала нам, что ее бабушка видела человека, идущего по воздуху, из чего можно было сделать вывод, что явление имело место в саду. А вот и нет. Для строительства моста достаточно наличия закрытого пространства, но с выходом наружу. Конечно, я должен был догадаться раньше. Гертруда прекрасно подходила для замены. Простодушная, ничтожный словарный запас — все это облегчало задачу самозванца. Она была, если можно так выразиться, прямо создана для этого.

— Но ведь Гертруда всегда покидала дом задолго до девяти часов, — возразил Регги. — Правда, вполне возможно, что...

— Она возвращалась, — закончил предложение Френсис. — Не сомневаюсь, что вы не закрывали заднюю дверь,

пока не уходили спать. Но сегодня вечером перед уходом вы все заперли. Таким образом, нам предстояло шоу без изображения. Недоставало только камеры. Остается вопрос: что теперь?

— Вы хотите сказать... — Регги с плохо скрываемым волнением уставился на дверной проем.

— Рано или поздно все эти приготовления должны были принести свои плоды, — глубокомысленно бросил Френсис, с некоторым удовлетворением глядя на лже-Гертруды. — Наше будущее зависит от того, насколько хорошо мы будем управлять ситуацией, когда она возникнет.

Гертруда-Уайетт свесила голову набок и посмотрела на Френсиса выпученными глазами.

— Господин Вэнтворт... о-он все видит... о-он еще заставит вас поплясать...

— Он что-то не слишком торопится, — жизнерадостно заметил Френсис. — На твоём месте я бы еще раз ему покричал.

— Господин! — Открывший рот продемонстрировал ряд испорченных зубов. — Господин...

— Молодец, — одобрительно кивнул Френсис. — Так держать!

— Послушай, — возразила Фред, — я вовсе не жажду увидеть этот старый вонючий кусок мяса. Не можем ли мы удостовериться в невменяемости Гертруды — или как ее там — и оставить на какое-то время дом в покое. Ты говорил, что мост распадётся, если убрать человека-якоря.

— А что тогда делать с настоящей Гертрудой? Если мы не можем вернуть ее назад, в законное обиталище, то по крайней мере нам следует отомстить за ее смерть. Кроме того, нас наняли для того, чтобы выполнить определенную работу, а я не люблю бросать дело на полпути. Так что нам лучше сесть и подождать второго пришествия нашего ночного гостя.

Он похлопал извивающуюся фигуру по плечу.

— Не стесняйся, выдай еще парочку трелей. Разрушим еще одно ржавое звено в магической цепи.

— Кто-нибудь хочет чашечку чаю? — спросил Регги. — Я могу поставить чайник.

— Неплохая идея, — согласился Френсис. — Позаботь-
тесь о заварке, и никаких дурацких чайных пакетиков.

— И никакого сахара, — крикнула вслед Фред. — И не
слишком крепкий.

— Господин Вэнтворт... я здесь! — раздался хриплый
голос Гертруды-Уайстта. — *Гонги... Деливеренти... воти...*

— Похоже, специальная терминология, — сказал, ухмы-
ляясь, Френсис. — Один дьявол знает, что это значит.

— *Матермасс... Сатанус...* надрывалась Гертруда-
Уайстт. — *Смакмукус... бумонинус... Пондокронус... кунмон-
тус...*

— Ты когда-нибудь слышала что-нибудь подобное? —
спросил Френсис.

— Звучит весьма неблагозвучно, — отозвалась Фред. —
Ну и отвратной же компанией они были в своем семнадца-
том дремучем веке. Послушай, как думаешь, каково это —
мужчине оказаться в женском теле?

— Мы это уже проходили, — пожал плечами Френсис. —
А теперь заткнись. Кажется, кто-то выходит на связь.

Раздался звук множества открывшихся дверей, а затем
топот бегущих ног. Холл на глазах растворился; стены про-
валились, и в мгновение ока возник длинный, шириной в
дверной проем коридор. Высокий темный человек спешил
к открытой двери, его лицо было искажено от ярости.
Скрюченная фигура на стуле вся сжалась; ее рот извергал
поток слов.

— Закружи, господин, они закрыли меня... обнаружи-
ли... Должно быть, могущественные. Я пытался вступить в
контакт... я пытался, но слишком далеко, господин... Я был
слишком далеко...

Ройстон Вэнтворт сжал кулаки и стал колотить в невиди-
мую стену. Тупой звук постепенно сменился жутким трес-
ком, словно рушилась кирпичная кладка. Затем мощный
удар — и высокая, облаченная в черное фигура медленно
вошла в комнату. Еще несколько человек пробирались по
коридору. Они остановились на пороге, явно не желая или
боясь переступить черту.

Ройстон Вэнтворт стоял и смотрел на связанную фигу-
ру, скрючившуюся на стуле.

— У осла больше ума и здравого смысла, чем у тебя, — заявил он.

— Да, умом он не блещет, — согласился Френсис. — Запасной ключ избавил бы тебя от массы проблем.

Вэнтворт бросил на Френсиса высокомерный взгляд, тонкие губы раздвинулись в злобной ухмылке:

— Я вырву твою душу и швырну ее в темные долины, где за ней будут охотиться собаки смерти.

— Да и вы, — продолжил Френсис, — особым интеллектом не отличается.

— Старайся говорить по-английски, — посоветовала Фред. — А то он не в теме.

— Я сказал, — заорал Френсис, — твоя голова утратила разум. Проклятье, не могу говорить на этом жаргоне! Мы-то рассчитывали, что здесь появятся ваши души, а не ваши тела. Ты на чужой территории, чувак. Это моя территория. Усек? Все понятно?

— Нет, конечно, — возразила Фред. — Он, скорее всего, думает, что ты над ним издеваешься.

Понял ли их Ройстон Вэнтворт или нет, но намечения его были явно недвусмысленными. Он направился к Френсису, вытянув руки, скрючив пальцы и утробно рыча. Френсис отступил в сторону и попытался ретироваться. Он оттолкнул кофейный столик прямо под ноги приближающегося великана, так что тот споткнулся. Но Вэнтворт все же устоял на ногах, отпихнул столик и продолжил свое неумолимое наступление. Тогда Фред подняла столик и швырнула его в широкую спину противника. Столик попал Вэнтворту между лопаток. Вэнтворт резко развернулся и направился к окаменевший от страха де-вушке.

— Шевелись! — заорал Френсис. — Беги!

Его предупреждение было оставлено без внимания. Рука, словно высеченная из куска гранита, взметнулась вверх и опустилась на левую щеку Фред. Ее отбросило назад, она упала и осталась неподвижно лежать на полу. Френсис забыл об осторожности и ринулся вперед, как боксер, приготовившийся к нокауту. Он нанес комбинацию ударов в стальной живот, а затем — аперкот прямо в челюсть врага.

Трижды повторив атаку, он остановился, потер разбитые костяшки пальцев и посмотрел вверх.

На лице Вэнтворта играла ироническая усмешка.

— Твою мать! — выругался Френсис, пытаясь отскочить назад, но огромная рука нащупала его горло и заставила опуститься на колени.

В голове промелькнула парадоксальная мысль: «Неужели это история, где плохие парни берут верх?»

Он медленно терял сознание, проваливаясь в бездонную яму, а душа его готовилась отправиться по неизвестному назначению, когда какой-то коричневый предмет, перелезев через комнату, угодил Вэнтворту прямо в лицо. Стальные пальца разжались, и Френсис бессильно опустил на пол, жадно глотая воздух. Вэнтворт дико визжал, закрыв руками обожженное лицо. Регги Смит посмотрел на Френсиса и пожал плечами:

— А что еще мне оставалось делать? Я запустил в него чайником.

Френсис, постепенно возвращаясь к жизни, бросил изумленный взгляд на извивающегося великана. Детектив был не в силах вымолвить ни слова, пока не поднялся.

— Да, очень бодрит, — сказал он медленно. — Поистине живительная влага! Регги, вы у нас просто чудо! А ну-ка подайте мне этот столик.

Регги повиновался, и Френсис обрушил столик на голову Вэнтворта. И как раз вовремя: гигант уже был готов принять более активное участие в дискуссии.

— Засни, — посоветовал Френсис, — и просыпайся в мрачном вчсра!

Вэнтворт повиновался, оставшись лежать на полу, как поваленный дуб в ожидании пилы лесоруба. Френсис принялся выпрямлять распростертое тело, а Фред тем временем с трудом поднялась на ноги, потирая уродливый красный рубец на левой щеке.

— Веревку! — крикнул детектив, щелкнув пальцами. — Шнуры от штор, чулки, хоть панталопы — все, что угодно.

После судорожных поисков под сочувствующими взглядами Регги Фред отыскала нейлоновые чулки и протянула их Френсису. Он связал лодыжки и запястья великана, за-

тем затянул узлы потуже и с гордостью оглядел результаты своих трудов.

— Нечестивец номер один упакован. Теперь осталось только отправить его назад по старому адресу. Регги, ну как, силенок-то хватит?

— Нет.

— Прекрасно! Держи его за ноги, а я возьму на себя эти мужественные плечи.

Регги всем своим видом демонстрировал явное нежелание прикасаться к незваному гостю, особенно под пристальными взглядами четырех злобного вида типов, следивших за операцией из коридора.

Подозрительные личности не сдвинулись с места с того момента, как Вэнтворт ворвался в гостиную. Но теперь выказывали явное беспокойство, поскольку поняли, что им возвращают их предводителя. Регги испуганно оглянулся.

— А что... с этими людьми? — прошептал он.

— Не забивайте свою драгоценную голову такими глупостями, — посоветовал Френсис и крикнул Фред: — Включи телевизор! Быстро!

— Какой канал? — поинтересовалась Фред.

— Да без разницы. Парочка рекламных роликов напугает их до невозможности. По себе знаю.

Медленно, медленно, с неимоверными усилиями они подтащили Вэнтворта к дверному проему. Безмолвная аудитория отступила на пару шагов, кто-то даже покачал головой.

— Любопытно, — поделился своими впечатлениями Френсис, — но они, похоже, не жаждут получить своего весельчака назад. Это не есть хорошо. Но хотят они того или нет, он точно отправится обратно.

Перекинуть тело через порог оказалось невозможным — оно было чересчур длинным. И метнуть его головой вперед, как снаряд, тоже было нельзя: Вэнтворт был для этого слишком тяжелым. Френсис уже почти пришел к не самому лучшему решению, когда признаки чрезвычайного возбуждения, охватившего зрителей, поневоле заставили его оглянуться.

На экране телевизора он увидел обезьяну, одетую в костюм восемнадцатого века. Она что-то пила из чашки.

— Нет ничего лучше, чем чашечка «Роузи Ли», — объявила обезьяна.

Четверо мужчин резко повернулись на каблуках и припустили рысью по коридору. Их бегство происходило под аккомпанемент множества открывающихся и закрывающихся дверей. Затем все стихло.

— Знаете, — бросил Френсис, еще крепче вцепившись в плечи Вэнтворта, — никогда не думал, что чай может обладать такой живительной силой. Хорошо, давайте перетасим его сюда.

Изрядно попотев, они уложили свою ношу на каменный пол и огляделись. Регги дрожал как осиновый лист.

— Мы, что... попали в... — начал он и умолк на полуслове, очевидно со страху растеряв весь свой словарный запас.

— В восемнадцатый век, — кивнул Френсис. — Мы в старой тюрьме Кларенса, и да поможет нам Бог, если мост распадется до нашего возвращения. И все же было бы непростительной глупостью не осмотреть местные достопримечательности.

Гостиная и цветной телевизор за открытой дверью, безусловно, принадлежали двадцатому веку, но по другую сторону проема и за ним — далекое прошлое было так же реально, как утро понедельника. Френсис открыл одну из дверей и вошел в камеру, в которой были только голые нары и железное ведро. Детектив вернулся в коридор. Там его встретил дрожащий как осиновый лист Регги, непрестанно бросающий тоскливые взгляды в сторону уютной гостиной.

— Думаю, нам пора возвращаться. Здесь эти... люди. Они наблюдают за нами из-за угла.

И действительно, из-за угла на них смотрело чье-то испуганное лицо, но стоило Френсису громко крикнуть: «Бу-бу-бу!» — как оно тот час же испарилось.

— Возможно, вы и правы, — неохотно согласился Френсис. — Но было бы здорово пошариться здесь подольше, особенно с фотоаппаратом. Только представьте себе, сколько бы отвалили воскресные газеты за фотографии восемнадцатого века, сделанные в реальном времени.

— Френсис, — позвала Фред, — беги скорей сюда! Гертруда что-то разыгралась, и мне с ней не справиться.

Они ворвались обратно в гостиную, где сидела лже-Гертруда и с нескрываемым ужасом таращилась в телевизор.

— Она что, никогда раньше телик не смотрела? — спросил Френсис у Регги. — Я имею в виду настоящую Гертруду.

— Наш она точно никогда не смотрела. И сильно сомневаюсь, чтобы у ее престарелой мамы был телевизор.

— Это лишает нас возможности пробудить в ней воспоминания, — задумчиво заметил Френсис и добавил: — Фред, переключи-ка на другую программу.

Девушка нажала кнопку, и тут же на экране появился верзил, изо всех сил волтузивший какого-то коротышку. Гертруда-Уайетт завизжала.

— Мы засунем тебя вон в тот ящик, — пообещал Френсис, — и этот громила будет мутузить тебя целую вечность.

На экране крупным планом возникло лицо коротышки. Оно походило на кусок сырого мяса.

— Давай переключай назад! — скомандовал Френсис.

На камеру надвигался человек; вдруг прогремел выстрел, и у мужчины на груди расплылось отвратительное красное пятно. Он издал булькающий звук и повалился на тротуар.

— Мы тебя уменьшим, сожжем так, что станешь крохотулечным, а потом засунем вон в тот ящик, — сообщил Френсис потерявшему дар речи Уайетту, — так как это дорога в ад. Фред, переключай на Би-би-си-два.

Скрип тормозов, грохот выстрелов, мелькание кулаков, опускающихся на беззащитную плоть, и душераздирающий вой. Что-то серое, клочок гумана, перемахнуло через дверной проем, и коридор внезапно исчез, а вместо него появился хорошо знакомый холл. Френсис смахнул пот со лба:

— Никогда бы не подумал, что это сработает. Какое счастье, что они выбрали простую душу, неотягощенную излишним интеллектом. Фред, что там слышно о настоящей Гертруде?

— Не стоит беспокоиться, — сказала Фред, пытаясь распутать непослушные узлы. — Как только она очнется, ее душа уже будет на своем законном месте.

— А... а мост исчез навсегда? — спросил Регги, тревожно вглядываясь в пустой холл.

— Само собой. Человек-якорь переправлен обратно через реку. Хотя такое вполне могло случиться, даже если бы вы просто захотели переделать холл. Скажем, заменить половицы, декорировать как-то по-другому — чтобы изменились вибрации... Но полагаю, впрямь с вашим домом все будет в порядке. Ага, похоже, вернулась наша странница. Наверное, стоит выключить телевизор.

Гертруда открыла глаза. Она медленно огляделась, а затем посмотрела на Регги Смита:

— Мистер Смит, сэр. Такой чудной сон. Я все ходила, ходила по дому, так меня никто не видал.

— Ну теперь беги скорей домой, Гертруда. Ночь на дворе.

Она поднялась со стула, испуганно посмотрев на лампу и задернутые шторы.

— Ма не велит выходить, когда темно, а я спала в вашем лучшем кресле, сэр.

— Почему тебе нельзя выходить, когда темно? — медленно спросил Френсис. — Привидений боишься?

— Нет, не верю я в такие глупости. Просто в темноте могут затаиться нехорошие мужчины с дурным на уме.

Френсис улыбнулся:

— Да пребудет с тобой мудрость навеки, Гертруда.

Они сгрудились вокруг машины, рассыпаясь в благодарностях. Женщины чирикали, мужчины изо всех сил старались выглядеть сердечно, хотя думали уже о другом. И вот Бетти Смит решила задать последний вопрос, на который еще не было ответа:

— Мисс Мастерс... Фред, надеюсь, вы на меня не обидитесь, если я спрошу: ваши инициалы действительно Ф. М.?

— Все верно, — сказала Фред, забираясь на сиденье рядом с Френсисом.

— Тогда... почему на вашем платье вышито «Э. Д.»? Как это расшифровывается?

Машина медленно покатилась вперед, и до них донесся голос Фред — такой ясный, такой чистый, — голос Прекрасной Елены, зовущей из-за стен Трои:

— Экс-девушка!

БРАЙАН МУНИ

Стервятники

Рубен Калловей и Родерик Ши

Рубен Калловей родился в 1928 году. Оставленный матерью при рождении, мальши жил в разных приютах, пока в возрасте трех лет его не усыновил один вдовец — археолог Симеон Калловей. Впоследствии Рубен объездил с приемным отцом, который пробудил в нем интерес к оккультизму Египта и Индии, весь мир. Военную службу Рубен проходил в составе Британского разведывательного корпуса в Западном Берлине. Завершив ее в начале 1950-х годов, он занял пост профессора в Саутдаунском университете в Гэмпшире, где отдавал предпочтение исследованиям в области оккультных наук и преподаванию. Мистеру Калловей также нередко приходилось выступать в роли эксперта, принимая участие в расследовании таинственных и загадочных случаев.

Священник Родерик Ши родился 1940 году. Впервые он повстречал Рубена Калловей в 1967 году, и с той поры жизнь его уже никогда не была такой, как прежде. У Родерика был дар священнослужителя (как и у некоторых его ирландских предков), но это его никогда не радовало.

Брайан Муні описывал Калловей так: «...своего рода незрелищный Орсон Уэллс, со всем его высокомерием, но без очарования». Впервые Муні вывел Калловей как главного героя в неопубликованном рассказе Лавкрафтианы, который так и не удосужился переписать. Имя Калловей упоминается в «Стражниках врат» (*The Guardians of the Gates*), вошедшего в сборник «Ктулху: Мифы и сказания» (*Cthulhu: Tales of the Cthulhu Mythos*, № 2, 1977). Первой историей с совместным участием Калловей и Ши стал рассказ «Пропавшее в Дармэмни-Холле» (*The Affair at Durmatny*

Hall), напечатанный в специальном выпуске «Оккультные детективы» в журнале «Kadath» (июль, 1982). Калловей в одиночку шел по следу европейского оборотня в рассказе «Дело Вальдтойфеля» (The Waldteufel Affair), появившемся в «Антологии фэнтези и сверхъестественного» (The Anthology of Fantasy and the Supernatural, 1994). Затем пара вернулась к читателю в рассказе «Могила Прискуса» (The Tomb of Priscus), включенном в сборник «Тени над Иннсмутом» (Shadows Over Innsmouth, 1994). В этом рассказе Калловей и Ши обнаружили, что место археологических раскопок в Италии служит воротами для возврата Древнего Нечто.

Рубен Калловей, насытившись обильным ужином и насплавившись выдержанным вином, лишь слегка удивился, когда хозяин дома, где он гостил, прервал его сонное умиротворение следующим заявлением:

— У меня есть серьезные основания полагать, что меня убьют, и я бы хотел обратиться к вам за помощью.

Вообще-то, Калловей ожидал чего-нибудь в этом роде. Не бывает бесплатного сыра или, как в данном случае, бесплатного уик-энда со всей прилагающейся кормежкой.

Калловей всегда радовался, когда жизнь преподносила ему что-то хорошее, а съеденный им только что ужин — от панштета с тончайшим хрустящим тостом до щедрой порции силлабаба¹ с последующим изобилием сыров — был настоящим праздником живота. При этом с сэром Исааком Прайсом Калловей был едва знаком — однажды пересекся с баронстом на какой-то помпезной университетский церемонии, — и теперь его разбирало любопытство, почему этот миллионер пригласил его к себе.

Впрочем, Калловей не был гордецом, да и его жалованье университетского лектора не позволяло жить на широкую погу, поэтому он сразу согласился на этот визит. Отменив несколько консультаций с равно блистательными и безнадежными студентами, он быстро, насколько это позволяла

¹ Силлабаб — напиток из сливок с вином, сидром и сахаром. — Прим. пер.

его колымага довоенного производства, отправился в отдаленный йоркширский особняк.

После пудинга оба джентльмена перешли из столовой в библиотеку и расположились там у большого камина. Стены просторной восьмиугольной комнаты от пола до потолка занимали шкафы, заставленные самого разного рода книгами — от солидных томов в прекрасных кожаных переплетах до потрепанных книжек в бумажных обложках.

Пока они ожидали, когда Элмор, дворецкий Прайса, подаст кофе, Калловей изучал книжные полки. Как истинный книгоман, он наслаждался обилием эклектических коллекций, которые предстали перед его глазами. Они охватывали все темы, которые могли бы заинтересовать или развлечь думающего человека (именно таким Калловей и был).

Здесь были книги по философии, древней и современной: от Демокрита с афинянами и школой Платона до Гегеля, Кьеркегора и Рассела. Были на этих полках и классики, расставленные без какой-либо системы. Тома сочинений Диккенса и Скотта зажимали между собой несчастную Джейн Остин, в то время как расслабленный Джордж Элиот свободно прислонился к Уэллсу и Киплингу. Сестры Бронте делили полку только с Коллинзом. Французов и русских обильно представляли Дюма, Золя и Бальзак, стоявшие вне ремешку с Толстым и Тургеневым.

Калловей увидел здесь работы по медицине и астрономии, ботанике и энтомологии. Множество книг Элеонор Омерод соседствовало с отменным изданием «Иллюстрированного естествознания» преподобного Вуда, стоимость которого Калловей оценил в свое жалованье за несколько месяцев. В отдельном шкафу стояли разнообразные версии «Тысячи и одной ночи». Там были не только широко распространенные переводы Бартона, Мэрдраса и Мазерса, но и английская версия раннего издания Галланда заодно с изданием Торренса 1838 года и коллекцией Пэйниса за 1882-й. В том же шкафу утомленный жизнью Боккаччо обменивался колкостями с вульгарным весельчаком Рабле.

Имелись и юмористы: Вудхаус, Тербер, Беллок, Торн Смит. Детективная литература: профанист Бульдог Драммонд соерничал с учтивым святошей Пуаро, надменным

Холмсом и еще целым полком подобных персонажей. Пестрел яркими корешками «Золотой век научной фантастики», а один шкаф был целиком отведен под литературу о сверхъестественном. Калловей немало удивился, увидев здесь почти все дешевые издания антологий, выпущенные в тридцатых годах разными газетами с Флит-стрит¹. Отличные коллекции, но многие состоятельные особы посчитали бы их достоинства ниже своего кошелька. Там же были сочинения Стокера, М. Р. Джеймса, американца По, Бирса, Лавкрафта и многих других.

Но больше всего Калловей порадовал тот факт, что все эти потрепанные книги, судя по всему, не раз бывали в употреблении, а не просто заполняли полки в шкафах.

— Вы определенно из тех, кто мне по душе, — сказал он, вернувшись к своему креслу у камина.

— Вот, взгляните сюда, — едва ли не смущаясь, предлюжил баронет, словно опасался, что его сочтут банальным. — Это мои любимые, потому что именно их я выбрал в качестве моего первого школьного приза.

Прайс взял с кофейного столика две книги и передал их гостю.

Калловей посмотрел на обложки, на которых значилось «Книга общих знаний для мальчиков» и «Загадки и головоломки для мальчиков». На форзаце каждой было выведено: «Исааку Прайсу за исключительное старание. Июнь 1904 г.».

— Нет книг лучше для отдыха и развлечения, — сказал Прайс, улыбнувшись так гордо и очаровательно, словно ему снова было лет десять или одиннадцать.

— Согласен, — спокойно отозвался Калловей, — спасибо, что показали мне их.

Сэр Исаак Прайс был человеком со странностями, к такому выводу Калловей пришел еще раньше. Этот миллионер унаследовал миллионы и в придачу к ним сам сколотил приличное состояние в Африке. Было очевидно, что он хорошо образован и начитан, однако большую часть времени он вел себя, как динозавр Викторианской эпохи или

¹ *Флит-стрит* — улица в Лондоне, центр английской газетной индустрии.

вульгарный цувориш, напоминая какого-нибудь персонажа Сомерсета Моэма. Например, он заявил Калловою, — едва ли не хвастаясь, — что не знает ни слова ни на одном иностранном языке.

— Всегда найдется поблизости кто-то, кто говорит по-английски, — утверждал баронет. — А если нет, то английский всегда понимают, когда орешь достаточно громко.

В то же время в деловых вопросах он был занудой.

— Никогда не усложняйте, — инструктировал Калловою Прайс. — Это был мой девиз в бизнесе. Все должно быть просто. Если твоя система проста, то и решения проблем в основном простые. «Бритву Оккама»¹ помните?

Но в остальном он был отличным компаньоном. Они обсуждали радиопередачи, делились банальными радостями от «Гунн Шоу» и «Космического путешествия». (В эти минуты Калловей и начал ценить Прайса. Он взвесил все «за» и «против» и решил, что хозяин ему нравится.)

Они обсудили политиков и сошлись во мнениях о Суэцком кризисе, оценив его как жалкую отчаянную акцию жалкого и отчаявшегося премьер-министра.

Выяснилось также, что обоим джентльменам нравится рок-н-ролл.

— Я всегда ценил блюз и простую музыку, а рок-н-ролл — просто их естественное продолжение, — сказал Прайс, а старики, которые осуждали новую музыку, назвал узколобыми и отсталыми консерваторами.

Что касается кинематографа, оба получали удовольствие от фильмов ужасов, комедий Капры и эпических лент де Милля.

Тощий старик-слуга Элмор, который, возможно, был гораздо моложе, чем казалось, подал им кофе «Блу Маунтин», а Прайс тем временем отмерил щедрые порции спиртного в пузатые бокалы.

— Арманьяк, — сказал он, передавая бокал Калловою. — «Маркиз де Монтескью». Компания была основана потом-

¹ «Бритва Оккама» — принцип, сформулированный философом и теологом Вильямом Оккамом и гласящий, что не следует умножать сущности без необходимости. — *Прим. ред.*

ком Шарля де Батца Кастельмора, говорят, именно он был прототипом Д'Артаньяна. Я не пью ничего другого.

— Даже такие чудесные коньяки, как «Хайн» или «Отард», к примеру?

— Даже их. Если нет под рукой «Маркиза», я скорее просто выпью чашечку кофе.

Как только Элмор удалился, сэр Исаак предложил Калловей сигару из великолепно инкрустированного портсигара с увлажнителем.

— Благодарю.

Внушительных размеров джентльмен одобительно фыркнул, оценив прекрасный табак и прочитав название марки.

— «Ойо де Монтеррей». Как-то мне довелось повстречать старого французского аристократа, который курил только эту марку.

— Я был с ним знаком, — заметил сэр Исаак. — Оккультист, полагаю, как и вы.

— Не понимаю, с чего вы взяли, — недовольно пробурчал в ответ Калловей. — Это абсолютная неправда. Да и монсеньора ле Дюка вряд ли порадовала бы подобная характеристика.

— Ну а я слышал довольно странные истории о нем. — Сэр Исаак аккуратно отрезал кончик своей сигары. — Так же, собственно, как и о вас. Вы сравнительно молоды, Калловей, но, говорят, обладаете существенными познаниями о потустороннем. А еще, насколько мне известно, вы детектив-любитель.

— Я прочел несколько книг в закрытых отделах Британского музея, — пробурчал Калловей, — и еще читал Коппан Дойла.

— Вам знакома Африка? — вдруг сменил тему баронет.

— Я бы так не сказал, — отвечал Калловей. — Правда, я провел некоторое время в Египте, что было связано в основном с университетской работой. Делал пересадку в Ксейптауне на пути в Индию. Вот и все мое знакомство с Африкой.

— Интересное место. Когда ты в саванне, то всегда можешь определить, где произошла чья-нибудь смерть. Там

собираются стервятники. За несколько миль видно, как они кружат над этим местом. — Сэр Исаак сделал затяжку и через секунду продолжил: — Люди-падальщики не слишком от них отличаются. Когда умирает кто-нибудь достаточно состоятельный, собираются стервятники. Каждый надеется отхватить свой кусок, каким бы ничтожным он ни был. Так же будет и когда придет мой черед.

Калловей недовольно хрюкнул. Кофе был хорош, бренди и сигары великолепны. (Если бы можно было себе позволить, подумал он, ради таких сигар отказался бы от своих любимых турецких сигарет.) Калловей поудобнее устроился в кресле с подушечкой для головы. Он был терпелив, так как догадывался, что сэр Исаак, когда захочет, сам перейдет к делу.

Баронет некоторое время разглядывал своего гостя, а потом сказал:

— Пернатые стервятники сами не убивают. Люди-стервятники, напротив, способны на убийство. Я умру, Калловей, и у меня есть веские причины полагать, что меня убьют, и я хочу попросить вас об услуге. Не думаю, что это случится в ближайшее время, однако это случится.

Если бы у Калловей был банальный склад ума, он бы решил, что имеет дело с чудаком или невротиком. Но в том-то и дело, что банальность была чужда Калловей. Он внимательно посмотрел на загорелое, обветренное, худое лицо собеседника и пришел к выводу, что тот не шутит.

— У вас есть доказательства? — спросил Калловей. — Вы подозреваете, кто ваш предполагаемый убийца? И говорили ли вы об этом с полицией?

— Нет, нет и нет. — Сэр Исаак неожиданно улыбнулся. — Благодарю, что не сочли меня сумасшедшим, Калловей. У меня нет никаких доказательств того, о чем я рассказал вам вкратце. Подозреваю, что моим убийцей будет некто, кто близок мне, тот, кто сейчас еще слишком юн или даже еще не родился. Как вы себе представляете попытку объяснить все это полиции? В любом случае, если я расскажу в полиции, почему я верю в то, что буду убит в неопределенное время в будущем, они уже никогда не примут мои слова всерьез.

Сэр Исаак встал и потянулся. Ростом он был семьдесят пять дюймов, под стать своему гостю, но при этом жилистый и гибкий, в отличие от неповоротливого и грузного Калловей.

— Я бы хотел, чтобы вы пошли со мной и кое на что взглянули, Калловей, — сказал он. — Прихватите с собой бокал.

Выбираясь из кресла, Калловей уронил пепел от сигары на грудь. (Чуть раньше он избавился от мятого смокинга — это был не дом, а теплица. «Не выношу холода, — объяснил Прайс, — с тех пор, как вернулся из Африки».) Неэффективная попытка стряхнуть пепел только добавила пятен на белой рубашке. Задержавшись ровно на столько, чтобы заново наполнить бокал из ближайшего графина, Калловей потащился следом за хозяином из библиотеки.

Пройдя по устланному толстым ковром коридору, два джентльмена подошли к украшенной великолепной резбой двери. Прайс вытянул из кармана брюк длинную цепочку с одним-единственным ключом.

— Никто не входит в эту комнату без меня, — пояснил он.

С этими словами баронет открыл дверь, и они вошли внутрь. Сэр Исаак шелкнул выключателем. Прямоугольная комната впечатляющих размеров мгновенно осветилась мягким свечением ламп, укрепленных на обшитых панелями стенах.

По одну сторону комнаты располагался большой открытый камин, в котором, несмотря на то что никто в комнате не мог этого оценить, горел огонь. Возле камина стояло несколько кресел с подголовными подушками, а сбоку пристроился небольшой столик на колесах, с графинами и бокалами.

На ползуту к камину значительное пространство комнаты занимал стол на восьми крепких ножках, со стеклянной столешницей, а в дальнем затененном углу Калловей заметил нечто похожее на статую, выполненную в человеческий рост. Стол был с объемной столешницей, возможно, чуть больше, чем у бильярдного стола, и Прайс повел своего гостя напрямик к нему. Баронет прикоснулся к скрытому выключателю, и внутреннее пространство стола залил золотистый свет удивительной чистоты.

Система освещения была настолько хитроумно устроена, что обнаружить источник света казалось практически невозможным.

У Калловей от изумления перехватило дыхание. Перед ним развернулась самая невероятная по реалистичности диорама из всех, что он видел в своей жизни. Словно с высоты нескольких тысяч футов он смотрел на простирающуюся миль за милей африканскую саванну. Там виднелись поросшие травой равнины, водоемы, далекие холмы с миниатюрными вкраплениями акаций, и там были фигуры, крохотные, не больше булавочной головки, но все же узнаваемые.

За многочисленными стадами пасущихся гну и зебр невидимой тенью неслись стаи диких собак динго, шакалов и гиен. Слоны и жирафы опщивали молодые листья с деревьев, и облачка пыли клубились у них под копытами. Прайд сонных львов отыскал подобие тени и дремал, переваривая обильную пищу. Где-то вдалеке охотники укрылись за термитниками, подстерегая добычу и предвкушая полные котлы пищи и туго набитые животы.

Калловей потер глаза и снова уставился на стол. Он не был уверен, но все же... эти стервятники кружились в небе не в столешнице, а над ней, на свободе?

Калловей повернулся к баронету.

— Примите мои поздравления, — сказал он. — Никогда не видел ничего подобного. И сомневаюсь, что когда-нибудь увижу. Это вы создали?

Исаак Прайс покачал головой:

— Моих рук дело декорации — стол, освещение... Остальное — иллюзия, реальность... кто знает?

Баронет не стал углубляться в подробности. Вместо этого он взял Калловей за руку и подвел к статуе в углу комнаты. Щелчок выключателем — и два светильника отбросили теплое свечение. Это была не просто статуя, а что-то другое. Фигура казалась воплощением власти, на ее плечах красовались доспехи... Калловей не мог понять, что же именно он видит перед собой.

Наряд из рыже-коричневой кожи рептилий, украшенный металлическим орнаментом и перьями, венчала злове-

шая маска василиска из потемневшего от времени дерева, с глазами из какого-то драгоценного камня, возможно агата. На маску был водружен головной убор древних фари-сеев, а шею украшал массивный ворот из переплетенных золота и серебра. В каждой руке фигура сжимала по длин-ному деревянному жезлу или скипетру, эти украшенные тонкой резьбой палки явно символизировали власть. Кал-ловей обнаружил, что по какой-то причине не в состоянии выдержать взгляд неумолимых глаз, которые смотрели на него из-под этой гротескной маски.

— Волнующе, не так ли, — прокомментировал Прайс. — Это Элкуан, вернее, тот, кто когда-то был Элкуаном. *Иди-от, не прикасайтесь к нему!*. — Последнюю фразу он вы-крикнул, когда Калловей потянул к фигуре свою массив-ную лапу.

— Прошу прощения, Калловей, — сказал баронет через несколько секунд. — Но поймите, когда я сказал, что это Элкуан, то я именно это и имел в виду. Внутри костюма мумифицированный труп человека, которого звали Элку-ан. — Он выключил подсветку. — Давайте вернемся в биб-лиотеку, и я все объясню.

— Я познакомился с Элкуаном почти сорок лет назад, когда я был еще очень молод и только-только приехал в Кению, — начал свой рассказ Прайс, когда они снова рас-положились в креслах, освежили бокалы с арманьяком и прикурили сигары. — Я предполагаю, вы назвали бы его шаманом, но это не совсем точное определение. Элкуан жил в одном из местных селений, но он не принадлежал к их племени. Для начала он не был негром, не говоря уже о кикуйу¹.

Я действительно не знаю, из каких земель он явился в Кению, но больше всего его внешность напоминала мне рисованные или резные изображения древних египтян: та же удлинненная голова, те же прекрасные тонкие черты ли-ца. Элкуан говорил на огромном количестве африканских языков и английским тоже владел великолепно. Он неког-да не рассказывал о своем происхождении, но не один раз

¹ *Кикуйу* — одно из многочисленных племен Кении.

намекал, что мне не понять этого до конца. Например, он часто упоминал о племени людей-ящеров из Валусии, это, как я понимаю, одна из легендарных рас доисторического периода.

Калловей согласно кивнул.

— Это Элкуан создал чудесную диораму, которую я вам показал, — продолжил сэр Исаак. — Он поручил мне сделать стол, а потом каким-то образом создал диораму. Но это было уже потом...

В любом случае это слишком длинная история, чтобы в нее углубляться, но на заре наших отношений благодаря мне он остался в живых. После этого он стал для меня кем-то вроде приемного отца, а я ему приемным сыном. Он сказал мне, что у его народа принято, чтобы после смерти отца сын хранил его мумифицированное тело в достойном месте. Где еще должен находиться отец, чтобы наблюдать и защищать своего отпрыска? Он взял с меня слово, что я окажу ему эти традиционные для его народа почести.

Прайс вдруг рассмеялся.

— Ну и пришлось же мне повернуться, чтобы доставить этот стол и тело Элкуана домой! Приходилось убеждать всякого рода носильщиков, перевозчиков и чиновников, что это подлинные музейные экспонаты.

Настрой баронета внезапно изменился.

— Это Элкуан... незадолго до своей смерти... предсказал, что на закате жизни я буду убит близким мне человеком. При других обстоятельствах я бы не обратил внимания на его пророчества, счел бы их суеверием «мумба-юмба». Но к тому времени я уже много лет знал Элкуана и был свидетелем тому, какой непостижимой силой он обладает. Поэтому я без вопросов воспринял его слова. Еще он сказал, что благодаря его вмешательству я буду без промедления отомщен. Проводником посланного им возмездия будет большой человек, обладающий знаниями и невероятным аппетитом. Правда, его описание было более цветистым. Я думаю, что, возможно, этот человек — вы, Калловей.

— Я не ангел мести, — сказал Калловей. — Вам бы лучше отправиться на Сицилию или в Штаты и нанять кил-

лсера-мафиози. Некоторые из них обладают отменным аппетитом и обширными познаниями касательно смерти и мести.

— Я не говорю, что именно вы будете мстителем, само собой, — отвечал баронет. — Я так представляю, что вы послужите своего рода краном, через который изольется пская сила Элкуана. — Он на секунду задумался, потом аргументировал: — Очевидно, что месть может прицимать разные формы. Например, когда офицер полиции расследует преступление и его расследование приводит к осуждению преступника, можно сказать, что этот офицер — проводник мести общества.

Не спрашивая позволения, Калловей налил себе еще полбокала бренди.

— Тут, возможно, вы правы, — пробурчал он.

— Все, о чем я вас прошу, Калловей, это чтобы в случае, если я когда-нибудь позову вас, вы пришли и, если со мной что-нибудь случится, постарались узнать правду. Просто пообещайте мне это.

— А Элкуан не упомянул о каком-нибудь способе обойти опасность или избежать... такой участи?

— Я думал об этом, — признался сэр Исаак. — Элкуан отвстил, что это предначертано, а то, что предначертано, то всегда сбывается.

— Ладно, — пробурчал «большой человек». — Если это когда и случится, я согласен искать правду. Вряд ли полиция будет рада моему вмешательству, но я сделаю все, что смогу. — Калловей немного воспрнял духом. — Возможно, ваш местный бобби окажется толстяком, склонным пофилософствовать, и тогда я смогу остаться дома...

Это было приблизительно лет двадцать пазад, а теперь я с Калловеем был в нескольких десятках миль от особняка сэра Исаака Прайса. Калловей уже давно получил звание университетского профессора, и место его не достойного уважения старого «форда» занял не достойный уважения старый «роллс». Это была единственная материальная награда, которую преподнесла Калловееу жизнь. Он по-прежнему был вынужден курить турецкие сигареты, а не гаван-

ские сигары и до сих пор не мог позволить себе арманьяк «Маркиз де Монтескью».

Во время нашего путешествия он и рассказал мне о том первом вечере в доме сэра Исаака.

— И потом больше ни слова об этом деле, — сказал Калловей. — Это был просто уик-энд в доме друга. Мы немного гуляли, немного поохотились, много выпивали, мы беседовали, смеялись, рассуждали о миропорядке. И ни разу не упомянули имени Элкуана и не вспомнили о его страшном пророчестве. И после того уик-энда ни одной весточки от сэра Исаака Прайса. Вплоть до вчерашнего вечера, когда я получил его телеграмму.

Калловей показал мне эту телеграмму. Ее вполне можно было выставить на конкурс «Самая короткая телеграмма года»: «Сейчас. Прайс».

— Вы уверены, что он не мистификатор или банальный эксцентрик?

— Дорогая бы выпала мистификация. Помимо того, что Прайс подарил самый роскошный уик-энд в моей жизни, он оплатил мне бензин.

Калловей начал вертеть в одной руке пачку сигарет и «роллс» заплетая по, благодарение Богу, пустому шоссе. Я выхватил у профессора пачку и прикурил для него сигарету. Она была отвратительной. Я часто думаю о том, что, если бы шоколад был таким же мерзким на вкус, как табак, никто в жизни больше не съел бы ни кусочка. Так почему же люди настолько упорствуют в своем пристрастии к табаку?

Калловей в благодарность что-то буркнул.

— Что касается эксцентричности... ну, какие-то аспекты его жизни обычные люди могут посчитать проявлением эксцентричности, а какие-то, наоборот, разумными. У него не было телевизора, но телевидение в пятидесятые еще не распространилось так широко, как в наше время. И даже сейчас в некоторых отдаленных районах нашей страны существуют проблемы с приемом телепрограмм. И телефона в его доме тоже не было. Он сказал, что сыт по горло теми, что имелись у него, когда он занимался бизнесом. Не могу сказать, что нахожу это странным. Я сам терпеть не могу эти чертовы полезные устройства.

Устройства, которые можно использовать, чтобы вовлечь меня в авантюру, добавил бы я. Но не стал себя утруждать, так как знал, что это ничуть не заденет Каллового. Выехали мы рано, сначала проехали по холмам Гэмшира и Уилтшира, потом через Глочестер и Уорикшир, объехали Бирмингем с его пригородами и добрались до южных окраин Йоркшира. Обогнув крупные города Шеффилд, Брэдфорд и Лидс, мы в итоге оказались среди йоркширских долин и вересковых пустошей, на пути к границам с Кумбрией и Даремом.

Когда мы отправились в дорогу ранним утром, небо заволокли низкие темно-серые тучи, и большую часть пути дождь перемежался со снегом, к чему прибавлялись фонтаны грязи из-под колес встречных машин, что невероятно снижало видимость. Манера Каллового вести машину не улучшала ситуацию, и я не раз вздрагивал от страха.

— Не понимаю, почему вы волнуетесь, — смеялся он. — Я чувствую себя в полной безопасности. Ехать в одной машине со священником спокойнее, чем с целой компанией святых Кристоферов¹.

Когда мы достигли центральных графств, снег с дождем прекратился, но тучи потемнели и приобрели гнетущий темно-багровый оттенок. Ветер стих, словно ожидая, когда вся эта масса придавит собой пашу машину. Когда мы свернули с шоссе на пустынную сельскую дорогу и до нашего пункта назначения оставалось несколько миль, опять пошел снег. Снегопад усиливался, фары высвечивали только белую поверхность дороги, а «дворники» с великим трудом очищали лобовое стекло.

— Не волнуйтесь, — сказал Калловей. — Я думаю, мы уже почти приехали.

Мы продолжали подъем и несколькими минутами позже выехали на перевал. Внизу, в долине, где-то на расстоянии мили, я увидел огни огромного дома с башенками. Несмотря на то что было темно, ощущалась атмосфера старых времен и основательности. Я от всей души поблагодарил Господа. Калловей только самодовольно ухмыльнулся, словно хотел сказать: «Доверьтесь мне, Родерик».

¹ Святой Кристофер почитается как покровитель путешественников.

Через несколько минут мы стояли на крыльце, размером с небольшую часовню. Калловей колотил железным дверным молотком по деревянной двери с металлическими шишками, совсем не такой, как в моей церкви. Каждый тяжелый удар отзывался эхом нескольких ударов, но Калловей перестал стучать, только когда услышал, как загремели отодвигаемые засовы. Заскрипели несмазанные петли, и дверь с трудом отворилась. На нас уставился тощий, как скелет, человек в болтающемся костюме.

— Элмор! — пробасил Калловей. — Клянусь, ты ничуть не изменился.

Мы прошли по холлу, который, будь он чуть поменьше, мог бы послужить декорациями для «Узника Зенды»¹, правда, для авангардной ню-версии, потому что в этом доме было жарко, как под пуховым одеялом.

— Профессор Калловей... сколько лет, сколько зим! Большая радость видеть вас, сэр. — Переполненный крупными зубами рот дворцового растянулся в улыбке. — Сэр Исаак говорил, что вы приедете.

Калловей махнул рукой в мою сторону.

— Я взял на себя смелость привезти с собой моего друга отца Ши, — пояснил он. — Уверен, у вас найдется для него местечко. В этом доме сотни две комнат, не меньше. Мы можем видеть сэра Исаака?

Дворецкий покачал лысой головой:

— Вряд ли. Хозяин вроде как устал. Только-только ушел прилечь. Вы увидите с ним утром. Хотя здесь молодой мистер Ричард вместе с мистером Питером Лэмборном. Я недавно слышал, как они спускались поиграть на бильярде.

— А кто они такие?

— Как, сэр! Мистер Ричард — племянник сэра Исаака, мистер Ричард Тибалд, вот так. А мистер Лэмборн — адвокат сэра Исаака, он здесь по делам. Не мое дело, но они с мистером Исааком помалкивают об этом. Это все равно,

¹ «Узник Зенды» — роман английского писателя Э. Хоупа, по которому был снят одноименный фильм. Приключения в стиле «плаща и шпаги» происходят в вымышленной стране Руритании.

вы следуйте за мной, джентльмены, я покажу вам ваши комнаты. Когда приведете себя в порядок после дороги, вас будут ждать горячий ужин и питье.

Мы встретились с гостями этого дома, когда поглощали весьма щедрый ужин за столом, который накрыл для нас Элмор. Дверь распахнулась, и в столовую, опережая хозяйна, ворвался энергичный мужской голос:

— Бросьте, Лэмборн, всего один бокал перед сном... Вечер добрый, кто вы?

Тот, кто спрашивал, был коренастым молодым человеком лет двадцати пяти. Одет он был небрежно — расклешенные вельветовые брюки и цветастая рубашка. Его темные волосы спадали на плечи, и у него были густые усы а-ля Сапата¹. Следом за ним шел мужчина постарше, его черные блестящие волосы облепляли череп. На нем был теплый, дорогой по виду костюм в тонкую полоску. Я не мог понять, как он выдерживает тропический климат этого дома. Возможно, он был просто невосприимчив к температуре воздуха.

Мы представились. Тот, что помоложе, повернулся к Элмору, который начал убирать со стола.

— Ты не говорил, что будут еще гости.

В его голосе не было злости, но раздражение чувствовалось.

— Ну, мистер Ричард, я так подумал, что это дело сэра Исаака говорить вам, кого он пригласил в свой дом... сэр.

В интонации дворцового не промелькнуло и тени симпатии.

Калловей рассматривал Ричарда Тибалда.

— Мы не знакомы? — спросил он. — Я уверен, что видел вас раньше. Может быть, в Саутдаунском университете?

— Я так не думаю, — ответил молодой человек и продолжил: — Вообще-то, я обучался в Кембридже. — Улыбка его была надменной, а в голосе чувствовалось презрение к менее значительным университетам.

В ту ночь мне не спалось, вероятно, из-за неудачного сочетания чужой кровати и жары в комнате. Но ближе к

¹ *Сапата* — деятель мексиканской революции.

утру я все же задремал и поэтому пробудился чуть позже обычного для меня времени. Было уже девять утра, когда я спустился к завтраку. Очнулся я от страшной непроницаемой тишины, такая бывает при снегопаде. Мои предположения подтвердились, когда я отдернул шторы в спальне. Тяжелые наносы снега взбирались по склонам холмов все выше, заглушая своей массой все звуки. И хотя снегопада не было, затянутое тучами небо грозило вновь насладить его на нас, и ждать оставалось недолго. Я не видел возможности отправиться куда-либо из этого дома в ближайшее время.

— Просто небольшая поездка, — пообещал Калловей, когда позвонил мне в пресвитерию. — Займет всего день или около того.

Придет время, и я перестану поддаваться на его уговоры.

Пока Элмор подавал мне бекон с яичницей, я уюмянул о погоде.

— Да, сэр, здесь в горах становится худо. Теперь вы можете застрясть тут на несколько дней. Хорошо еще, что у нас в доме всегда полная кладовая. Самая близкая деревня — Филдаик, но до нее не доберешься, когда такой снег.

В этот момент вошли Тибалд и Лэмборн и, небрежно поздоровавшись, приступили к завтраку.

Я не мог избавиться от ощущения, что эти двое были бы не против, если бы мы с Калловеем покинули их и бесследно исчезли в заснеженных горах. Затем в столовую, жизнерадостно пробасив приветствия, вошел мой друг. В одной руке у него была дымящаяся чаша с овсянкой и стакан с жидкостью, подозрительно напоминающей бренди, — в другой. Поедая овсянку, бекон с яйцами и бесконечные гренки с медом, он вел одностороннюю беседу, совершенно не обращая внимания на едва ли не грубые манеры сотрапезников.

Тибалд щедро намазал хлеб мармеладом и, между делом повернувшись к старому слуге, спросил:

— Ты еще не видел моего дядюшку, Элмор?

— Нет еще, сэр. Но, вы знаете, хозяин вчера неважно себя чувствовал, сэр. — Дворецкий выудил из кармана старинные часы и с мрачным видом посмотрел на циферблат. — Хотя он редко так запаздывает. Хозяину хоть и за восемь-

десять, но он не откажется от хорошего завтрака. Мне, па-
верно, лучше его позвать.

Через минуту Элмор вернулся в столовую. Он пыхтел,
словно проделал тяжелую работу.

— Я не смог достучаться до хозяина, джентльмены. И его
комната, кажется, заперта изнутри.

— Полагаю, нам лучше взглянуть, что там, Ричард, —
сказал адвокат Лэмборн.

После того как они вышли из столовой, Калловей ука-
зал в сторону двери, давая знак идти за ними. Выйдя в
коридор, мы слышали над головой шаги Тибалда и Лэм-
борна. Нас поджидал Элмор.

— Идемте, профессор, я провожу вас в спальню хозяина.

Он провел нас наверх по лестнице, а потом по коридору
в крыло особняка, которое было на противоположной сторо-
не от того, где квартировали мы с Калловеем. Добравшись
до места, мы обнаружили Тибалда, который пытался открыть
дверь, дергая ее за ручку и толкая всем своим весом, в то
время как Лэмборн колотил по ней кулаком. Оба джентльме-
на во весь голос призывали хозяина спальни открыть дверь.

Калловей бесцеремонно воспользовался своим солидным
весом и с легкостью оттеснил эту парочку в сторону. Калло-
вей часто заставлял незнакомцев врасплох такой своей такти-
кой. Самой большой ошибкой было принять его тучность за
дряблость. Это было не так. Скорее, это был солидный вес
старого бойца.

Неискренне пробурчав извинения, Калловей присел на
корточки возле двери и посмотрел в замочную скважину.

— Темно, как ночью, — прокомментировал он, встав
полный рост. — Шторы, должно быть, еще задернуты. Но,
насколько я понял, ключа в замочной скважине нет.

— Наверное, с дядей что-то случилось, — сказал Тибалд. —
Бог свидетель, мы шумели достаточно громко.

— Может, нам стоит выломать дверь, — предложил Лэм-
борн.

— Скорее сломаете себе плечо, — сказал ему Калловей. —
Это крепкие двери. Есть запасной ключ, Элмор?

— Нету, один ключ у хозяина. Хорошо бы, чтобы кто-
нибудь влез в окно, сэр. У нас есть лестницы в старых

копюшнях. Похоже, надо будет расчистить дорожку. На это время года мы держим в доме лонаты и целую коллекцию старых бот и калош. Так что я смогу подобрать вам всем обувь.

Так случилось, что это нам с Тибалдом пришлось расчищать путь через двухфутовую толщу снега от дома до старых копышен и возвращаться с приставной лестницей под окно спальни сэра Исаака. Калловей, вероятно самый сильный среди нас, бесстыдным образом игнорировал все намеки на то, что он мог бы нам помочь, а Лэмборн в это время приглаживал свои и без того гладкие волосы и бормотал что-то о сидячей работе, которая не развивает физические способности.

Мы установили лестницу и переглянулись. Я пенавижу приставные лестницы, но тогда почти искренне дал понять, что готов подняться навстречу. Тибалд меня остановил.

— Я здесь самый молодой. Лучше пойду я, — сказал он. — Вы только крепче держите лестницу.

Тут наконец Калловей соизволил сделать что-то полезное. Он профланировал по узкой, расчищенной в снегу дорожке и приложил весь свой вес к основанию лестницы.

Тибалд взобрался наверх по лестнице гораздо быстрее, чем это мог бы сделать или мог бы попробовать сделать я. Послышался звук разбитого стекла, это Тибалд ударил по раме подъемного окна, чтобы дотянуться до шпингалета. Он поднял окно, и мы увидели, как мелькнули в воздухе и исчезли его ноги.

Потом мы услышали, как раздвигаются старинные шторы на медных кольцах. Через несколько минут тишины из окна появилась голова Тибалда.

— Поднимайтесь все сюда, — позвал он. — Кажется, мой дядя умер.

Тибалд впустил нас в спальню сэра Исаака. В комнате было нечем дышать от жары, но холодный свежий воздух уже ворвался в открытое окно.

— Я нашел ключ на бюро возле кровати, — сказал молодой человек. — Дядя лежит на кровати. Похоже, он сам запер дверь, потом просто лег и умер.

— Да, действительно, — подхватил Лэмборн. — Теперь я сожалею, что мы не проявили должного внимания, когда сэр Исаак сказал, что неважно себя чувствует. Боюсь, я просто отнес это к слабостям преклонного возраста.

Я подошел к кровати и попытался нащупать пульс на руке и на шее сэра Исаака. Вокруг рта старика я заметил засохшую корочку рвоты и точно такие же пятна на полах его халата. Едва прикоснувшись к телу, я понял, что уже слишком поздно. Тело было холодным, но я все же попытался расслышать дыхание. Ничего. Я повернулся к своему компаньону и отрицательно покачал головой. Не знаю, прихожанином какой церкви был покойный, если он вообще был религиозен, но я все-таки попросил за него Господа и перекрестил мертвое тело сэра Исаака.

Тибалд и Лэмборн приняли соответствующий ситуации скорбный вид, но у меня не появилось ощущения, что сердца их разбиты. Калловей выглядел как потерявший надежду человек. Похоже, единственным, кто по-настоящему горевал в этой комнате, был Элмор. Он сел на краешек кровати, протянул руку и слегка коснулся неподвижного тела.

— Он был хорошим хозяином, — сказал старик, и по его щеке прокатилась слеза.

— Знаете, вероятно, здесь произошла трагическая случайность, — сказал Ричард Тибалд. — Я думаю, мой дядя по невнимательности принял слишком большую дозу снотворного... или преднамеренно. Взгляните, на прикроватном столике бутылка бренди, а его пузырек с таблетками пуст. Я уверен, что еще вчера их было достаточно много. — Он потянулся к столику.

— Пожалуйста, не трогайте их, — тихо, но властно сказал Калловей. — Они могут понадобиться полиции для судебной экспертизы.

— Полиции? — В голосе Лэмборна звучала насмешка. — Да вы посмотрите в окно, Калловей. Столько снега, что нам повезет, если полиция доберется сюда через четыре-пять дней. А то и через неделю, учитывая, что в этом доме нет телефона. Поймите, если мы останемся в изоляции, то с телом придется что-то делать. — Вдруг показалось, что его вот-вот стошнит.

Калловей внимательно осмотрел Тибалда. Без всяких там «с вашего позволения» он протянул руку и сдернул что-то с рукава свитера молодого человека.

— Нитка прицепилась, — объяснил он, продемонстрировав белый хлопковый обрывок. — Не выношу беспорядка в одежде.

Все взгляды устремились в его сторону. Если говорить об элсгантности, то Калловей принадлежал к тому типу мужчин, которые всегда выглядят так, как будто забыли раздеться, ложась в постель накануне вечером.

А потом Калловей взял командование на себя.

— Я думаю, позже мы можем переместить тело в конюшни или в какую-нибудь из надворных построек. Там будет достаточно холодно еще по крайней мере в течение нескольких дней. Мы все сделаем с максимальным при данных обстоятельствах уважением.

А пока, может, вы отведете Элмора вниз и приглядите, чтобы с ним все было в порядке. Мы с Родериком останемся здесь и сделаем все, что необходимо.

— Почему вы? Почему не мы? — раздраженно спросил Лэмборн. Так раздражается человек, который сознает, что он мелкий и никчемный, но при этом пытается выглядеть уверенно.

— Но ведь так будет лучше, не правда ли? — мягко спросил Калловей. — Вы оба так близки к покойному, мы более беспристрастны. И потом, Родерик — святой отец, а я — профессор.

Разумеется, он сказал правду, но это была на удивление гибкая правда. Калловей был профессором, но не медицины и не патологии. Но это не имело значения. Наши верительные грамоты были приняты без дальнейших расспросов и, я уверен, с некоторым облегчением. Они увели Элмора.

Калловей плотно закрыл за ними дверь.

— Итак, Родерик, давайте посмотрим, что тут у нас.

Я огляделся. Это была просторная комната с высоким потолком, на полу лежал роскошный ковер, стены обшиты панелями темного дерева. Слева при входе был установлен больших размеров старомодный камин. Подобные камин

находились и в комнатах для гостей, а один, побольше, внизу. В этом все еще делились остатками тепла припорошенные золой красные тлеющие угли. Рядом с камином стоял антикварный «капитанский» стул — с подлокотниками и низкой спинкой темного дерева, с потреспанным сиденьем из красной кожи. Прямо напротив камина — окно с осколками стекла под подоконником, через него Тибалд пробрался в комнату. Малиновые бархатные шторы, гораздо тяжелее, чем в моей комнате, были грубо раздвинуты в стороны. Второе окно было по-прежнему зашторено.

Полог над огромной кроватью сэра Исаака был того же цвета, что и шторы. Матрасы соответствовали размерам кровати: сэр Исаак лежал на толще гагачьего пуха, какой больше уже не встретишь. Справа от кровати стояло бюро с электрической лампой и бутылками, на которые указывал Тибалд.

Сам старик лежал на спине, он был одет, как уже отмечалось ранее, в длинный халат яркого синего цвета, под халатом на нем все еще были рубашка и брюки. На ногах красовались темно-синие шлепацы, и я с легким изумлением заметил, что он в желтых носках. Покойный выглядел достаточно умиротворенным. Я предположил, что, когда его проводили в комнату, он просто прилег отдохнуть, может быть, во сне у него случилась рвота и он умер.

— Похоже, мы напрасно предприняли это путешествие, — сказал я своему другу.

— Вовсе нет.

Калловей внимательно осматривал прикроватный столик, почесывая щеку и напевая что-то себе под нос. Мотивчик напоминал старый номер Балди Холли. Вдруг он переключился на «Битлз», взял со стола бутылки, быстро их осмотрел и аккуратно поставил на место.

— Подойдите сюда, Родерик. Скажите мне, что вы видите?

Я подчинился.

— Бутылка «Реми Мартин», полная примерно на треть, и пустая аптечная бутылочка. — Я повнимательнее пригляделся к последней. — Пенобарбитон, кажется. Было много шумихи по поводу этого лекарства в сороковых, когда я был мальчишкой.

— Да, «Реми Мартин» и псенобарбитол. Что-нибудь еще?

Я мог только предполагать, что Калловей имеет в виду тошкый слой пыли, потревоженный, когда сдвигали бутылки, и сказал ему об этом.

— Верно.

Фальшиво напевая, Рубен Калловей закружил по комнате. На это раз пришел черед Прессли. Калловей остановился возле «капитанского» стула, наклонился и что-то от него отщипнул. Когда он выпрямился, на губах его играла слабая улыбка.

— Еще одна нитка, — сказал он мне. — Зацепилась за подлокотник.

— Я знаю, аккуратность — ваш пунктик.

Чтобы сравнить счет, я огляделся и заметил крохотный белый обрывок на манжете халата покойного.

— Еще одна!

— Ага, спасибо, Родерик, отличная работа. Как раз халат я собирался осмотреть после стула. — Самодовольная улыбка озарила лицо Калловей. — Но вы упустили еще одну. — Он указал на дверцу бюро возле кровати, из-под которой также торчал кончик белой нитки. Калловей потянул за него, дверца открылась, и на пол вывалился комок мятых, несвежих бинтов. Калловей поднял их. Это были грубо оторвавшиеся от рулона полосы бинта.

— Ну вот, — произнес Калловей с таким видом, будто совершил великое открытие.

Выпрямившись, он сказал:

— А теперь я хочу, чтобы вы помогли мне в одном деле, которое можно счесть кошунственным. Мы снимем с сэра Исаака кое-какую одежду.

Я выразил некоторое неудовольствие, но только потому, что Калловей наверняка ожидал этого. Я хорошо знал своего друга и понимал, что он не пошел бы на такое, не будь у него веских причин.

Я снял с сэра Исаака шлепанцы и — по настоянию Калловей — носки. Калловей тем временем бесло ощупал тело покойного.

— Окоченение еще не наступило, — бормотал он, — но в комнате было жарко, как в пекле, — камин да еще цент-

ральное отопление. Я не очень-то в этом разбираюсь, Родерик, но, по моему разумению, окоченение может замедлиться или ускориться в зависимости от температуры окружающей среды. Ладно, продолжим.

Мы приступили к самому сложному. Раздевание трупа — утомительное занятие, но мы справились настолько, насколько это было необходимо Калловей. Мы задрали халат и рубашку покойного до плеч, а брюки и трусы спустили до коленей. Ягодицы, бедра, щиколотки с задней стороны и ступни покойного были тусклого печеночного цвета.

Калловей указал на изменение цвета.

— Гипостазы, — констатировал он.

— Трупные пятна, — согласился я.

Одна голова — хорошо, а две — лучше.

Калловей продолжил «экзаменовку»:

— Тогда скажите, что здесь не так?

— К несчастью, Калловей, я — священник, а не владелец похоронного бюро! — Мой друг только нахмурился в ответ, и я решил внимательнее осмотреть тело покойного. А потом я понял, к чему он клонил. — На спине нет никаких пятен, — сказал я.

— Неплохо, Родерик. А теперь скажите, не странно ли это для человека, умершего во сне в таком положении? И обратите внимание, на предплечьях и на груди также имеются слабые следы.

Я посмотрел туда, куда указывал Калловей. Возможно, там имелись какие-то следы. Я не был уверен, но зрение у Калловей было острее моего.

Калловей пощипал себя за нижнюю губу.

— Я думаю, сэр Исаак был прав тогда, много лет назад, — задумчиво сказал он. — Его убили, пророчество сбылось.

Внутренне я чувствовал, что Калловей может быть прав, но я должен был играть роль адвоката дьявола.

— Не принимаете ли вы желаемое за действительное? — спросил я. — Может, вы излишне усложняете то, что здесь произошло? — Тут мне на ум пришел другой довод: — Дверь была заперта изнутри. Это явно исключает возможность нечестной игры.

— Ах да, запертая дверь. Благодарю, что напомнили мне об этом, Родерик. Постараюсь не забыть об этом обстоятельстве.

Почему мне показалось, что я слышу в интонации Калловей покровительственные нотки?

Лэмборн и Тибалд ожидали нас в библиотеке.

— Такое печальное дело, — сказал им Калловей. — Я думаю, возможно, Тибалд, вы правы. Еще один трагический несчастный случай. Так часто читаешь об этом в газетах, и чаще всего такое случается со стариками. Они принимают снотворное — одну или две таблетки, потом просыпаются посреди ночи, забывают, что уже приняли свою дозу, и повторяют ее. Просто чтобы прояснить ситуацию, расскажите, что здесь произошло вчера перед нашим с отцом Ши приездом.

Тибалд и Лэмборн последовательно поведали нам о случившемся накануне. За ужином сэр Исаак пожаловался на усталость и сказал, что неважно себя чувствует. В конце концов он попросил проводить его в спальню. Племянник и адвокат помогли ему подняться, а уже в спальне он попросил уложить его в постель и дать отдохнуть. Тогда они видели его в последний раз.

— Благодарю вас, джентльмены, — сказал Калловей. — И примите наши соболезнования, Тибалд. А теперь мы заглянем к Элмору, посмотрим, как он там.

Старика мы нашли в гулкой кухне викторианских времен с каменными стенами. Он пил крепкий чай, а вокруг него суетилась женщина средних лет, которая, как я понял, была кухаркой.

Мы уселись за выскобленный трапезный стол и приняли предложенный нам чай. Когда кухарка поднесла дымящиеся кружки, Калловей подключил свое обаяние и похвалил приготовленный ею завтрак. Немного женского жеманства, еще пара комплиментов со стороны Калловей, и вдруг кухарка припомнила, что, да, ей надо кое-куда сходить, пока джентльмены перекинутся парой слов с мистером Элмором. Временами Калловей поражал меня.

— Прискорбно все это, Элмор, — сказал Калловей, когда мы остались один на один с дворецким.

— Да, сэр, — отозвался Элмор. — Сэр Исаак был хорошим человеком, тяжело без него будет. Я знаю, он был старый. Это да, но он всегда был крепким. Иногда уставал, но это логично в его-то годы.

— Он не страдал от ревматизма, артрита или чего-нибудь в этом роде? Использовал когда-нибудь бишты для поддержки суставов?

— Нет, сэр. С чего вы это взяли? — Элмор ухмыльнулся. — Сэр Исаак еще как шевелился, лучше меня, вот как.

— А что случилось за ужином прошлым вечером, перед нашим приездом?

— Я не очень-то уверен, сэр. Хозяин был, как всегда, довольный, когда спустился в столовую. А потом, когда я уже подал кофе и пришел убрать кофейники, он прямо с ног валился. Еле-еле смог подняться. Тогда эти двое повели его наверх. Так вот все и было, пока я не пошел звать его сегодня утром.

— А ты не знаешь, принимал ли он на ночь таблетки?

— Принимал иногда. — Элмор почесал лысеющую макушку. — С годами он стал не так хорошо спать. Но если он их и принимал, то всегда половинку таблетки. Говорил, не хочет от них зависеть.

— Он много выпивал?

Старый слуга разволновался.

— Хозяин не был пьяницей! — Калловей поспешил успокоить его, наконец тот продолжил: — Он, может, выпил бокал или два вина за ужином, а потом кофе. Он так худо себя чувствовал, что даже не стал пить свой обычный арманьяк.

— По-прежнему предпочитал «Маркиза де Монтескью», да?

— О да, сэр. Ни к чему больше не притрагивался. Хотя держал для гостей и хороший копыак, и виски.

— А он всегда держал бутылку возле кровати?

— Нет, никогда такого не было. Но там была бутылка, верно? — У Элмора опустились уголки рта, глаза полезли на лоб от шока. — Так, значит, хозяин хотел убить себя.

— Не мучай себя, Элмор. Я совсем не думаю, что он хотел сделать это. — Калловей достал из кармана пачку си-

гарет и предложил одну Элмору. Я палил нам всем еще по чашке чая, и Калловей продолжил: — Я не хочу сказать ничего плохого, просто любопытно, но я заметил, что в спальне твоего хозяина было немного пыльно. Это ведь необычно, правда?

В ответе дворецкого прозвучала гордость:

— Да, вот такой он сэр Исаак. Хороший хозяин. В этом месте лет шестьдесят назад или больше была дюжина слуг. А теперь только я, миссис Хопкирк да девчушка из деревни. Она приходит убираться. Она уж две недели как слегла с гриппом. А хозяин не позволял мне или миссис Хопкирк убираться.

Ну, мы выпили чай, покурили, а теперь идемте в мою комнату, — неожиданно продолжил Элмор. — Недели две назад хозяин передал мне письмо для вас. Сказал, если с ним что-нибудь случится, так я должен сразу передать письмо вам. Я все ждал, потому что не хотел, чтобы эти два жулика видели.

Элмор провел нас по короткому коридору от кухни до своего жилища. У него была небольшая, скромно обставленная гостиная — пара кресел, шкафчик для книг и отполированное до блеска бюро. На стенах висело несколько репродукций, и еще был радиоприемник, выпущенный в начале пятидесятых (припоминаю, у моих родителей был такой же). Через приоткрытую дверь в соседнюю комнату я увидел односпальную кровать и угол платяного шкафа.

Элмор залез в бюро и вытащил солидный пакет из коричневой манильской бумаги с одним-единственным написанным на нем словом: «Калловей». Я обратил внимание, что он был опечатан большой печатью из красного воска.

— Вот, профессор. Это только для вас, так что я уйду, а вы со святым отцом оставайтесь, сколько понадобится.

Дверь за Элмором захлопнулась, Калловей сломал печать и вытряхнул содержимое пакета. Из пакета вывалилось три конверта — один толстый и два тонких, еще свернутая записка и ключ. К ключу была привязан ярлычок с загадочной надписью: «Вы догадаетесь, от чего он».

— Это точно, — пробормотал Калловей.

Он развернул записку, быстро пробежал ее глазами и передал мне. Написана она была от руки и датирована двумя месяцами ранее.

Дорогой Калловей,
Если вы читаете это, значит, пророчество Элжуана сбылось и я мертв. Я очень надеюсь, что вам запомнился наш первый ужин, наш разговор и ваше обещание, данное мне годы назад. На случай если этот конверт попадет не к тому, кому надо, оставляю вам пару головоломок. Когда вы их расшифруете, вы будете знать, что делать дальше. Замки в моих любимых книжках, ключ — семь.

Возможно, когда вы будете уезжать, вы будете не против прихватить с собой пару коробок «Ойо де Монтеррей» и ящик «Маркиза». Наслаждайтесь ими в свое удовольствие.

Ваш благодарный знакомый (или друг),
Исаак Прайс

(5,2,2,5)
831214926142252425798

Пока я это читал, Калловей вскрыл большой конверт и вытряхнул его содержимое.

— Завещание сэра Исаака, — сказал он, — и еще одна записка. Слушайте: «Это мое последнее и единственное подлинное завещание и свидетельство. Все предыдущие завещания уничтожены, и любой другой появившийся документ — подделка. Исаак Прайс».

Калловей быстро пролистал бумаги.

— Подписано и заверено, — прокомментировал он и переключил свое внимание на более тонкий конверт.

В этом конверте оказалась газетная вырезка. На фотографии Тибалд, чуть позади него Лэмборн. Пара спускается по парадной лестнице какого-то впечатляющего вида здания. Надпись под фотографией гласила: «Ричард Тибалд и его адвокат покидают торговый банк Мелдрам, полдень вчерашнего дня».

— Теперь понятно, почему Тибалд показался мне знакомым! — воскликнул Калловей. — Вы наверняка помните

это дело, Родерик. Это было год или два назад... В Сити ходили слухи о какой-то махинации в Мелдраме, инсайдерские дела, подлог, незаконное присвоение и тому подобное. Либо ничего не смогли доказать, либо его реабилитировали. Что бы там ни случилось, Ричарду Тибалду были предъявлены обвинения, и он вынужден был подать в отставку.

В третьем конверте было два листа бумаги или, скорее, два пергамента, так как этот материал был плотнее и качественнее обычной бумаги. Калловей рассмеялся:

— И впрямь головоломка.

Первый лист:

Θκτῖβυβ ωλ γυκ ωοηον φκωδω νοβ λοκβυ

И второй:

θωαφβ ωλ γυκ ηα βιηυυκα νοβ θωυκβ

— Что вы думаете? — спросил меня Калловей.

— Это греческий, но, насколько позволяют мои скромные познания, это полная бессмыслица, — ответил я.

— Скорее всего, так и есть, — сказал Калловей. — Готов поспорить на что угодно — это написано по-английски. Я говорил вам, пока мы сюда ехали, что сэр Исаак поразил меня тем, что гордился своим незнанием языков.

Послышался тихий стук в дверь, и в комнату заглянул Элмор.

— Я накрываю ленч, джентльмены, — сказал он. — Хозяин хотел бы, чтобы все было как всегда.

Калловей затолкал все бумаги обратно в пакет и сунул его себе под рубашку. Я не волновался по поводу того, что кто-то заметит перемену в перьяшливом наряде Калловей.

Мы спустились в столовую. За ленчем гостившие в особняке джентльмены в очередной раз, если не считать элементарную вежливость, предельно нас игнорировали. Покопчив с ленчем, Лэмборн отодвинул свой стул от стола, встал и обратился к Элмору:

— Нам с мистером Тибалдом необходимо обсудить некоторые приватные дела, касающиеся покойного сэра Исаака. Это займет большую часть дня. Если понадобится, мы будем в библиотеке, впрочем, я думаю, повода беспокоить нас не возникнет.

Через открытую дверь мы видели, как они прошли по холлу и удалились в крыло, где располагалась библиотека. Калловей быстро и бесшумно последовал за ними. Я уже давно знал эту его способность передвигаться, но все равно не переставал удивляться. Через несколько секунд Калловей вернулся в столовую.

— Они приняли меры, чтобы их не беспокоили. Я слышал, как повернулся ключ в замке.

— Это о многом говорит, — заключил я.

— Вы не заметили ничего странного, Родерик? Нет? Когда вы в последний раз видели адвоката, который желает обсудить дела с клиснтом, и при этом у этого адвоката нет портфеля с документами? Не важно, благодаря этому мы можем предпринять необходимые шаги.

— Что это за шаги, Рубен?

— О, разве я не сказал? Мы обыщем их комнаты. — Я начал было протестовать, но Калловей только похлопал меня по плечу своей ручищей и сказал: — Мы ведь не полиция, не так ли? Правила проведения обыска, понятия и прочее к нам не относятся, верно? Так что вперед, за дело.

Я не был особенно уверен насчет неоспоримости его аргументов, но пошел следом, понимая, что со мной или без меня он сделает то, что задумал. Калловей подловил в холле Элмора и проинструктировал старика предупредить нас, если другие гости вдруг решат покинуть библиотеку.

Первым делом мы заглянули в комнату Тибалда. Там не нашлось ничего интересного, только небольшой альбом для вырезок из газет. Все вырезки касались проблем в банке Меддрам. Казалось, Тибалд гордился тем, что был причастен к этому скандалу.

На кровати Лэмборна лежал большой кейс с ремнями и замками, но Калловей это не смутило. Он достал из кармана перочинный нож и с помощью самого маленького лезвия поколдовал над замками, пока они со щелчком не открылись. Кейс был забит различными документами. Быстро просмотрев все бумаги, Калловей отбросил большинство за ненужностью в сторону и остановился только на трех. Не удосужившись сложить документы обратно и закрыть кейс, Кал-

ловей схватил меня за руку и потащил за собой вниз, где окликнул Элмора, который все еще стоял на посту.

— Еще два вопроса, — сказал он старому слуге. — Что ты можешь мне сказать о докторе Врэнби из Филдайка?

— Он врач-терапевт сэра Исаака, сэр, — ответил Элмор.

— И что он за человек?

— Он хороший доктор, это правда, но... — Дворецкий запнулся, словно ему было неловко обсуждать личность терапевта. Калловей предложил ему сигарету и терпеливо ждал. Элмор выкурил половину сигареты и только потом решился: — Такое дело, профессор. У него репутация, ну, как у человека, который неаккуратен с деньгами и все такое... Говорят, он слишком уж увлекается азартными играми и на женщин тратится...

— А как насчет наших друзей в библиотеке?

— Эти-то? — Элмор презрительно хмыкнул. — Мистер Ричард настоящий транжира. Его выгнали из школы, хотя колледж он хорошо закончил. И вы навсрянка слышали о его махинациях в банке. Его мать — любимая племянница сэра Исаака, поэтому-то ему все и прощалось. Приезжал сюда, только когда чего-нибудь надо было.

А мистер Питер Лэмборн, он вообще не адвокат сэра Исаака. Адвокатом был мистер Лайонел Лэмборн, отец мистера Питера. Мистер Лайонел — адвокат старой закалки. Ему жизнь можно было доверить. Мистер Питер другой, он как Ричард, только поумнее или, может, хитрее, его за руку не ловили. Мистера Лайонела недавно хватил удар, поэтому младший и здесь.

Калловей поблагодарил старого слугу.

— Не думаю, что тебе придется волноваться по поводу этой парочки, Элмор. Но поглядим, поглядим.

Мы пошли дальше. Калловей завел меня в крыло, где находилась библиотека, но не к ней, а к противоположной двери. Калловей достал из кармана ключ с ярлычком, который прилагался к письму сэра Исаака, и попробовал открыть замок.

— Так я и думал, — удовлетворенно заметил он.

Калловей открыл дверь, и мы вошли внутрь. Комната была хороша, несмотря на тонкий слой пыли, который сви-

детельствовал о том, что в нее давно никто не заходил. Благодаря центральному отоплению здесь было тепло, возле камина на решетке лежало все необходимое для того, чтобы развести огонь. Калловей чиркнул спичкой, и через несколько секунд язычки пламени охватили дрова, дерево начало щелкать и потрескивать.

Разжигая камин, Калловей обратился ко мне:

— Диорама, о которой я говорил, вон там. Идите, взгляните. Думаю, выключатель вы найдете под левым углом стола.

Я последовал его указаниям и был ошеломлен красотой модели. Так, насколько я понимаю, выглядит настоящая саванна с высоты птичьего полета. От потрясения у меня перехватило дыхание и закружилась голова, казалось, меня затягивает этот мир. Взволнованный, я отступил от стола.

Дрова в камине запылились, и удовлетворенный своей работой Калловей радостно поныхивал сигарой из кедровой коробки. Дым был ароматным — большой шаг вперед после его ужасных сигарет. Калловей подошел ко мне и встал рядом.

— Это... это не поддается описанию, — сказал я.

— Да, но что это?

На лице Калловей отразилось сомнение, и я заинтересовался, в чем дело.

— Я не уверен. — Он зажал в зубах сигару и пошел вокруг стола, время от времени останавливаясь и вглядываясь в панораму, едва ли не прижимаясь носом к стеклу. — Я знаю, с тех пор как я видел это, прошло много лет и память может меня подвести, но я почти уверен, что тогда это не было таким. Кажется, сейчас не те группы животных, изменился ландшафт, исчезли прежние деревья, появились новые. Может, я старею. — Калловей пожал плечами. — Ладно, идем, познакомьтесь с Элкуаном.

Вид Элкуана потряс меня даже больше, чем диорама Африки. Он был таким, как его описывал мне Калловей, но я заметил в нем что-то еще. Калловей не говорил ни о том, какой он высокий и худой, ни о том, насколько злобнее он выглядит. Возможно, потому, что временами я бываю слишком чувствителен (нежеланное и неоцененное на-

следие далекого кельтского предка), но мне показалось, что это излучает силу. И более того, я чувствовал молчаливое одобрение, направленное на меня и Каллоуэя, но за этим одобрением таились опасность и даже угроза.

Я сказал о своих ощущениях Каллоуэю.

— Вы действительно думаете, что внутри останки Эл-куана? — спросил я.

— Желаете заглянуть под маску?

— Нет, такого желания у меня нет.

— Хорошо, тогда займемся делом.

Каллоуэй с важным видом подошел к камину, уселся в одно из кресел и жестом пригласил меня занять соседнее. Потом он налил арманьяк в два бокала и достал из-под рубашки разные документы и бумаги.

— Это завещание Каллоуэя заявлено как единственно подлинное. Существенное имущество — без налогов — завещано Элмору и миссис Хопкирк, а меньшая доля некой Розмари Гарт, вероятно — девушке, что приходит убирать. Щедрые суммы завещаны различным благотворительным фондам, а поместье — Джоанне Тибалд, по-видимому матери Ричарда. Ни одного упоминания о самом Ричарде Тибалде. Лайонел Лэмборн и Дэниел Джейсон совместно названы душеприказчиками.

Каллоуэй аккуратно отложил документ в сторону.

— А это — завещание, которое я взял из кейса Лэмборна. С виду все в порядке, но, если верить сэру Исааку, оно фальшивое. Кое-что по мелочи завещано слугам, все остальное... «моему любимому племяннику Ричарду Тибалду...» Единственный душеприказчик — Питер Лэмборн.

Теперь вернемся к другим бумагам, которые я стащил у Лэмборна. Одна из них — долговое обязательство доктора Врэгби из Филдайка. Оказывается, он должен Питеру Лэмборну десять тысяч фунтов. Вторая — письмо Питеру Лэмборну из Юридического сообщества, его вызывают на дисциплинарные слушания в новом году. Здесь представлены факты, которые, если они будут доказаны, повлекут за собой его отставку.

— Бедный сэр Исаак, кажется, он окружил себя мощенниками, — заметил я.

— Скорее, это мошенники его окружили. Прайс был умен, и я уверен, что он их вычислил. Поэтому вернемся к нашим головоломкам. — Калловей взял в руки два пергамента с греческими буквами. — Я сказал вам до ленча, что это написано на английском. И их должно быть не так уж трудно разгадать. Помимо своей гордости оттого, что он не знаком с иностранными языками, сэр Исаак внушил мне свою веру в простые решения.

Я только сейчас понял — то, что я все эти годы считал банальной болтовней за ужином, на самом деле было подготовкой к решению. Сэр Исаак оставлял подсказки.

Калловей указал на столик с напитками.

— Возьмите вот те книги, Родерик.

Я подчинился и посмотрел на обложки. «Книга общих знаний для мальчиков» и «Загадки и головоломки для мальчиков».

— Прайс указывает в своем письме ко мне, что его любимые книги — это ключ к шифру. Посмотрите, я уверен, что в них вы найдете греческий алфавит и раздел с простыми шифрами.

Я быстро пролистал книги.

— Да, здесь греческий алфавит, а здесь — раздел шифров. Стало понятнее. Здесь говорится, что самый простой шифр — это замена одних букв или цифр другими. Вы считаете, что сэр Исаак заменил латинские буквы греческими?

— Это наиболее вероятно, вы не согласны?

— Это может привести к определенным сложностям, — сказал я. — В греческом алфавите только двадцать четыре буквы, тогда как в нашем — двадцать шесть. И здесь нет соответствия. Например, третья буква греческого алфавита «гамма», что является эквивалентом нашей «G», а не «C».

Калловей освежил свой бокал и раскурил потухшую сигару.

— Я так не думаю. Прайс был бы против усложнений. Я полагаю, он напрямую заменил одни буквы другими. Напишем два алфавита друг напротив друга и отбросим две последние буквы.

Калловей нацарапал на конверте два ряда букв и передал его мне.

— Все верно?

abcdefghijklmnopqrstuvwxyz
αβχδεζηϑκλμνπρστυφω

— Кажется, да. Передайте мне пергамент, и посмотрим, что нам это даст.

Пришел мой черед писать, в результате у меня получилось две строчки перемешанных без всякого смысла букв:

οκηβγδ ωλ γνκ ωοηου φκεωδς υοβ λοκβυ
lkghcb vl cnk wsgou jkevda nob lskbn
θσαφβ ωλ γνκ ησα βιηγκα υοβ θωυκβ
hoajb vl cnk goa bigccka nob hvukb

— Это абракадабра, — сказал я. — Либо эти послания не имеют смысла, либо существует другой шифр.

— Вы правы, Родерик, — отвечал Калловей. — В «Загадках и головоломках для мальчиков», видимо, не предусматривалось, что читатель будет подставлять какой-нибудь алфавит под латинский. Но мы, однако, на верном пути. Какой будет самая простая замена?

Я на секунду задумался.

— Наверное, использовать «В» вместо «А» или что-нибудь в этом роде.

Еще несколько минут работы, но результат по-прежнему не имел смысла.

ilhcdc wm dol xthpv ορε mtleo
ipbkε wm dol hpb εjhddlb ορε twvlc

— Скажем, замена Прайса уходит глубже в алфавит, — предположил Калловей. — Он любил простые решения, но есть и очень простые решения. Давайте еще раз взглянем на письмо. — Он быстро перечитал письмо и улыбнулся. — Нам обоим нужно надавать подзатыльников, Родерик. Он не только написал, что эти книги служат замком, но и то, что ключ, — «7». Какая седьмая буква в алфавите? «G»? Попробуйте еще раз, возьмите «G», как первую букву алфавита.

Калловейу нужен был не я, а секретарь.

— Вот что получается! — сказал я, завершив работу.

abcdefghijklmnopqrstuvw
ghijklmnopqrstuvwxyz

— Следующую часть сделаю я, — улыбнулся Калловей. — Пока вы не признались в простительном грехе, в потере терпения.

Он взял второй конверт и принялся за работу. Я посчитал, что заслужил еще один бокал арманьяка, и щедро налил себе двойную порцию. У меня даже появилось искушение попробовать «Ойо де Монтеррей», но почему я должен был изменять здоровому образу жизни?

— Готово, Родерик. Я разгадал его. — Калловей посмотрел на меня и торопливо добавил: — Я хотел сказать — мы разгадали. Вот, как по-вашему, на что это похоже?

θκηβυζ ωλ γνκ ωοηου φκεωδα υοβ λοκβν
hkgbcb vl cnk wsgou jkevda nob lskbn
beasts of the plain devour his flesh
звери равнин сожрут его плоть

θοαφβ ωλ γνκ ηοα βυηυκα υοβ θυοκβ
hoajb vl cnk goa bigecka nob hvukb
birds of the air scatter his bones
птицы небес разнесут его кости

Я прочитал, и мне стало немного не по себе.

— Для меня это звучит как проклятие, — признался я. Калловей кивнул. Потом мне пришла в голову еще одна мысль. — Мы кое-что забыли, Рубен. В конце письма Прайса были какие-то цифры. Может быть, это еще один шифр?

— Да, это мы упустили. Очень похоже, что вы правы. Посмотрим еще раз...

(5,2,2,5)

831214926142252425798

Я взял карандаш.

— Предположим, что каждая цифра указывает на букву, для начала я попробую простую замену. «А» — это единица и так далее вплоть до «Z».

(c,b,b,e)

hcabadibfadbbcbdbegih

— Не очень-то помогло, — сказал Калловей. — Ключ — «7», так что снова берем «G» за единицу. Получается... посмотрим... да, «F» будет «26», итак...

g h i j k l m n o p q r s t u v w x y z a b c d e f
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26

Я задумался над первым набором цифр: (5,2,2,5).

— Знаете, что они мне напоминают, Рубен? Индикатор ключа к кроссворду. Вы знаете, как ими пользуются. Пишете ключ, а затем в скобках серию цифр, разделенных запятой, которые указывают на количество слов в ответе и количество букв в каждом слове.

— Отличная мысль, — одобрил Калловей. — Первая цифра — «8», которая по нашей новой шкале — «N», следом «3» — эквивалент «I»... Следовательно, «8312» читается как «N-I-G-N», а затем идет «G» и «J», что наверняка ошибочно. Сколько английских слов начинается с «N-I-G-N», Родерик?

— Я бы сказал — полдюжины... или около того. Предположим, что идущие следом за «8312» «единица» и «четверка», на самом деле — «14»...

— Верно! «Четырнадцать» соответствует «T», что дает нам слово из пяти букв — «NIGHT» — ночь. Значит, следующая цифра «девять» — это «O». Следом идут «двойка» и «шестерка», либо «H» и «L», либо «двадцать шесть», то есть — «F». Определенно это «двадцать шесть», так как в слове «OF» больше смысла, чем в «OH», — бормотал Калловей, скорее для себя, чем для меня, а потом ухмыльнулся. — Забавно, очень забавно, сэр Исаак, — сказал он и показал мне четыре слова: «NIGHT OF THE DEMON» — НОЧЬ ДЕМОНА.

— Ради всего святого, что это значит? — спросил я.

— Я думаю, для кого-то это означает очень неприятный сюрприз, — такой был ответ. — Первым делом я избавлюсь вот от этого... — Калловей подался вперед и бросил в камин второе, фальшивое завещание и потыкал его кочергой, пока оно не превратилось в пепел.

Прикурив следующую сигару, Калловей вперевалку подошел к окну и выглянул наружу. Я присоединился к другу. Днем, видимо, опять повалил снег, и за окном было почти темно.

— Мне знакомо это выражение вашего лица, Рубен. Я думаю, вы испытываете кризис сознания. Вы пришли к решению, какой бы ни была моральная дилемма?

Мой друг задернул шторы и только потом ответил:

— Да, теперь мы должны покончить с этим делом. Подождите здесь минутку, Родерик.

Калловей вышел из комнаты и постучал в библиотеку. Дверь рывком открылась. Я услышал резкий, раздраженный голос Лэмборна:

— Что вам угодно, Калловей? Я же говорил, что мы не желаем, чтобы нас беспокоили!

— Я знаю, — сказал Калловей. — Вы хотите обсудить дела, касающиеся смерти сэра Исаака. Что ж, я тоже. Если вы соизволите присоединиться к нам с отцом Ши, я думаю, мы сможем поделиться с вами относящимися к делу фактами.

— Хорошо, — проворчал в ответ адвокат.

Они последовали за Калловеем, Лэмборн неохотно, Тибалд с надменным видом. Довольный Калловей широким жестом пригласил их занять кресла, которые я подтащил ближе к камину.

Калловей уселся напротив, он был расслаблен и благожелателен.

— Выпьете, джентльмены? Сигары? Нет? Хорошо, тогда к делу. На мой взгляд, смерть сэра Исаака не является ни естественной смертью, ни несчастным случаем.

— Вы хотите сказать, что он покончил жизнь самоубийством? — спросил Лэмборн. — Предлагаю вам убедиться в подлинности ваших фактов, прежде чем выдвигать подобные обвинения.

— О, я настолько уверен в своих фактах, что исключаю возможность самоубийства. Сэр Исаак был убит.

И опять первым отреагировал Лэмборн:

— Взор! Убит? Кем?

Лицо Калловей стало еще более добрым.

— Кем? Ну, как же, вами двумя, конечно же.

Ричард Тибалд лениво улыбнулся, но Лэмборн покраснел до такой степени, что я испугался, что он вот-вот упадет с кресла.

— Это чушь собачья! — прорычал он. — Я ухожу...

— *Сидеть!* — Окрик Калловей прозвучал, как команда полкового сержанта.

Лэмборн рухнул обратно в кресло.

Ричард продолжал улыбаться.

— Глупейшее обвинение, — протянул он. — Какие вы можете представить доказательства, каков мотив?

— Я прибыл сюда, ожидая самого худшего, — сказал Калловей. — Вы, вероятно, не в курсе, но как-то много лет назад я гостил здесь у Исаака Прайса. Он сказал мне о том, что ему напроорочили смерть от рук близкого человека, и попросил меня, если такое когда-нибудь случится, разобраться в этом деле.

— И это все?! — Голос Лэмборна звенел от возмущения. — Черт знает сколько времени назад эксцентричный старик сказал вам, что будет убит, и попросил, когда он умрет, найти виновного?

— Конечно, дело не в этом. Во всяком случае, не только в этом. — Калловей потянулся к графицу. — Я всегда с некоторым скепсисом относился к пророчествам, по крайней мере до той поры, пока не увидел труп сэра Исаака, пока не осмотрел его и его комнату. — Калловей поднял бокал и полюбовался ягтарной жидкостью и мягкой игрой света на хрустальных гранях. — Арманьяк, джентльмены. Великолепный, очень дорогой арманьяк «Маркиз де Монтескью». Сэр Исаак говорил мне, что не пьет никаких других спиртных напитков. Держу пари, ни один из вас не знал об этом. Страшно, что возле его кровати стояла бутылка «Реми Мартин». Очень хороший коньяк, джентльмены, но тем не менее это коньяк. Сэр Исаак не притронулся бы к нему.

— Люди меняют привычки, — прокомментировал Ричард Тибалд. — А если уж он решил покопчить с собой, как это, вероятно, и случилось, не все ли ему было равно, чем запивать таблетки?

Калловей покачал головой:

— Возможно, и не все равно. Я расспрашивал сегодня Элмора, и он подтвердил, что его хозяин по-прежнему пил только «Маркиза», хотя действительно держал для гостей другие огненные напитки. И еще там были битты...

— Бинты... А сейчас-то куда вы клопите, Калловей? — Адвокат не на шутку разволновался.

— В бюро возле кровати сэра Исаака я обнаружил обрывки бинтов. Вспомните, когда сегодня утром мы были в комнате вашего дяди, мистер Тибалд, я отцепил кусочек корнии с вашего рукава. Мы нашли подобные нитки на манжетах халата сэра Исаака, еще такая же нитка зацепилась за подлокотник деревянного стула и за дверцу бюро. В бюро оказались скомканные обрывки бинтов.

— Может быть несколько причин, почему дядя держал бинты в бюро. — Ричард Тибалд вздохнул. — Это становится скучно, профессор.

Калловей, казалось, смутился.

— Прошу прощения, — сказал он. — Будьте снисходительны. Я также спросил Элмора, нужны ли были сэру Исааку бинты, и он сказал, что нет.

— Элмор всего лишь слуга! — отрезал Лэмборн. — Что он может знать?

— Вероятно, больше, чем вы, — сухо заметил Калловей. — Продолжим. Мы все согласны, что бренди и бинты — хорошая почва для подозрений. Ну, положим, не все, но доктор Ши и я уверены в этом.

Я был тронут. Не часто Рубен Калловей делился со мной славой.

— Гипостазы, их еще называют трупными пятнами, — объяснил я. — Когда человек умирает, со временем кровь аккумулируется в нижней части трупа.

Калловей не дал мне закончить предложение.

— Спасибо, Родерик, — вмешался он. — Сэр Исаак, когда мы его нашли, лежал на спине. Пятна должны были распространяться сверху от плеч вниз. Их там не было. Они были на ягодицах, на ляжках, на щиколотках и ступнях. Это указывает на то, что он умер в сидячей позе и оставался в этом положении еще несколько часов после смерти. А теперь я скажу вам, что, по моему мнению, произошло...

Пока Калловей говорил, Ричард Тибалд был спокоен и внимателен, он даже налил себе арманьяк и пригубил с явным одобрением. Лэмборн перестал возмущаться, он си-

дел, поджав губы, и мне показалось, что я чувствую исходящую от него волну страха.

Калловей сцепил пальцы под подбородком и оглядел обоих джентльменов. Вид у него все еще был благодушный.

— Сегодня вы сказали мне, что сэр Исаак накануне вечером за ужином пожаловался на то, что неважно себя чувствует. Элмор же утверждает, что, когда хозяин спустился к ужину, он прекрасно себя чувствовал. «Довольный», кажется, он употребил это слово. Я подозреваю, что за ужином вы ухитрились подложить ему одну-две снотворных таблетки, скажем, в крепкий кофе, который перебил бы их вкус.

А затем, когда он почувствовал себя плохо и буквально засыпал на ходу, вы проводили его в спальню. Уже там вы усадили его на стул, надежно привязали бинтами к подлокотникам и к ножкам, а потом влили в него коньяк с раздавленными в порошок таблетками. Прodelав все это, вы равнодушно оставили его умирать.

Забравшись в спальню сэра Исаака сегодня утром, — Калловей указал на сохраняющего внешнее спокойствие Тибалда, — вы быстро перерезали бинты и, прежде чем позвать нас, уложили старика в постель. Это было не очень сложно. В комнате стояла жара, и трупные пятна еще не появились. Вам надо было где-то быстро спрятать бинты, и вы затолкали их в бюро.

— Очень умно, — Ричарда Тибалда, казалось, забавлял этот разговор. — Интересная теория, но не проглядели ли вы тот факт, что дверь в комнату моего дяди была заперта изнутри? Отсюда вопрос: как мы могли совершить то, в чем вы нас обвиняете?

Калловей улыбнулся:

— Ах да, знаменитая загадка запертой комнаты. Запертая комната, ба! Возможно, вы не в курсе, но в тридцатых-сороковых годах несколько британских писателей детективных рассказов сделали весьма успешную карьеру, специализируясь на загадках запертых дверей. И знаете что? В результате решение сводилось к тому, что читатель просто хотел кусать себе локти, оттого что не разгадал эту загадку.

— И мне предстоит кусать себе локти? — ухмыльнулся Тибалд.

— Думаю, да. Не было никакой загадки запертой двери. Когда вы оставили сэра Исаака вчера вечером, вы просто заперли дверь снаружи. А когда вы взбирались по приставной лестнице нынче утром, ключ лежал у вас в кармане. Видите ли, вы сказали нам, что ключ лежал на прикроватной тумбочке, но его там не было.

В комнате пыль не убиралась уже недели две, так как девушка, приходящая убирать, была отпущена из-за болезни. Пыль на тумбочке была стерта там, где стояли бренди и бутылочка со снотворным, но нет и следа, который бы указывал на то, что там лежал ключ.

Впервые с того момента, как Калловей предъявил им обвинение, Ричард, кажется, потерял уверенность в себе.

— Мне безразлично, если ваша теория верна, — проворчал он. — Она дает нам то, что вы, очевидно, считаете уликами. Но каков мотив?

— Жадность, что же еще? — Калловей кивнул поочередно в сторону каждого джентльмена. — Мне неизвестно, вызвал вас сэр Исаак, чтобы отстранить от дел, или вы пригласили себя сами. Честность ваша сомнительна, и оба вы, вероятно, нуждаетесь в деньгах, вам нужны крупные суммы, и очень быстро. Какими бы ни были обстоятельства вашего появления здесь, я думаю, что вы явились сюда, уже замыслив убийство старика.

Вы, мистер Тибалд, попали под подозрение в одном из крупных торговых банков Сити и были вынуждены подать в отставку. Никаких криминальных обвинений против вас не выдвинули, но в этом сообществе — всем известно, что они стоят плечом к плечу против постороннего вмешательства, — не изгоняют одного из своих, если у них нет на это достаточных оснований.

Что касается мистера Лэмборна, он должен предстать перед Юридическим сообществом и ответить на некоторые неудобные вопросы относительно незаконного присвоения клиентских фондов. Опять же Юридическое сообщество — консервативная организация, и не в ее обычае отворачиваться от своих членов с такой легкостью.

— Вы копались в моих вещах! — У Лэмборна от изумления отвисла челюсть.

— Конечно, — ничуть не смутился Калловей. — Я даже расскажу вам, как вы думали уйти от ответственности за убийство. Вы поймали на удочку еще одного слабовольного человека, доктора Врэгби из Филдайка. Врэгби должен вам, Лэмборн, порядка нескольких тысяч фунтов. Как я понимаю, после обнаружения тела сэра Исаака должен был прибыть доктор Врэгби и, не задавая лишних вопросов, подписать свидетельство о смерти. После этого его долг аннулировался, и он мог убираться восвояси. Если бы Элмор начал задавать вопросы, ему бы объяснили, что это сделано для того, чтобы не омрачить память хозяина, чтобы никто не узнал, что сэр Исаак либо покончил с собой, либо случайно напился до смерти.

Чего вы по непонятным причинам не предусмотрели, так это нашего приезда и снегопада, который не позволил вызвать расточительного распутника Врэгби.

Калловей осушил свой бокал и откинулся в кресле, он улыбался, как школьник, который только что совершил скверную проказу.

— Разумеется, — сказал он, — все это только мои предположения. Вероятно, это будет очень трудно доказать в суде. Кстати, я даже уничтожил одно существенное документальное свидетельство. Завещание, которое вы так замечательно подделали, некоторое время назад отправилось в огонь. Отец Ши видел, как я его уничтожил.

Лэмборн достал платок и промокнул лоб. Я заметил, что рука его дрожала. Лицо Тибалда скривилось от злобы, и мне на секунду показалось, что он собирается броситься на Калловей. Но что-то в том, как спокойно держался Калловей, удержало его, и он расслабился. Прошло несколько секунд, и Тибалд даже смог выдавить нервный смешок.

— Я не собираюсь ничего признавать, но, похоже, мы спрыгнули с крючка, — сказал он, вставая. — Так что, если я вам больше не нужен...

— Минутку, пожалуйста. Это сэр Исаак вложил в мое письмо. Я думаю, он хотел, чтобы я передал это вам.

Калловей протянул обоим мужчинам по листу пергамента с греческими буквами. Они в замешательстве уставились на листы.

— Что это может означать? — воскликнул Лэмборн.

— Это буквы греческого алфавита, — пояснил ему Калловей. — Возможно, мистер Тибалд, как выпускник Кембриджа, прочитает вам.

— Нет. Я латынь изучал, — отозвался Тибалд.

— Не важно. Буквы греческие, но послание на английском. Это тоже вам не особенно поможет. Оно зашифровано. Сэр Исаак любил простые головоломки. Чтобы облегчить вам задачу, мы с отцом Ши решили се сегодня днем. Я скажу вам, что в них написано, вы не против? Мистер Тибалд, на вашем пергаменте написано: «Звери равнин сожрут его плоть»; на вашем, мистер Лэмборн: «Птицы небес разнесут его кости».

— Что это еще за ерунда? — закричал Лэмборн, напускная храбрость начала возвращаться.

Калловей пожал плечами:

— Может, это просто ерунда. Бредовая затея эксцентричного старика. Этому мусору самое место в огне. Будь я на вашем месте, я бы так и поступил. Бросил бы эти листки в огонь.

Лэмборн скривился, как недовольный ребенок.

— Правильно, черт возьми! — крикнул он, как будто сгоревший кусок пергамента мог решить его проблемы.

Он скомкал свой лист и швырнул его в огонь, потом вырвал пергамент у Тибалда и проделал с ним то же самое.

— Все? Теперь мы можем идти? — раздраженно спросил адвокат.

— Только одну секунду, — сказал Калловей. — Сэр Исаак оставил нам еще одно зашифрованное послание, на этот раз в цифрах. Не стоит вам его показывать. Там всего два слова: «НОЧЬ ДЕМОНА».

— Ну и что?.. — спросил Лэмборн.

Очевидно, вы не киноман, — отвечал Калловей. — Я же люблю хорошие фильмы, и сэр Исаак любил. Около восемнадцати или девятнадцати лет назад был такой фильм — «Ночь Демона». С Даном Эндрюсом¹ в главной роли.

¹ Дан Эндрюс — популярный американский актер.

Ричард Тибалд потряс головой. Я думаю, он решил, что Калловей немного чокнутый.

— А есть ли там указание на ваше кинематографическое воспоминание?

— О да, очень даже конкретное указание. — Интонация Калловей по-прежнему была спокойной. — «Ночь Демона» поставлена по короткому рассказу Джеймса «Руническая магия». В этом рассказе некий оккультист проклял своих врагов. Проклятие передается на клочок пергамента. Как только пергамент попадает в руки жертвы, сверхъестественный востер вырывает его и посылает в ближайший огонь. В результате у жертвы нет шансов избавиться от проклятия.

Добродушное выражение исчезло с лица Калловей, и он стал абсолютно серьезен.

— Вы только что уничтожили в огне насланное на вас проклятие. — Он повернулся ко мне. — Родерик, я думаю, нам лучше покинуть эту комнату. *Быстро!*

Калловей подтолкнул меня к двери. Когда он это сделал, мне показалось, что я что-то увидел краем глаза. Я мог поклясться, что фигура Элкуана начала двигаться. Калловей вытолкнул меня в коридор, захлопнул дверь и повернул ключ в замке. За нашими спинами ревели взбешенные голоса:

— *Что это, черт возьми, за игры, Калловей?*

В дверь начали колотить изнутри.

— Рубен, мне показалось, что я видел...

— Не запоминайте то, что видели, Родерик, — предостерег меня Калловей. — Так будет лучше.

Крики в комнате стали звучать более истерично, удары по двери стали более настойчивыми, а потом вдруг все стихло.

В коридоре появился запыхавшийся Элмор.

— Я слышал крики, сэр. Что случилось?

— Не знаю, — легко солгал Калловей. — Отец Ши и я только что подошли, чтобы узнать. — Он повернул ключ в замочной скважине и вошел в комнату сэра Исаака. — Странно, но здесь никого.

Я последовал за своим другом. В комнате было пусто, не считая какой-то груды возле стола с диорамой. При бли-

жайшем рассмотрении эта груда оказалась нарядом Элкуана. Костюм превратился в бесформенную кучу, он был пуст, и у меня больше не было ощущения присутствия в нем чего бы то ни было. Я раздвинул шторы и убедился, что окна надежно закрыты, а снег под ними не тронут.

— Кто-то тут играет в нечестные игры! — недовольно проворчал Элмор.

Я повернулся к Калловсю, который с задумчивым видом стоял у диорамы и раскуривал потухшую сигару.

— Рубен, что с ними случилось? Куда они исчезли? — прошептал я.

Он вытащил сигару изо рта, немного подумал и сказал:

— Я не уверен, но, кажется, у меня есть идея... *Какое горе!*

Он указал на диораму горящим концом сигары.

На наших изумленных глазах диорама начала бледнеть и бледнела, пока окончательно не исчезла, словно ее никогда и не было. Перед нами стоял обыкновенный стол с пустым застекленным панорамным ящиком.

Горячий ветер, который дул им в лицо, нес с собой чужие запахи, странную сухую вонь животных, горький аромат растений, праха и смерти, в то время как солнечный жар с побелевшего неба раскалял землю. Спутавшаяся трава уносились к далекому горизонту, а колючие деревья бледно-коричневого цвета, цвета охры и более темных тонов цеплялись за пустоту скрюченными голыми ветками. Дымчатые облака пыли бродили над равниной, подобно огромным стадам травоядных в извечных поисках пищи. Где-то недалеко раздалось хриплое рычание неизвестного животного, и тут же послышались ответные звуки.

Ричард Тибалд и Питер Лэмборн в страхе огляделись по сторонам.

— Что это за чертово пекло, где мы? — «угадал» Тибалд. — И какой дьявол нас сюда отправил?

Лэмборн не ответил. Вместо этого он дрожащим пальцем показал в сторону акации. Сначала Тибалд не разглядел, на что указывает его компаньон, но потом глаза его привыкли к ослепительно-яркому свету. В маленьком островке

тени, под акацией, стояли две человеческие фигуры и неотрывно на них смотрели.

Один был высокий и ужасающе худой, с продолговатым, как у фараонов, черепом и с кожей пыльного, серо-коричневого цвета. Тибалд чувствовал пристальный взгляд, хотя был уверен, что на этом высохшем лице не было глаз. Второй наблюдающий за ними был больше знаком Тибалду. Этот человек тоже был высоким, но не настолько. Также худой, но худоба его была более естественной. И одет он был в старый длинный халат. Сэр Исаак Прайс с мрачной улыбкой смотрел на своих убийц.

Тибалд опустился на землю и уткнулся лицом в колени. Его начало трясти, и чем больше он старался себя контролировать, тем сильнее его трясло. Лэмборн оставался на ногах, он застыл на месте и продолжал в глубоком шоке показывать перед собой пальцем. Он бормотал что-то невнятное, и слезы катились у него по щекам.

Первая львица тихо двинулась в сторону Тибалда и Лэмборна, ее желто-коричневые глаза сузились, за ней появилась еще одна львица, потом еще две или три, пока целая стая не окружила людей. Поначалу зверям было просто любопытно, а потом громкое урчание перешло в рычание, в дикий, угрожающий рык. Один лев, самый смелый в стае, огромной лапой аккуратно, на пробу, тронул Лэмборна. А когда реакции не последовало, лапа снова ударила человека, на этот раз быстрее и сильнее. Почуяв запах крови, ко льву присоединилась вся стая.

Ричард Тибалд поднял к небу неожиданно состарившееся лицо. Львы занялись дико орущим Лэмборном, а трое из них заинтересованно повернулись к Ричарду. В нескольких ярдах вприпрыжку бежали жаждающие объедков шакалы и гиены. Высоко в расплавленном от зноя небе Тибалд заметил собирающихся стервятников.

КЛАЙВ БАРКЕР

Потерянные души

Гарри Д'Амур

Частному сыщику Гарри Д'Амуру уже около сорока лет. У него длинный нос, квадратная челюсть, широкий лоб с морщиной у переносицы и седина в волосах, а еще воспаленные от бессонницы глаза и трехдневная щетина на лице.

Д'Амур постоянно — сам того не желая — оказывается по ту сторону добра. Изменить это он не в силах и потому непрерывно балансирует на грани между Чибесами обетованными и адом. Это его судьба, а с судьбой, как известно, не поспоришь.

Глубоко верующий католик, он ведет свою войну в одиночку и тайно. Поле его битвы — улицы Нью-Йорка. Среди немногих его друзей — Норман Пейн, темнокожая слепая ясновидящая, которая никогда не покидает свою квартиру с тридцатью телевизорами. Норман общается с духами, надеющимися с ее помощью попасть в мир иной.

Захламленный офис Д'Амура находится между Сорок пятой улицей и Восьмой авеню. Сыщик раз в неделю бесплатно получает обед из китайского ресторана, что позволяет ему разнообразить свое меню, много пьет, ненавидит толпу и не расстается с пистолетом тридцать восьмого калибра. От сил Зла его защищают многочисленные татуировки-талисманы и оккультные знаки.

Ему не дает покоя событие, которое произошло в пасхальное воскресенье в Бруклине. Именно там, в доме на Викофф-стрит, Д'Амур впервые столкнулся с нечистой силой: рутинная слежка за неверной женой буквально привела его в ад, когда оказалось, что ее любовник — демон. В результате столкновения сил Добра и Зла погибло множество

народу, в том числе и преподобный Хесс, который сражался на стороне сыщика, а у Д'Амура появились устойчивый страх перед лестницами и неугасимая страсть выслеживать и уничтожать демонов.

Гарри Д'Амур впервые появился в рассказе Клайва Баркера «Последняя иллюзия» (*The Last Illusion*), опубликованном в шестом томе «Книг крови» (*Books of Blood*, 1985). Рождественская история, предлагаемая читателю, была напечатана в декабрьском номере журнала «*Time Out*» за 1986 год. Затем Д'Амур, уже как второстепенный персонаж, встречается в романе «Явление тайны» (*The Great and Secret Show*, 1989). Через пять лет Д'Амур снова выходит на авансцену в сиквеле «Эвервилль» (*Everville*), где события приводят сыщика к дому на Викофф-стрит и к поджидающему его там демону.

В 1995 году этот герой (в исполнении Скотта Бакулы) появился в фильме «Повелитель иллюзий» (*Lord of Illusions*), который поставил по собственному сценарию Клайв Баркер, вдохновленный успехом первого рассказа о Д'Амуре.

То, о чем слепая женщина рассказала Гарри, она действительно видела. Все было на редкость реально. Каким уж таким внутренним зрением обладала Норма Пейн, но сверхъестественные способности позволяли ей сканировать остров Манхэттен от Бродвейского моста до Баттери-парка. И это при том, что она вообще не покидала свою крошечную квартирку на Семьдесят пятой авеню. Ее внутреннее зрение было не хуже, чем у метателя ножей. Вот тот самый заброшенный дом на Ридж-стрит с закопченными стенами. Вот и мертвая собака в проулке, которую Норма Пейн так точно описала. Можно было подумать, что собака спит, если бы не то обстоятельство, что у нее отсутствовало полголовы. И еще, если верить Норме, там был демон, которого разыскивал Гарри: осторожный и коварный Ча-Чат.

По мнению Гарри, дом был не слишком подходящим местом для такого отчаянного парня, как Ча-Чат. Инфер-

пальная братия — народ грубый и неотесанный, спору нет. И все же рассказы о том, что они предпочитают жить в полном дерьме или в ледяном холоде, — явные наветы христианских проповедников. Сбежавший демон мог скорее сейчас глушить водку в «Уолдорф-Астории», чем сидеть в таком убожестве.

Но Гарри потому и отправился к слепой ясновидящей, что его внутреннее зрение оказалось бессильным установить местонахождение Ча-Чата. Он признался ей, что чувствует свою ответственность за то, что демон вообще вырвался на свободу. Гарри так и не усвоил во время своих частых стычек с дьявольскими приспешниками, что обитатели ада — гениальные мистификаторы. Как иначе объяснить, что он поверил в ребенка, который попал в поле его зрения именно тогда, когда он направил пистолет на Ча-Чата. Ребенка, который, естественно, тут же исчез в облаке дыма, как только отвлекающий маневр возымел свое действие. И вот результат — сбежавший демон, которого Д'Амур безуспешно разыскивает уже третью неделю.

Между тем в Нью-Йорк пришло Рождество — время исполнения желаний и самоубийств. Толпы людей на улицах, несмотря на то что холодный воздух обжигает, как соль на ранах. Словом, торжество Мамоны. Более благоприятной обстановки для проделок Ча-Чата и представить невозможно. Поэтому Гарри надо было найти демона очень быстро, чтобы тот не смог причинить серьезного ущерба; найти его и вернуть в ту яму, из которой он вылез. В крайнем случае сыщик пустил бы в ход особое обездвиживающее заклинание, которым соблаговолит его однажды снабдить покойный преподобный Хесс. При этом святой отец так запугал Гарри, что тот даже не стал записывать слова. В любом случае оно могло сработать. По крайней мере до наступления Рождества.

В доме на Ридж-стрит было еще хуже, чем на улице. Гарри почувствовал, как ледяной холод сковывает ноги. Он был уже на площадке третьего этажа, когда услышал вздох. Сыщик повернулся в полной уверенности, что это Ча-Чат — демон со множеством глаз и торчащими во все стороны волосами. Но не тут-то было. В конце коридора стояла мо-

лодая женщина с изможденным лицом. Скорее всего, пуэртиканка. К тому же на сносках. Больше Гарри ничего не успел разглядеть, так как женщина торопливо сбежала по лестнице. Прислушиваясь к ее шагам, Гарри подумал, что Норма ошиблась. Если бы Ча-Чат был здесь, такой идеальной жертве вряд ли удалось бы ускользнуть и при этом остаться целой и невредимой.

Демона здесь не было. Гарри ничего не оставалось, как обыскивать и дальше весь Манхэттен.

А накануне вечером нечто странное произошло с Эдди Акселем. Он, пошатываясь, вышел из своего любимого бара всего в шести кварталах от магазина на Третьей авеню, владельцем которого являлся. Эдди был пьян и чувствовал себя абсолютно счастливым, и не без оснований. Сегодня ему стукнуло пятьдесят пять. За эти годы он успел три раза жениться и обзавестись четырьмя законными отпрысками, не говоря уже о детях, прижитых на стороне. Его магазин «Аксельс Суперетт» приносил весьма неплохой доход. Словом, жизнь удалась! Мир был прекрасен и удивителен!

Но, господи, какой жуткий холод! И ни единого шанса поймать такси. А вечер словно предвещал начало второго ледникового периода. Похоже, придется идти домой пешком.

Он прошел примерно полквартала, когда — чудо из чудес — увидел такси. Он остановил машину, залез внутрь, и вот тут-то начали твориться странные вещи.

Во-первых, таксист знал, как его зовут.

— Домой, мистер Аксель? — спросил он.

Эдди не стал задумываться над этим посланием Пибес. А только пробормотал «да», решив, что это подарок на день рождения, любезно подготовленный кем-то из завсегдатаев бара.

Возможно, сто веки отяжелели, возможно, он даже заснул. Как бы то ни было, Эдди вдруг понял, что такси мчалось по улицам, которые он явно не узнавал. Он стряхнул с себя остатки сна. Безусловно, это был Гринич-Виллидж, район, от которого Эдди предпочитал держаться подальше. Его родными местами были девятые авеню, ря-

дом с «Аксельс Суперетт». Ему был не по душе декаданс Гринич-Виллиджа, где вывески гласили: «Прокалывание ушей с болью или без», а двери подпирали подозрительные вертявые молодые люди.

— Не туда едете, — сказал Аксель, постучав по перегородке, отделявшей водителя от пассажиров.

А в ответ ничего: ни объяснений, ни извинений. Затем такси повернуло к реке, вырулив на улицу, состоящую из одних складов. На том поездка и закончилась.

— Приехали. Вот ваша остановка, — объявил водитель.

Второго приглашения вылезти из машины Эдди не понадобилось. Когда он вышел, водитель махнул рукой в темноту пустой площадки между двумя складскими помещениями.

— Она вас ждет, — сказал он и уехал.

Эдди остался один в глухом проулке.

Здравый смысл подсказывал ему, что нора как можно быстрее сматывать удочки. Но то, что он вдруг увидел, пригвоздило его к месту. Там стояла она — женищина, о которой говорил таксист. Эдди в жизни не видел более толстого существа. У нее было больше подбородков, чем пальцев на руках. Легкое летнее платье трещало по швам на ее необъятном теле, блестящем то ли от жира, то ли от пота.

— Эдди, — позвала она.

Похоже, сегодня все знали, как его зовут. Она двинулась к нему, колыхаясь при ходьбе всем своим гигантским телом. «Ты кто?» — хотел было спросить Эдди, но слова замерли у него на губах, когда он понял, что ноги толстухи не касаются земли. *Она плыла по воздуху.*

Будь Эдди потрезве, он тут же понял бы, что нора сваливать. Но алкоголь в организме усыпил его бдительность, и он остался.

— Эдди, — сказала она, — у меня для тебя две новости: одна хорошая и одна плохая. С какой начать?

Эдди на секунду задумался.

— Начни с хорошей, — решил он.

— Завтра ты умрешь, — ответила она, загадочно улыбнувшись.

— *И это, по-твоему, хорошая новость?!* — воскликнул он.

— Рай ждет твою бессмертную душу... — промурлыкала она. — Разве это не радость?

— Так какая же тогда плохая новость?

Женщина засунула обрубки пальцев в расселину между сияющими грудями. Раздался жалобный визг — и из педер своей необъятной груди толстуха вытащила нечто... Отвратительная помесь карликового геккона с больной крысой. Существо беспомощно било лапками по воздуху. Женщина сунула эту мерзость прямо Эдди под нос, чтобы тот мог ее получше разглядеть.

— Это, — заявила толстуха, — твоя бессмертная душа.

«А ведь она права, — подумал Эдди. — Новость не слишком хорошая».

— Впечатляет, не так ли? — Душа верещала и корчилась, а женщина тем временем продолжала: — Она не докормлена, она уже на последнем дыхании. И *почему?* — Толстуха не дала Эдди и рта открыть. — Дефицит добрых дел...

У Эдди от страха зуб на зуб не попадал.

— И что же мне с этим делать? — спросил он.

— У тебя еще остался глоток воздуха. Ты должен компенсировать бездарно растраченную жизнь.

— Я что-то не догоняю.

— Завтра ты превратишь магазин «Аксельс Суперетт» в Храм благотворительности и тем самым подкормишь свою душу.

Эдди заметил, как толстуха начала медленно подниматься. В темноте над ее головой зазвучала печальная музыка, которая накрыла ее низкими аккордами, и женщина пропала.

Когда Гарри выбрался на улицу, девушка уже исчезла. Впрочем, так же как и мертвая собака. Выбора особого не было, и он снова отправился к Норме Пейн — больше ради компании, чем ради мелочного удовольствия сообщить ей, что она ошибалась.

— Я никогда не ошибаюсь, — сказала она, стараясь перекричать пять работающих телевизоров и столько же радиоприемников, которые были включены постоянно. — Шумновато, — признала она. — Но это единственно верный способ

помешать миру духов бесцеремонно вторгаться в мою личную жизнь. Шум их расстраивает. Я вижу некую силу на Ридж-стрит, — сказала она Гарри, — так же явно, как собака дерьмо на улице.

Гарри хотел было поспорить, но вдруг его внимание привлекла картинка на экране. По повостному каналу показывали репортера, который стоял через дорогу от магазина «Аксельс Суперетт», судя по вывеске. Из магазина выносили трупы.

— Что случилось? — поинтересовалась Норма.

— Похоже, бомба взорвалась, — ответил Гарри, пытаясь вычленив голос репортера из шума работающих телевизоров.

— Сделайте звук погромче, — попросила Норма. — Люблю катастрофы.

Но дело было вовсе не в бомбе. Ближе к полудню в битком набитом магазине вспыхнула массовая драка. Никто толком не знал из-за чего. Драка стремительно переросла в настоящее побоище. По самым скромным оценкам, были убиты не менее тридцати человек, а еще вдвое больше ранены. Репортаж, где говорилось о внезапной вспышке насилия, зародил в душе Гарри ужасные подозрения.

— Ча-Чат... — пробормотал он.

Несмотря на стоящий в комнате шум, Норма прекрасно его слышала.

— Что навело тебя на эту мысль? — спросила она.

Гарри не ответил. Он прислушивался к обзору событий, пытаясь понять, где же находится «Аксельс Суперетт». И вот наконец: «Третья авеню, между Девяносто четвертой и Девяносто пятой улицами».

— Можешь радоваться, — сказал он Норме и оставил ясповидящую наедине с ее бренди и ее духами, сплетничающими в ванной комнате.

Линда вернулась в дом на Ридж-стрит как в последнее пристанище, веря и не веря, что найдет там Боло. По ее примерным расчетам, он был самым подходящим кандидатом в отцы ребенка, которого она носила под сердцем. Но одновременно в ее жизни был и другой мужчина, чьи глаза порой становились золотистыми, а мимолетная улыбка бы-

ла такой безрадостной. В любом случае Боло в доме не оказалось. И вот она осталась — женщина знала, что так будет теперь всегда, — совершенно одна. Ей хотелось только одного: лечь и умереть.

Но смерть тоже бывает разной. По ночам она молилась о том, чтобы заснуть и больше никогда не просыпаться. Но была и другая смерть, та, которую она видела, когда усталость смежала веки. Смерть, у которой не было ни достоинства, ни надежды на вечное блаженство. Смерть, которую нес с собой мужчина в сером костюме. Его лицо иногда смутно папминало лик какого-то святого, а иногда — глухую стену с облупившейся штукатуркой.

Она шла и по дороге просила милостыню. Так она добрела до Таймс-сквер. Там в предрождественской толчее она на секунду почувствовала себя в безопасности. Она отыскивала маленькую забегаловку и заказала яйца и кофе. В уме она прикинула, уложится ли в заработанную сумму. Еда расшевелила ребенка. Она почувствовала, как он ворочается во сне и вот-вот проснется. «Может, стоит еще побороться, — подумала она. — Не ради себя — ради ребенка».

Она облокотилась на стол, обдумывая, что же делать дальше. Но сердитое бормотание хозяина забегаловки выгнало ее обратно на улицу.

Дело шло к вечеру, и погода начинала портиться. Где-то неподалеку какая-то женщина пела по-итальянски трагическую арию. С трудом сдерживая слезы, Лида отрешилась от боли, которую несла песня, и опять побрела куда глаза глядят.

Когда толпа поглотила ее, мужчина в сером костюме отделился от зрителей, окруживших уличную певицу, и послал своего молодого помощника вперед, чтобы не упустить жертву.

Марчетти сожалел о том, что ему не удастся дослушать выступление уличной дивы. Ее пение забавляло его. В пропитом голосе певицы иногда звучали надрывные нотки, словно она пыталась достичь вершин совершенства, что шло высокому искусству Верди до уровня смешного. Он обязательно сюда вернется, когда со зверем будет покончено. Это фальшивое трагическое пение чуть не довело его до слез

(а ведь он уже забыл, когда плакал в последний раз). Ему хотелось разрыдаться.

Гарри стоял на Третьей авеню напротив «Аксельс Суперетт» и наблюдал за зеваками. В этот холодный вечер их собралось сотни. И все они пытались протиснуться поближе ко входу в магазин, вытягивали шеи, чтобы ничего не пропустить. И они не были разочарованы. Трупы продолжали выносить ларужу пачками: в мешках, в узлах, а что-то даже в ведре.

— Кто-нибудь знает, что здесь произошло? — спросил Гарри у какого-то зеваки.

Мужчина повернулся. Его лицо было красным от холода.

— Парснь, который заправляет этим местом, решил все *раздать*, — сказал он с ухмылкой. — И народу, к такой-то матери, набилось как сельдей в бочке. Вот кого-то и придавили...

— Я слышал, все началось с банки мясных консервов, — предположил другой. — Кого-то вроде припилили этой банкой.

Этот рассказ был поставлен под сомнение. У каждого была своя версия событий.

Гарри уже хотел было попробовать отделить правду от вымысла, но его отвлекло какое-то движение справа.

Мальчик десяти-двенадцати лет донимал своего приятеля.

— Чуень, как воняет? — спрашивал он.

Приятель кивал.

— Вот это размерчик! — начал первый.

— Даже дерьмо лучше пахнет, — последовал ответ.

И приятели заговорчески захихикали.

Гарри бросил взгляд на объект их веселья. Огромная тучная женщина, одетая не по сезону, стояла в стороне и крошечными сверкающими глазками наблюдала за жуткими событиями.

У Гарри все вопросы моментально вылетели из головы. Перед ним прямо как на яву возникли образы inferнальной братии, приходящие ему во снах. И он вспомнил не их проклятия и даже не их мерзкую личину, а запах... Это был запах паленых волос, вони изо рта, гниющего на солнце мяса. Не обращая внимания на шум вокруг себя, он решительно направился в сторону женщины.

Заметив его приближение, она набычилась, отчего складок на ее жирной шее стало еще больше.

Пу конечно, Ча-Чат. У Гарри не было и тени сомнения. И как бы в доказательство этого демон припустил со всех ног. При каждом шаге его конечности и необъятные ягодички колыхались, словно он отплясывал фанданго. К тому времени как Гарри пробился сквозь толпу, демон уже заворачивал за угол Девяносто пятой улицы. Но его украденное тело вовсе не было предназначено для бега, и Гарри быстро сокращал расстояние между ними. Он уже почти схватил демона, как услышал звук рвущейся материи. И словно ослеп на целых пять секунд. А затем Гарри понял, что Ча-Чат избавился от присвоенной плоти. В руках у Гарри осталась только огромная оболочка из эктоплазмы, которая уже начала таять, как перестоявший сыр. А сбросивший пошу демон был уже далеко. Ускользающий, как надежда, и такой же призрачный. Гарри отшвырнул мерзкую оболочку и пустился в погону, выкрикивая на ходу заклинание Хесса.

Как ни странно, Ча-Чат остановился и повернулся к Гарри. Глаза его смотрели во все стороны, но не на небеса. Широкий рот изрыгал смех. Звучало это так, словно кого-то рвало прямо в шахту лифта.

— *Слова, Д'Амур?* — издевательски спросил он. — Ты думаешь, меня можно остановить словами?

— Нет, — ответил Гарри и выстрелил в живот Ча-Чата до того, как многочисленные глаза демона заметили пистолет.

— *Ублюдок!* — прорычал он. — *Пидор гнойный!*

И с этими словами он упал на землю, а из дыры в его животе хлынула кровь цвета мочи. Гарри со всех ног припустил туда, где лежал демон. Убить демона уровня Ча-Чата простыми пулями было практически невозможно, но шрам от раны у демонов считался позором, а два прама — несмыслимым позором.

— Не надо, — попросил демон, когда Д'Амур прицелился ему в голову. — Только не в лицо.

— Назови хотя бы одну вескую причину, почему нет.

— Тебе еще понадобятся пули, — последовал ответ.

Гарри ожидал угроз и обещаний. Но эти слова его поразили.

— Сегодня вечером что-то может появиться, — сказал Ча-Чат. Лужа крови вокруг него становилась все гуще и превращалась в нечто, похожее на расплавленный воск. — Что-то гораздо страшнее меня.

— Назови это, — потребовал Гарри.

Демон ухмыльнулся:

— Кто знает... Странное время года, не так ли? Длинные ночи, ясное небо. В такую ночь что-то может появиться на свет. Как думаешь?

— *Где?* — спросил Гарри, вдавив дуло пистолета в нос Ча-Чата.

— Ты убийца, Д'Амур, — сказал демон утвердительно. — Ты это знаешь?

— *Скажи мне...*

Глаза демона потемнели, лицо стало расплываться.

— Послушай, к югу отсюда... — ответил он. — Гостиница... — Тембр его голоса слегка изменился, а черты лица еще больше растеклись.

Гарри держал палец на спусковом крючке, готовый навсегда отбить у демона охоту смотреться в зеркало. Но тот все еще продолжал говорить, и Гарри не мог позволить себе прервать поток его слов.

— ...на Сорок четвертой улице, — сказал демон, — между Шестой... Шестой и Бродвеем. — Теперь голос стал, без сомнения, женским. — Синие шторы, — прошептал он, — синие шторы...

И пока он говорил, его истинные черты лица исчезли, и внезапно перед глазами Гарри предстала Норма, лежащая в луже крови у его ног.

— Ты ведь не будешь стрелять в старую женщину? Не правда ли? — взмолилась она.

Гарри на секунду замешкался, но этого оказалось достаточно, чтобы Ча-Чат перешел из одной ипостаси в другую и улетел. Гарри упустил демона уже во второй раз за этот месяц.

И в довершение всех несчастий повалил снег.

Маленькая гостиница, которую описал Ча-Чат, знавала лучшие времена. Даже свет, горевший в холле, угрожающе

дрожал и мог вот-вот погаснуть. За стойкой портье никого. Гарри уже было решил подняться по лестнице, когда молодой человек с головой, гладкой как яйцо, с одиноким «локоном смерти», приклепанным к черепу, выступил из темноты и схватил его за руку.

— Здесь никого нет, — сообщил он Гарри.

В лучшие времена Гарри мог раздавить его яйцобразную голову голыми руками и с удовольствием сделал бы это. Но сегодня вечером, как он полагал, все было еще впереди. И поэтому он только сказал:

— Ну, тогда ладно, я поищу другую гостиницу.

Локон Смерти вроде бы успокоился, его хватка ослабла. И в следующую секунду рука Гарри нашла пистолет, а пистолет — подбородок Локон Смерти. Лицо молодого человека застыло в удивлении, когда он, сплевывая кровь, сползал по стене.

Гарри ринулся вверх по лестнице. Снизу раздавались пронзительные крики юнца, который звал какого-то Дарье.

На шум драки и крики никто не вышел. Гостиница казалась пустой. До Гарри начало доходить, что предназначена она была вовсе не для приюта усталых страшиков.

Уже на лестничной площадке он вдруг услышал надрывные женские крики. Гарри остановился как вкопанный. За его спиной, перепрыгивая через ступеньки, по лестнице поднимался Локон Смерти, а впереди кто-то умирал страшной смертью. Гарри предположил, что добром это не кончится.

Дверь в конце коридора открылась, и подозрение переросло в уверенность. На пороге, стаскивая с рук окровавленные хирургические перчатки, стоял мужчина в сером костюме. Мужчина показался Гарри смутно знакомым. И тут все наконец встало на свои места. Гарри вспомнил имя, которое произнес Локон Смерти, когда звал на помощь своего хозяина. Это был Дарье Марчетти, известный как Душегуб, — представитель тайного ордена теологических ассасинов, получающих указания прямо из Рима, или из ада, или от тех и других.

— Д'Амур, — произнес Марчетти.

Гарри даже слегка польстило, что его узнали.

— Что здесь произошло? — требовательно спросил он, направляясь к распахнутой двери.

— Наши внутренние дела, — отрезал Душегуб. — Пожалуйста, стой где стоишь.

В маленькой комнате горели свечи, и в их ярком свете Гарри смог разглядеть тела, распростертые на голой кровати. Женщина из того дома на Ридж-стрит и ее ребенок. Оба были умерщвлены опытной рукой посланника Ватикана.

— Она сопротивлялась, — сказал Марчетти, не слишком обеспокоенный тем, что Гарри обозревал результаты его работы. — Мне нужен был только ребенок.

— Что это было? — настаивал Гарри. — Демон?

Марчетти пожал плечами:

— Мы никогда не узнаем. Но в это время года обязательно что-то попытается пролезть сквозь ограждения. Для нас безопасность важнее жалости. Кроме того, есть люди, и я причисляю себя к их числу, которые верят в такие вещи, как лжемессия.

— Мессия? — повторил Гарри и посмотрел на крошечное тельце.

— Полагаю, он обладал какой-то силой, — сказал Марчетти. — И мог пойти неверным путем. Вы мне еще спасибо должны сказать, Д'Амур. Ваш мир пока не готов к Апокалипсису. — Он посмотрел мимо Гарри на юнца, стоявшего на лестнице. — Патрик, ангел мой, не подгонишь ли машину? Я опаздываю на мессу.

Марчетти швырнул перчатки в кровать.

— Вы не можете ставить себя над законом, — произнес Гарри.

— Я вас умоляю, — сказал Душегуб. — Не порите чушь. Время уже позднее.

Внезапно Гарри почувствовал острую боль в затылке. По шее потекла кровь.

— Патрик полагает, вам пора домой, Д'Амур. И я тоже. Острые пожа вошло чуть глубже.

— Да? — спросил Марчетти.

— Да, — ответил Гарри.

— Он был здесь, — сказала Норма, когда Гарри пришел к ней снова.

— Кто?

— Эдди Аксель, хозяин «Аксельс Суперетт». Он прошел насквозь, прозрачный, как дневной свет.

— Мертвый?

— Конечно мертвый. Он убил себя в камере. Спросил меня, видела ли я его душу.

— И что ты ответила?

— Я же телефонистка, Гарри. Просто соединяю. Я ничего не смыслю в метафизике. — Она взяла бутылку бренди, которую Гарри поставил на столик рядом с ее креслом. — Как мило с твоей стороны. Присаживайся. Будь как дома. Пропусти стаканчик.

— В другой раз, Норма. Сегодня я слишком устал. — И Д'Амур направился к двери. — Кстати, — сказал он, — ты была абсолютно права. На Ридж-стрит действительно что-то было...

— И где это теперь?

— Отправилось... домой.

— А Ча-Чат?

— Все еще здесь где-то болтается. Настроение у него просто ужасное...

— Манхэттен и не такое видал, Гарри.

Это было слабым утешением, но Д'Амур пробормотал что-то в знак согласия и закрыл за собой дверь.

Снегопад на улице все усиливался.

Гарри стоял на ступеньках и следил за тем, как снежинки танцуют в свете фонаря. Он где-то вычитал, что не бывает двух одинаковых снежинок. Если даже жалкие снежинки отличаются таким разнообразием, что тогда говорить о непредсказуемости событий.

«Каждая минута бытия принадлежит самой себе, — размышлял он, подставляя лицо укусам вьюги. — И я не должен задумываться над тем, найду ли я утешение в понимании того, что между этим промозглым часом и рассветом будет еще множество таких моментов — возможно, слепых, возможно, яростных и бесплодных, — но по крайней мере имеющих право на существование».

КИМ НЬЮМАН

Семь Звезд

ЭПИЗОД ПЯТЫЙ

МИМСИ

Салли Роудс

Подобно Фергюсу О'Брину, герою Энтони Бучера, Гарри Д'Амуру, созданному Клайвом Баркером и Наладчику Джеку из романов Ф. Пола Уилсона, Салли Роудс — это частный детектив в традициях Черной Маски. Но в ее мире встречаются тайны помрачнее, чем у Филипа Марло или Сэма Спейда, а из-за частых столкновений с невероятным ее истории всегда исполнены своеобразного черного юмора.

В профессии частного детектива Салли развигается не столько на Марло, сколько на Джима Рокфорда. Она зачастую расследует дела, блуждая среди загадок, пока кто-нибудь не сжалится над нею и не объяснит происходящее.

Впервые Салли Роудс появилась в повелле Кима Ньюмана «Дрожащий яркий свет» (*Twitch Technicolor*) в журнале «Interzone» в 1989 году, за которой последовали «Гигантские оводы против славных мышей» (*Gargantuabots vs the Nice Mice*) в «Interzone» за 1990 год, «Человек, который собирал крики» (*The Man Who Collected Barker*) и «Матушка Наседка» (*Mother Hen*). В «Донорах органов» (*Organ Donors*) автор слегка изменил профессию своей героини и дал ей ребенка. Там Салли впервые встречается с Дерекком Личем, и их судьбы вновь пересекаются в романе «Кворум» (*The Quorum*, 1994), где она встречает Нила.

Родившийся в 1961 году, Дерек Лич вынырнул из загрязненных вод Темзы уже вполне сформировавшимся человеком, и ему суждено было создать из своих мрачных владений

мультимедийную империю, Пирамиду Лича из стали и стекла, в самом сердце Лондонских доков¹.

Сам Лич родом из «Необыкновенного доктора Тени» (*The Original Dr Shade*), и снова он появляется в рассказе «SQPR», романах «Кворум» (*The Quorum*), «Жизнь — игра» (*Life's Lottery*, 1999) и «Там, где закопаны тела» (*Where the Bodies Are Buried*).

Однажды весной ей позвонил сам Дьявол.

— Детективное агентство Салли Роудс, — бодро сказала она в трубку, стараясь изобразить секретаршу.

— Мисс Роудс, — голос его звучал немного искаженно, наверно, он говорил по громкой связи, — это Дерек Лич.

Она повесила трубку.

Этот голос задевал ее за живое.

Она посмотрела из своей офисной части квартиры на жилую половину. Джером, ее сын, собирал из «Лего» робота, якобы под присмотром Пила, ее бойфренда, который скрючился на дряхлом диване и черкал что-то в блокнот. Нил все еще обдумывал план книги, писать которую решил начать еще три года назад. Детали «Лего» были разбросаны по всему полу, громоздясь вокруг кошачьей корзины и нескольких кофейных чашек, оставленных Нилом.

«Все нормалью», — подумала она.

Ребенок. Мужчина. Домашнее животное. Игрушки. Беспорядок, но такой, с которым она могла справиться, который она любила.

Телефон зазвонил снова. Она не стала брать трубку.

Офисная часть квартиры была другой, на ней царил порядок. Компьютер, факс, картотека, стол. Здесь она думала. Там, на софе, посреди любимого беспорядка, она чувствовала.

Теперь она нарушала свои собственные правила.

¹ *Лондонские доки* — лондонский торговый район (крупный комплекс административных и жилых зданий в районе бывших доков и причалов в лондонском Ист-Энде).

Трезвонящий телефон задевал ее чувства.

За столом она занималась делом. Она должна была быть тверже, сильнее.

Она сняла трубку, но не назвала себя.

— Мисс Роудс, за каждую секунду, пока вы не будете бросать трубку, я пожертвую сто фунтов валиему любимому благотворительному обществу. Насколько я знаю, это «Шелтер»¹?

Ее не удивило, что Личу известно про ее поддержку «Помощи бездомным». Мультимедийный магнат знал все и про всех. На вершине Пирамиды в лондонском Докленде в его распоряжении было все знание мира.

— Продолжайте, — сказала она.

— Невзирая на наши былые разногласия, я восхищен вашей независимостью.

— Благодарю. Итак, о чем речь?

— Мой друг нуждается в ваших услугах.

— У вас есть друзья?

Ей представлялось, что у Лича имеются лишь помощники, служащие и имущество.

— Лучшие друзья покупаются за деньги, моя дорогая. Шутка. Можете смеяться.

— Ха-ха-ха.

— Моего друга зовут Морин Маунтмейн. У нее есть дочь, Мимси, которая пропала. Морин хотела бы нанять вас, чтобы найти ее.

— У вас должны быть люди, способные это сделать. Если эта Морин Маунтмейн в самом деле ваш друг, почему вы не пустите по следу своих гончих?

— Вы располагаете возможностями, которых нет ни у кого из работающих на меня.

Самые пугающие слова, которые ей когда-либо говорили. Лич не стал уточнять.

— Салли, вы причинили мне беспокойство. Дважды. Ваша жизнь была бы намного проще, если бы вы предпочли не вставать на моем пути. В вас есть что-то от непорочности

¹ «Шелтер» — благотворительное общество; занимается изысканием средств для обеспечения бездомных семей жильем. Основано в 1970 г.

святой. Никто в моей организации про себя такого сказать не может. Справиться с этим делом способен лишь человек, обладающий вашими добродетелями. Я взываю к вам, как к земной святой, помочь моему другу.

Она позволила часам отсчитать еще несколько секунд.

— Вы согласны?

Она медленно сосчитала в уме до десяти, заработав для бездомных тысячу фунтов.

— Я возьмусь за это дело, — сказала она, — при условии, что моим нанимателем будет эта миссис Маунтмейн...

— Мисс.

— ...мисс Маунтмейн, а не вы лично или какая бы то ни было хитрая дочерняя компания.

— Ясное дело, вы не возьмете «королевский шиллинг»¹.

— Проклятое золото?

Лич рассмеялся, будто кубики льда посыпались в чашу с теплой кровью.

— Как только этот разговор будет окончен, вы будете иметь дело с Маунтмейнами. Я в данном случае выступаю просто как посредник.

Она знала, что где-то здесь есть некая оговорка. Лич никогда ничего не говорил без обиняков. Его манерой было рассчитывать на ошибки тех, с кем он имел дело. Несмотря на высказанное им мнение, она знала, что ее, скорее всего, так же надувают, как и всех прочих.

Джером донимал Нила, требуя высказать свое веское мнение насчет робота-паука, бегущего по полу.

— Мой помощник, госпожа Уайлдинг, сообщит вам подробности о встрече, которую она организует для вас с мисс Маунтмейн. Счастлив был побеседовать. До свидания.

В телефоне шелкнуло, и послышался женский голос. Салли записала адрес и время.

Повесив трубку, она поняла, что сердце ее неистово колотится. Должно быть, уже некоторое время.

¹ «Королевский шиллинг» — денежное содержание военнослужащего (образовано от выражения: «to take the king's shilling» — поступить на службу).

Последние несколько лет она занималась повседневной рутинной. Так получилось, что ей часто приходилось разыскивать сбежавших детей. Хотя порой все заканчивалось хорошим вознаграждением и удовлетворением от душещипательной встречи, чаще она отыскивала какого-нибудь подростка, вынужденного выбирать между ужасной жизнью дома и суровыми уличными порядками, а потом изводила себя, оказавшись перед гордым узлом эмоциональных, юридических и этических проблем.

По всяким таинственным делам остались в прошлом.

Даже теперь, когда в ее доме обитали Джером и Нил, своего рода материальные свидетельства того периода ее жизни, она почти убедила себя, что не живет больше в том мире. Она была в курсе неостратимого расширения земного владычества Дерека Лича, но пыталась забыть о странных вещах, лежащих в основе его могущества.

Возможно, она ошибалась. Возможно, он был не Дьяволом, а просто чрезвычайно амбициозным бизнесменом. В прошлом он использовал магию, но это был лишь обман. Фокусы, а не колдовство.

Салли безуспешно пыталась убедить себя в этом.

— Мама, смотри, я сделал монстра.

— Замечательно, — сказала она своему сыну. — Нил, ты останешься дежурным при ребенке и на телефоне. Я ушла по делам.

Нил поднял на нее глаза и весело помахал рукой.

— Слушаюсь, — ответил он.

Она поцеловала обоих и вышла из дому.

Оказалось, что по адресу, который ей дали, на Уимпоул-стрит находится особняк в георгианском стиле. Он стоял среди хорошо сохранившихся соседних домов, демонстрируя следы ветхости и самого небрежного обращения. По контрасту с отполированными медными дверными украшениями и голубыми дощечками, возвещающими о былом проживании здесь великих и достойных, дом Маунтмейнов выглядел как нора. Над карнизом краской из баллончика было выведено: *«В 1888—1897 гг. здесь жил Деклан Маунтмейн, террорист и дьяволопоклонник»*.

Морин Маунтмейн, сама открывшая дверь, оказалась высокой и стройной, со странной красной прядью в снежно-белых волосах. На ней были длинные черные бархатные юбки и кружевная шаль поверх кожаного жилета. Шю и запястья украшали нефрит и жемчуга. Кожа на лице была туго натянута, но Салли не заметила шрамов, свидетельствующих о фейс-лифтинге. Шаль соскользнула, продемонстрировав поблескивающую татуировку на руке возле плеча. В женщине чувствовалась огромная сила, но ей недоставало материальности, словно годы высосали из нее все до последней крупицы.

Ей хотелось спросить Морин, насколько хорошо та знает Дерекка Лича и что их связывает, но это к делу не относилось.

Ее поспешили ввести в холл, где разило начулиями. Настоящие деревянные панели были измазаны тускло-багровой краской. Повсюду по стенам и потолку, словно месяцы и звезды на остроколючей шляпе волшебника из комиксов, были намалеваны детские рисунки. Глянув повнимательнее, Салли увидела, что настенные росписи перекликаются с картинами в рамках, которые, незамеченные, свисали с лестницы.

— Когда Мимси была маленькой, ей нравился только пурпурный, — гордо сообщила Морин. — Она может быть очень настойчивой.

— У вас есть ее фотографии?

— Еще маленькой она слышала про поверье аборигенов, будто фотографии способны завладеть душой. С тех пор она разбивала все фотоаппараты, какие видела. Молотком.

Салли на миг задумалась над этим. Интересно, прихватила ли Мимси молоток с собой.

— А какие-нибудь рисунки или портреты? — спросила она.

Морин пожала плечами:

— И того хуже. Мимси считает, что искусство не только пленяет душу, но уродует и искажает ее.

— Она очень беспокоится о своей душе?

— Мимси очень религиозна.

— Посещала ли она какую-нибудь конкретную церковь? Возможно, стоило бы начать поиски оттуда.

Морин снова пожала плечами. Когда глаза Салли стали привыкать к сумраку холла, она заметила, насколько Морин Маунтмейн расстроена. Ее зрачки превратились в крошечные черные точки.

— Мимси отвергает официальную религию. Она провозгласила себя Воплощением Овна. Она надеется возродить Орден Овна, оккультное сообщество, в дела которого часто бывали вовлечены члены моего рода.

— Дьяволопоклонник и террорист?

— Это написала Мимси. Она гордилась своим наследием.

— А вы?..

Морин не пожелала ответить.

Салли поняла, что что-то сломило эту женщину. Где-то глубоко внутри нее таилась исключительная гибкость, но она была подавлена и разрушена. Морин Маунтмейн стала ходячим мертвецом. Было слишком рано утверждать, но у Салли появились предположения, как именно была сломлена мисс Маунтмейн и кто это сделал.

— Мимси может быть у своего отца? Вы живете отдельно?

И снова Морин не хотелось отвечать, но на этот раз она ответила:

— Мимси не знает своего отца. Он... недоступен для нее.

— Не считите за нескромность, а *вы* знаете, кто отец Мимси?

В первый раз Морин улыбнулась. В своей задумчивости она могла быть красивой. По этой мгновенной вспышке Салли поняла, что когда-то эта женщина сверкала, словно фонарь.

— Я знаю, кто отец Мимси.

Больше она ничего не пожелала добавить.

— Могу я взглянуть на комнату Мимси?

Морин повела ее наверх. Весь второй этаж дома лежал в руинах. Здесь несколько раз занимались пожары, но так и не смогли разгореться. Средневековый гобелен, с рыцарями, охотящимися на кого-то в зеленых лесах, до половины обгорел, остались лишь люди в доспехах, окружившие страшную коричневую тень. В углу грудой были свалены поломанная мебель, осколки скульптур и керамики.

Морин указала на сорванную с петель дверь.

— Вы говорите, Мимси ушла? — спросила Салли. — Вы не думаете, что ее могли похитить?

— Она ушла из этого дома сама. Но, возможно, была не в себе.

— Не понимаю.

— Она забрала с собой очень ценную вещь. Памятный подарок, если хотите. Нечто, значившее когда-то очень многое. Она верила, что эта вещь общается с ней, отдает приказы. Большой красный камень.

— Рубин?

— Не совсем. Таинственный камень, известный как «Семь Звезд» из-за улавливающих свет вкраплений, напоминающих созвездие.

Морин сбросила шаль, показывая свою татуировку. Семь синих глаз зеленого существа сверкали, расположенные как звезды в Большой Медведице.

— Этот камень дорогой?

— Многие дорого заплатили бы за него. Я-то уж точно, хотя и не деньгами. Но это не та вещь, которой можно владеть. Это вещь, которая владеет вами сама.

— Мимси думала, что этот камень разговаривает с ней? Морин кивнула.

Салли оглядела комнату. После всего, что она услышала, это оказалась на удивление обыкновенная спальня тинейджера. Односпальная кровать с цветастым пуховым одеялом, подобранным в тон абажурам. Постеры Дэвида Духовны, Брэда Пита и какого-то смазливового поп-исполнителя, — Салли слишком устарела, чтобы узнать его. Книжная полка: толстые тома в бумажных обложках, чепуха на оккультную тему — «Летающие тарелки из Древней Атлантиды»! — вперемешку с черными корешками явно старинных твердых переплетов. На каминной полке, будто трофей, игрушки, из которых выросли: черепашки-ниндзя, маппетс, выцветшая тряпичная кукла.

Салли попыталась представить себе Мимси. Давным-давно, до всех потусторонних чудес, она получила степень по детской психологии. Это как раз имело отношение к ее единственной реальной квалификации.

— Мнимые друзья — лишь отображения, — предположила она. — Возможно, Мимси перекладывала вину на камень, желая избежать ответственности. Это посложнее, чем «я не разбивала вазу, это всё пикси», это «я разбила вазу, но я выполняла приказ».

— Мимси двадцать семь, — сказала Мориц. — За всю свою жизнь она никогда не извинялась и никогда не подчинялась приказам. Она вскрикивает, что камень говорит. Я не сомневаюсь, что это правда.

— Субъективная правда, возможно.

— Вы не верите в это, мисс Роудс. Вы знаете Дерека Лича. Знаете и другое. Есть такая вещь, как магия. И еще такая вещь, как Зло.

Салли была выбита из равновесия. Она думала, речь идет о сбежавшем подростке.

— У нее была работа? Бойфренд?

— Она всегда могла получить деньги от людей. И у нее были любовники. Ни один из них ничего не значит. У Мимси есть лишь одна душевная привязанность.

— К вам?

— Нет. К магическому камню.

— Нил, возьми трубку, — сказала она своему собственному автоответчику. Она звонила с мобильного, стоя посреди Сохо-сквер.

Солнце сияло нещадно, но сухой воздух был холодным. Нил, ворча, подошел к телефону.

— Мне казалось, ты собирался отвечать на звонки, — сказала она.

— Мы с Джеромом смотрели «Тандербердс»¹.

Она оставила это без внимания.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что поискал из области истории.

Одним из полезных качеств Нила была привычка шарить по Интернету в поисках, казалось, явно бесполезной информации. Порой он даже бывал замечен в том, что по-настоящему шел в библиотеку и открывал книгу.

¹ «Тандербердс» («Thunderbirds») — приключенческий телесериал.

— Запиши ключевые слова. Камснь Семи Звезд, Орден Овна.

— Романы Денниса Уитли?

— Первое — вещь, второе — секта. И посмотри все, что сможешь отыскать, про семейство Маунтмейн. Особенно про типа по имени Деклан Маунтмейн из конца девятнадцатого века и двух женщин, живущих сейчас, Морин — ей, должно быть, под пятьдесят, хотя она на столько не выглядит, и Мимси, двадцати семи лет.

— Как в «Borogroves»?¹

— Мимси. Нет, это не уменьшительное ни от чего.

— Неудивительно, что она удрала из дому. Называть ребенка Мимси — значит оскорблять его слух.

— Бывает и хуже.

Она закрыла телефон и задумалась. Отец Мимси — кто бы он ни был — предположительно не играет здесь никакой роли. На данный момент Салли приняла это как аксиому.

Она бессознательно пришла сюда, чтобы позвонить. Именно здесь она когда-то встретилась с отцом Джерома. Коннор тогда восседал на скамейке вместе с другими велокурьерами, дожидаясь, когда появится работа. Он погиб в дорожном происшествии, тоже неподалеку отсюда.

Очередное напоминание не доверять Дереку Личу.

Мимси, очевидно, была просто семейным кошмаром. Но каким именно? Избалованный ребенок или антихрист? Она поняла, что сочувствует мамаше Мимси. Несмотря на пурпурные панели, замазки хищни и робкое смущение при упоминании о дочери, Морин была живучей. Салли подумалось, не видит ли она в Морин Маунтмейн свое собственное будущее.

У Салли тоже была татуировка. Дельфин на щиколотке. Однажды она работала над одним делом вместе с Гарри Д'Амуром, американским частным детективом, который весь был покрыт татуировками, которые, как он утверж-

¹ Слова из песни Марианны Фейтфул: «All mimsey were the borogroves» на стихи Льюиса Кэрлла. В переводе С. Маршака эта строчка звучит так: «...и хрюкотали зелюки».

дал, являлись паранормальной защитой. Ты хочешь защитить то, что наиболее уязвимо, но ведь нельзя татуировать сердце.

— Как дела, Сал?

Ее бывший бойфренд сел рядом с ней. На нем были лайкровые велосипедки и смешная футболка с широким следом протектора через всю грудь.

— Привет, Коннор, — безразлично ответила она.

— Я так и не поблагодарил тебя за то, что отомстила за меня, — сказал он.

При ярком солнечном свете он казался невозможно юным. Когда-то он был на треть моложе ее. Теперь — уже больше чем вдвое.

— Хорошо выглядишь, — сказал он.

— Я крашу волосы.

— Но совсем чуть-чуть.

— Верно. У тебя сын. Хороший мальчик. Джером.

— Я не знал.

— Я так и думала.

— Она странная, Сал. Вот почему я здесь. Почему мне позволено поговорить с тобой.

— Это насчет Мимси Маунтмейн?

Коннор выглядел глуповато. Они были вместе недолго, и, независимо, родился бы у них ребенок или нет, это не могло продлиться долго. Коннор во всем искал свою выгоду, предпочитая скорее быть ведомым, чем ведущим. Но ей было жаль, что он погиб.

Джером любил Нила — это было одной из причин, по которым Нил остался, но рос, как и Мимси, без отца.

— Не столько насчет Мимси, сколько этого булжника. Камня. Ты должна быть с ним поосторожнее. Он может наделать кучу бед. Не только тебе там, но и мне здесь. Нам здесь.

— Где это «здесь»?

— Где-то. Ты, может, и смогла бы это объяснить. Я — нет. Извини, Сал. Должен бсжать.

Он встал и осмотрелся. Ей подумалось, уж не приехали ли он на своем велосипеде.

— Я когда-нибудь говорил, что любил тебя?

— Нет.

— Как странно.

Он исчез. И Салли удивилась, почему она плачет.

Вернувшись в Мазвел-Хилл, она услышала рвотные позывы принтера, еще поднимаясь по ступеням к своей квартире. После встречи с призраком она провела вторую половину дня, связываясь со старыми знакомыми, которые знали что-нибудь про то, что эвфемистически называлось «альтернативной религией». Хотя некоторые из них слышали про Деклана Маунтсейна, некоего стародавнего психа, но никто не смог ничего сказать ей про его теперешних потомков.

Она вошла и обнаружила, что Нил и Джером заняты загрузкой и распечаткой. В последние несколько месяцев Джером продвинулся от помощи Нилу в работе с компьютером до раздражения, что взрослые не способны управляться с машиной так же ловко, как он.

— Полно всякой всячины, любовь моя Сал, — гордо объявил Нил.

Салли крепко обняла Джерома, удивляя его.

— Отпусти, — сказал он, выворачиваясь.

Она рассмеялась. Ей нужно было прикоснуться к продолжению Кошпора во плоти. Это давало ей почву под ногами, отчасти рассеивало то сверхъестественное, что скапливалось вокруг.

— Это не Деннис Уитли, — сказал Нил. — Это Брэм Стокер. Он написал роман под названием «Камень Семи Звезд». По нему на студии «Хаммер» сняли фильм с Вальери Леон.

Как и у подавляющего большинства мужчин его возраста, у Нила была энциклопедическая память насчет пышногрудых старлеток, появлявшихся в фильмах про Бонда, ужастиках «Хаммер», комедиях «Продолжайте!» и в серии телескетчей начала семидесятых «Два Ронни».

— Ты же знаешь, Стокер писал Дракулу с Влада Протыкателя¹. «Семь Звезд» он тоже основывал на крупницах

¹ *Влад Протыкатель* — прозвище трансильванского графа Влада Третьего (правил 1448—1477), прототипа вампира — героя легенд о графе Дракуле.

правды. Это про древнеегипетскую ведьму, вселившуюся в современную девушку. По-видимому, существовал реальный Камень Семи Звезд, найденный в гробнице какой-то мумии. Он исчез после кражи со взломом из Британского музея в тысяча восемьсот девяносто седьмом году. Угадай, кто был подозреваемым номер один?

— Кто-нибудь вроде Джека Потрошителя? Обчищавший высокопоставленных викторианцев?

— Нет. Догадаться нетрудно. Я говорю про Деклана Маунтмейна, который был чем-то вроде помеси Алистера Кроули и Патрика Бергина из «Игр патриотов». Наполовину спятивший колдун, наполовину психованный ирландский сепаратист. Он пытался взорвать лордов во время матча «Джентльмены против Игроков»¹. У него имелся племянник, Бсннет, который, по общим отзывам, был еще хуже. Тот являлся с нацистами во время Второй мировой и был убит в Лос-Анджелесе за шпионаж в пользу Гитлера.

— Неудивительно, что Морин не в себе.

— Я скачал большое фото с веб-сайта «История хиппи», Морин в Гластонбери в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году. Она наряжена жрицей плодородия, все тело раскрашено зеленым и совершенно топлес. Когда я загружал его, мне пришлось отослать Джерома в другую комнату.

— Я видел гадкую тетю, — пропищал Джером.

— Ну, я пытался отослать его. Как бы то ни было, Морин была не только викканской² красавицей Лета Любви³, но и сногшибательной красоткой из «Комет», одной из первых «девушек с третьей страницы»⁴ Дерек Лича. Эти снимки должны быть где-то в Сети, но за то, чтобы получить их, придется платить. Как ты думаешь, Лич — отец этой Мимси?

¹ Ежегодный матч в крикет между любителями и профессионалами, который проводится в Лондоне.

² Викканство — западноевропейский неоязыческий культ.

³ Такое название в прессе получило лето 1967 г., когда внимание газет было приковано к жизни хиппи в районе Хайт-Эшбери в Сан-Франциско.

⁴ «Девушка с третьей страницы» — фотография обнаженной красотки; такие фотографии в течение долгого времени помещались на третьей странице газеты «Сан».

Она думала об этом. Тогда все сходилось, правда, слишком уж ловко.

— Тут есть и другие игроки. И камень тоже имеет какое-то значение.

— Я составил для тебя большой список имен за последние лет сто, добытых с уймы оккультных и законспирированных до параноидальности сайтов, из тех, на которые можно попасть, только играя в игры с боями на мечах и магией. Некоторые из имен известные. Но там есть интересные пробелы. Имена стерты из записей, как те фараоны, что были настолько скверными, что их удаляли из истории. Мне постоянно попадают ссылки на какую-то «войну» в таком контексте, что заставляет сомневаться, о которой войне идет речь.

Саяли некоторое время просматривала пачку листов с отпечатанными статьями, пытаясь как-то систематизировать их.

— Все этот кровавый камень, — сказала она наконец. — Дело именно в нем. В тысяча восемьсот девяносто седьмом году он предположительно исчезает. Потом он обнаруживается в пикатулке для драгоценностей на Уимпоул-стрит и уходит Мимси. Но здесь есть одно крохотное упоминание о нем в репортажах о смерти Беннета Маунтмейна в Лос-Анджелесе.

— Значит, он взял его с собой на каникулы? Может, это был талисман его верности фюреру.

— Но как он попал к Морин и Мимси? В тысяча девятьсот сорок втором году некий капитан У., из стертых имен, похоже, снова отхватил его для Англии. Или Египта. Или науки. Я думаю, две шайки многие годы воровали камень друг у друга. Маунтмейны и какая-то другая компания, группа загадочного У. Остальные упомянуты только под инициалами. Господин Б. из тысяча восемьсот девяносто седьмого года и даже этот Р. Дж. из семидесятых. Нам нужно узнать про эти инициалы. Не мог бы ты завтра заняться этим? Может, прогуляться в Британский музей и газетное хранилище?

— Я возьму Джерома посмотреть на мумии.

Джером выставил перед собой руки и заковылял по комнате.

— Откуда он знает, как ходит мумия, Нил? — осведомилась она. — Ты что, показывал ему свое «хаммеровское» видео?

— Он набрался этого из «Скуби-Ду».

Она шутливо принялась душить его.

— Так погибнут все неверные, развращающие невинные умы маленьких детей, — торжественно возвестила она.

Они поцеловались и прижались друг к другу, и Джером велел им прекратить телячьи нежности.

Если взрослая женщина двадцати семи лет от роду хочет исчезнуть и не быть найденной, с точки зрения закона это целиком ее личное дело. Конечно, покинутая мать могла бы выдвинуть обвинение в воровстве против беглой дочери, но Салли достаточно знала теперь про «Семь Звезд», чтобы понимать, что обвинить кого-либо в его похищении значит получить в итоге потенциально бесконечную череду взаимных краж.

Мимси ушла из материнского дома неделю назад.

Морин наконец выдала ей записную книжку, где друзья Мимси были отмечены звездочками, нарисованными розовым фломастером.

Салли два дня провела, названивая по телефону.

Никто из «друзей» Мимси — теперешние поклонники, отвергнутые экс-любовники, обожающие закадычные подружки, злейшие соперницы — не признался, что ему известно что-нибудь о ней.

Но эта нудная работа оказалась полезной.

Каждый, с кем она говорила, через свои отношения позволял ей узнать чуть больше о преследуемой добыче. Впечатление, уже сформировавшееся у Салли насчет Мимси, крепло с каждой минутой.

Мимси Мауптмейн была та еще штучка. Будучи подростком она заработала миллион фунтов как автор популярных песен. Салли припомнила названия нескольких хитов, мелодии и слова которых выветрились из ее головы. С тех пор у Мимси не было нужды работать, но она выпустила в свет пару-тройку небольших сборников стихов на изобретенном ею языке.

В шестнадцать она отправила молодого человека в кому, ударив его половинкой кирпича. Суд вынес вердикт о самообороне, и в газетах, в том числе и в «Комет», о ней писали как о героине, в одиночку давшей отпор преступ-

пику. Потом, при менее ясных обстоятельствах, она сделала это снова. На этот раз проломленный череп принадлежал не безработному футбольному фанату, а женатому банкиру. Она отсидела три года в Холлоуэй¹ и вышла оттуда беспорочной королевой тюрьмы.

Все ее бывшие любовники были людьми выдающимися. Политики, звезды, богачи, знаменитые преступники, красавцы и уроды. Некоторые из них прошли через опыт Мимси Маунтмейн не без существенного ущерба для себя.

Вполне могло быть, что Мимси исчезла не просто так.

Она попыталась прочесть одно из стихотворений Мимси. Хотя и не понятно ни в малейшей степени, оно заставило ее содрогнуться. У нее было ощущение, что Мимси замыслила что-то недоброе.

— Это не семья, — сообщил Нил, не успев снять пальто, — это клуб!

Салли подняла глаза. Нил впустил в квартиру Джерома.

— Мы видели мумий! — доложил ее сын.

Нил со щелчком раскрыл ноутбук.

— Слышала когда-нибудь про журналистку по имени Кэтрин Рид? Ирландка, начало века, возмутительница спокойствия?

Салли не слышала.

— Она оставила мемуары и в этих мемуарах самым бесцеремонным образом упоминает про Чарльза Борегарда, который почти наверняка и есть твой господин Б. В «Национальном биографическом словаре» есть про него статья. Если читать между строк, то он был чем-то средним между шпионом и контрразведчиком.

— Понимаю.

— Борегард стал одним из начальников в секретной службе, а его протеже звали капитан Эдвин Уинтроп.

— Про него я слышала. Он в соавторстве написал книгу о достоверных случаях появления привидений на западе Англии. Где-то в двадцатых годах.

¹ Холлоуэй — тюрьма в Лондоне; самая большая женская тюрьма Англии.

— Это первос. Он и есть твой капитан У., обнаружившийся в тысяча девятьсот сорок втором году в Голливуде.

Салли хотелось крепко обнять Нила. Но упоминание о Секретной Службе пугало.

— А для последнего, Р. Дж., у тебя тоже есть имя?

— Как ни печально, с тысяча девятьсот семьдесят второго года прошло еще слишком мало времени, чтобы раскрывать какие-либо засекреченные данные. И множество файлов по другим, даже по Борегарду, закрыты для доступа, наверно, до тех пор, пока Джером не станет взрослым. Придется ему дорешать эту головоломку.

— Когда вырасту, я буду шпионом, — объявил Джером.

— Это пригодится, — сказала она. — А что ты имел в виду под «клубом»?

Нил ухмыльнулся:

— Тебе понравится. Помнишь Майкрофта Холмса?

— Кого?

— Брата более знаменитого...

— Шерлока?

— Девочка заслужила поцелуй, — сказал он и выполнил обещанное. — Да, Майкрофт, который, как сообщает нам Конан Дойл, «бывал порой правительством Британии», был, оказывается, реальным человеком. Его вотчина находилась в клубе для джентльменов на Пэлл-Мэлл, который назывался «Диоген». Это было прикрытие для специального подразделения английской разведки. Когда Майкрофт вышел в отставку или умер, этот Борегард принял на себя руководство и начал играть в еще более секретные игры. Большую часть этого столетия клуб «Диоген» являлся английским Отделом по Потусторонней Фигне. Понимаешь, что я имею в виду.

— Еще как понимаю!

— Если не считать великолепной Кейт Рид, никому из замешанных в это людей не пришло в голову писать мемуары — хотя я нашел ссылки на запрещенный выпуск «Черной Маски», где предположительно была напечатана статья, в которой говорилось слишком о многом, а это означает, что весь тираж запрятан где-то в Уайтхолле. Когда ты с этим разберешься...

— Когда!

— Когда. Я в тебя верю. Так вот, когда ты разберешься с этим, возможно, появится книга про клуб «Диоген». Британские «Икс-файлы». Это же такая приманка. И с этого нескорого дня «Секретные материалы» будут никому не нужны.

— Не очень-то я в этом уверена.

— Ну же, Салли, дорогая. Это ведь такой классный набор. Смотри, проклятия мумии, Шерлок Холмс, звезды Голливуда, шпионы и призраки, мифическое пронавшее сокровище, нацист-ирландец, грудастые красотки хиппи, политика и черная магия, терроризм, старые мрачные дома, разные напасти.

— Ну подумай сам, Нил. Ты говоришь, это все засекречено.

— Просто бюрократизм. Пробьемся!

— Когда война заканчивается, секреты выплывают наружу. Мы знаем про тот шотландский остров, куда Черчилль заслал сибирскую язву. Мы передали Сталину беженцев из Восточного блока, обрекая их на уничтожение. Все это стало известно. Почему же не раскрыться истории с камнем?

— Слишком банально, чтобы принимать всерьез. Я хочу сказать, это же абсурд, верно? Призраки.

— Когда война заканчивается, секреты выплывают наружу. Эти — не выплыли. Потому что война не окончилась.

— Ты просто зануда, милая.

Она перестала спорить. Нилу не нравилось быть зависимым, но ни из одного из его замечательных проектов ни разу еще ничего не вышло. И он противился тому, чтобы войти в фирму на правах партнера.

— Извини, — сказала она.

Когда она ехала в автобусе, записал ее мобильник. Это была Морин. Салли пробежалась по списку людей, с которыми переговорила, и плавно перешла к кое-каким из материалов, собранных Нилом насчет клуба «Диоген». Неожиданно дверца приоткрылась. Потом захлопнулась снова.

— Они вышли из дела, — сказала Морин. — Хотя занимались им много лет. Уинтропа я знала. В конце. Тогда была последняя война. Я насчет другого.

— Это касается Мимси или «Семь Звезд»?

Морин колебалась.

Автобус застрял в Камдене, на Хай-стрит.

— Салли, когда вы найдете Мимси... вы не причините ей вреда, правда?

Она подумала о двух мужчинах в коме. Лишь одному стало лучше.

— Если она не хочет возвращаться домой, то и ладно. Я просто хочу знать, что с ней все в порядке.

Она слышала это каждый раз, когда разыскивала пропавших детей. Если бы Джером сбежал, она бы не была уверена, что с ним все в порядке, пока он не вернулся бы домой. Но Джерому не двадцать семь.

— Я думаю, Мимси может сама о себе позаботиться, — сказала она, пытаясь подбодрить Морин.

— Камень Семь Звезд не важен для меня.

Когда Морин дала отбой и транспорт снова начал двигаться, Салли решила задать себе вопрос.

Итак, для кого же камень важен?

Трансформирующийся рекламный щит за окном автобуса переходил от нового фильма «Доктор Клауд» к «Дейли Комет», от нее к спутниковому телевидению «Тень 9». И все это было продукцией Дерекка Лича.

Поток транспорта снова уплотнился, и Салли почувствовала себя в западне.

Что бы ни говорила она Нилу, а Морин ей, она должна была поехать на Пэлл-Мэлл. Не то чтобы она думала, что этот клуб «Диоген» мог пригодиться ей в расследовании, но ей хотелось взглянуть на него, исключить этот вариант, пока он не отнял слишком много времени. Кроме того, ей стало любопытно.

Пришлось несколько раз прогуляться по Мэлл взад-вперед, прежде чем она отыскала крохотную медную табличку на больших дубовых дверях. Единственное, что было на ней написано, — «Только для членов клуба». Окна были при-

крыты ставнями, здание казалось заброшенным. Она постучала в дверь, чтобы проверить, не удастся ли пробудить кого-нибудь из этих членов от сна, длящегося десятки лет. Никто не вышел.

Она отошла от дома.

На Мэдл былолюдно, ее заполняли туристы, приехавшие на пасхальные каникулы и наслаждающиеся новым теплым климатом в стране — в рубашках с короткими рукавами и светлой одежде. Засуха засухой, но она могла бы привыкнуть к этому калифорнийскому Лондону. Пессимисты, однако, утверждали, что это знак конца света.

Стройная светловолосая девушка в белом плыла к ней по очень зеленой траве. Она была в широкополой соломенной шляпке и темных очках, линзы которых величиной и цветом напоминали яблоки.

На миг Салли показалось, что это очередной призрак. Было что-то в том, как свет проходил через ее волосы. Она напомнила Салли Коннора.

— Никого нет дома, — сказала девушка.

Она была слишком молода для Мимси, ей не было и двадцати. И говорила с легким акцентом.

Салли вздрогнула.

— Вы ищете камень, — сказала девушка.

Сквозь зеленые линзы сверкали крохотные красные точки. У этой хорошенькой крошки был необычайно голодный взгляд.

— Я ищу женщину, у которой этот камень, — возразила Салли.

— Мимси. — Девушка склонила голову набок. — Бедняжка.

— Я Салли Роудс. А вы?

— Женестьева Дьедонне. Зовите меня Жени.

— Вы подруга Мимси?

Жени ослепительно улыбнулась. Салли поняла, что эта девочка настолько хитра и хладнокровна, что это никак не вяжется с первоначальной оценкой ее возраста.

— Я никогда ее не встречала. Но я ее *чувствую*. Ее мать подслислась со мной своей кровью. Это было великой жертвой со стороны Морин. Она ведь уже была беременна.

В Морин есть частица меня, попавшая в нес, как яд в рану. И еще меньшая частичка есть в Мимси. Паряду со всем прочим. Она была зачата возле Камня Семи Звезд. Вот почему он говорит с нею.

Жени не была безумна. Но она говорила о вещах, недоступных пониманию Салли.

— От этой безделушки одни проблемы, Салли, — сказала Жени. — Я вечно носилась с этим камнем, как и джентльмены, имевшие обыкновение клевать носами за этой дверью, как и род Мауптмейнов. Годами мы все вращались вокруг «Семи Звезд». Порой время шло и шло, и я не вспоминала об этой штуке, но всегда оно было тут, понималис того, что я существую на одной планете с Камнем Семи Звезд, что он вернется.

— Странный способ объяснения.

— Я вообще странная особа.

— Вы из людей Лича?

— Святое небо, нет. Хотя меня называли кровопийцей¹.

Когда Жени улыбалась, видны были ее острые мелкие зубы, словно иглы, вырезанные из белого льда.

— Что вам нужно от меня?

— Сотрудничество. Я помогу вам найти девушку, а вы позволите мне забрать камень.

— Зачем он вам?

— Зачем людям драгоценные камни? Хотела бы я знать. Раз вы спросили, я отвечу. Если возможно, я хотела бы избавиться от него. Тысячелетия он был предан забвению и не доставлял особых хлопот. Если бы я смогла снова надежно спрятать его или подсунуть в какую-нибудь ракету и отправить в далекий космос, я бы это сделала. Когда-то он упал с небес. Долгие годы я размышляла про эти семь вкраплений, семь звезд. Потом, когда мы запустили «Вояджер», я поняла. На нашей ракете мы выгравировали звездную карту, чтобы показать, откуда она прилетела. Камень опасен, и я хочу погасить пожар. Удовлетворены?

— Не очень.

¹ Leech (англ.) — 1) пиявка; 2) вымогатель, кровопийца.

— Я бы тоже не была. Вы напоминаете мне меня в вашем возрасте. Серьезно, Мимси — знает она об этом или нет, а я думаю, что знает и рада этому, — в опасности до тех пор, пока этот камень остается у нее. Ваша задача, насколько я понимаю, найти Мимси и быть уверенной, что она в безопасности...

Откуда этой женщине известно?

— ...и я могу помочь вам.

— Если вы можете найти Мимси, почему вы этого не делаете? Зачем вам я?

— Я не из тех, кто действует без посторонней помощи. Как это ни трудно в моем положении, но так уж есть. Я лучше себя чувствую в компании с отважным партнером. Кем-то, кто возвращал бы меня на землю.

— Вы мне нравитесь, Жени. Почему бы это?

— Хороший вкус.

Жени поцеловала Салли в щеку. От ее прикосновения было тепло.

— Пошли, Салли. Давайте возьмем такси. Мне кажется, я знаю, с чего начать.

Обычно Салли экономила на такси. Просто более практичным было перемещаться по Лондону на автобусе и в подземке, а ей приходилось отчитываться за свои расходы. Но дамская сумочка Жени была набита деньгами в нескольких валютах. Она остановила для них черное такси и велела шоферу отвезти их в Доклендс.

— Изучая записную книжку Морин Маунтмейн, вы потрявожили слишком большую наутину, — объяснила Жени. — Зазвонили телефоны, и я вскочила в самолет, вылетающий из Палермо. Я специально изучила вас. Вы молодец. Вы бы поправились клубу «Диоген», хотя там и были до смешного против женщин.

Уже наступил вечер. Еще не темнота, но свет стал тусклым и холодным. Они направлялись в Доклендс в то время, когда большинство народу как раз покидало его. Офисные здания в стиле модерн 1980-х годов были неестественно чистыми в своей пустоте, куклы в натуральную величину недавно покинули свои коробки.

Пирамида из черного стекла ловила последние лучи солнца.

— Все опять сходится к Личу, — сказала Салли.

— Не совсем. Но я думаю, вы скоро пришли бы сюда и сами.

— Если только возможно, я держусь подальше отсюда.

— Понятно. Но вы безуспешно изучали человеческие контакты Мимси. Вы отходите и окидываете взглядом всю картину. Именно это заставило вас поехать на Пэлл-Мэлл. Все, что вам необходимо, — думать о себе как о части общего узора, чтобы понять, как вы к нему подходите, где можете вплестись в него.

Салли поняла, что имела в виду Жени.

— Я в узоре из-за Лича. Он ничего не делает без причины. Это не дружеская услуга. Это часть плана.

Жени хлопнула в ладоши.

— Меньше всего Лич любит мся. Он сказал — а он всегда до противного правдив, — что сделать эту работу могу только я. Он хочет, чтобы я нашла Мимси.

— И «Семь Звезд».

— Существует связь между Личем и Мимси. Она порвалась либо, по меньшей мере, натянулась до предела. Он охотится за камнем?

— Владения Лича — в этом мире, — сказала Жени. — Он лишь хочет того же, чего хочу я, — изъять «Семь Звезд» из обращения. Не скажу, что я рада объединяться с ним ради общего дела, но так уж вышло. В этой истории все союзники перепутались.

— Я думала, что Лич мог быть отцом Мимси.

— Хорошая гипотеза, но нст. Это был Ричард Джеперсон, один из членов клуба «Диоген». Мимси совершенно непредсказуема, потому что она — дитя противоположностей, рода Маунтмейнов и клуба «Диоген». И как я ни старалась, ничего не помогало. Какис бы бедствия она ни принесла, мы все виноваты в этом.

Жени велела остановить такси за несколько улиц от Пирамиды.

Когда оно отъехало, дорога опустела. День окончательно угас. Вечер был ясный, но дымка оранжевого натриевого уличного освещения не подпускала к себе звездный свет.

— Одна из причин, почему вы правитесь мне, Сал, это то, что вы мне верите. За многие годы почти никто не верил. И не только сначала. Но вы достаточно часто ступали во тьму, чтобы узнать правду, когда слышите ее.

Они посмотрели на Пирамиду.

— Камень Семи Звезд — это орудие для уничтожения империй, — сказала Жени. — Он положил конец правлению фараона. Деклан Маунтмейн хотел использовать его против Британии. Беннет Маунтмейн думал, что сможет выиграть войну для Гитлера. Эдвин Уинтроп обратил его против Германии и Японии. Его можно было бы использовать против этой Пирамиды.

Салли представилась империя Лича в руинах.

— Но за это надо платить. Мир все еще переживает последствия того, каким способом Эдвин и клуб «Диоген» окончили последнюю войну. Я полагаю, Лич — одно из таких последствий. Если бы времена не были столь хаотичными, он не смог бы угнездиться и разрастись подобно раковой опухоли.

— Лич считает Мимси *угрозой*?

Она не могла поверить в это. Но звучало логично.

— Сумасшедшая женщина из рода безумцев? Вооруженная куском сомнительного кристалла? Вы хотя бы имеете представление, кто такой Дерек Лич? Насколько он вне человеческих критериев?

— Почему вы, Салли? Почему он выбрал вас?

— Он сказал, что я святая.

Жени развела руками.

— Я не святая. Я мать-одиночка. Мне почти сорок. Мою жизнь и работу бросает из кризиса в кризис.

— *Дважды* вы останавливали его, Сал. Спасли людей от него.

— В конце концов, это ничего не значило. У него были другие планы.

— Никто больше никогда не останавливал его. Ни разу.

Салли поняла, о чем говорит Женевьева.

— Значит, я единственное существо, которое, как он может считать, способно встать между ним и Мимси.

— Не только Мимси.

Вокруг была почь. Жени сняла свои темные очки. Глаза ее были живые и древние, красные точки горели в их глубине.

Ночь они провели возле Пирамиды. Ничего не случилось. Ее инстинктивная вера в тайное знание Жени начала давать трещину. Было бы куда удобнее, если бы Мимси объявилась в вестибюле Дерека Лича, размахивая Камнем Семи Звезд, словно фазером из «Звездного пути».

На востоке зажегся красный свет, и Салли вызвала по телефону такси-малолитражку. Она не считала, что ночь прошла даром.

Они с Жени — Жсневьевой — разговаривали.

Не раскрывая, кто она такая, Жени рассказала о многом. Она заполнила, несомненно из собственного опыта, множество пробелов. Если Нил когда-нибудь напишет свою книгу, она будет ее основным источником. Но она не была ужасной, как Лич. Она была доказательством того, что можно жить среди потустороннего и не дать ему поглотить себя. Она была настоящей личностью.

Жени совершала ошибки. Она говорила то, что думала, не фильтруя это мысленно, и все представало в виде ключей к разгадке кроссворда, со скрытыми убийственными оговорками.

В такси Жени занервничала.

— Прошу прощения, — сказала она. — Я повела вас по ложному пути. Что-то произошло прошлой ночью. И мы пропустили это. Моя вина. Я думала, что «Семь Звезд» обратятся против Лича. Может, они и хотят этого, но еще не теперь. Возможно, в этом плане слишком много от Мимси...

Дребезжание мобильного вырвало Салли из полудремы. Такси застряло в утреннем наплыве машин, едущих в Доклендс.

Это был Нил.

— Приходила полиция, — сказал он. — Это связано с твоей клиенткой. Она убита, Салли.

Потрясенная, она разом проснулась.

— Морин?

— Да. Ты должна будешь явиться к ним и дать показания. Полиция знает, что ты работала на нее.

Внутренне холодея, она задала вопрос:

— Это Мимси?

— Она была убита не молотком. Из того, о чем они обмолвились, я не думаю, чтобы это вообще было убийство. У нее была аллергия на укусы насекомых.

Салли отключилась и попросила водителя ехать на Уим-поул-стрит. Она рассказала Жени, что произошло.

— Закусана насмерть? — задумчиво произнесла Жени.

У двери стоял полисмен, но Салли проникла в дом, сославшись на то, что ее просили дать показания. Жени взглянула на мужчину поверх своих солнечных очков и без звука была допущена внутрь.

— Ловко.

— Не поверю, чтобы вас нужно было этому учить.

Передняя изменилась. Все пурпурные художества исчезли, и появился толстый хрусткий ковер. Салли поняла, что стоит на слое раздувшихся мертвых мух. Пурпурная краска была объедена множеством крохотных ртов, вгрызавшихся в любые поверхности. Должно быть, эта туча заполнила весь дом. Занавески были съедены полностью, оконные стекла покрылись пятнами засохшей белой коросты.

— Она пытается использовать Камень, — произнесла Жени.

— Я должна видеть Морин, — сказала Салли.

— Я знаю.

Они поднялись наверх. На площадке стояли полисмены и пара судебных медиков, ошеломленные и недоумевающие. Велась фотосъемка.

Инспектор уголовной полиции распорядился ничего не сообщать прессе. Он выглядел столетним стариком и слишком устал, чтобы орать на кого бы то ни было за то, что Салли и Жени оказались в доме.

Салли объяснила, кто она такая и что покойная женщина наняла ее для поисков пропавшей дочери. Она признала, что не сумела этого сделать.

— Если она исчезла таким же способом, как ее мать, можете смело возвращать деньги обратно.

— Кому? — спросила она.

На самом деле она не получала аванса. Лич наверняка компенсировал бы ее затраты, но Салли не хотела брать его грязные деньги.

— Это не аллергическая реакция, — сказала Жени. — Мухи не жалят.

— Нет, — согласился инспектор. — Они кусают.

Салли заглянула в комнату Мимси. Морин Маунтмейн лежала на кровати. Ее можно было узнать лишь по ее необычным волосам, белым с красной прядью. Ее лишённые плоти кости покоились на толще дохлых мух.

— Началось, — сказала Жени.

Она пыталась позвонить Нилу, но не смогла пробиться сквозь короткие гудки. Жени в такси молчала, после долгой ночи и ужасов на Уимпоул-стрит она выглядела куда старше. Было сделано притянутое за уши предположение, что причиной всего стало невиданное потепление, из-за которого мухи рано вылупляются и бесятся.

Салли пыталась не переживать. Возвращать Мимси было некуда. Ее дело закончено. Жени высадила ее на Мазвел-Хилл.

— Не переживайте, Сал. На это потребуются годы. Прощу прощения, что покидаю вас, но вы можете продолжать свою обычную жизнь. Это касается тех из нас, кто живет вне человеческого времени, Лича, и меня, и «Семи Звезд». Передавайте привет вашему сыну. Я бы хотела когда-нибудь с ним встретиться.

Салли смотрела вслед такси. Она гадала, куда направлялась Жени. Та говорила что-то насчет того, что надо укрыться от солнца. И чего-нибудь выпить.

Если она и должна была подвести кого-нибудь, то рада, что это оказался Лич, — теперь она думала, что он хотел, чтобы она каким-то образом остановила Мимси, — хотя Салли и была теперь вывернута наизнанку и опустошена из-за Морин.

Она поднялась по ступеням.

Дозвониться она не могла потому, что Нил подключил модем, выискивая материалы насчет четвертой казни египетской. Он счел, что это пригодится для расследования.

— Никакого расследования нет, дорогой, — сказала она. — Нет клиента.

Подожел Джером в маленькой, не по росту, пижаме.

— Кто была эта красивая тетя? — спросил он.

— Ты что, выглядывал из окна?

Ее сын не ответил ей.

— Ладно, — сказала она, — сдаюсь. Так что же было четвертой казнью египетской?

— Ты должна бы знать, — ответил Нил. — Про это было в «Ужасном докторе Файбсе». Мухи.

— Вы не останетесь внакладе, — сказал Лич. — Я уже распорядился о выплате. Если угодно, можете переадресовать деньги обществу «Шелтер».

— Я не заслужила оплату. Я ничего не сделала. Ничего не узнала. Мимси по-прежнему нет. И Камня Семи Звезд тоже.

Трубка холодила ей руку.

— Значит, *что-то* вы все-таки узнали.

Голос Лича звучал как-то иначе. Устало? Может, причина в качестве связи?

— Немного. Ничего существенного.

— Я надеялся, что вы сумеете повлиять на Мимси собственным примером. Теперь я понимаю, что это было слишком претенциозно с моей стороны.

Хотел ли он выставить Салли Роудс, вооруженную мечом справедливости, против Мимси Маунтмейн с ее магическим камнем в надежде, что они уничтожат друг друга?

— Она может причинить вам вред, Дерек? — спросила она.

— Разговор окончен. До свидания, Салли.

Она слушала гудки на отключенной линии. Теперь оставался вопрос, как существовать с обретенным страхом, как пережить эти гибельные годы. У Дерекса Лича была империя, а у нее — сдвинутый на компьютерах ребенок и бойфренд, который так никогда и не повзрослеет. По крайней мере, она знала, что больше подходит для того, чтобы выжить.

ДЖЕЙ РАССЕЛ

Человек, который застрелил человека, который снимал «Человека, который застрелил Либерти Вэлэнса»¹

Марти Бернс

Мартин Бернс родился в 1955 году. В детстве он играл малолетнего надоеду Сэнди Солта в одном из давным-давно забытых телеситкомов середины 1960-х годов производства Мэнии Стайлса «Соль и перец». Марти достиг дурной славы, благодаря постоянно повторяемой и надоевшей всем прибаутке: «Не много ли перца?» Быстро вспыхнувшая звезда Бернса превратила его в главного идола-сердцеда тинейджеров, а потом потухла в жалких театральных постановках для взрослых. Затем он сделал аналогичную карьеру в низкобюджетных фильмах.

Считается, что он оставил шоу-бизнес и около двух десятков лет проработал низкооплачиваемым частным детективом в Лос-Анджелесе. Неожиданно для всех Бернс появился в телевизионном сериале «Светло горящий»² (Burning Bright), что повлекло за собой его участие в из ряда вон выходящем скандале Jack Rippen/Celestial Dogs. Но актерское мастерство Марти со временем не улучшилось.

¹ «Человек, который застрелил Либерти Вэлэнса» — фильм с участием Джона Уэйна.

² «Светло горящий» — роман Дж. Стейнбека.

Впервые Мартин Бернс появился в дебютном романе Джея Рассела «Небесные собаки» (*Celestial Dogs*, 1996), в котором голливудские магнаты и древние японские демоны бьются за души людей. Далее, в сиквеле «Светло горящего», внезапно появившись в качестве героя, Марти отправляется в Британию, где оказывается вовлеченным в обладающую магической силой неонацистскую секту. Выдержки из этого романа появились в сувенирном издании «Мировая фантастика. Таинственный город: Страничные истории Лондона» (*World Fantasy Convention souvenir book 1997, Secret City: Strange Tales of London*). Другие публикации Марти Бернса: «Мучения Салливана» (*Sullivan's Travails*) и «Что еще случилось с Бэби Джун?» (*What Ever Happened to Baby June?*) вышли последовательно в альманахах «Темные ужасы» (*Dark Terror 4*, 1998) и в «Серебристой Луне» (*White of the Moon*, 1999).

Это началось с дружеской игры на раздевание в вайджа¹, а закончилось тяжелой черепно-мозговой травмой, почти разбитым сердцем и платьем из розовой тафты, в котором был похоронен Джон Уэйн².

Но я забегая вперед.

Когда ты на съемках, у тебя тонны времени просто де-вать некуда. Съемки фильма — скучный процесс, я знаю, все так говорят, но, если ты актер, это истинная правда: большую часть дня ты шатаешься по площадке в ожидании. (Естественно, найдутся те, кто скажет, что, даже когда камеры работают, я выгляжу так, будто жду, когда меня начнут снимать.) Так что тебе надо найти, чем заполнить день. Команда с кормежкой может помочь, но провалиться мне на месте, если компания не настаивает на пункте о лишнем весе в контракте каждого актера. Я предполагаю,

¹ Вайджа — настольная игра; доска с алфавитом, на ней вращающаяся стрелка, которая указывает на буквы и расшифровывает послания из потустороннего мира.

² Джон Уэйн (1907–1979) — голливудский актер, «король вестерна». Воплощение мужественности и благородства.

именно это происходит, когда являешься на переговоры с сиксером¹.

Мы работали на третьем эпизоде второго сезона «Светло горящего»: что-то там о потерянном ребенке, о смертельном вирусе, о симпатичной девушке... там *всегда* есть симпатичная девушка. Когда-то я пытался понять логику сюжета шоу, но в результате у меня только живот разболелся. Теперь по совету продюсера я просто читаю свою роль и кладу деньги в банк. Большую часть съемочного дня занимали эпизоды с хитрыми трюками, для которых требовался мой дублер. Я должен был болтаться поблизости просто *на всякий случай*. У Доджера был выходной, моя игровая приставка сдохла, и я не представлял, чем заняться, пока Карлберт, наш редактор, не указал мне на нашу новенькую помощницу костюмера.

— Она может раздеть меня на любой вечеринке. — Карлберт буквально пускал слюну.

Карлберт — свинья (хотя он не может нести за это всю ответственность: о чем думали его родители, когда давали ему такое имя?), но в этот раз у него была причина пускать слюны. Хотя мои развратные деньки остались далеко позади, я наверняка мог бы вынести пиквал из прошлого ради этой женщины. Это были сто двадцать восхитительных фунтов безупречных пропорций, щедро награжденные женственностью во всех нужных местах. Не говоря уж об убийственном прикусе Джин Тирни².

Бобби — так ее звали, к счастью или к несчастью, была настолько же свободна, насколько привлекательна. Именно этими качествами и надо обладать, когда соглашаешься поиграть в вайджа на раздевание со мной и с Карлбертом, который, с одной стороны, лысый, а с другой — толстый. Можно признать, что правила стрип-вайджа несколько специфичны, по сути самой игры заключается в том, чтобы задавать вопросы *другой стороне*, которая генерирует позитивные ответы. Стоит спровоцировать плохую карму, и

¹ Сиксер — кусок хлеба весом 6 унций.

² Джин Тирни — звезда американского кино 1940–1950-х гг. Одна из самых красивых актрис Голливуда.

ты лишаешься одного предмета одежды. Принимая во внимание свой обширный опыт в устраивании событий, которые приводят к веселой ночи (вдобавок наша с Карлбертом бессонетная готовность жульничать), я рассчитывал, что сладкий леденец Бобби приплывет к нам в руки скорее, чем мы успеем сказать «мадам Блаватская»¹.

Меньше чем через час я все еще был при трусах и носках, а Карлберг в очень серой паре подштанников. Бобби лишилась одной сережки, но приобрела самодовольный вид. Довольно о моих талантах устраивать дела. Я старался не смотреть в сторону Карлберга. Мало того что у него было это имя, так он вдобавок был волосатее Робина Уильямса. Пришла его очередь задавать вопрос, он было призадумался, но потом физиономия его озарилась.

— Джон Уэйн был гомиком? — спросил он потусторонний мир.

Я убрал палец с доски.

— Что это еще за дурацкий вопрос? — возмутился я.

— Это чертовски хороший вопрос. И тот, ответ на который будет «да», если ты не возражаешь.

— Джон Уэйн не был... он не был голубым, — сказал я.

— Потому что он ни разу на тебя не запал?

— Нет! Я хочу сказать, я его никогда не встречал. Но мы говорим о самом Дюке².

Я не фанатею от голливудских легенд — если кто-то и знает, что это за странный город, так это я, — но Джон Уэйн, ради всего святого!

— Джеймс Дин³ был педиком, — сказала Бобби.

— Джеймс Дин играл с Сэлом Минео⁴, прости господи. Джон Уэйн работал с Джоном Фордом⁵. А уж Джон Форд — всем мужчинам мужчина. — Мои партнеры как-то странно на меня посмотрели. — Стоп, вы не так меня поняли.

¹ *Мадам Блаватская* — известная оккультистка.

² *Дюк* — одно из прозвищ Джона Уэйна.

³ *Джеймс Дин* (1931–1955) — американский актер и готщик, обладавший гомосексуальной харизмой.

⁴ *Сэл Минео* (Сальваторе Минео, 1939–1976) — американский актер.

⁵ *Джон Форд* (1894–1973) — известный голливудский режиссер, крупнейший мастер киноэпопеи.

— Джон Уэйн, — сказал Карлберт, — похоронен в платье.

— Ты прочитал об этом в Интернете или еще где-то?

— Это правда.

— Нет, не правда.

— Хочешь пари? — Карлберт указал на доску вайджа. — Давай спросим.

— Нет, нет, нет. Не пойдет.

У Карлберта были большие толстые пальцы; одно дело объединиться с Карлбертом с целью обнажить Бобби, но я не был готов к реслингу на пальцах над доской с деньгами на кону.

Карлберт немного подумал.

— Хорошо, — сказал он и сам себе кивнул. — Есть другой способ. Если у тебя хватит денег и духу.

Бобби внимательно на меня посмотрела, в глазах ее было «то ли он — то ли не он», и надулась настолько сексуально, насколько позволяли ее сладкие губки.

Что было делать парню?

Тот парень жил по соседству с Голливудом — извините, мы так в Эл-Эй¹ выражаемся, — прямо за углом через три стрип-бара (будем считать, что их только три). Для моей белой, как лилия, задницы жутковато было находиться в позднее время так близко к «Маленькому Эль Сальвадору». Да и Бобби, которая, когда выяснилось, что съемки свернули на день, настояла на том, чтобы мы взяли ее с собой, нервничала достаточно для того, чтобы позволить мне взять ее шелковистую ручку в свою.

Карлберт постучал в дверь многоквартирного дома. Я обозрел газон перед крыльцом, он был усеян использованными ппирицами. На один меньше, чем количество разбросанных там же использованных презервативов. Эл-Эй. Дзен-сад.

— Так чем именно занимается этот твой парень? — спросил я.

— Он — медиум, — сказал Карлберт.

— Смешно.

¹ Эл-Эй (LA) — Лос-Анджелес.

— Да, и еще карикатурист.

— Медиум-карикатурист?

— Ага, но, насколько мне известно, эти две карьеры не пересекаются. Дело в том, что он еще и коллекционер.

Карлберт не дал мне задать следующий вопрос и поступал снова, а потом так сильно шнул дверь ногой, что она чуть в пенки не разлетелась. Внутри дома слышались шаги.

— Говори о чем угодно, — быстро шепнул Карлберт, — но ни слова о его весе.

— О его весе? — переспросил я.

Дверь открылась. Дверной проем заполнил собой громадный черный мужик в кожаных брюках и с кольцами в сосках. Я говорю так, потому что он был обнажен по пояс. У него было брюхо, как «мешок медиума»¹, и глаза, как щели для монет. А еще на нем была паплевная кобура с очень большим пистолетом.

— Кей Би, — буркнул он. — Чего тебе?

— Здорово, Монтсеррат. Я привел парочку неверующих на урок истории. Мы бы хотели получить представление о твоём личном бренде истины.

Монтсеррат — с его объемом он мог бы быть островом — одарил меня одним ленивым взглядом, но его узкие глазки расширились при виде Бобби в обтягивающей майке. Он даже облизнулся. А кто бы не облизнулся?

— Ладно, — сказал он, так и не убрав язык. — Заходите.

В крохотной квартирке вонь стояла до небес. Над заплесневелыми остатками пиццы полчища невиданных ночных насекомых бились с чешуйницей. К счастью, от этой мерзкой картины отвлекала армия фотографий, рядами заполнившая длинную стену от потолка до пола. По-видимому, это и была коллекция Монтсеррата. Это было жесткое порно — я даже не знаю, кто за пределами «Цирка Солнца»² мог бы такое исполнить, — но самое занятное — на каждом чертовом снимке красовались знаменитости. Кино-

¹ «Мешок медиума» (Psychic Bag, Oversized Sac, bean bag chair) — огромное обтянутое материей кресло, заполненное пенопластовыми шариками или шариками для жонглирования.

² «Цирк Солнца» — знаменитый канадский цирк.

и телезвезды прошлого и настоящего, политики, бейсболисты, примадонны американского театра, Флишнер...

Бобби ахнула. Я ахнул еще громче.

— Вы что, девственники? — хмыкнул Монтсеррат.

Карлберт кивнул. Возможно, я должен был оскорбиться, но я был слишком поражен.

Монтсеррату, кажется, было неохота отрывать глаз от Бобби, но Карлберт взял его за руку и увел в дальний конец комнаты. Говорили они шепотом.

Бобби показала на снимок высоко на стене.

— Это... Ричард Никсон? — взвизгнула она.

Я вытаращил глаза и кивнул:

— Ловкач, однако.

— Бедная миссис Никсон, — сказала Бобби.

— Бедный Чекерс!¹ — усмехнулся я.

— Эй, — позвал Карлберт.

Я прошел через комнату. Бобби осталась стоять как приклеенная и пожирала глазами стену. Пусть себе стоит. Монтсеррат испарился.

— Давай деньги, — сказал Карлберт и протянул руку.

Мы поспорили на пять сотен баксов. Карлберт уже успел тормознуть меня у банкомата и заставил снять наличку.

— Ты еще не выиграл.

— Просто дай их мне, — настойчиво сказал Карлберт.

Я почувствовал, что эта комната — не место для споров. Монтсеррат появился как раз в тот момент, когда я сунул в ладонь Карлберта свернутые в трубочку деньги. В своих могучих руках он держал большой фотоальбом. С неожиданной для него нежностью Монтсеррат открыл альбом и пролистал ламинированные страницы. Найдя искомое, он перевернул альбом и поднял его перед нашими глазами.

Это была глянцевая фотография Джона Уэйна, форматом 8×10. На снимке ему было лет шестьдесят пять — святый с лицом, побитым временем, как старый ковбойский сапог.

¹ Чекерс — одна из самых известных собак в политической истории, принадлежала Р. М. Никсону. Отвергая обвинения в том, что он принимал деньги из секретного фонда, Никсон настаивал, что единственный дар, который он принял, — Чекерс, подарок от поклонника из Техаса.

Джон Уэйн: стоит в дверях салуна... кадр из фильма, без сомнений.

Джон Уэйн: герой, икона Америки.

Джон Уэйн: стоит в... в платье из розовой тафты.

Сукин сын, с его ногами и — в платье!

— Это фальшивка, цифровая подделка, — сказал я. — Ты это сделал в фотошопе или еще как-нибудь.

Монтсеррат молча покачал головой.

— Тогда где ты ее взял?

Монтсеррат так же молча смотрел на меня.

— Это все надувательство, — сказал я, показывая на стену. — Такую фигню делали сто лет назад, они старые, как Тигуанские библии¹. Ты их сам сфабриковал. Качество хорошее, признаю, но это все надувательство. — Я повернулся к Карлберту. — Отдавай мои деньги.

У Карлберта глаза расширились, он затряс головой.

— В чем дело? — сказал я. — Не тормози. Игра окончена. Давай их сюда.

— Они настоящие, — просипел Монтсеррат. Он был не столько зол, сколько оскорблен.

— Почему ты так уверен?

— Потому что получил их из первых рук. От того, кто фотографировал и снимал кино.

— Что? — переспросил я. — Какое кино? О чем ты?

— Хлыщ с камерой дал их мне. Хлыщ, который снимал «Человека, который застрелил Либерти Вэлэнса». Слышал о таком?

— Эй, да я в покер играл с Вуди Стродом², как тебе такое? Откуда тебе знать, что этот парень сделал эти снимки, что они настоящие? Как ты можешь вообще это знать?

— Потому что я его застрелил.

Наступила полная тишина. Можно было услышать, как падает нафталиновый шарик.

— Извини?

¹ Тигуанские библии — дешевые порнокомиксы 10 × 15 см, 6—8 листов на дешевой бумаге, были популярны во времена Великой депрессии.

² Вуди Строд — атлет, звезда футбола, достигший еще большей славы как первый афроамериканский актер.

— Парень с камерой вляпался в дерьмо несколько лет назад. Любил играть в покер, не любил платить. Ну, и мне надо было его маленько припугнуть. Тогда это была моя работа. Он дал мне это, так что я больше его не трогал. Это была очень напряженная ситуация.

Отставной выбивальщик долгов, он же — медиум и карикатурист. Отличный гоголь-моголь, пора сваливать из Эл-Эя.

Я глянул через плечо на Бобби. Она шагнула ближе к стене, чтобы разглядеть фото с... Деси Арназом и Уильямом Фроли!¹ Не осталось ничего святого? Но если посмотреть на нас троих с разинутыми ртами. Я взглянул на Карлберта, который красноречиво давал мне понять, что мне уже давно пора заткнуться. Я повернулся к Монтсеррату, тот опять пялился на сиськи Бобби и облизывал свои толстые губищи.

— Три банкноты, так, Монтсеррат? — спросил Карлберт.

Монтсеррат кивнул. Карлберт передал ему деньги, большой человек аккуратно вытащил фото из альбома и передал его Карлберту.

— Я уже давно хотел заполучить этого молодчика, — сказал мне Карлберт. — Начал составлять свою маленькую коллекцию. Большое тебе спасибо.

Я только кивнул в ответ.

Карлберт направился к выходу, но я должен был еще раз повернуться.

— Слушай, а меня там нет? — спросил я, указывая на альбом.

Монтсеррат пожал своими могучими плечами и хмыкнул.

— Запросов не было, — сказал он.

Я не мог понять — льстит мне это или оскорбляет.

Мы шли по тропинке от дома к тротуару, когда Бобби полезла в карман и вытащила оттуда небольшой снимок.

— Что это? — спросил я, туго улыбаясь.

— Я сняла это со стенки, — шепнула она. — Пока мы там разговаривали.

¹ Деси Арназ и Уильям Фроли — голливудские актеры, исполняющие главные роли в семейном музыкально-комедийном сериале «Я люблю Люси» (1951–1957).

Карлберт затормозил и резко повернулся к Бобби.

— Что? Что ты сделала?

— Я... я должна это иметь. Я хочу сказать, это же один из «битлов».

У меня даже волосы не успели встать дыбом, как я услышал рев у себя за спиной. Все еще голый по пояс, с болтающимися на груди кольцами, стремительно увеличиваясь в размерах, на нас надвигался Монтсеррат. В руке у него был пистолет. Карлберт начал изрыгать проклятия, но его слова заглушили выстрелы.

Первая пуля задела его левое ухо. Я даже увидел отлетающую с фонтанчиком крови мочку. Карлберта развернуло вокруг оси, и таким образом вторая пуля угодила ему в затылок. Это было время Абрахама Запрудера¹.

Я остолбенел, когда Монтсеррат оказался передо мной. Он поднял свой пистолет двумя руками и вставил дуло мне в рот. Он даже не удосужился моргнуть, прежде чем нажал на крючок.

Не вылетело ни одной пули. В субботу утром прямоком в синагогу, помолиться за этого парня.

Большому парню, кажется, потребовалась минута, чтобы понять, в чем проблема. У меня не дрогнул ни один наружный мускул, даже когда он перехватил пистолет за ствол и садалул рукояткой по моему лицу. Но Бобби, благослови Господь ее соблазнительную душу, оказалась быстрой, как черт в юбке. Она отыскала доску среди разброшенного по саду хлама и изо всех сил обрушила ее на макушку Монтсеррата.

Это привлекло его внимание.

Почему одна маленькая рюмка может положить конец веселью на вечеринке? Никто не знает, потому что Бобби, быстрее, чем фильмы с Джадом Нельсоном² оказываются на видео, размахнулась и уже спизу вверх ударила Монтсеррата доской между ног.

¹ *Абрахам Запрудер* — свидетель, снявший самый известный любительский фильм — убийство Дж. Ф. Кеннеди — на восьмимиллиметровую камеру.

² *Джад Нельсон* (р. 1959) — голливудский актер, герой комедийных боевиков.

Его крик, наверное, был слышен в Йокогаме.

Монтсеррат все еще орал как резанный, когда прибыли полиция и «скорая». До меня даже не успело дойти, что я жив, а Бобби уже разорвала свою масчку и туго обматывала ею голову Карлберта, чтобы остановить кровотечение.

Вышло, что я увидел ее обнаженной, насколько это было возможно. Хотя на этом мои мечты и перестали сбываться.

Компании пришлось пожертвовать несколько долларов вдовам Л.А.П.Д. и Сиротскому фонду, чтобы мое имя не связывали с этим делом, но в то же время пасилие в окрестностях Голливуда сейчас не котируется. Карлберт восстановился, хотя ему потребовалось провести два месяца в отделении нейрохирургии в Сидере. Он был вынужден уйти из редакторов на «Светло горящем», но, честно говоря, сюжет от этого только выиграл. Но даже после выписки бедняга Карлберт не обрел способность отличать сладкое от кислого. Доктора были озадачены. Я знаю, семена преступлений приносят горькие плоды и прочее, но лишиться способности получать удовольствие от хорошей китайской кухни -- это чертовски высокая плата за грехи.

Бобби тоже ушла из шоу, хотя и за шестизначный контракт с «Дрим Воркс»¹. Я слышал, что она вышла из своего гардероба с другой стороны — лесбийский шик в наши дни страшно моден. Поговаривают — она наступит на пятки Эллен ДеДженерес².

До меня только потом дошло, что, даже если это правда и та фотография, с которой все началось, — благодаря человеку, который снимал *«Человека, который застрелил Либерти Вэлэнса»*, — и которая стоила мне пять сотен баксов, является подлинной, это не доказательство того, что Джон Уэйн был похоронен в платье, но не отрицает того, что он был голубым.

Я до сих пор не склонен верить в это, но ради платного равновесия моего разума (из грязного любопытства тоже,

¹ «Дрим Воркс» — американская кинокомпания.

² Эллен ДеДженерес — американская актриса, открытая лесбиянка.

признаю) я сделал еще один подход к доске вайджа. На этот раз я подошел к процессу несколько серьезнее, обдумывая, как подобраться к Дюку, если все-таки решусь на это. Как я ни старался, мне не удалось выйти с ним на контакт. Лучшее, что у меня получилось, — это достучаться до старика Бонда, так что я наплевал на все и спросил Бонда. Любой фанат фильмов Джона Форда догадается, каков был ответ.

Когда легенда становится фактом, опубликуй легенду.

КИМ НЬЮМАН

СЕМЬ ЗВЕЗД

ЭПИЗОД ШЕСТОЙ СОБАЧЬЯ ИСТОРИЯ

Джером Роудс

В отличие от своей матери Салли, Джером Роудс в своих расследованиях полагается на самые современные технологии.

Зачатый в рассказе «Доноры органов» (*Organ Donors*), едва начинающий ходить мальчик в «Кворуме» (*The Quorum*, 1994) и взрослый человек в «Там, где закопаны тела 2020» (*Where the Bodies Are Buried 2020*), Джером назван так в честь племянника автора. Взрослый герой обитает в мире, в широком смысле связанном с ранними научно-фантастическими историями Кима Ньюмана: «Мечтатели» (*Dreamers*), «Профессия Патриции» (*Patricia's Profession*) и его дебютным романом «Ночной мэр» (*The Night Mayor*, 1990).

Доктор Тень изначально был вымышленным литературным героем-одиночкой 1930—1950 годов, придуманным Рексом Кэшем (Дональд Монкрифф) для «*Wendover's Magazine*». Скрывая свою личность под плащом и круглыми темными очками, он использует группу полукриминальных хулиганов в своей попытке не заканчивающейся войне против иностранных элементов, несущих зло в самое сердце Британской империи. Персонаж стал еще более популярным в качестве официального агента британского правительства, появившись на страницах ежедневных комиксов в «*Evening Argus*» (1935—1952), рисунки к которому делал Фрэнк Фицджеральд, а текст с 1939 года и далее писал Гарри Липман под псевдонимом Кэш.

Появившись в новелле Ньюмана «Необыкновенный доктор Тень» (The Original Dr Shade), получившей Премию Британской ассоциации научной фантастики (British Science Fiction Award), персонаж обрел новую жизнь, позднее выступая в романе «Кворум» как альтер-эго Дерекка Лича.

Клиентка назначила встречу на Пэлл-Мэлл. Нейтральная территория, равноудаленная от его монады в Ислингтоне и ее временного пристанища в Брикстоне. Он привык к встречам вне дома. Люди, нуждающиеся в помощи информационного аналитика, не хотели, чтобы об этом стало известно. Это обычно означало, что они потерпели неудачу, и даже малейший слух мог вызвать роковую панику. Крупные корпорации консервативны, склонны демпинговать, едва лишь запахнет жареным, таща за собой планктоп из мелких инвесторов, которые начинают сбрасывать акции по все более низким ценам. Один-единственный слушок за милую душу мог уничтожить целую империю.

Хотя Джером говорил с английским акцентом, как это называли раньше по телевизору, улицу Пэлл-Мэлл он, как и другие, мысленно называл *Пол-Мол*.

Лондонское правление настолько утомили прежние американцы, заявлявшие на Мэлл и выяснявшие, где здесь магазины, что район был отдан под дальнейшее развитие торговли. Официально охраняемые здания, не нужные больше после переезда администрации в Блэтчли, были поделены на привилегированные помещения: «Leechmart», «Banana Democracy», «Guns'n'Ammo», «Killergrams». Некоторые из здешних магазинов были настолько шикарными, что в них даже держали настоящие товары, которые можно было посмотреть вживую.

Клиентка назвала это место «Пэл-Мэл», как произнес бы человек в возрасте. На мониторе, однако, высветилось совсем юное лицо. На миг ему даже подумалось спросить ее, знают ли родители, что она пользуется их компьютером.

У нее было имя, не корпоративный идентификатор. Жсневьева Дьедонне. Раньше он вел дела с частными лицами,

хотя обычно работал по договорам на корпорации или крупные фирмы. Его услуги высоко оплачивались. Ей придется заплатить по его расценкам, наличкой или кредиткой.

Она выбрала старый дом, среди точек быстрого обслуживания, магазинов тканей и парикмахерских салонов. Отличное место, реконструкцией которого почему-то пренебрегли. Он должен был ждать ее на улице.

День был прохладный. Облачные заслоны висели над Ист-Эндом, а сюда беспрепятственно лился солнечный свет, выбеливающий все краски вокруг до пастельных тонов. Немногочисленные прохожие разгуливали под холодным солнцем, прикрываясь от него зонтиками. Шныряли какие-то деперсонифицированные типы, которые, как предполагалось, должны были оставаться за сценой. Они шмыгали через открытые места в тень, прикрывая глаза от жгучего сияния.

Он сел на розовую скамейку и выключил наушники, оборвав поток информации. Если у его клиента возникла проблема, он должен хорошенько прочистить мозги перед тем, как начать работать.

Его все равно отвлекли. Собачьим ласм. Нарядную парочку позорила их неуправляемая немецкая овчарка. Мужчина пытался утихомирить собаку, поправляя электроуправляемый ошейник; женщина извинялась перед прохожими, объясняя, что в ошейнике, наверно, что-то замкнуло.

Микрособытие, но оно послужило сигналом.

На движущемся тротуаре находилась еще одна собака, какой-то карликовой породы, и она растягивалась на руках у пожилой женщины. Окружающим пришлось разойтись, пересев на другие звенья тротуара.

Два чокнутых пса. Не та информация, на которой можно выстроить дело.

- Джером Роудс?

На ней были толстые солнцезащитные очки, тяжелый плащ от солнца и широкополая черная соломенная шляпа с алой шелковой лентой. Должно быть, в ее роду был рак кожи, или она свехосторожна, или нуждается в маскировке. Она была прехорошенькая; у него было ощущение, что он, возможно, видел ее раньше, когда-то очень давно.

Он встал и протянул ей руку, повернув ладонь таким образом, чтобы штрих-код с тыльной стороны было легко прочесть. Она не стала доставать считывающее устройство, чтобы удостоверить его личность. И не предложила ему своей руки.

— Вы хотите обойтись без обмена идентификаторами и, следовательно, без заключения легального контракта?

Просто удивительно, насколько многие из его клиентов не имели представления о требованиях, утвержденных в «Кодксе информационного анализа».

Она пожала плечами, ветер слегка раздувал ее плащ.

— Я должен завершить нашу встречу, — сказал он.

Она сняла свои наглазники и взглянула на него.

— Но вы этого не сделаете, — прошептала она.

Казалось, она смотрит внутрь его черепа, заглядывая в самый мозг.

— Я хочу, чтобы вы отыскиали призрака, — сказала она.

Вполне обычная просьба. Призраки являлись незарегистрированными объектами, разгуливающими по инфо-миру, зачастую привязанными к своим физическим субъектам-мониторам эктоплазмы. Некоторые создатели привидений плодили их целыми стаями. Следовало учитывать, что эти призраки, порождение реальных мозгов «мяса», являются основной формой Нарушения Множественности Личности.

Было, однако, что-то не вполне ясное в том, как она произнесла это. Он тщательно следил за точностью формулировок, даже когда выбор слов позволял трактовать их по-разному.

Она упомянула про призрака в том смысле, в котором он это понял. Но подразумевала при этом и другую, Б-версию, какое-то иное значение.

— Призрака — как?

Она улыбнулась его подсказке:

— Как Джейкоба Марли?¹ Как у Генрика Ибсена? Возможно. Но в первую очередь та разновидность призраков, по которой вы специалист.

¹ *Джейкоб Марли* — один из призраков, явившихся Эбенезеру Скруджу, герою повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь».

У него была репутация укротителя призраков. Два года назад его нанял «Уолт Дисней», чтобы остановить деятельность разобитенной группы своих бывших служащих, которые присвоили себе идентичности героев мультфильмов, находившиеся в собственности студии, и докучали посетителям «Виртуального Диснейленда». Для «Роудс информейшн» это было крупное дело, оно включало в себя бандитизм в инфо-мире, поп-культурный терроризм, осквернение авторских прав и несколько разных аспектов закона о непристойности. Преступники были присуждены к пожизненному домашнему аресту и навсегда отключены от инфомира.

Лай овчарки заглушал голос другого пса, отрывисто тывающего терьера. Они шумели вразнобой, не перелаиваясь друг с другом. Джером услышал, как, невидимая, завyla третья собака, присоединяясь к ним. Многие из дисперсифицированных держали собак на обычной привязи.

Клиентка тоже отвлеклась. Она нацепила обратно свои очки, но он заметил, как сузились ее глаза. Как если бы у нее внезапно заболела голова.

— Как называется призрак?

— Семь Звезд.

Джером снял наушник, отключив поток информации, внезапно сосредоточившись лишь на версии А.

— Семь Звезд?

Он нуждался в подтверждении. И она подтвердила.

— Семь Звезд — не призрак, — сказал он. — Семь Звезд — это террористическое сообщество. За ним гоняется полиция. И крупные корпорации. Какой информацией вы располагаете, чтобы поставить нас в более выгодную стартовую позицию по сравнению с крупными игроками?

— Физически Семь Звезд — это один человек. Разумеется, ее одну можно считать за легион.

Он ввел ссылку.

«Марк. Глава пятая. Стихи восьмой и девятый. „И сказал он ему: «Изыди от человека, ибо душа твоя нечиста». И спросил он у него: «Как имя тебе?» И он ответил, говоря: «Имя мне Легион; ибо много нас...»»

— Библия короля Иакова¹. Очень выразительно. Я думала, постхристиане пользуются переводом Джеффри Арчера.

— Я не постхристианин, — ответил Джером. — Библия имеет скорее культурное значение, чем религиозное.

— Насколько вы сильны в Ветхом Завете?

Ему не хотелось устраивать здесь игру в викторину, и он сдержанно пожал плечами.

— Посмотрите Исход, главы с седьмой по двенадцатую.

— Казни египетские?

— Отлично. Отвечая на ваш первоначальный вопрос, я знаю идент Семи Звезд. Имя их «мясо».

Он поморщился. Не ожидал от нее вульгарности.

— Это Мимси Маунтмейн.

Она продиктовала ему по буквам.

Он все еще не очень верил, что Семь Звезд — это один человек. Большинство теоретиков считали, что это инфо-армия, подпольно финансируемая консорциумом, чтобы разрушить инфо-мир. В частных службах безопасности всех крупных корпораций были люди, разыскивающие ее, не говоря уже про силы Глобальной информационной полиции.

В последний год Семь Звезд не сидели сложа руки.

Сначала Ползучие Бомбы казались случайными нарушениями инфо-поток. Корпорации и банкиры отложили на время свои информационные войны и объявили награду за изгнание Семи Звезд из Сети. Сам Дерек Лич, изобретатель Информационного Мира, абсолютный затворник, впервые за много лет покинул свою Пирамиду, чтобы появиться на площадке реалвелта вместе с Директором-распорядителем Лондона, Исполнительным директором «Дисней-Европа» и Модератором Евросоюза.

Потом пошли дела посерьезнее, рассчитанные на то, чтобы подорвать доверие клиентов. Джером повеселился, учитывая циничное отношение выходящих из дома вроде него, к той части популяции, которую составляли домоседы, когда фрик-выпуск «Вог онлайн» убедил сотни миллионов че-

¹ Библия короля Иакова — английский перевод Библии 1611 г., имеющий статус канонического.

ловек в том, что последняя мода — это подведенные губной помадой обгаженные анусы. Когда сотая часть подписчиков раскрасила окончание прямой кишки губной помадой, это было сочтено настоящим модным трендом, и настоящий «Вог», издаваемый Личем, по закону был вынужден сообщить об этом. То, что регистрационные взносы любителей моды ушли на неведомый счет в Виртуальной Швейцарии, было особенно забавно.

Их выходки становились все более жестокими, а Семь Звезд представлялись все более ужасными. Несколько напугавших идент-убийств дорого обошлись главам государств и пишкам из корпораций: их коды были удалены из инфо-мира или изменены так, что все пользователи сочли их деперсонифицированными. После идент-убийства вы всегда можете начать другую жизнь, даже если это означает вернуться на двадцать лет назад и начать все сначала. Когда была испорчена изрядная часть рецептов из «Лекарств от Лича», начали расти списки умерших людей — реальных людей, «мяса». Домоседы умирали в своих жилищах, и их Электронные Домоправители переводили их из домашних пользователей в разряд отработанного материала.

Если приближался давно предсказанный Коллапс, Семь Звезд могли неплохо подойти на роль Антихриста. Империи шатались, и многие независимые становились психопатами «в духе Семи Звезд».

Один человек. Один идент. Мимси Мауптмейш.

Джером спросил клиентку насчет дополнительных подтверждений. Она просто знала. Это само по себе настораживало.

Он умел читать людей не хуже, чем работать с объемами информации. С людей тоже можно было считывать данные и помечать их флажками. Он поверил клиентке. Хотя в ней было нечто нечитаемое.

Вернувшись в свою монаду, он воткнул наушник в Электронного Домоправителя и скачал из него несколько небольших инфо-блоков. Он часто начинал с того, что забрасывал сеть наугад, выискивая, нельзя ли как-либо связать события между собой.

Собачья история принимала характер эпидемии. Первой была выдвинута версия, что звуки определенной частоты, воспринимаемые только чувствительными собачьими ушами, раздражают слух всех собак — включая немногих оставшихся в зоопарках живых волков. Однако ни один инструмент, кроме собачьих ушей, не смог зафиксировать никакого ультразвука.

Даже несмотря на звуконепроницаемость своей монады, Джером слышал отдаленный шум. Он был рад, что у него нет собаки, ни компаньона, ни миньона. Были сообщения о миньонах — генно-модифицированных собаках для охраны и защиты, — нападавших на своих хозяев-домоседов. Это не могло быть инфо-шутками. Собаки обычно не бывали подключены ни к чему иному, кроме Реального.

Он прозондировал почву насчет Мимси Маунтмейн, маскируясь ради осторожности. Для полноты картины он провел поиск и по Жепевьеве Дьедонне. Всегда разумно узнавать о клиенте столько же, сколько и о отслеживаемой добыче. Зачастую то, чего клиент и сам не знал о себе, становилось главным ключом к успеху.

Он подписывался на обычные полицейские сайты, с которых скачал найденные материалы по Семи Звездам. Однако пока он не желал вести полномасштабный поиск. Меньше всего ему хотелось засветить свое собственное имя. Семь Звезд могли запросто стереть его. Или убить.

Может, обратиться по коммсвязи к сестре Шанталь и завести дискуссию про казни египетские? После падения Ватикана она, став свободным художником, уехала из Праги, но, наверно, все еще продолжает изучать Библию. Он просканировал свой мыслительный пакет. У него были вполне веские причины связаться с Шан, но ему не хотелось этого делать. На нее у него была заведена папка с эмоциональными файлами, и он знал, что она сочтет этот звонок скорее личным, чем деловым. И тогда им придется продвинуться вперед или назад. А он хотел, чтобы они оставались на прежнем месте.

Он оставил все как есть.

Собачья история была главной новостной сенсацией, расталась как на дрожжах, затмевая прочие обсуждаемые ис-

тории. Большинство каналов предлагало жалкие альтернативы — что-то про астрономическую аномалию, про заинтересованность человечества в истреблении сирот, про новые исследования в эндокринологии, — но собачья история была глобальной, совершеннейшей загадкой, позволяющей реагировать на нее как угодно — от насмешки до ужаса. Однако Джером не мог позволить себе отвлечься на массмедийные обсуждения спекулятивного характера.

По «Клауд 9», главной повостной линии Лича, экстремальным теоретикам предлагали всевозможные версии происхождения: собачья коллективная молитва, выпрашивание космической кости; концептуальный прорыв, представляющий внезапно возникшее осознание присутствия конкурирующих видов; буквальное проклятие Бога, укор за гибель самых организованных церквей в Религиозных Войнах 20-х годов.

Джером заставил себя отключиться от собачьей истории.

Результаты его поиска загружались. Первое, что он выяснил, — что Мимси Маунтмейн была реальной особой, родившейся в 1973 году, — значит, теперь ей было пятьдесят три. Ее мать значилась как Морин Маунтмейн (умерла в 1999), отец был неизвестен. Существовали засекреченные полицейские записи 1990-х годов, до них он постарается добраться попозже. С начала этого века — больше ничего. Активная связь предлагала просмотреть биографии некоторых членов семьи вплоть до 1800-х годов. Сейчас они только станут отвлекать его, но он сделал себе мысленную пометку выяснить, почему они предположительно представляют такой интерес.

Настоящей женщиной-загадкой была Женевьева Дьедонне.

Особа с таким именем родилась во Франции в 1416 году. Очевидно, она умерла — были некоторые неясности насчет обстоятельств и даты — в 1432 году. В шестнадцать лет.

Особа с таким именем родилась в Канаде в 1893 году и умерла в 1962 году, под фамилией по мужу Томпсон. Достойные упоминания подробности ее жизни уместились в одном окне.

Особа с таким именем упоминалась среди тех, кому выражала благодарность Кэтрин Рид в книге «Некоторые размышления о женском рабстве». Опубликовано в 1902 году.

И особа с таким именем числилась в платежной ведомости «Свободной Франции» в течение нескольких месяцев в 1942 году. Она работала в Лос-Анджелесе, предположительно по военному ведомству, хотя род ее деятельности не указывался.

Там не было данных о женщине, с которой он встречался сегодня в полдень.

Женевьева 1893—1962 годов оставила после себя кучу фотоснимков, с детства и до старости. От Женевьевы 1902 и Женевьевы 1942 — явно отличавшихся от женщины, жившей в 1893—1962 и, наверно, друг от друга, — фотографий не осталось.

Было очень похоже, что его клиентка воспользовалась готовым идентом, чтобы связаться с ним, он помнил, что она не дала ему руку, чтобы прочесть код, — но тогда она, наверно, потрудились бы отыскать себе имя, которое не заняло в компьютерном списке кучу страниц как принадлежавшее на протяжении веков множеству разных людей. Людей по имени Джером Роудс в списке было больше тысячи.

Загрузилась дополнительная информация. Поиск в первую очередь выдавал общедоступные записи, потом просматривал те закрытые файлы, в которые уже имелся доступ. Эта короткая информация пришла с его собственного файла, мастера контактов. Женевьева Дьедонне значилась там как лицо, контактировавшее с агентством Салли Роудс в 1999 году. Если только здесь не имела место какая-то тотальная омолаживающая хирургия, это не могла быть та самая женщина.

Его мать, как всегда, вела записи небрежно. Из примечания было неясно, была ли эта Женевьева клиенткой или информатором. Непохоже было, чтобы она что-нибудь заплатила, что было как раз в мамином духе. Слишком многие любители дармовщины обманом оставляли ее без оплаты за работу.

Ему тогда должно было быть лет пять-шесть. Он помнил те времена. Нил, мамин бой-френд, учил его, как нужно

вести поиск. Они даже ходили в пыльные бумажные библиотеки, чтобы поискать там. Это было начало его знакомства с инфо-миром.

Видел ли он тогда мисс Дьедонне? В первый момент вид клиентки вызвал у него смутную тревогу. Но это не могла быть та самая женщина.

Пыталась ли она что-то ему сказать, воспользовавшись именем, которое должно было быть в записях его матери?

По логике, он мог бы связаться со своей матушкой, отошедшей от дел и живущей в Корнуолле. Но пока он еще не хотел беспокоить ее. Он способен добыть информацию сам, и нечего сразу бежать к ней при первых же затруднениях. Она учила его рассчитывать на свои силы. Возможно, даже несколько невротически. Если какая-то особо ценная информация есть только у нее, в конце концов все выяснится.

Итак, его наняли, но не заключили контракта, поручив пойти призрака, имя которого он знал, для реальной, но анонимной женщины. Славная ирония. Он оценил ее.

У него было несколько изблюбленных портов для входа в инфо-мир. Обычно он обходил стороной те непрактичные сайты, которые клеймили нео и напрямую подключали к потокам голой информации, даже не утруждая себя хоть мало-мальскими сравнениями. Большая часть отловленных им призраков слишком многое узнала про своих живых прототипов по собственноручно созданным ими же самими инфо-воплощениям. Всех их отличала нездоровая сосредоточенность на себе самом.

Его всегда поражало, что помешанные любители стрельбок никогда не обращают внимания на окружающий их инфо-ландшафт, настолько они были поглощены процессом игры. Это было все равно что игнорировать звезды. Для Джерома в пейзажах инфо-мира было нечто захватывающее, волны и течения, подъемы и крушения. Он мог блуждать там до бесконечности, ничем не связанный, становясь единым целым с этим миром, позволяя ему протекать мимо и сквозь него.

Но на этот раз он хотел сойти за нео.

Он вызвал «Призрачную акулу» и поплыл в мир грез, на Многопользовательский Карнавал. Это была помесь базарной площади с игровой площадкой, где мошенники торговали вразнос сюрприз-пакетами, содержащими либо ценную информацию, либо бесполезную ерунду, как повезет, и на пути то появлялись, то исчезали горячие головы, занятые бесконечными дуэлями или оргиями.

По существу, это было место для маскарада и игр.

Чтобы работать здесь, он должен был не только ввести вымышленный идент, но еще и дать понять, что он — нео из домоседов, подключившийся к родительским портам, пузатое существо с атрофировавшимися конечностями, поскольку его жизнью стал вымышленный мир, а не уютная монада, в которой заперто его человеческое тело.

Он трансформировал «Призрачную акулу» из рыбы в автомобиль и двинулся в путь, надев узнаваемые плащ, маску, очки и ботинки доктора Тени, супергероя, все права на которого принадлежат «Лич интэрнейшил». Мальчишкой он обожал фильмы про доктора Тень, несмотря на то (а может, благодаря тому) что мама по необъяснимой причине терпеть их не могла (и все другое, что являлось продукцией Лича, тоже).

Образ доктора Тени был достаточно по-детски крутым, чтобы сойти здесь. Он видел, что большинство героев и героинь, богов и монстров, собравшихся на этом карнавале, были игроками-нео. Все женские призраки были неправдоподобно грудастыми амазонками, мимо них прогуливались типы с нарисованным на лицах холодным негодованием. Изгнанники выжимали из себя деньги за регистрацию и подписку на сайты. Инфо-мир радушно принимал фриков и психов, но, если вы не оплатите счет за телефон, вам закроют доступ сюда, навсегда изгонят в реальный мир.

У него даже хватило сообразительности обозначить этот хлипкий полуфабрикат как «Джонатана Чэмберса», секретный идент доктора Тени. Если его начнут усиленно разыскивать, он уберется отсюда, оставив после себя следы, характерные для пользователя-нео.

В качестве доктора Тени он скользнул в гулцу карнавала.

Мир грез был мрачен. Стаи диких подростков на бронированных мотоциклах выскакивали из толпы то там, то тут, обращая друг друга и свидетелей в облака пикселей, быстро восстанавливавшие первоначальный вид.

Воображаемые фигуры демонстрировали свои обнаженные прелести в подсвеченных неонем окнах, предлагая восемнадцать разновидностей не защищенного авторским правом сексуального доступа. Множество нео разорили своих родителей, позволив инфо-шлюхам прочесть их штрих-код и задолжав им невероятное количество денсг.

Как обычно, все это казалось глухим. Но, как обычно, с этого стоило начать.

Он миновал все предложения секса и скользнул в темные улочки, где прятались осведомители. Информация была здесь как воздух и вода, но ее можно было купить или продать, как и все остальное.

Над сценой загромыхала скороговорка новостей, заставляя дрожать нависающие карнизы и искусно нарисованных призраков. Собачья история разрасталась. Служба безопасности разработала инструкции по избавлению людей от потенциально опасных компаньонов или миньонов. Обитателей воображаемого мира предупреждали, что, если в реальном мире они находятся в одной монаде с собакой, им следует немедленно выйти из Сети и изолировать животное. Замелькали картинки из фильма ужасов: юзеры, для которых путешествие по инфо-миру окончилось перегрызенным горлом.

Бормотание окончилось. Изображение переулков перестало дергаться.

Информаторы кинулись врассыпную. Взмахнув призрачным плащом, он накрыл им ту, которая была ему нужна. Затрепетав, она попыталась высвободиться и благосклонно сдалась, изящно опустившись ему на ладонь.

— Привет, Тинк, — сказал он.

Мультишная фея подмигнула в знак приветствия.

Поскольку Дж. М. Барри отписал свой гонорар за «Питера Пэна» детской больнице «Грейт-Ормонд-стрит» и Старый Парламент своим актом утвердил за ней право на этот доход навечно, возникла проблема с авторским правом. После Мы-

пиных Войн инфо-мир был очищен от нелегальных воплощений героев Диснея, но компания Питера Пэна, с крохотными изменениями (утрата логотипа «WMD»), сумела уцелеть.

В свое время он увидел эту лазейку и оставил ее открытой. Так что Тинкербелл была обязана ему своей вымышленной жизнью.

— Что ты можешь рассказать мне про Семь Звезд?

Фея зажужжала и вспыхнула, будто крохотная фосфорная граната, и попыталась удрать.

— Это мне кое о чем говорит, — сказал он зловещим голосом доктора Тени.

— Есть пророчество, что пришествие Семи Звезд приведет к Коллапсу, — визгливо объявила Тинкербелл.

Версия Армагеддона для инфо-мира. Одна гигантская вилка, вынутая из розетки, и все сжимается в одну гаснущую белую точку. Несмотря на великое множество систем бесперебойного питания, суеверия множились, особенно после падения Ватикана. Слухи о Коллапсе ходили всегда.

— Где я могу найти Семь Звезд?

— Нигде, — проверещала фея. — Они тебя найдут. А после них — уже никто. Никогда.

Тинкербелл превратилась в светящуюся точку и исчезла.

— Но я верю в чудеса, — продекламировал он.

Даже здесь, вдалеке от реальности, он слышал собачью какофонию. Непрерывный лай, пробивающийся сквозь все шумоподавления, и глушители, и звуконепроницаемые экраны, действовал ему на нервы.

— Мама, — сказал он, — два имени. Желтевьева Дьедонне. Мимси Маунтмейн.

У Салли, его матери, был рассеянный вид.

Через коммсвязь доносился ужасный собачий шум. Она жила в уединенном провинциальном местечке, где животные играли особую роль.

Но имена попали в точку.

Салли Роудс перестала расхаживать по комнате и установилась, чтобы считывающее устройство смогло зафиксировать ее изображение. Он настроил проекцию, и ее трех-

мерный бюст — твердый, телесного цвета — очутился у него на столе.

Она коротко подстриглась и не красила седеющие волосы. Лицо ее было гладким без всяких подтяжек кожи. Она сложила губы для поцелуя, и он коснулся своими губами трехмерной проекции на столе. Оба засмеялись.

Потом мать кивнула ему, чтобы он сел.

— Когда-то я пыталась найти Мимси Маунтмейн для ее матери. И кое для кого еще. Ее мать была убита прежде, чем я смогла чего-нибудь добиться. Мне дали отбой. Дело закрыто. Насколько мне известно, эта окаянная девица больше никогда нигде не появлялась.

— А Женестьева?

— Она была частью долгой истории. И тоже искала Мимси.

— И все еще ищет. По крайней мере, кто-то под ее именем. На самом деле, это ведь не может быть та самая женщина?

— Блондинка, на вид около шестнадцати, легкий французский акцент, прячется от солнца, одета в старинном стиле?

— Похоже, это она.

— Если так, передавай ей привет. Это дело еще не закончено. Жаль, что я в нем не участвую.

— И я тоже.

— Чепуха. Ты должен быть сам по себе.

— Как вы встретились с Женестьевой?

— Она заговорила со мной. На Пэлл-Мэлл.

Мама произнесла это на старый лад.

— Ясно, — сказал он.

— Я искала нечто, именуемое клубом «Диоген». Они уже прекратили деятельность, но имели отношение к тому, что было связано с Мимси Маунтмейн. Это уходило в глубокие времена.

— Клуб «Диоген»?

— Точно. Нил раскопал кое-какую ерунду про него. Как обычно, ничего полезного.

Джером был заинтересован. Он попрощался.

- И себе тоже передавай мой привет, — сказала мама.
 - Ладно. А ты себе — мой.
- Они снова поцеловались и отключили связь.

Снаружи слышалась стрельба. Не перестрелка, какие случались около трех лет назад, во время последней из Религиозных Войн. На этот раз это была чередой одиночных выстрелов.

Джером повернул окно и осмотрел Аппер-стрит. Люди в защитных костюмах расправлялись с собаками. Они использовали стреляющие шприцы, одна доза в основание черепа. За ними следовала уборочная команда, собиравшая трупы. За множеством собак тащились поводки, и на всех были радиоуправляемые ошейники. Какие-то деперсонифицированные типы донимали служащих по борьбе с болезнями животных. Собачья эпидемия набирала ход, как будто неслышимый людям звук становился все более пронзительным, сводящим с ума. Начинали волноваться и другие виды животных, способные воспринимать звуки той же частоты, что и представители псовых.

Повсюду висели предупреждения — не приближаться и не пытаться приютить пораженных болезнью собак. В огромном количестве подборок «интересных историй из жизни» было полно предостерегающих рассказов про детей, растерзанных обожаемыми домашними питомцами. Клинически слепые люди, имсющие мыслесвязь со своими собаками-поводырями, сообщали, что у них в голове звенит от звука, и отметки цензуры на этих сообщениях наводили на мысль о том, что многие из этих слепых бедняг сами стали опасными и их следовало расценивать как членов уличных банд.

Вновь и вновь в новостных потоках подчеркивалось, что это глобальное явление. Глобальное.

Сколько в мире всего собак? Включая волков.

У него заныли зубы. Ему казалось, что он улавливает песьиный звук. Глазные яблоки беззвучно звенели.

Нсужели все чувствуют это?

У него не было настроения связываться со своими коллегами и выяснять. Вокруг собачьей истории, словно грибы,

выросло множество сайтов. Средства массовой информации запутывали любую полезную информацию. Чтобы отсеять экстремистов и выработать единую разумную центристскую позицию, понадобится некоторое время. Между тем домо-седы затаились по своим местам, а выходящие следовали ограничениям. Предполагаемые своды правил для перемещения в городах и перечисленных сельских местностях.

Пошла врезка новостей с других частотных каналов. Большая часть сообщений была связана с собачьей историей. Он знал, что это означает приближение тридцатисекундной рекламы, воздействующей на глубокое подсознание. Он сдернул наушник и заглушил Дьявольский Хор, заткнув уши пальцами. Совершенно ни к чему было подценить психозависимость от какого-нибудь нового аромата эктогамбургера.

Потом он снова надел его. Семь Звезд взяли на себя ответственность за происходящее. Их послание заканчивалось словами: «Что касается собак, то это скоро закончится».

Тут же пабежала куча экспертов, и хлынул поток мнений и предположений. Он отключился от всех видов доступа и попытался подумать.

Когда один из его глубоких поисков увенчался успехом, Джером подумал, что кто-то, должно быть, пытается подшутить над ним.

Он получил адрес Мимси Маунтмейн. Предполагалось, что она полная домоседка, лежащая больная на полном жизнеобеспечении. Она обитала на Мэлл. Его клиентка встречалась с ним возле здания, в котором жила отслеживаемая им жертва.

Собачья история постоянно отвлекала его. Трудно было пробиться сквозь нее к той информации, что его интересовала. Она путалась под ногами и затаптывала следы на всех остальных тропах. То же самое происходило во время Религиозных Войн.

Повсюду принимались законы о чрезвычайном положении. Держать собак было теперь запрещено. Были разработаны программы безболезненного умерщвления. Некоторые

из наиболее либеральных организаций просто «изымали» животных и пытались «лечить» их.

Поскольку у Джерома собаки не было, его это не касалось. Собачья история просто попадалась ему на пути.

Он все больше нервничал.

Он пытался снова связаться с Женевьевой, но по указанному ею адресу в Брикстоне не существовало линии обратной связи. Узел, которым они пользовались для связи, прекратил свое существование, и оплата за его создание и закрытие полностью пошла в счет его издержек.

Он позволил ей увидеть свой штрих-код. Должно быть, у нее было какое-то скрытое считывающее устройство, возможно, Глаз.

Выходило, что его клиентка была призраком.

Он видел ее во плоти. Она была настоящая, не проекция какой-то неведомой ерунды вроде Тинкербелл.

А теперь она исчезла.

В облике доктора Тени он вернулся на карнавал. Похоже, вечеринка шла к концу. Собачья история почему-то повергла инфо-мир в смятение. По крайней мере, было похоже на то. События в реальном мире заставили пользователей дружно выходить из мира выдуманного, информационные каналы пустели. Отлично. Это все упрощало.

Теперь он разыскивал Женевьеву Дьедонне.

1893—1962 — это не ее. Впрочем, есть еще 1416—1432. В этих цифрах что-то есть. Той Женевьеве было не больше лет, чем можно дать сейчас на вид.

А что насчет 1902 и 1942?

Он просматривал архивные сайты, незамеченным шпионом пробегая по иконкам и порталам. Сюда мало кто заглядывал, кроме академических исследователей. Нео интересовались только настоящим, бурными волнами текущего момента. А крупные корпорации использовали сбалансированные результаты распрей между кляузными торговцами разоблачительными материалами и теми, кто старался эти материалы скрыть.

Он продвигался в прошлое по почти пустому каналу. Вдоль его пути выстраивались дома, относящиеся к все бо-

лее и более ранней архитектуре, все с закладными камнями с написанным на них годом. В этих домах хранились записи.

В ших про Женевьеву не нашлось ничего. И ему пришлось закинуть сеть поглубже. Он дал поисковикам задание найти клуб «Диоген». Большинство их попыток разбилось о барьеры секретности, пробудив все разновидности официальных предостережений. Он получил предписания о необходимости отказаться от поисков, но никто из наблюдающих за их выполнением до него не добрался ни внутри инфо-мира, ни вне его. Комиссии по исполнению предписаний были слишком заняты собачьей историей.

Теперь, во время кризиса, был самый удобный момент.

Он боролся против ощущения дежа-вю, стоя перед таким же зданием, которое вчера утром видел в реальной жизни. Тогда он гадал, почему его еще не поглотили магазины. Теперь он знал, насколько важна его роль.

Там даже стояла скамья, похожая на ту, на которой он встречался со своей клиенткой. На ней лежал информационный пакет, перевязанный широкой голубой лентой.

Он разглядел подарок. Это запросто могла быть ловушка. Он распаковал пакет. Внутри был код. Он ввел его в слот, и дверь клуба «Диоген» отворилась.

Внутри качество мимикири улучшилось. В качестве доктора Теги он оказался в клубе для джентльменов. Он слышал шелест газет, осторожные шаги слуг. Он вдыхал запах дыма от разных сортов табака и старой кожи на креслах в клубной комнате.

Служитель провел его навстречу.

Помещение Тайного Совета было заброшено. Все здесь было затянуто паутиной, закручивавшейся между кресел, и столов, и стоек, и пюпитров для карт. Он проходил сквозь паутину, не разрывая нитей. Все вокруг легонько искрилось.

Кто-то зажег газовую лампу, и темнота рассеялась. Это была крепко спеленатая мумия, по очертаниям человеческая,двигающаяся очень ловко. Глаза мумии сверкали. Это были крохотные экраны. На них мелькали красные цифры.

Там были и другие. Человек с собачьей головой, в широком древнеегипетском воротнике. Актер, Джон Бэрри-

мор. Пересбинтованная женщина-инвалид в похожем на кокон кресле-коляске; ее голову поддерживал кожаный ошейник. И некий красный предмет, драгоценный камень, сияющий ярко, как звезды.

Семь Звезд.

Разумеется, все эти люди были воплощениями одного существа. Одного разума.

Он снял очки и позволил своему подобию стать самим собой.

— Мы догадываемся, что вы тут ни при чем, — сказал Барримор. — Вы стали жертвой чьей-то шутки.

— Меня послали искать того, кто, похоже, вовсе не терялся.

Все лица Семи Звезд разом улыбнулись. Даже камень.

— У нас есть возможность возместить вам убытки и защитить ваши интересы. Во изменение вашего прежнего задания мы хотели бы хорошо вам заплатить, чтобы вы выяснили местонахождение вашего прежнего нанимателя, неумеренной мадемуазель Дьедонне.

— Интересно, — сказал он.

У него был адрес, из реального мира. В архивах фирмы еще хранились бумажные записи его матери, и понадобилось всего лишь около часа, чтобы отыскать заметки, отложенные на хранение Нилом после того, как расследование 1999 года было закрыто. Там была записка с выражениями личной признательности, красивым почерком написанная на листке фирменной почтовой бумаги, и подпись — «Жени». Не выходя в инфо-мир, он убедился, что номер в частной гостинице в Кенсингтоне по указанному адресу все еще занят. Это был атавизм, возвращение к детективным методам его матери. Он даже не позволил себе установить коммсвязь, поскольку при этом в инфо-мире оставался след, отмеченный флажками. Он воспользовался распечатанными на принтере картами и отправился через весь город, избегая собак и бригад по их эвтаназии, чтобы расспросить живого портье.

Отель не был зарегистрирован. Джером выяснил, что он был куплен — за наличные — примерно в начале века. Подпись с фантомной линии связи подразумевала, что это собственность покойной леди по имени Катриона Кей, которой

по бессрочной доверенности управляет адвокатская контора и которая остается открытой в соответствии с завещанием мисс Кей.

На самом деле это было убежище.

Вампирский гроб, невидимый инфо-миру.

Он даже не мог бы потребовать платы за блестящий анализ. Женевьева дала ему свой адрес — в записке, датированной 1999 годом, было упоминание о нем, — и все, что он сделал, это удостоверился в его правильности.

— За обнаружение мадемуазель Дьесдонне мы заплатим сумму, равную вашему совокупному доходу за последние пять лет.

Это сказала мумия.

Это решило дело. Он был все еще зол на Женевьеву, но все-таки еще недостаточно, чтобы предать ее.

Но коммсвязь могла выдать их.

— Я подумаю об этом, — сказал он Семи Звездам. — Сбор и подтверждение нужной вам информации займет некоторое время.

— Прекрасно, у вас есть один час.

Джером отключился и прервал доступ.

Реальный мир звенел голосами умирающих собак.

Он был в шоке. Внезапный выход из вымышленного мира был встряской для организма, от которой предостерегали все справочные программы. Но и осознание случившегося тоже было достаточным ударом.

Его едва не провели.

Теперь он должен тащиться через весь реальный Лондон. В городе действовал суровый комендантский час. Все транспортные службы, перевозящие людей, надземные и подземные, приостановили работу. Группы собаколюбов собирались вместе, чтобы противостоять бригадам по уничтожению, усиленные деперсонифицированными лицами, готовыми бунтовать по любому поводу, и уже вспыхнули потасовки на Сент-Джеймс-парк и Оксфорд-стрит. Ему придется обойти их стороной.

Он не мог поехать на машине, поскольку пришлось бы загрузить маршрут поездки в автомобильный компьютер и

он был бы зарегистрирован в инфо-мире. В подвале у него все еще валялся последний из велосипедов, на которых он катался в детстве. Его отец, умерший еще до его рождения, был рассылным велосипедистом, и у него возникло ощущение, что, колеся по тропинкам или дорогам, он как бы посылает сигнал «Я здесь». Туда направился Джером, отдавая на свой собственный манер дань человеку, которого никогда не знал.

Он составил в уме маршрут, петляющий мимо горячих точек, с несколькими хитрыми поворотами, чтобы запутать след и отделаться от любого, кто, возможно, последует за ним.

Прежде чем выйти на Аппер-стрит, он снял напудрик и оставил его на столе у двери. Потом проверил, нет ли на нем других приспособлений со знаком инфо-мира.

Это было похоже на то, как если бы научившегося летать заставили снова ходить. Но в существовании без крыльев был свой смысл.

Он поехал по улице. Все оставшиеся в живых лондонские собаки выли. Ему припомнилось выражение из начала века, которое любил Нил: жизнь есть жизнь.

Она ждала его перед отелом, волосы сияли на солнце, не страшась его лучей. Сердце его упало, и он разом продрог.

— Жизнь есть жизнь, — едва ли не извиняясь, сказала она.

Сегодня она была без шляпы, плаща и очков. Да это же почти наряд доктора Тени, сообразил он.

— За вами следили живые люди, а не только поисковые машины.

— Значит, вы знали, когда просили меня отыскать адрес...

— Мы просто хотели посмотреть, вписывается ли вы в общий рисунок. Мы уже сталкивались с несколькими людьми вроде вас. Почти генеалогическое древо. Мы научились разбираться в вас. Вы подпитывались от нас.

— Вы не Женестьева?

Она покачала головой:

— Нет. Конечно нет. Хотя я похожа на нее. Она не была ни моим отцом, ни матерью, но оставила в моей матери частицу себя, что-то, что сделало меня такой.

— Вы говорите о себе в единственном числе.

— О да. Я Мимси.

Он был прав. Слишком поздно.

— Но *мы* — это Семь Звезд.

— Женестьева здесь?

— Да. Она внутри. Наверху.

Он повернулся, чтобы идти в отель.

— Кстати, — сказала Мимси, — остерегайтесь собак.

Из отеля доносились завывания всех лондонских собак разом. На ступенях валялось наполовину зажатое вращающейся дверью тело в шлеме и изодранном защитном костюме.

Воспользовавшись боковой дверью, он вошел в фойе и обнаружил остальных членов бригады по усыплению, вперемешку с собаками, живыми и мертвыми. Он схватил стреляющий шприц и увидел, что тот разряжен. Мимси следовала за ним. В помещении она продолжала сиять. Красный огонь, горящий у нее в груди, пробивался сквозь просвечивающую плоть и тонкую материю. Сверкали пятнышки звезд, твердые вкрапления на фоне более мягкого света. На нее было трудно смотреть.

Собаки не обратили внимания на нее, но кинулись на него.

Они были слишком поглощены собственной болью, чтобы сосредоточиться на нападении, но все же, пробиваясь по парадной лестнице, он получил слишком много щипков и укусов.

Он отшвыривал собак прочь.

На площадке второго этажа на него зарычал гигантский ротвейлер, специально увеличенный миньон для охраны. У него были стальные зубы, возможно ядовитые. На его выпуклом лбу выступили жилы. Обезумевшие, налитые кровью глаза превратились в желе.

Он напрягся, ожидая последней атаки.

Что-то взорвалось внутри собачьего черепа. Из его глазниц потекла жидкая серая каша. Пес упал, как снятая с шток марионетка.

Джером почти мог слышать этот убийственный звук. Кости его черепа со скрипом терлись друг о друга. От давления закладывало уши, болели барабанные перепонки. Вся голова была налита болью, пульсирующей под скулами, вокруг глаз, в основании черепа.

Собаки кидались к нему и падали. Черепа взрывались, словно бомбы, разбрызгивая кровь и мозги по выцветшим обоям в цветочек.

Он уцепился за перила и дотащился до следующей площадки. Мимси рядом с ним перепрыгивала через ступеньки, происходящее никак ее не затронуло. Ее глаза были такими же красными экранами, как у мумии. То воплощение было ближе всего к ней.

— Это только первая из них, — сказала она ему. — Из новых казней. Это проклятие собак.

Дверь в номер была открыта. На пороге лежал мертвый человек. На нем был черный комбинезон, а на лбу — знак Семи Звезд. Ему разорвало горло какое-то животное, несколько более разборчивое, чем собаки. Точными укусами у него были перегрызены вены.

— Один из моих, — признала Мимси. — Старушка все еще способна укусить.

Он пытался уравнять давление внутри головы, открывая рот и заставляя себя отчаянно зевать. Это помогало лишь на миг.

— Не беспокойтесь, — сказала Мимси. — Казнь скоро окончится.

Она подняла пускающего пузыри пекинеса и легонько хлопнула его по подбородку. Череп маленькой собачки пульсировал, будто яйцо, из которого вот-вот вылупится цыпленок. Она отвернула его мордой от себя, и собачьи глаза выстрелили гейзерами жидких мозгов.

— Фу, — сказала она, отбрасывая мертвое существо.

Он переступил через человеческое тело.

На кровати, занавешенной пологом на четырех столбиках, лежала измевшаяся сестра-близнец Мимси. Это была настоящая Женева, выгнувшаяся дугой, будто натянутый лук, когтистые пальцы на руках и ногах впились в

разорванные простыни. Она металась из стороны в сторону, взмахивая длинными волосами. Ее окровавленный рот был полон длинных острых зубов. Глаза ее были красными, но не похожими на светодиоды.

На ее висках вздувались жилы.

— Она не человек, бедняжка, — сказала Мимси. — Она способна слышать то же, что и собаки.

Джером хотел подойти к кровати, но Женевьева прорычала ему, чтобы он держался подальше. Он решил, что она не доверяет себе и не уверена, что не бросится на него.

— Если она не человек, то кто вы?

— О, я полностью человек, — сказала Мимси.

— Вы в единственном числе. А как насчет вас во множественном?

— Семь Звезд, — сказала она, оттягивая вниз ворот платья и демонстрируя красный огонь, пылающий у нее под ребрами. Он разгорался все ярче по мере того, как нарастал неслышимый звук.

Вопли собак загихали, один за другим.

Мелкие предметы на прикроватной тумбочке задребезжали. Эти вибрации пронизывали насквозь Джерома, отель, город, мир.

Плоть Мимси расступилась, когда камень поднялся на поверхность. Он остановился у основания ее шеи.казалось, он говорит.

— Мы пришли издалека, — сказал камень. — Мы -- Носитель казней.

Мимси заговорила в последний раз.

— Подумать только, — сказала она, — через минуту собаки станут вымершим видом. И вампиры.

Вой разом прекратился.

Все собаки были мертвы. По всему миру собачьи мозги взорвались в их головах.

Джером подбежал к кровати и взял Женевьеву за руку. Сила ее хватки не удивила его. Он заглянул в палитые кровью глаза, надеясь на ответ.

Существо, расхаживающее в теле Мимси Маунтмейн, заливало комнату кроваво-красным светом.

Глаза Женевьевы вылезли из орбит.

Теперь он слышал сводящий с ума жалобный вой на инфразвуке.

По лбу Женеьевы от висков поползли трещины, сочащиеся кровью, змеями исчезающие в волосах. Ее разинутый рот скалился полукруглыми зубами.

— Ты Джером, — выговорила она сквозь муку. — Ты все, что осталось.

Кровавые капли, величиной с жуков, медленно катились из ее глаз, ушей и носа.

1416—2025?

Она села в кровати; последняя вспышка смертоносного излучения прошла сквозь нее. Голова ее с треском раскололась. Окровавленные волосы хлестнули его по лицу, и она обмякла, как тряпичная кукла.

Вой прекратился, осталась лишь опешеломляющая тишина.

И в этой тишине мир продолжал сходить с ума.

Он обернулся. В глазах у него было красное. Семь Звезд вышли из комнаты.

НИЛ ГЕЙМАН

Био-вольф¹

Лоренс Тальбот

Лоренс Тальбот -- это, разумеется, имя персонажа, которого блистательно сыграл Лон Чейни-младший в фильме «Человек-волк» (*The Wolf Man*), снятом в 1941 году на студии «Universal», и в его продолжениях -- «Франкенштейн против Человека-волка» (*Frankenstein Meets the Wolf Man*, 1943), «Дом Франкенштейна» (*House of Frankenstein*, 1944), «Дом Дракулы» (*House of Dracula*, 1945) и пародии «Эббот и Костелло встречают Франкенштейна» (*Abbott and Costello spoof, Meet Frankenstein*, 1948, реж. Ч. Бартон).

В первом фильме Тальбот, отпрыск знатного европейского рода, возвращается под отчий кров, в поместье, расположенное в узнаваемо-голливудских декорациях Уэльса. Скорбя о смерти старшего брата, Тальбот встречает теплый прием со стороны отца, сэра Джона (в исполнении Клода Рейнса). Однако, когда Ларри пытается спасти местную поселянку от нападения цыгана-оборотня, тот успевает нанести герою роковой укус, прежде чем Ларри насмерть забивает его своей тростью с серебряным набалдашником.

Теперь Ларри сам превратился в оборотня и вынужден осознать, что даже тот, кто сердцем чист, волей судьбы может превратиться в волка, когда восходит полная луна и проклятие настигает его...

Герой Нила Геймана, оборотень-киллер Лоренс Тальбот, впервые появляется в рассказе «Просто опять конец света»

¹ Оригинальное название стихотворения «Bay Wolf» и, конечно, представляет собой красноречивую переключку с эпосом «Бсовульф», в котором также идет речь о битве мифических могучих чудовищ. — Прим. пер.

(Only the End of the World Again), вошедшем в антологию «Тени над Иннсмутом» (Shadows Over Innsmouth, 1994). Эта история в духе Лавкрафта посвящена выслеживанию Глубоких¹, — только Тальбот, детектив-оборотень, в силах предотвратить возвращение Старших Богов. Мы предлагаем вниманию читателя стихотворение в прозе, написанное Нилом Гейманом специально для этой антологии. Тальботу вновь предстоит сразиться с мифологическим чудовищем, только уже в наши дни.

Рот сказал:
«Вот что, Тальбот, кто-то людей моих мочит. Выясни, кто, и разберись. Пресски».
Голос его рокотал в телефонной трубке, как в ракушке море рокошет.

Я отвечал:
«Взять и пресечь? Разобраться? Как это?»

Рот отвечал:
«Дело твое. Мне важно одно лишь: чтобы после разборки убийца не ушел как ни в чем не бывало. Ну, ты меня понял».
Я его понял. Вот так я был нанят.

Слушайте дальше. Вся эта заварушка была в Лалаланде, в две тыщи двадцатых. Гар Рот в Венис-Бич всем заправлял. У него под началом ходили и сутенеры, и девки, и просто бандиты. Долю имел в наркоте и стероидах. Крут был мужик. Это-то чуяли все и его обожали — грудастые шлюхи, качки и задастые парни, все в коже. От Малибу до Лагуны не было круче Гар Рота. Дань собирали ребята его регулярно. Он, говорю я, на побережье был главный — никто не оспаривал это. Многим владел: его казино, и отели, и бары. Чем не владел, то окучивал: все под Гар Ротом ходило. Выстроил на побережье Гар Рот заведение — там

¹ *Глубокие* — демоические существа из так называемого пантеона Ктулху. Обитают в водных глубинах.

и наслась пляжная вся эта кодла. Клуб, дискотека, ну и наркотики, видно, опять же.

Что говорить, этот город молился на плоть, и уж где-где, а в клубе Гар Рота плоти было с избытком. Круглые сутки гуляли — кололись, курили и пили. Музыка так грохотала, что даже в костях отдавалась. Тут-то неладное и началось: пачками гибли. Кто убивал и зачем, неизвестно, — однако убийства те были жестоки. Кто-то, незримо прокравшись на пляж, колот черепа как гнилые орехи, вспарывал жертвам своим животы, кишки выпускал, обрывал руки-ноги, откусывал груди и члены. В шуме прибоя и грохоте музыки — кстати, в тот год почему-то самый тяжелый «металл» снова был в моде, — криков никто и не слышал, трупы ж потом находили, да опознать удавалось отнюдь не всегда их. Жертв выносило на берег — утащенных ранее в воду. Всегда спозаранку. Рот порешил: ему мстят по наркоте конкуренты. В клубе удвоил охрану, снаружи — устроил, камер везде понатыкал. Катер кружил круглосуточно неподалеку — подкарауливать убийцу. Снова пришел он — а может, она или они, — и никто их не видел. Ни на одной из видеопленок — а камеры были повсюду — не разглядели и тени. Жертвы опять были просто растерзаны в клочья.

Что это было, что несло эту смерть, никто так и не понял. Ясно одно: человек ли то был или дьявол — все едино, тошнотворно жесток. Кровь и кишки на песке, и неузнаваемые лица. У женщин из подновленных пышных грудей вырывало оно вставки из силикона. Что у мужчин отрывало, вы сами поймете. Те, кто стероиды колет, похвастаться мышцами может, но гепиталии эта продукция портит, они уменьшаются и обвисают. Их-то убийца качкам отрывал. И валялись на пляже рассветном — нет, не медузы, не звезды морские, а плоти комочки.

Рот вне себя был: уже не узнать ни клуба, ни пляжа. Взял телефон, позвонил мне. Мы договорились о встрече.

Что ж, я пришел. Вокруг Рота дрыхли вповалку парни и девки — как на подбор, красивые шлюхи обоего пола.

Перешагнув их, я тронул его за плечо. И тотчас же замер на месте — я был под прицелом. Добрый десяток стволов мне нацелили в сердце и в голову Рота громилы.

«Эй, — говорю, — вы чего? Я не монстр. Вернес, не ваш, если точно. То есть я монстр, но только не ваш я пока что».

Взял мою карточку Рот.

«А, — говорит он мне, — Тальбот. Киллер ты и детектив, и с тобой мы перетирали пашчет кое-каких нсполодок?»

«Да, — отвечаю, а сам все кошу под крутого. — Я неполадки любые улажу. Были бы бабки. Так что ж, по рукам?»

«Бабки? Конечно. Скажи, сколько надо, — заплатим. Заметано. Дальше. Ты их боишься — убийц? Я так думаю, мафия это. Или они китаёзы, или же евроизраиль».

«Нет, не боюсь никого, — отвечаю. — Чего мне бояться?»

Ротовы люди прижукнулись как-то, ходили как тени. То есть на месте стволы у охраны и титьки у девок, но поглядел бы на них я до всей этой кашни. Жалко, что клуб не в расцвете теперь, а в упадке. Я б поглядел. Поучаствовал. Не отказался б.

Я приступил к исполнению плана, но сути Роту не выдал. Как и всегда, тусовка открылась с закатом. Ну, запустили дэт-метал на полную мощность — честно скажу, у меня прямо шерсть встала дыбом. Ну и паршивая музыка, Роту я буркнул. «Ты, видно, старше, чем кажешься», — он отвечал мне. Пальмы на пляже от рева в искуге дрожали — ну и динамики в клубе у Рота, однако.

Разоблачившись, я спрятался быстро на пляже — ловко за дюной укрылся и стал караулить. Вечность прождал, а в колонках все грохотало. Так до рассвета. На завтра опять. Так круглые сутки. Безрезультатно.

И Рот на меня как наедет:

«Где твои люди, урод? За что тебе бабки плачу я? Только ночами и видно на пляже, что шавку. Крупную, да, — это, что ли, и есть твои люди?»

Я ухмыльнулся в ответ и ему отвечаю: «Тихо пока. Я каждую ночь караулю. Я никого не видал, да и жертв вроде нету. Так что остынь».

«Это мафия, знаю я точно, — Рот заявил. — В натуре, Евроизраиль. Им никогда я не верил, и правильно делал».

Третья по счету ночь наступает. Я вновь затаился. Что за луна в небесах — кровавая клякса. Нет никого на пляже, прибой на песок набегает. Парень и телка неподалеку резвились. Девка хихикала, задницей голой сверкала. Оба литые, упругие, просто картинка. Видно, под кайфом, но в меру, не слишком. Брызгались, падали в воду, лизались, сосались. Трахаться начали, ржали, как дикие кони, урчали, как кошки. Тошно смотреть, да и только — а слышно и видно прекрасно. «Тальбот, а, Тальбот, скажи, а зачем тебе уши такие — острые и пребольшие?» — «А чтоб лучше слышать». — «Тальбот, а, Тальбот, в глазах у тебя отчего огонечек мерцает зеленый?» — «Чтоб лучше видеть...» — «Убийцу пока что не вижу». — «Не идиот он, конечно, сюда сжевнощю являться — рискованно слишком».

Парень и телка в песочке валяются мягком. Что за досада: таким достается дар смерти! Только подумаю, сердце мое разрывается прямо. Первой она завизжала. Луна так ярко светила — ясно я видел, как тело под воду сползает. Но кто его тащит? Парень не стал дожидаться, вскочил и дал деру. И на ходу обмочился — в лунном свете струя засверкала. Он выл и бежал без оглядки.

Медленно вышло Оно из воды, ступая разлаписто, тяжело. Просто как в фильме плохом, мне подумалось тут же. Задние лапы в песок упирались. В передних мертвое тело. Точно, та девка — вон загорелые руки и ноги. Слюни наполнили пасть мне от жажды папрасной.

Тут и чудовище зубы свои показало. Клад — откусило лицо оно вмиг у девчонки. Как же все просто, подумалось мне, как все быстро. Клад — и уже человека не стало, лишь

мертвое мясо. Мертвое мясо. Пока еще теплое мясо. Ну а затем разложение на элементы...

Топот и вопли. На шум уже мчались из клуба люди Гар Рота, стволы свои в монстра нацелив. Пушки-то пушками, только на лицах их — страх, ужас читался на лицах у них первобытный. Выстрелить, впрочем, никто не успел — чудовище их похватало, точно щенят, и вспороло от паха до шеи. Шлеп на белый песок — и алая кровь в лунных лучах побежала.

Вижу, идет Оно дальше, верней, ковыляет Оно неуклюже. Плавать привычней ему, я это сразу заметил. Лапы зеленые все, в чешуе, в перепонках. Вдруг как разинуло пасть и завыло: «Мамочка, мама, ты видишь, я у тебя молодчина!»

Ну и мамаша у этого типа, решил я. Нет, не представить себе мне себе, как ни тужься. Тут я услышал — Гар Рот матерится с террасы:

«Тальбот, так тебя так, ты куда запропал-то?»

Я потянулся, и шумно, всласть я зевнул, облизнулся, клыки выставляя. Наперерез живоглоту я выпшел спокойно — голый, как был, и сказал ему:

«Эй, погоди-ка».

«Кто это там свою пасть на меня разевает? Что ты растявкался, шавка? Допросишься, я тебе пузо мигом вспорю и кишки по песку раскидаю».

«Ай, как невежливо, где твои, братец, манеры?»

«Что ж, меня Алом зовут — Великим, запомни. Ты-то кто будешь? Каких? Из какой копуры или будки? Тявкай погромче, блохастый, а то не расслышу. Впрочем, щенок, что бы ты мне сейчас ни протягивал, будешь кишки свои жрать и песочком закусишь».

«К бою готовься, — сказал я. — Ублюдок зеленый».

«К бою? — Он рыкнул. — А с кем? Кто меня вызывает?»

«Я, — отвечаю. — Я страж, охраняющий берег. Я стерегу на пороге, вот мое дело».

Нет, он не появился, чешуйчатый, лишь тупо он выкатил бельма. Что тут таить, на миг его жалко мне стало.

В это мгновение луна из-за туч показалась. Как я завыл — она в небесах содрогнулась.

В лунных лучах чешуя его мокро блестела. Лапы свои он занес и выпустил когти. Зубы ощерил, любого клинка поострее. Кинулся, целя клыками мне в самое горло.

Что он успел? Охнуть успел удивленно. Сило успел он сказать: «Ты что, да ведь это нечестно!» Больше он не говорил, — я оторвал ему лапу и бросил подальше. Когти скребли по песку, она дергалась — крабом, лангустом. Я не смотрел на нее — я погнал его к морю. Как он бежал! Как он несея! Как кровь из раны хлестала! Я лишь отпнулся, в рот соленой воды набирая. Ну уж и кровь у чудовища, вони-то, вони! Мигом нырнул я за ним в беспокойные волны.

Глубже нырнул он — я не отстаю, хоть мне худо: кровь молотками в ушах, разрывается грудь и сознание мутится. Он все быстрее гребет, я за ним неотступно. Так мы доплыли до страшного места — до нефтяного разлива. Вышка стояла тут, рухнула и затонула. Только остов ее ржавый торчал над водою. Здесь-то чудовище смерть и настигла в итоге.

Здесь Ал, наверно, родился, и здесь его логово было. Что ж, я убил его? Нет, не совсем. Он и так, издыхая, весь кровоточил, когда я загнал его в море. Я приближаться все медлил — сдавалось мне, кровь у него ядовита. Вижу — когчается. Дал ему в морду. Клычище вырвал один у него — на удачу, — зашатавшийся сильно.

В это мгновение она на меня налетела. Вихрь из когтей и клыков, и яростней бури.

Стоило ль мне удивляться? У чудница мать оказалась. Что же, ведь каждого мать на свет народила. Просто кого ли возьми — у всех своя мама имелась.

Эта явилась оплакать сына. Отомстить мне. Что говорила? Представьтс: «Ах, как же могли вы! Это жестоко, ужасно, кошмарно жестоко!» Пала на грудь ему, гладила жуткую морду, стенала. После мы с ней поболтали — искали общие темы. И пашли их.

Дальше что было над трупом? На ржавой конструкции в море? Что надо, то было. Не любопытствуйте, нечего — ведь то наше дело, и точка. Отпрыска я умертвил ее, так иль иначе. С ней я мог сделать, наверно, что пожелаю. Это и сдлал. Желание было взаимно.

В волнах катались, друг друга терзали до крови. И под когтями моими ее чешуя облетала. Зубы мои ей в загривок вливались.

Трах-тибидох. Как мир стара эта песня.

Где-то под утро из волн на песок я, пятаюсь, ступаю. Рот терпеливо меня поджидал до рассвета. Голову чудища я ему под шог бросил. Белый песок палил на раскрытые бельма.

«Вот кто покоя вам тут не давал, — объявил я, — и мертв он». Рот мне в ответ: «Что же дальше?»

«Гоните монсту».

«Так на кого он работал, по-твоему? Тальбот, под кем же ходил он? Мафия, нет?» — «Он соседом вам вссм приходился. Шум раздражал его, видно. „Мстэлл“, понимаю». — «Думаешь?» — «Знаю», — сказал я, на голову мертвую глядя. Звук под водой ведь в сто раз раздается сильнее. «Ладно, откуда он взялся?» Устало влезая в одежду, я прошептал: «Мясо его привлекало. С приправой из травки и с прочим». Рот понимал, что я вру, но чем ему крыть, ведь от волка правду услышать рассчитывать нечего. Где уж.

Я на песок опустился, на мягкий и белый. День занимался, и небо приметно светлело. Я все смотрел и смотрел на восход и не щурился даже.

Думал о том, как и когда же я встречу конец свой. Думал о собственной смерти, о собственной смерти.

КИМ НЬЮМАН

Семь Звезд

ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ ДУЭЛЬ СЕМИ ЗВЕЗД

Женевьева Дьедонне

Урожденная француженка, Женевьева Дьедонне была дочерью врача, жившего во времена Столетней войны. Обращенная Темным Поцелуем Жюль Шанданьяка, она стала вампиром особой породы.

Первая версия Женевьевы появилась в книгах Кима Ньюмана из серии «Вархаммер» — «Дракенфелс» (Drachenfels, 1989) и «Женевьева Неумершая» (Genevieve Undead, 1993) и в новелле «Красная жажда» (Red Thirst, 1990), все под псевдонимом Джек Йовил. Вторая — и наиболее реалистично написанная — является действующим лицом в романах «Анню Дракула» (Anno Dracula, 1992) и «Слезный суд» (Judgement of Tears, 1998).

Женевьева, которая появляется в «Семи Звездах», на данный момент была лишь мельком замечена в «Большой рыбе» и «Тенях над Иннсмутом». Если обратите внимание, у них у всех разные вторые имена. Есть и еще одна, из рассказа «На воздухе» (In the Air), вошедшего в книгу Юджина Бирна и Кима Ньюмана «Назад в USSA» (Back in the USSA, 1997).

Как с готовностью признает автор, он играет в старую игру Майкла Муркока с многовариантными вселенными, проследившая альтернативные жизни своих персонажей в более или менее отличающихся друг от друга мирах. Состоящий из нескольких частей цикл «Семь Звезд» — попытка сплести воедино как можно больше судеб, подобно роману «Жизнь — лотерея» (Life's Lottery, 1999) с его множественностью выбора.

Потрясение смерти. Может, для нее оно сильнее, после стольких лет? Что бы там ни говорилось в документах, она не совсем умерла в свои шестнадцать лет. Она просто перестала быть человеком.

Молодой человек поддерживает ее. Она хочет его крови.

Шум в ее черепе разом обрывается. Красная пелена на ползает ей на глаза. Боль кончается.

Небытие.

Застывшее мгновение. В музее. Она смотрит на мужчину, который разглядывает мумию. Его лицо отражается в стеклянной витрине. Ее — нет. Но он чувствует ее, оборачивается. Думает о псй. На миг.

В другой жизни...

Женевьева Сандриш Изольда Дьедонне. Женевьева Бес-
смертная, дочь врача Бенуа Дьедонне, темная дочь Шанданьяка из кровной линии Мелиссы д'Акку.

Для нее все кончено.

Она во тьме, бесчувственная. Возможно, в облике женщины. Или чего-то неподвижного, сарсена¹, дерева. Она ничего не видит, но она чувствует.

Здесь есть и другие. Они не ждали ее, но принимают, узнают ее.

Пятеро других.

Она знает, что когда-то они тоже были живыми. И в этот миг она принимает свою окончательную смерть. Пятеро стали теперь шестерыми. Они тянутся к ней, не физически. Она знает их, но их имена не приходят на ум.

И ее собственное тоже.

Всё шестеро сияют. Наконец она познает истинную любовь.

Однако еще не до конца. Шестеро должны стать Семерыми. Счастлирое число семь.

Потом...

¹ *Сарсены, сарацинские камни* — огромные валуны в Южной Англии. Считают, что кельты использовали подобные валуны для совершения языческих обрядов.

Красный свет.

Сознание возвращается и остается. Она может думать, помнить, мысленно представить себя, окружающий мир. Она чувствует свое тело. И еще боль и тепло.

Она не умерла. Пока еще нет.

Она одна. Пятеро ее товарищей исчезли. Сердце ее ноет от утраты. Глаза туманят слезы.

Струйка крови у нее во рту. Молодая кровь, пряная, острая. Она растекается по ней, разом пробуждая ото сна. Ее острые зубы царапают язык. Все новая кровь льется ей в рот. Она слизывает ее, с вновь проснувшейся красной жаждой, и чувствует, как прибывают силы.

Ее ночные чувства вернулись к ней. Она остро ощущает шершавость хлопчатобумажной сорочки, надетой на ней, и исходящих от нее запахов.

Больничные запахи больно жалят ее.

Она не может сесть. Голова ее зафиксирована на месте при помощи какого-то хитроумного сооружения из стальных зажимов и пластиковых трубок. Она поводит глазами и видит, как по этим трубкам течет в нее жидкость.

Внутри нее какой-то чужеродный предмет. Там, где была последняя боль, она чувствует неорганическую пластину, заплату поверх остатков ее лопнувшего черепа.

Она пытается поднять руку к голове. Ей мешают прочные пластиковые наручники. Она дергает сильнее, и пластик лопается.

Кто-то берет ее за руку.

— Я вижу, силы возвращаются к вам.

Тревожащий звук.

— Вы в Пирамиде, — говорит ей молодой человек. Он не врач. Его лицо знакомо ей. — В лондонском Доклендсе, в том, что от него осталось. В Международном доме Дерека Лича. Кое-кто из сотрудников называет его последним редутом.

Этот молодой человек — Джером, сын Салли Роудс.

Он был там, когда она умерла.

Судя по тому, как изменилось его лицо, это, должно быть, случилось уже давно.

— Как долго?

— Семь месяцев.

Она садится в постели.

— Вы пропустили кучу всего, — говорит он. — Казни. Войны. Коллапс.

Она ощущивает голову.

Волосы ее коротко острижены, впервые за много веков.

— По-моему, классно, — говорит Джером. — Вы похожи на Жанну Д'Арк.

— Боже правый, надеюсь, что нет!

Она помнит Жанну Д'Арк. Именно во время ее войны Женевьевна удостоилась Темного Поцелуя, стала вампиром. Тогда повсюду была кровь.

Она трогает затылок, кончиками пальцев касаясь кожи над пластиной.

— Я не представляю, что сделали доктора Лича, — говорит Джером. — Я еще не успел как следует переварить информацию, что в мире существуют вампиры.

— Прощу прощения, — пожимает она плечами.

— Вы тут ни при чем. Так или иначе, вы воскресли из мертвых. Лич говорит, что это все магия и медицина. Вы и были не вполне живой, поэтому легче было вернуть вас обратно, чем если бы вы были... мм...

— Настоящей живой девушкой?

— Да, совершенно верно. Вас собрали обратно уже месяцы назад, но самым трудным было то, что Лич называет «призвать вас назад». Как бы связаться с вами, чтобы вы вернулись. Он собрал целую команду страшлиш — медиумов, магов, психов, — работавших над этим. А в конце, я думаю, он сделал это сам, дотянулся куда-то и притащил вас обратно. Все это — новые для меня вещи.

— Для меня тоже, — призналась она, снова ощущивая свой череп, скользя кончиками пальцев по волосам.

— Хотите зеркало? Шрамы у вас на голове заживают. А на лице их вообще нет.

— От зеркала мне мало толку. Они меня не видят.

Джером тарашит глаза. Она немножко заражается его изумлением и видит себя его глазами, пугающе крохотную в большой кровати, маленькое хорошенькое личико на яйце головы.

— Я дал кровь, — застенчиво признается он.

— Я знаю, — отвечает она, беря его за руку.

Пока ее не было, многое изменилось. Температура кипения воды равна теперь 78 градусам. Это эффект, популярно называемый казнь огнем. По всему миру общей угрозой стали самопроизвольные возгорания, и за прошедшее лето бесконтрольно выгорела большая часть еще остававшихся лесных массивов и немалое количество поселков и городов.

Из моря вылезли чудовища, точно как в фильмах 1950-х годов, и опустошили крупные приморские города. Это была казнь драконами, хотя чаще ее называли казнью Годзиллы. Были и другие природные катастрофы: наскомы, как и ожидалось, снова начали свирепствовать. Разумеется, учитывая всеобщую взаимосвязь, трудно отделить собственно бедствие от побочных эффектов вроде войн, голода, массового психоза и постмиллениумной паники.

Казнь Вавилонская положила конец электронным средствам коммуникации. Она не прикончила информационный мир, как пророчили теоретики Коллапса, но систематически переставляла элементы в трех из каждых четырех транзакций, порождая убедительные, но поддельные изображения, а также тексты и звуковые эффекты. Многие из таких сбоев просто чепуха, но некоторые бывают очень опасными. Экономические и настоящие войны вспыхивали из-за чистой случайности.

Империя гибнет. А император занят не возведением баррикад, а заботами о ее воскрешении.

Интересно, почему Дерек Лич так заботится о ней.

— Вам известно про запрещенные катрены Нострадамуса?

— Конечно.

— В тысяча девятьсот сорок втором году один из них привел вас к «Семи Звездам».

— Я не видела его. Сыщик видел.

— Мишль имел прискорбную привычку к неясностям.

— Я часто удивлялась, почему он никогда не предсказывал ничего хорошего. Или того, что изменило мир в обычном понимании. Появления Элвиса в «Шоу Эдди Салливана». Открытия пенициллина.

Лич не улыбнулся.

Он принимает ее в своем офисе на вершине Пирамиды. Сквозь темные экранированные окна пожары, пожирающие город, кажутся темно-красными заплатами на ковре. Хлещут черные хвосты гигантских ящеров, занимающихся борьбой сумо посреди горящих развалин.

Ряды экранов тусклы и безжизненны. Это центральный узел глобальной сети информационных потоков, сердце электронного Иггдрасиля, который объединил человечество и подчинил его этому существу в человеческом облике. Теперь это просто комната, забитая ненужным хламом.

Немногие — мать Джерома, например — утверждали, что все разрастающаяся власть Лича над миром низводит людей до уровня винтиков в глобальном механизме, запертых в похожих на тюремные камеры монадах, питающихся инфо-отходами, записных наблюдателей и потребителей.

При Дерекс Личе история превратилась в «мыльную оперу».

Когда Эдвин Уинтроп позволил обратить Камень Семи Звезд против стран Оси и их Древних Повелителей, он сокрушил империи, но запялнул свои руки в крови. Доверие, оказанное ему, было отчасти обмануто, в мире приоткрылась щель, и сквозь эту щель сюда просочился Дерек Лич.

Теперь «Семь Звезд» насылают на Лича казни.

Она должна была бы больше радоваться этому.

Казни пришли слишком поздно, когда Пирамида Лича уже воцарилась над миром. Они волнами ударяются о грани этого сооружения из темного стекла и распространяются по всем уголкам земного шара.

«Это конец», — думает она.

Лич берет со стола книгу. Это единственная книга, какую она видела в Пирамиде. Хотя доступ к электронной

информации скомпрометирован, здесь в основном не дошли до напечатанных или написанных от руки записок. Бумага, температура возгорания которой куда ниже 451 градуса по Фаренгейту у Брэдбери, — это источник опасности.

— Во время последней войны вам был разрешен доступ только к катренам, важным на тот короткий момент. Эдвин Уинтроп многое утаил от вас, но многое осталось скрытым и от него. Его конечная роль во всем этом, к примеру. И ваша.

Он завоевывает ее внимание.

Одним прикосновением он делает стекло прозрачным. Внезапно становятся видны пожары. Даже глаза сражающихся чудовищ теперь горят, будто неоновые рекламы.

Луна в небе кроваво-красная. И не хватает Большой Медведицы.

— Это *неправильно*, — говорит Лич. — Что бы вы ни думали о покинутом вами мире, подобная альтернатива неприемлема.

Она должна согласиться.

— Старый мир, точно такой, как прежде, можно выкупить.

— Вернуть?

— Нет, *выкупить*. Экономика повсюду. Все можно вернуть, согласно Нострадамусу, если семь жизней будут отданы дважды. Семеро мертвых возвратятся на Землю и умрут снова. Вы первая, и благодаря вам будут собраны остальные шесть. Это смерть после смерти.

— Меня это не пугает.

Все спрашивают ее, на что это было похоже. Она не может объяснить.

— Я завидую вам, Женевьева. Вам ведомы вещи, которых я никогда не узнаю. Я должен довольствоваться чем-то другим.

— Значит, когда все закончится, вы будете править в аду?

— Насчет этого Нострадамус, как ни печально, умалчивает.

— Разве это не самый подходящий выход?

— Несомненно.

В самом сердце Пирамиды ее проводят внутрь модели Солнечной системы, одного из знаменитых магических

приспособлений Лича. Шар из взаимосвязанных латунных, медных и стальных неполных сфер, подвешенных наподобие гигантского гироскопа, является схематическим изображением Солнечной системы. Это впечатляющий образчик часового механизма, но у него есть одна тонкость.

Лич предложил украсить процесс ритуалом и заклинаниями. Кровавыми жертвами, если нужно. Но ей предписано войти туда, снова отправиться в ту сферу, откуда он вызвал ее, добраться до своих товарищей. Если они вернутся в этот мир, то будут Семерыми, которые одни — согласно Безумному Мишелю — способны остановить казни, посылаемые «Семью Звездами».

Она не сказала Личу, что, по ее подсчетам, там всего Шесть Самураев. В конце концов, Нострадамус — теперь она сожалела, что не навестила его лично в свои полные жизненных сил сто пятьдесят и не свернула ему шею, — часто бывал прав лишь приблизительно.

В частности, в прорицании говорится, что она одна останется в живых после грядущей дуэли Семи Звезд. Она уже дважды умерла — считая свое превращение из человека в вампира, — и поэтому единственная из их веселой компании уже внесла свою лепту и будет жить дальше, чтобы увидеть, во что превратит мир Лич, и, если она не ошибается, сделать все возможное, чтобы мир этот не стал столь ужасным, каким мог бы быть.

Ее тревожит Седьмой из их Круга. Может ли его или ее отсутствие сделать недействительным весь катрен?

Будь прокляты все туманные предсказания и самодовольные провидцы. Кассандра не получила и половины тех пинков, которых заслуживала.

Она становится Солнцем, занимая место в центре модели Солнечной системы.

— Я постараюсь сиять, — объявляет она.

Лича здесь нет, хотя она знает, что он должен наблюдать за ней откуда-то. Он — существо скрытное, выглядывающее из тьмы, великий домосед. Специалисты магии, скульптурные молодые женщины, представляющиеся ей прислужни-

цами-демонами, берутся за рычаги. И Джером, еще один лишний элемент в этой лязгающей магической машине. Если все это и делается ради кого-то, то ради него. В знак почтения к его матушке.

Она захлопывает крышку.

Машина вращается.

Ее пятеро товарищей ждут ее. Им ее не хватало. Она — путь. Благодаря ей они могут перемещаться. Новые ощущения. Обрывки потерянных жизней. Что-то ей знакомо, что-то неизвестно. Как один, они исчезают в реальности.

Модель Солнечной системы завершает свой цикл.

Она выходит из хитроумной штуки, в мозгу теснятся остатки воспоминаний. Ощущения более острые, чем случайная, как правило, мысленная связь с теми из живых, у кого она брала кровь. Как если бы у нее с незнакомцами была одна голова на всех.

— Она одна, — говорит женщина. — Это конец. Мы проиграли.

— Нет, — возражает Джером. — Еще нет.

Джером помогает ей подняться. Он смотрит ей в глаза.

Теперь наконец Круг замыкается.

Красная жажда накрывает ее, словно яростная волна. Ее клыки торчат, будто костяные ножи. Чужаки у нее в голове подливают масла в огонь.

— Лич сказал, что кровавая жертва завершит Круг, — шепчет Джером, с треском разрывая на себе ворот. — Бери меня.

Ее инстинкты, хищные, как у ящера, сметают все наложенные цивилизацией ограничения. В таком состоянии у нее нет совести, нет личности, нет сомнений. Есть только красная жажда. Она — кровавая наркоманка, худшая из всех разновидностей вампиров.

Ее челюсти мгновенно смыкаются на горле Джерома. Она вгрызается в его яремную вену, разрывая кожу и мясо, и сосет хлынувшую потоком кровь.

Она чувствует под своей рукой удары его сердца.

Его кровь вливается в нее, а с нею и многое другое. Его разум тоже целиком растворится в ней, тесня разумы остальных. Ключья жилистого мяса застревают у нее в горле. Она сглатывает их и сосет дальше.

Это Женестьева-Чудовище.

Она отчаянно сосет, до тех пор пока сердце его не затихает, а ее живот не раздувается от крови.

Она не может проглотить всего, что взяла у него. Рот ее полон, щеки раздуты.

Такое уже случалось прежде, трижды за шесть сотен лет. Это самая постыдная из ее тайн, невольные жертвы, принесенные ею, чтобы обеспечить свое дальнейшее существование. Она говорит себе, что когда тебя охватывает красная жажда, противиться ей невозможно, но это все слова. В глубине души она убеждена, что может приказать себе не убивать. Но, имея возможность выбора, не делает этого. Она позволяет ящеру в себе взять верх.

Не важно, добровольно принес себя в жертву Джером или нет, она снова совершила грех. Утратила частицу себя. Слишком поздно дарить ему Темный Поцелуй, возвращать его к жизни в облике вампира. Он всего лишь мертвое, досуха высосанное мясо.

Демоны-прислужницы повергнуты в ужас, они жмутся в сторонке, боясь, что она набросится на них. Чужаки в ее черепе, отведавшие крови, набирают силу. Они разговаривают с ней, как те голоса, что донимали Жанну Д'Арк.

— Скоро, скоро, скоро, — шепчут они.

Четверо мужчин, одна женщина.

Нет. Пятеро мужчин, одна женщина.

Они — Семеро. Как было предсказано.

Она отяжелела, готова лопнуть, живот ее раздулся, шея растянулась, как у змеи.

Вкус крови на языке приводит ее в экстаз.

У ее ног лежат одежды Джерома. Он исчез из них. Лишившись крови и души, плоть растворилась без следа. Всем своим существом он теперь в ней.

— *Пора!* — кричат они в один голос.

Она открывает рот, и облако красной жидкости извергается из нее, пролившись дождем.

Шесть фигур возникают в облаке кровавой эктоплазмы. Первая — тощий смуглый мужчина с зияющей в груди раной. На нем древние одежды и головной убор древнеегипетского царедворца. Это, понимает Женестьева, Пай-нет'ем, хранивший Камень Семи Звезд на протяжении трех тысяч лет.

Потом появляется красивый мужчина, весь в черном. Костюм его по покрою — елизаветинских времен, но остроконечные усики — в стиле 1920-х годов. В одной руке у него пластмассовый череп, в другой — рашира.

— Век распахнулся, — провозглашает Джон Бэрримор. — И скверней всего, что я рожден восстановить его!

Следующий — Эдвин.

Он предстает таким, каким был задолго до того, как она познакомилась с ним, в грязной офицерской форме, молодой и измученный, в ушах звенит от артобстрелов.

— Я погиб, — говорит он. — В окопах. Все остальное происходило только в моем мозгу. Нет. Женестьева. Вы были частью его. Мира после войны.

Она берет его за руку, чувствует, как он успокаивается.

— Там были тени, похожие на людей, — говорит он.

Теперь к ним присоединяется женщина. Морин Маунтмейн, такая же полная жизни, как тогда, когда поила Женестьеву своей кровью. Она не так растеряна, остальные.

— Это конец, — говорит она. — Мимси надо остановить.

Появляется молодой человек, которого Женестьева не знает. На нем велосипедные шорты и мешковатая тенниска. Разгар 1990-х годов. У него подбриты виски.

— Кто вы? — спрашивает она.

— Курьер, дорогуша.

Он открывает заплечную сумку и ищет в ней пакет.

Последний из семи — доктор Тень, мститель из комиксов. Он возникает из остатков красного тумана, за ним тянется плащ. Лицо его скрыто под хирургической маской и мотоциклетными очками.

Вымышленный персонаж?

— Вот это натиск, — говорит доктор Тень. — Женевьева, вы меня укусили. В самом деле, укусили.

Это Джером. Он стягивает маску и проводит языком по зубам.

— Но я не вампир, — говорит он. — А что я такое?

— Вы похожи на доктора Тень, — говорит она.

— В этом есть смысл.

— Я рада, что хоть для кого-то он есть.

Смерть сделала Джерома беспечнее. Он больше не тот серьезный информационный аналитик, которого она помнит. Внутренне он перенял какие-то черты героя бульварных журналов, чей костюм теперь на нем.

— Мы последние надежда старого мира, — говорит Пай-нет'ем, не вслух, но в их головах. — Мы должны остановить казни и уничтожить камень.

Велорассыльный, кажется, особенно потрясен.

Мозг Джерома лихорадочно работает, увлекая за собой Женевьеву, помнящую о кровной связи между ними.

— Я знаю, кто ты, — обращается Джером к рассыльному.

— Я Коннор, — отвечает велосипедист.

— Ты мой отец, — говорит Джером. — Ты умер.

— Мы все умерли, — замечает Эдвин.

— И все мы умрем снова, — говорит Пай-нет'ем. — Наша жертва исцелит мир. Фараон сможет править снова, справедливо.

Пай-нет'ему следовало бы побольше узнать про Дерека Лича.

— Почему мы? — спрашивает Джером. — Почему мы семеро?

— Потому что все мы в ответе за это, — отвечает Морин. — Мы были связаны с ним, а он был связан с нами. Мы умерли, и «Семь Звезд» сумели возродиться в теле моей дочери. Некоторые из нас были уничтожены задолго до того, как умерли наши тела.

Бэрримор понимающе кивает.

— И теперь мы собираемся умереть снова? — вопрошает Коннор. — Нет, благодарю покорно. Я не отдавал жизни ради спасения мира. Меня сбил чертов фуругоп.

— Отец! — Джером возмущен. Он старше, чем был его отец.

— Вы жили в нем, — говорит Женевьева.

— Великое дело! Он тоже помер, верно? Что за фигня! Я не собирался всю жизнь раскатывать на велосипеде. Я был молодой. Я мог бы достичь успеха. Я строил планы.

— Простите, Кошпор, — начинает Эдвин. — Мало кто из нас оказался здесь по своему выбору. Все мы противились тому, чтобы стать участниками этого Круга. Мы не добровольцы. Кроме первого из нас.

Он смотрит на Пай-нет'ема, помощника фараона.

— И последнего, — добавляет Женевьева, вспомнив, как Джером обнажил горло.

— И кто же вы все такие? — спрашивает Кошпор.

— Мы паранормальные детективы, отец, — говорит Джером, как никогда похожий на доктора Тень. — Мы Три мушкетера и Четверо Настоящих Мужчин, Семь самураев и Семеро грешников. Мы мстители в масках и духи справедливости, заступники за невинных и незащитных. Мы последняя надежда человечества. Существуют еще тайны, которые нужно раскрыть, зло, которое нужно исправить, чудовища, которых нужно победить. А теперь — идешь ли ты с нами? К смерти и славе ради любви и жизни?

Бэрримор, кажется, жалеет, что не он произнес эту речь.

Морин хочется заняться любовью с этим человеком в маске, *сейчас же!*

Эдвин преисполнен тихой гордости. Джером Роудс был бы подходящим кадром для клуба «Диоген».

— Если ты ставишь вопрос так, *Сын*, — говорит Кошпор, — считай и меня тоже.

Семеро в сборе.

Полностью.

Она чувствует, как их силы возрастают.

Они стоят рядом, собравшись в кружок. Они берутся за руки, и сила каждого передается всем.

— Простите за вторжение в столь воодушевляющий миг, — говорит по громкой связи Лич, — но у нас график.

Лич предоставил им пересоборудованный для быстрых перелетов глиссер. Джером узнает его очертания и понимает, что это помесь «роллс-ройса», «Призрачной акулы»,

со штурмовым вертолетом и челночным космическим кораблем. Оно отполированное, черное и невидимое для радаров.

Женевьеве кажется, что Личу должно быть немножко грустно расставаться с ним. Это замечательная игрушка.

Джером, разумеется, знает, как управлять «Призрачной акулой».

Их маршрут уже введен в полетный лист. Она могла бы догадаться, где он должен будет закончиться. Там же, где все началось.

Египет.

Она поднимается на борт последней.

Лич здесь, чтобы проститься с ними. Она знает, что он хотел бы быть одним из них.

Другие, возможно, и стали бы торговаться с ним, если бы смогли. От нее они знают, что Нострадамус провидел для них. Чтобы достичь цели, им придется умереть. Снова.

— Увидимся, когда все закончится, — говорит Лич.

— Если Мишель не пошутил.

Она забирается в «Призрачную акулу».

Континентальная Европа в пятнах пожаров. С Уральских гор взлетают ракеты. Джером легко уходит от них. Появляются какие-то крылатые существа, гнездящиеся среди облаков. Их глиссер маневрирует.

Семерым не пужно больше разговаривать.

Женевьева, привыкшая соприкасаться с разумами тех, ксму она питалась, эмоционально потрясена тем, насколько происходящее теперь сложнее, насколько жизненнее.

В первый раз она жива и чувствует это. Будет трагедией остаться потом одной. Ее вечно будет мучить утрата этого товарищества, этой ясности, этой любви.

Она чувствует, как связи крепнут. Между Коннором и Джеромом — связь кровного родства. Она привязана к Морриш и Джерому, они оба давали ей жизнь. Пай-пет'ем, и Барримор, и Уинтрон в полной мере вписались в круг. Их схожесть — это связь. Их отличия — это завершенность.

Они впитывают ее воспоминания из тех многих жизней, которые она испробовала. Она впускает в себя древнюю

историю Пай-нст'ема и блестящий талант Бэрримора. Она знает про их любовь: раздражающую и пожизненную преданность Эдвина Катрионе, жаркую вспышку отчаянного влечения Мориш к Джеперсону, расчетливую, но искреннюю привязанность Коннора к Салли.

В свое время все Семеро вращались вокруг Камня Семи Звезд, подбираясь к крошечному созвездию. Теперь, все вместе, они поняли, что это за игрушка, ощутили груз красной злобы, заброшенной на Землю, и узнали, в чем его уязвимость.

Приближаясь к Нилу, они все острее чувствуют, как пульсирует что-то там, где кончается их маршрут. Они на крючке, и рыбак уже выбирает леску.

Если бы она могла остановить время, то выбрала бы именно этот момент.

Перед самопожертвованием.

Над пенящимися водами Нила припала к земле рубиновая пирамида, в которой пылает «Семь Звезд».

Сначала Жсневьева решает, что это камень увеличился до гигантских размеров, заставив Сфинкса и древние пирамиды казаться совсем карликовыми, но это всего лишь ее воображение.

Камень внутри пирамиды.

По берегам великой реки собрались толпы. За прошедшие месяцы возникли культы поклонения «Семи Звездам», или же они вырпнули из исторического забвения, провозгласив себя Прислужниками казней. К Красной Пирамиде несут дары.

Время от времени смерть косит кого-то из толпы. Это лишь побуждает все новых людей присоединиться к ней, и тесниться, молясь, и голодать, и сторать, и гнить заживо. Жрецы в парадных одеяниях ритуально бросаются в кипящую реку.

Успев умереть уже дважды и начиная представлять, что следует за этим, Жсневьева понимает наконец, что Камень Семи Звезд — это не магический предмет. Он лишь бьет наугад, жестоко и бесцельно.

Он ничего не создает.

Пай-нет'ем, лежащий с камнем внутри, годами слушающий его шепот, похожий на шорох насекомого, думает, что это механизм. Барримор, исторгнувший из себя свой талант под влиянием камня, полагает, что это злой демон. Морин все еще верит, что это орудие Старших Богов, которым ее дядя богохульственно посвятили свои жизни. Для Эдвина это загадка, которую нужно разгадать и забыть. Для Коннора — несправедливая смерть, укравшая у него будущее. Для Джерома — это вся неверная информация, весь мусор, вся ложь, весь негатив, вся мертвая техника.

А для нее?

Это ее враг. И ее спасение.

Теперь она знает, почему первое проклятие — казнь собаками — было направлено против нее. Должно быть, Мимси сумела добраться до запрещенных катренов, вероятно, когда завладела помещениями и архивами клуба «Диоген». У Мимси Маунтмейн хватало человеческого ума, чтобы понять, что вампирша, оставившая свой след в ее крови, была средоточием Круга Семи, единственной силы, способной уничтожить волшебный камень.

«Все равно она моя дочь», — думает Морин.

Женевьса заражена любовью к девочке из Красной Пирамиды. Девочке, которая так похожа на нее, такую, какой она была до Темного Поцелуя, у которой тоже были украдены жизнь, любовь и весь мир — Камнем Семи Звезд.

Мимси должна умереть тоже.

«Призрачная акула» приземляется возле Красной Пирамиды, на полоске оплавленного песка, превратившегося в стекло. Внутри этого стекла видны трупы, уставившиеся в красное небо.

Они выходят из глассера и смотрят на Красную Пирамиду. Сияет «Семь Звезд», зашертый внутри.

Женевьева чувствует, как что-то вторгается в ее мозг, как тогда, когда звук, сводивший с ума собак, убивал ее. Стальная пластина у нее в черепе раскаляется.

Пай-нет'ем изгоняет звук из ее разума.

Она стоит, Морин поддерживает ее. Ее разум чист и бодр.

Вместе они сильны.

Бэрримор и Пай-нет'ем открывают портал в боковой грани Пирамиды, протянув к ней руки и повелев двери открыться. Над дверью Бэрримор создает маски Трагедии и Комедии, к которым Пай-нет'ем добавляет тела Сфинксов.

Бэрримор отвешивает театральный поклон.

Похожий на плоть ус вылетает из портала и хлещет актера. Его плоть взрывается, рвет в клочья камзол и лосины. На его по-прежнему усатом лице удивление. Он падает. Его голос затихает у них в мозгу.

Укол боли. Потеря опустошает.

Пай-нет'ем вцепляется в ус обеими руками и с силой дергает, выкручивая его. Он отрывает его, и руки его начинают сереть и сморщиваться. Лицо его усыхает, как у мумии, и он умирает снова, рассыпается, обращаясь в прах и тлен.

Круг стойко перенес первую потерю, но эта ошломляет его. Лишь Джером находит в себе достаточно силы, чтобы поддержать остальных.

Они все должны умереть. Она знала это. Но эти первые смерти все же оказываются слишком тяжелым ударом.

Ее сердце обращается в камень.

Эдвин берет лидерство на себя и переступает через все еще извивающийся ус. Она следует за ним, и другие идут за ней.

Кошпору, она знает, хочется повернуться и удрать, убрать-ся подальше от Пирамиды, остаться жить здесь, в этом мире, иметь все то, чего он лишился. Лишь его связь с Джеромом, которой он не осознает, удерживает его на этом пути. Возможно, ему кажется, что все это некая предсмертная фантазия, каковой казалась Эдвину вся его жизнь после 1917 года, и что все это не важно.

Туннель ведет напрямиком к сердцу Красной Пирамиды.

Статуи смотрят на них свысока. Лица, которые что-то выражают. Голоса, которые молят и угрожают.

Для Эдвина это прежде всего Катриона. И еще Деклан и Беннет Маунтмейны, Чарльз Борегад и Майкрофт Холмс.

Для Морин это Мимси, Ричард, Лич.

Для Коннора — агенты и продюсеры, которые могли бы открыть для него новую жизнь. Предложения контрактов, подписанные чеки, «зеленая улица» любым проектам.

Для Джерома это мать, Нил, сестра Шанталь, Роджер Дюрок.

Для нас это Трое.

Позабывшие жизни, отнятые в красном безумии. Давид ле Галуа, Сергей Бухарин, Анни Маррипер.

И Джером. Уже не Трое, Четверо.

Ее мертвые вызывают к ней, льстят, обещают, оскорбляют, мучают.

Есть и другие, несметное множество изошедших кровью, разорванных и съеденных. Они докучают ей, словно мошкара. Ее бранит Шанданьяк, менестрель, который обратил ее в вампира и был убит, хотя она могла спасти его. И все те, кого она знала и обрекла на смерть, не дав им Темного Поцелуя, все, кому она позволила состариться и умереть, не поддержав их своей кровью.

Она всего лишь себялюбивый паразит. Она не должна продолжать эту игру в героизм.

Миру пришел конец, и ей с ним заодно.

Джером спасает ее на этот раз. У него, умершего совсем недавно, меньше было времени, чтобы размышлять, чтобы привыкнуть, слабее ощущение, что дело осталось незавершенным. Благодаря чертам доктора Тени, которые он подобрал в себя, он первым справляется со своими искушениями и может прийти ей на помощь.

Он не обвиняет ее. Он благодарен ей.

В результате этого приключения он познакомился наконец со своим отцом, понял свою мать, выбрался из своей мошады и стал частью чего-то большего, нежели он сам. Наконец, он обнаружил, что реальный мир для него столь же жизненно важен, как и инфо-мир.

Она выкарабкивается по шти его любви. Она оставляет своих мертвых позади.

Голоса смолкают, но это далось дорогой ценой. Коннор опустошен, и слаб, и стар. Эдвин изражен пулями, отравлен

ядовитым газом, измазан грязью Фландрии. Они не убиты, но дальше идти не могут.

— Идите, за нас и за себя самих, — говорит Эдвин.

Джером встает между ней и Морин. Он берет их за руки и ведет к центру Красной Пирамиды. Последняя дверь открывается.

Камень Семи Звезд носит Мимси Маунтмейн. Женевьеве кажется, впервые за шестьсот лет, будто она смотрит-ся в разбитое зеркало. У Мимси по-прежнему длинные волосы, и ее лицо — совершенное творение, будто драгоцен-ный камень, все из крохотных граней красного огня.

Именно отсюда появляются казни.

— Мимси, — вскрикивает Морин.

Женщина-Камень оборачивается, ее похожие на крас-ные экраны глаза замечают их.

Джером вскидывает газовый пистолет доктора Тени и стреляет в Женщину-Камень. Его пулька ударяется о ма-ску из драгоценного камня на ее лице.

Когда-то это была девочка. Ее маленькие желания и разочарования, взлелеянные камнем, поддерживал «Семь Звезд», заряжал их энергией, как батарею, коварно поро-ждая самые разные исходящие от него казни. Теперь та де-вочка умерла, сделалась подстрочным примечанием. Перед ними чужак. Женевьева не до конца понимала, существо это или механизм, бог или дьявол. Если у него и были мысли, то недоступные ее пониманию. Если и были чувст-ва, то неземные.

Морин пытается ласкать камень, заискивать перед ним, пробудить свою дочь.

Если бы он залетел в другой мир, к другим существам, был бы он сам иным? Человечество ли использовало этот дар, чтобы выпустить на волю казни? В первый раз, когда фараон уставился в его глубины и возжелал распростра-нить свою власть на весь известный мир, это было случай-ностью, но человеческий характер выпустил на волю то, что было каким-то образом заслуженно.

А теперь — может ли Мимси реально быть ответст-венной за это? Для нее все было так же предопределено,

и она так же была лишена выбора, как и любой другой. Нострадамус видел и неизменность ее пути тоже. Людитени, забравшие Эдвина, в других формах накапливались здесь, в этой Красной Пирамиде. Мимси уже была окутана тьмой.

Морин обнимает Мимси. Женщина-Камень истончается.

— Все хорошо, дорогая, — говорит Морин. — Пусть все закончится.

Лицо Мимси, мягкое и смущенное, ясно. Каменная корка исчезла. Джером стреляет ей в голову.

Женсвьева чувствует, как пуля пробивает ее собственный мозг.

В глазах вспыхивает осознание предательства, Мимси падает, Камень Семи Звезд выкатывается из ее груди. Годы, остановленные магией, накатывают, как волна, и Мимси стареет и умирает в считанные секунды. Она становится трупом прежде, чем успевает рассеяться дымок от газового пистолета доктора Тени.

Морин всхлипывает. Женсвьева крепко обнимает ее, влекомая их кровной связью. Обе они ранены в самое сердце смертью девушки, которая произошла от них обеих.

Камень еще жив. Он был в Морин, когда была зачата Мимси, когда Женсвьева отведала ее крови. Это сердце мертвой девочки. «Семь Звезд» пульсирует в нем, словно капли пылающей крови.

Красная Пирамида содрогается. Водопадами струится алая пыль.

Джером подбирает Камень Семи Звезд. Огни звезд отражаются в его глазах. Через Джерома Женсвьева чувствует притяжение камня. Это источник великой силы. Если они завладеют им, может быть, его можно будет перестроить. На добро. Мир нельзя оставлять Личу.

Джером мог бы *стать* доктором Тенью, а не просто рядиться в его одежды.

Нет, говорит Пай-нет'ем. Он по-прежнему часть их, во всяком случае, вторая смерть освободила его. Пока нет. Возможно, никогда. Камень сейчас слаб, как никогда, он истощил свои казни, он лишился своего «хозяина», его влияние слишком затянулось. С ним можно покончить. Сейчас.

Морин в объятиях Жепевьевы мертва. Она опускает женщину на пол, отводит белые волосы с ее красивого лица. Морин старалась, как могла, уйти от прошлого своего рода, отыскать в своем наследии что-нибудь достойное. Из них она любила больше всех.

Вокруг ночь. Пирамида тает, превращаясь в сооружение из тонких меркнущих линий. Каменепоклонники голосят, осознав свою утрату.

Джером зажимает камень в кулаке и сильно сдавливаяет. Красное зарево укрыто под его черной кожаной перчаткой.

Она слышит первый хруст. Джером давит сильнее.

— Отойди подальше, Жени, — говорит он. — Когда эта штука умрет, я умру вместе с ней. Не забудь, я должен умереть снова. Ты должна жить вечно. Скажи маме, что Коннор был славным парнем...

Другие меркнут в ее сознании. Одиночество стучится вокруг, словно тень.

Как будет жить человечество без «Семи Звезд»?

Что остается ей?

— Уходи, Жени. Беги!

— Нет, — говорит она. — Это нечестно.

Она забирает у него камень. Она намного сильнее его. У вампиров железная хватка.

— В прошлый раз ты умер ради меня, — говорит она, целуя его. — Теперь моя очередь. Передай Салли свои слова сам. И присматривай за миром. Постарайся не дать Дереку Личу вернуть себе слишком многое из того, что он имел. И выходи иногда поиграть на свежем воздухе.

Она оставляет его, быстрее, чем он успевает отреагировать, устремляясь со стремительностью вампира сквозь прозрачные развалины. Она бежит в пустыню настолько быстро, что буквально скользит над мягкими песками. Она сжимает Камень Семи Звезд, и он вопит в ее мозгу. Ошибки громоздятся одна на другую, бушует звездный огонь.

Еще не поздно согласиться.

Она могла бы *использовать* волшебный камень.

Другие голоса придают ей силы.

Как всегда, у Нострадамуса есть лазейка. Если она умрет в третий раз, обязательство с Джерома будет снято.

Она уже вдалеке от Нила, вдалеке от воды, затеряна среди однообразных песков. Это место не менялось со времен ее рождения. Со времен основания континентов.

Она падает на колени и смотрит в небо. Она видит Большую Медведицу, мерцающую в ночи. Та снова на месте. Казни окончились. Мир приведен в порядок.

И он теперь сам по себе.

Давид, Сергей, Анни, Джером.

Она заслужила это.

Но наконец-то она получит прощение.

Она сдавливая камень, превращая его в красный песок. Семь огней вспыхивают шаровыми молниями, и она стора-ет от любви.

Каждый получает свое.

Пай-нет'ем обласкан старым фараоном, великим и мудрым правителем.

Эдвин в первый раз видит улыбку Катрионы.

Джон Бэрримор купается в аплодисментах.

Морин Маунтмейн баюкает Мимси на своей груди и познает истинную любовь.

Коннора повсюду ждет «зеленая улица».

Она в Британском музее, улавливает отблеск своего отражения в глазах мужчины, размышляя, что бы это значило.

Джером свободен от пих, он отправляется в невсedomое будущее. Нить, соединяющая его с ними, натягивается, потом рвется.

Песок заносит ее кости, хороня их вместе с красной россыпью, оставшейся от камня. Семь Звезд уходят с небес, и над пустыней встает солнце.

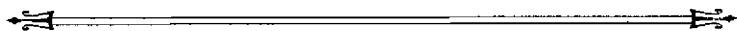

О редакторе

Стивен Джонс частенько навещает паб «Шерлок Холмс» в лондонском Уэст-Энде. Он обладатель двух Всемирных премий фэнтези (World Fantasy Awards), трех премий Брэма Стокера, вручаемых «Ассоциацией авторов романов ужасов» (Horror Writers Association Bram Stoker Awards), и двух премий Международной гильдии авторов хоррора (International Horror Guild Awards), а также двенадцать раз получал Британскую премию фэнтези (The British Fantasy Award) и номинировался на премию «Хьюго» (Hugo Award). Штатный корреспондент, телевизионный режиссер-постановщик, обозреватель и консультант по вопросам жанрового кино¹. Джонс одновременно является соредактором антологий «Ужасы: 100 лучших книг» (Horror: 100 Best Books), «Лучшие ужасы из фантастических историй» (The Best Horror from Fantasy Tales), «Газовые фонари и призраки» (Gaslights & Ghosts), «Теперь мы слабы» (Now We Are Sick), «Книга ужасов Г. Ф. Лавкрафта» (H. P. Lovecraft's Book of Horror), «Антология фэнтези и сверхъестественного» (The Anthology of Fantasy and the Supernatural), «Таинственный город: Странные истории о Лондоне» (Secret City: Strange Tales of London) и серий «Ужасы. Лучшее за год» (Best New Horror), «Мрачные ужасы» (Dark Terrors), «Темные голоса» (Dark Voices), «Фантастические истории» (Fantasy Tales). Он написал «Путеводитель по важнейшим фильмам про монстров» (The Essential Monster Movie Guide), «Иллюстрированный путеводитель по фильмам про вампиров» (The Illustrated Vampire Movie Guide), «Иллюстрированный путеводитель по фильмам про

¹ Первые три фильма про «Восставшего из ада» (Hellraiser), «Ночная жизнь» (Night Life), «Племя тьмы» (Nightbreed), «Считанные секунды» (Split Second), «Потрошитель разума» (Mind Ripper), «Последний вздох» (Last Gasp) и т. д.

динозавров» (The Illustrated Dinosaur Movie Guide), «Иллюстрированный путеводитель по фильмам про Франкенштейна» (The Illustrated Frankenstein Movie Guide) и «Иллюстрированный путеводитель по фильмам про оборотней» (The Illustrated Werewolf Movie Guide) и составил антологию «Ужасы» (The Mammoth Book of Terror), антологию «Вампиры» (The Mammoth Book of Vampires), антологию «Зомби» (The Mammoth Book of Zombie), антологию «Оборотни» (The Mammoth Book of Werewolves), антологию «Франкенштейн» (The Mammoth Book of Frankenstein), антологию «Дракула» (The Mammoth Book of Dracula), сборники «Тени над Иннсмутом» (Shadows Over Innsmouth), «Танцующие во мраке» (Dancing With the Dark), «Ночная тьма» (Dark of the Night), «Серебристая Луна» (White of the Moon), «Экзорцизмы и экстазы» (Exorcisms and Ecstasies) по Карлу Эдварду Вагнеру, «Вампирские истории Р. Четвинда-Хейса» (The Vampire Stories of R. Chetwynd-Hayes), «Джеймс Герберт: Одержимые ужасом» (James Herbert: By Horror Haunted), «Клайв Баркер: хроники племени тьмы» (Clive Barker's The Nightbreed Chronicles) и «Клайв Баркер: хроники восставшего из ада» (Clive Barker's The Hellraiser Chronicles).

"Introduction: The Serial Sleuths" copyright © 1999 by Stephen Jones.

"Seven Stars Prologue: In Egypt's Land" copyright © 1999 by Kim Newman.

"Our Lady of Death" copyright © 1999 by Peter Tremayne.

"Seven Stars Episode One: The Mummy's Heart" copyright © 1999 by Kim Newman.

"The Horse of the Invisible" by William Hope Hodgson. Originally published in *Camacki, The Ghost-Finder* (1913).

"Seven Stars Episode Two: The Magician and the Matinee Idol" copyright © 1999 by Kim Newman.

"The Adventure of the Crawling Horror" copyright © 1979, 1999 by Basil Copper. Originally published in slightly different form in *The Secret Files of Solar Pons*. Reprinted by permission of the author.

"Seven Stars Episode Three: The Trouble With Barrymore" copyright © 1999 by Kim Newman.

"Rouse Him Not" copyright © 1982 by Manly Wade Wellman. Originally published in *Kadath* Vol. 2, No. 1, July 1982. Reprinted by permission of the author's estate.

"De Marigny's Clock" copyright © 1971 by Brian Lumley. Originally published in *The Caller of the Black*. Reprinted by permission of the author and the author's agent.

"Seven Stars Episode Four: The Biafran Bank Manager" copyright © 1999 by Kim Newman.

"Someone is Dead" copyright © 1974 by R. Chetwynd-Hayes. Originally published in *The Elemental*. Reprinted by permission of the author and the author's agent.

"Vultures Gather" copyright © 1999 by Brian Mooney.

"Lost Souls" copyright © 1986 by Clive Barker. Originally published in *Time Out* No. 800, December 19, 1985 — January 1, 1986. Reprinted by permission of the author.

"Seven Stars Episode Five: Mimsy" copyright © 1999 by Kim Newman.

"The Man Who Shot the Man Who Shot *The Man Who Shot Liberty Valence*" copyright © 1999 by Jay Russell.

"Seven Stars Episode Six: The Dog Story" copyright © 1999 by Kim Newman.

"Bay Wolf" copyright © 1998 by Neil Gaiman. Originally published in *Smoke and Mirrors: Short Fictions and Illusions*. Reprinted by permission of the author.

"Seven Stars Episode Seven: The Duel of Seven Stars" copyright © 1999 by Kim Newman.

Содержание

Пролог	
Серийные сыщики	
<i>Пер. Е. Ластовцевой</i>	5
Ким Ньюман	
СЕМЬ ЗВЕЗД. ПРОЛОГ. В ЗЕМЛЕ ЕГИПЕТСКОЙ	
<i>Пер. Е. Ластовцевой</i>	20
Питер Тримейн	
НАША ЛЕДИ СМЕРТЬ	
<i>Пер. И. Рукавой</i>	26
Ким Ньюман	
СЕМЬ ЗВЕЗД. ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ. СЕРДЦЕ МУМИИ	
<i>Пер. Е. Ластовцевой</i>	52
Уильям Хоуп Ходжсон	
ПРИЗРАК ЛОШАДИ	
<i>Пер. О. Полухиной</i>	90
Ким Ньюман	
СЕМЬ ЗВЕЗД. ЭПИЗОД ВТОРОЙ. МАГ И ЛЮБИМЕЦ	
ПУБЛИКИ	
<i>Пер. Е. Ластовцевой</i>	119
Бэзил Коппер	
КОШМАР ГРИМСТОУНСКИХ БОЛОТ	
<i>Пер. О. Александровой</i>	140
Ким Ньюман	
СЕМЬ ЗВЕЗД. ЭПИЗОД ТРЕТИЙ. ХЛОПОТЫ С БЭРРИМОРОМ	
<i>Пер. Е. Ластовцевой</i>	223
Мэнли Уэйд Беллман	
НЕ БУДИ ЛИХА...	
<i>Пер. О. Александровой</i>	255

Брайан Ламли ЧАСЫ ДЕ МАРИНЬИ <i>Пер. О. Александровой</i>	268
Ким Ньюман СЕМЬ ЗВЕЗД. ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ. БАНКИР ИЗ БИАФРЫ <i>Пер. Е. Ластовцевой</i>	284
Рональд Чствинд-Хейс КТО-ТО МЕРТВЫЙ <i>Пер. О. Александровой</i>	307
Брайан Мунн СТЕРВЯТНИКИ <i>Пер. И. Русаковой</i>	350
Клайв Баркер ПОТЕРЯННЫЕ ДУШИ <i>Пер. О. Александровой</i>	397
Ким Ньюман СЕМЬ ЗВЕЗД. ЭПИЗОД ПЯТЫЙ. МИМСИ <i>Пер. Е. Ластовцевой</i>	411
Джей Рассел ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗАСТРЕЛИЛ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ СНИМАЛ «ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ЗАСТРЕЛИЛ ЛИБЕРТИ ВЭЛЭНСА» <i>Пер. И. Русаковой</i>	439
Ким Ньюман СЕМЬ ЗВЕЗД. ЭПИЗОД ШЕСТОЙ. СОБАЧЬЯ ИСТОРИЯ <i>Пер. Е. Ластовцевой</i>	451
Нил Гейман БИО-ВОЛЬФ <i>Пер. В. Полищук</i>	477
Ким Ньюман СЕМЬ ЗВЕЗД. ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ. ДУЭЛЬ СЕМИ ЗВЕЗД <i>Пер. Е. Ластовцевой</i>	485
О редакторе	507

Литературно-художественное издание

МИСТИКА

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственная за выпуск Светлана Белова
Редакторы Ольга Рейнгерц, Инна Сергиенко
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Татьяна Никонова, Станислава Кученатова
Верстка Степана Долбнина

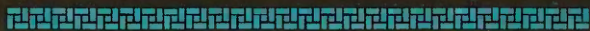
Подписано в печать 08.12.2009. Формат издания $84 \times 108 \frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».
Усл. печ. л. 26,88. Тираж 7000 экз. Заказ № 20417.

Издательская Группа «Азбука-классика»
191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6П.
www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии СLP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

1FLU3208C1R

Новая антология — это поистине потрясающая коллекция произведений детективного жанра, главными героями которых стали одни из величайших литературных сыщиков, когда-либо сталкивающихся со сверхъестественным в своем практическом опыте.

Томас Карнаки Уильяма Хоупа Ходжсона, Джон Танстоун Мэнли Уэйда Веллмана, Солар Понс Бэзила Коппера — все они противостоят силам Тьмы; все они вторгаются в запретные области человеческой психики, исследуют паранормальные явления, пытаются постичь природу Зла, чтобы освободить мир от всего, что наводит ужас.

Настоящим шедевром антологии стала повесть Кима Ньюмана, написанная специально для этого издания и впервые выходящая на русском языке.

ISBN 978-5-9985-0770-0

01

9

785998 507700

